

Человеческий вид

А. де Кватрефаж

THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC SERIES.

THE

HUMAN SPECIES.

BY

A. DE QUATREFAGES,

PROFESSOR OF ANTHROPOLOGY IN THE MUSEUM OF NATURAL HISTORY, PARIS.

The Project Gutenberg eBook of The human species.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Человеческий род

Автор: А. де Кватрефаж

Дата выхода: 19 июня 2023 [eBook #70999]

Язык: Английский

Оригинальное издание: United States: D. Appleton and company, 1879

Авторские права: deaurider, Джон Кэмпбелл и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВИД ***

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА

Новая оригинальная обложка, прилагаемая к этой электронной книге, является общественным достоянием.

Некоторые незначительные изменения в тексте отмечены [в конце книги](#). Они обозначены пунктирным синим подчеркиванием.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕРИЯ.

ТОМ XXVII.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕРИЯ.

УЖЕ ГОТОВО. В тканевом переплете формата 12mo.

- I. Формы воды в облаках, дождях, реках, льдах и ледниках. Профессор Джон Тиндалл. \$1.50.
- II. ФИЗИКА И ПОЛИТИКА; или Размышления о применении принципов "естественного отбора" и "наследственности" к политическому обществу. By Walter Bagehot. \$1.50.
- III. ПИТАНИЕ. Эдвард Смит, доктор медицины, доктор права, доктор философии. B., F. R. S. \$1.75.
- IV. МЫШЛЕНИЕ И ТЕЛО. Автор Александр Бейн, LL. D. \$1.50.
- V. ИЗУЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ. Герберт Спенсер. \$1.50.

- VI. НОВАЯ ХИМИЯ. Профессор Джозайя П. Кук-младший из Гарвардского университета. \$2.00.
- VII. СОХРАНЕНИЕ ЭНЕРГИИ. Профессор Бальфур Стюарт, LL. D., F. R. S. \$1.50.
- VIII. ANIMAL LOCOMOTION; or, Walking, Swimming, and Flying, with a Dissertation on Aeronautics. J. B. Pettigrew, M. D. Illustrated. \$1.75.
- IX. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ. Г. Модсли, доктор медицины. \$1,50.
- X. НАУКА ПРАВА. Профессор Шелдон Амос. \$1.75.
- XI. МЕХАНИЗМ ЖИВОТНЫХ. Трактат о наземной и воздушной локомоции. Автор Э. Дж. Марей. 117 иллюстраций. \$1.75.
- XII. ИСТОРИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И НАУКОЙ. Джон Уильям Дрейпер, доктор медицины, доктор права. D. \$1.75.
- XIII. ДОКТРИНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ДАРВИНИЗМ. Профессор Оскар Шмидт из Страсбургского университета. \$1.50.
- XIV. ХИМИЯ СВЕТА И ФОТОГРАФИИ: В применении к искусству, науке и промышленности. Д-р Х. Фогель. 100 иллюстраций. \$2.00.
- XV. FUNGI; their Nature, Influence, and Uses. By M. C. Cooke, LL. D. Edited by Rev. M. J. Berkeley, F. L. S. 109 Illustrations. \$1.50.
- XVI. ЖИЗНЬ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА. Профессор У. Д. Уитни из Йельского колледжа. \$1.50.
- XVII. ДЕНЬГИ И МЕХАНИЗМ ОБМЕНА. У. Стэнли Джеворнс, М. А., Ф. Р. С. \$1,75.
- XVIII. НАТУРА СВЕТА с общим изложением физической оптики. Д-р Юджин Ломмель, профессор Эрлангенского университета. 88 иллюстраций и пластина спектров в хромо-литографии. \$2.00.
- XIX. ЖИВОТНЫЕ ПАРАЗИТЫ И СОРОДИЧИ. М. Ван Бенеден, профессор Лувенского университета. 83 иллюстрации. \$1.50.
- XX. О ФЕРМЕНТАЦИИ. П. Шютценбергер, директор химической лаборатории в Сорбонне. 28 иллюстраций. \$1.50.
- XXI. ПЯТЬ ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕКА. Юлиус Бернштейн, профессор университета Галле. 91 иллюстрация. \$1.75.
- XXII. ТЕОРИЯ ЗВУКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К МУЗЫКЕ. Профессор Пьетро Блазерна из Римского королевского университета. Многочисленные гравюры на дереве. \$1.50
- XXIII. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА. Автор Дж. Норман Локьер. Иллюстрации. \$2.50.
- XXIV. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПАРОВОГО ДВИГАТЕЛЯ. Роберт Х. Терстон, А. М., С. Е., профессор машиностроения в Технологическом институте Стивенса, Хобокен, штат Нью-Джерси. 163 иллюстрации. \$2.50.
- XXV. ОБРАЗОВАНИЕ КАК НАУКА. Александр Бейн, LL. D., профессором логики в Абердинском университете. \$1.75.
- XXVI. СОВРЕМЕННАЯ ХРОМАТИКА, с приложениями к искусству и промышленности. Огден Н. Руд, профессор физики в Колумбийском колледже. 130 оригинальных иллюстраций.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВИД.

А. ДЕ КВАТФАЖ,
ПРОФЕССОРА АНТРОПОЛОГИИ В МУЗЕЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ПАРИЖЕ.
NEW YORK:
D. APPLETON AND COMPANY,
549 И 551 BROADWAY.
1879.

СОДЕРЖАНИЕ.

КНИГА I.
ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА I.	
ИМПЕРИИ И ЦАРСТВА ПРИРОДЫ.- ЦАРСТВО ЧЕЛОВЕКА.- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД	СТРАНИЦА 1
ГЛАВА II.	
ОБЩИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ; МОНОГЕНИЗМ И ПОЛИГЕНИЗМ	30
ГЛАВА III.	
ВИДЫ И РАСЫ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ	35
ГЛАВА IV.	
ПРИРОДА ВАРИАЦИЙ В ЖИВОТНЫХ И РАСТИТЕЛЬНЫХ РАСАХ; ПРИМЕНЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ	41
ГЛАВА V.	
СТЕПЕНЬ ВАРИАЦИЙ В ЖИВОТНОМ И РАСТИТЕЛЬНОМ МИРЕ; ПРИМЕНЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ	47
ГЛАВА VI.	

СКРЕЩИВАНИЕ И СЛИЯНИЕ ПРИЗНАКОВ В
РАСАХ ЖИВОТНЫХ; ПРИМЕНЕНИЕ К
ЧЕЛОВЕКУ 56

ГЛАВА VII.

СКРЕЩИВАНИЕ РАС И ВИДОВ В ЖИВОТНОМ
И РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВАХ - ДВОРНЯГИ И
 ГИБРИДЫ 63

ГЛАВА VIII.

СКРЕЩИВАНИЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ И
ЖИВОТНЫХ РАС И ВИДОВ; ДВОРНЯГИ И
 ГИБРИДЫ; РЕАЛЬНОСТЬ ВИДОВ 70

ГЛАВА IX.

СКРЕЩИВАНИЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ
ГРУППАМИ; ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
РОДА 85

КНИГА II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА X.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ.-ГИПОТЕЗЫ
ТРАНСМУТАЦИИ.-ДАРВИНИЗМ 89

ГЛАВА XI.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА.- 104
РАЗЛИЧНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

КНИГА III.

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА XII.

ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА - 129
СОВРЕМЕННАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА

ГЛАВА XIII.

ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА - 142
ПРОШЛЫЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПОХИ

КНИГА IV.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА.

ГЛАВА XIV.

ТЕОРИЯ АГАССИСА - ЦЕНТРЫ ТВОРЕНИЯ	154
ГЛАВА XV.	
ПРОГРЕССИВНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗОВАННЫХ СУЩЕСТВ.- ЦЕНТРЫ ПОЯВЛЕНИЯ.- ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА	168

КНИГА V.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА.

ГЛАВА XVI.	
МИГРАЦИИ ПО СУШЕ.- ИСХОД КАЛМУКОВ С ВОЛГИ	179
ГЛАВА XVII.	
МИГРАЦИИ ПО МОРЮ.-ПОЛИНЕЗИЙСКИЕ МИГРАЦИИ.-МИГРАЦИЯ В НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ	185
ГЛАВА XVIII.	
МОРСКИЕ МИГРАЦИИ - МИГРАЦИИ В АМЕРИКУ	199

КНИГА VI.

АККЛИМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА.

ГЛАВА XIX.	
ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И РАСЫ	214
ГЛАВА XX.	
УСЛОВИЯ АККЛИМАТИЗАЦИИ	224

КНИГА VII.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК - ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС.

ГЛАВА XXI.	
ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК	239
ГЛАВА XXII.	
ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОД ВЛИЯНИЕМ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И НАСЛЕДСТВЕННОСТИ	244
ГЛАВА XXIII.	

ФОРМИРОВАНИЕ СМЕШАННЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС	260
ГЛАВА XXIV.	
ВЛИЯНИЕ СКРЕЩИВАНИЯ НА СМЕШАННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ	276

КНИГА VIII.

ИСКОПАЕМЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ.

ГЛАВА XXV.	
ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	287
ГЛАВА XXVI.	
КАНШТАДТСКАЯ РАСА	302
ГЛАВА XXVII.	
КРОМАНЬОНСКАЯ РАСА	311
ГЛАВА XXVIII.	
РАСЫ ФУРФУСА	337

КНИГА IX.

СОВРЕМЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ - ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

ГЛАВА XXIX.	
ОБЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ.-ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ	349
ГЛАВА XXX.	
АНАТОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	370
ГЛАВА XXXI.	
ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	409
ГЛАВА XXXII.	
ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ	422

КНИГА X.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА.

ГЛАВА XXXIII.	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРЫ	431
ГЛАВА XXXIV.	
МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА	459

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОД.

КНИГА I. ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА I.

ИМПЕРИИ И ЦАРСТВА ПРИРОДЫ. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЦАРСТВО. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД.

I. Натуралист, впервые встретившийся с каким-либо объектом, инстинктивно задается вопросом: - Что это за объект? Этот вопрос влечет за собой другой: - К каким другим объектам я должен его отнести? К какой группе и, прежде всего, к какому царству он принадлежит? Является ли он минералом, растением или животным?

Ответить на этот вопрос не всегда просто. Мы знаем, что в том, что можно назвать основой каждого царства, есть неоднозначные формы, природа которых долгое время была и остается предметом споров среди натуралистов. Мы знаем, что полипы долгое время считались растениями, а нуллипоры, которые сначала принимались за полипы, теперь разделены между растительным и минеральным царствами; и, наконец, мы знаем, что и сейчас ботаники и зоологи спорят о некоторых диатомовых и переводят их из одного царства в другое.

Точно так же задавался вопрос: "Что такое человек?" - и на него отвечали с разных точек зрения. Для натуралиста он имеет только одно значение и означает: в каком царстве должен находиться человек? Или лучше: является ли человек животным?

Несмотря на все различия, которые дает сравнение человека с млекопитающими, следует ли его причислять к ним? Этот вопрос схож с тем, который, как говорят, задал себе Пейсоннель, когда, пораженный особыми явлениями, демонстрируемыми кораллом, он спросил себя, является ли объект перед ним овощем.

Очевидно, что для решения первой проблемы, возникающей при изучении естественной истории человека, мы должны иметь четкое представление о том, что представляют собой эти большие группы существ, которые называются царствами; мы должны дать отчет о признаках, которые отличают и отделяют их друг от друга, а затем об их истинном научном значении. Для этого будет достаточно объяснить известные законы Линнея, дополнив теорию бессмертного шведа некоторыми идеями, заимствованными у Палласа и де Кандоля,

и одной из фундаментальных концепций, которую Адамсон и А. Л. де Жюссье почти в равной степени способствовали введению в науку.

II. Невозможно, чтобы любой человек, будь то ученый или другой, не признал сразу же разницу между двумя видами объектов, весьма отличных друг от друга: неодушевленными телами и организованными существами. Это те две группы, на которые Паллас разделил царства под названием империй. Различить их в целом несложно, и я ограничусь тем, что напомним о некоторых наиболее существенных различиях.

Неодушевленные тела, находясь в благоприятных условиях, существуют неограниченное время, ничего не забирая и не отдавая окружающему миру; организованные существа, в каких бы условиях они ни находились, существуют только определенное время, и во время этого существования они ежеминутно несут потери вещества, которые они восстанавливают с помощью материалов, взятых извне. Неодушевленные тела, даже если они принимают фиксированную и определенную форму кристаллов, образуются независимо от всех других тел, похожих на них; они с самого начала имеют фиксированные формы и увеличиваются просто за счет наложения новых слоев. Каждое организованное существо прямо или косвенно связано с аналогичным существом, в недрах которого оно сначала появилось в виде зародыша, затем выросло и приобрело свою определенную форму путем инвагинации.

Другими словами, родство, питание, рождение и смерть - это столько характеристик организованного существа, от которых нет и следа в неодушевленных телах. Я согласен с Палласом в том, что неодушевленные тела составляют Неорганическую империю, а организованные существа - Органическую империю.

Здесь я должен сделать одно замечание, важность которого будет легко понять.

Существование двух групп, которые были признаны здравым смыслом широкой общественности, а также наукой Палласа, является фактом, абсолютно независимым от всех гипотез. Какое бы объяснение мы ни предложили для дифференциальных явлений, которые их различают, эти явления не перестанут существовать; неживое тело никогда не станет организованным существом.

Пытаться под любым предлогом примирить или спутать эти два вида объектов друг с другом - значит идти наперекор всему прогрессу, достигнутому за более чем столетие, и особенно за последние несколько лет, в физике, химии и физиологии. Для меня необъяснимо, что некоторые люди, чьи заслуги я в остальном признаю, должны были недавно снова сравнивать кристаллы с простейшими живыми формами, с саркодовыми организмами, как их называл Дюжарден, который открыл их и первым дал всеобъемлющую теорию о них на основе минутных наблюдений. Менять названия бесполезно, суть остается прежней, и протоплазма обладает теми же свойствами, что и саркодовые. Животные, все вещество которых они образуют, не изменили своей природы; будь то monera или amœbæ, эти формы являются антиподами кристалла со всех точек зрения.

Кристалл, как хорошо заметил М. Наудин, очень похож на одну из тех регулярных куч дробы, которые можно увидеть в каждом арсенале. Он только увеличивается снаружи, как увеличивается куча, когда солдат добавляет новый слой дробы; его молекулы так же неподвижны, как железные шары. С организованным существом все обстоит ровно наоборот, и чем проще его состав, тем сильнее контраст. Небольшой размер монерона и амёбы, правда, не позволяет провести некоторые наблюдения. Однако я обращаюсь ко всем тем натуралистам, которые изучали некоторых морских губок в живом состоянии. Они, как и я, должны были заметить странную активность *жизненного водоворота* в полусаркодовом

веществе, которое окружает их кремнистый или роговой скелет; они видели, как морская вода, в которой они находятся, движется с быстротой, которую она никогда не проявляет при контакте с любым другим животным.

Причина в том, что в организованном существе покой кристалла сменяется непрерывным движением; вместо того чтобы оставаться неподвижными и неизменными, молекулы непрерывно претерпевают трансформацию, меняют свой состав, производят новые вещества, сохраняют одни и отбрасывают другие. Органическое существо, отнюдь не похожее на кучу дрови, скорее можно сравнить с совокупностью ряда физико-химических аппаратов, постоянно работающих над сжиганием или уменьшением заимствованных извне веществ и постоянно использующих свою собственную субстанцию для ее непрерывного обновления.

Иными словами, в кристалле после его образования силы находятся в состоянии *устойчивого равновесия*, которое нарушается только под воздействием внешних причин. Отсюда вытекает возможность его бесконечно долгого существования без изменения как его форм, так и свойств. В организованном существе равновесие *неустойчиво*, вернее, его вообще нет. Каждое мгновение организованное существо тратит столько же *силы*, сколько и *материю*, и обязано своим существованием исключительно *балансу между приростом и потерей*. Отсюда вытекает возможность изменения его свойств и формы без прекращения его существования.

Таковы голые факты, не опирающиеся ни на какие гипотезы; и как мы можем, имея эти факты, сравнивать кристалл, растущий в солевом растворе, с зародышем, который становится последовательно эмбрионом, плодом и, наконец, полноценным животным? Как мы можем путать *неживое тело с организованным существом*?

Эти две группы легко разделить по явлениям, которые они демонстрируют. То же самое можно сказать и о причинах этих явлений.

Здесь мнения натуралистов и физиологов расходятся. Одни считают, что причина или причины идентичны, и только условия, которые почти случайны, определяют разницу в результатах, изменяя способ их действия. По их мнению, образование кристалла или монерона - это лишь вопрос результата.

Другие рассматривают живые существа как результат действия причины, совершенно отличной от тех, которые действуют в неживых телах, и относят к одной только этой причине все, что происходит в этих существах.

Эти два метода кажутся мне одинаково необоснованными из-за исключительного элемента в каждом из них. Нельзя отрицать, что явления, идентичные тем, что характерны для неодушевленных тел, встречаются и в организованных существах, и поэтому у нас нет никаких научных оснований приписывать их различным причинам.

Но у организованных существ есть и свои особые явления, радикально отличающиеся от первых и даже противоположные им. Можно ли отнести их все к одной или нескольким одинаковым причинам? Я думаю, что нет. По этой причине я признаю вместе с большим числом выдающихся людей всех эпох и стран и, как я полагаю, с большинством тех, кто уважает современную науку, что организованные существа обязаны своими отличительными характеристиками *особой причине, особой силе, жизни*, которая в них связана с неорганическими силами. По этой причине я считаю правомерным называть их *Живыми Существами*.

Я буду часто, однако, возвращаться к этому классу рассуждений, чтобы сделать совершенно ясным, в каком смысле я воспринимаю эти слова, *Силу* и *Жизнь*.

III. Две империи Палласа сами подразделяются на царства, которые характеризуются особыми фактами и явлениями, становящимися все более и более сложными по мере того, как мы поднимаемся по шкале природы.

И, во-первых, я вместе с де Кандолем однозначно признаю существование *Сидерического царства*. Для любого, кто рассматривает, насколько это возможно, то небольшое, что мы знаем о Вселенной, небесные тела, солнца, планеты и кометы или спутники представляются лишь молекулами великого Всего, заполняющего неограниченное пространство. Одно общее явление, которое остается неизменным, как бы ни были разнообразны его формы, является как бы атрибутом этих тел. Все они, газообразные или твердые, туманные или светящиеся, горячие или холодные, движутся по кривым одной и той же природы, подчиняясь законам, открытым Кеплером. Теперь хорошо известно, что *неподвижных звезд* не существует.

Чтобы объяснить это *явление*, философы признали существование *силы*, которую они называли *Гравитацией*, эффект которой заключается в том, что звезды притягиваются друг к другу, как если бы они взаимно притягивали друг друга, подчиняясь законам Ньютона. Хорошо известно, что сам великий англичанин не высказал своего мнения о способе действия этой силы и колебался между гипотезой *притяжения* и гипотезой *импульса*. Первая должна преобладать как более соответствующая непосредственным результатам наблюдений; но и у второй были серьезные приверженцы, среди которых я упомяну только М. де Тессана.

Так, Ньютон, несмотря на весь свой гений, не может сказать нам, что было причиной движения звезд; он даже не смог определить непосредственный способ действия этой причины; и все же нет научного термина более общепринятого, чем "*Гравитация*", нет случая, в котором выражение "*Сила*" было бы более общепринятым. Причина этого в том, что при наличии общих фактов и групп явлений необходимо использовать как можно более простые термины. Однако мы должны избегать заблуждения, что *называние* равнозначно *объяснению*.

В случаях, аналогичных тем, которые мы рассматривали, слово *Сила* просто указывает на наличие *неизвестной причины*, которая порождает *группу фиксированных явлений*. Присваивая имена каждой из Сил или Неизвестных Причин, к которым мы считаем себя способными отнести определенные группы явлений, мы облегчаем демонстрацию и обсуждение фактов. Научный человек прекрасно понимает, что дальше этого он идти не может.

Именно в этом и только в этом смысле я использовал выше выражения "*Сила*" и "*Жизнь*". Астрономы считают гравитацию неизвестной причиной движения звезд; я же считаю Жизнь неизвестной причиной явлений, характерных для организованных существ. Возможно, что и гравитация, и жизнь, и другие общие силы - это всего лишь *икс*, уравнение которого еще не найдено. К этим соображениям я еще вернусь.

Как бы то ни было, каково бы ни было наше реальное невежество, какова бы ни была Причина, о которой мы здесь говорим, и хотя *Импульсия* должна однажды заменить *Притяжение* в наших теориях, факты останутся теми же. Звезды по-прежнему будут

распределены в пространстве и подчиняться законам Ньютона и Кеплера; они по-прежнему будут представлять собой совершенно определенное целое, в части, отведенной телам, которые его составляют, и в природе отношений, которые их объединяют. Они по-прежнему образуют *Сидерическое царство*.

Это царство характеризуется *общим явлением, Кеплеровым движением*, которое может быть приписано одной силе, а именно силе *тяготения*.

IV. Вернемся теперь к Земле, единственному небесному телу, которое мы можем изучать в деталях. Однако современные открытия, судя по соотношению элементов и их взаимному действию, делают почти несомненным, что между звездами, распределенными в пространстве, между всеми теми, по крайней мере, которые составляют часть нашего неба, существует величайшее сходство.

Прежде всего установим, что на нашем земном шаре мы снова встречаемся с кеплеровским движением падающих тел. Притяжение здесь представлено *весом*. Гравитация вновь проявляется со всеми своими законами, действуя на пылинки так же, как и на миры. Части целого, космоса, как сказал бы Гумбольдт, не могут освободиться от силы, управляющей целым.

Но на поверхности нашей Земли и в ее недрах, насколько нам удалось проникнуть туда путем непосредственного наблюдения или научной индукции, мы замечаем появление других движений, не подчиняющихся законам Кеплера или Ньютона; появляются явления, совершенно новые и совершенно отличные от тех, которые обусловлены гравитацией. Это *физико-химические* явления. В силу их многочисленности и различия в характере они долгое время приписывались действию отдельных сил, которые назывались *электричеством, теплотой, магнетизмом* и т. д. Однако современная наука, превратив, так сказать, одно в другое, показала их изначальное единство. Физики относят их все не более чем к многочисленным проявлениям колебаний эфира. Вибрация последнего и является тем фундаментальным явлением, от которого происходят все остальные.

Но этот эфир абсолютно гипотетический; его природа совершенно неизвестна; никто не знает, откуда он приобретает это количество движения, которое, согласно фактической теории, не должно ни увеличиваться, ни уменьшаться. Итак, в действительности мы имеем здесь *Неизвестную причину* всех физико-химических явлений. По этой причине, а также для удобства, мы дадим имя этой неизвестной причине, этой *силе*, и назовем ее *Эфиродинамией* (Éthérodynamie).

Но разве Эфиродинамия не является лишь определенной формой, простой модификацией или эффектом гравитации? Не являются ли эти две силы лишь различными проявлениями более общей силы? Многие выдающиеся люди склонны признать ту или иную из этих гипотез. Однако до настоящего времени факты, как мне кажется, не слишком согласуются с ними. Эфиродинамика проявляется даже в космосе и среди звезд переменными, локализованными и временными явлениями; действие гравитации едино, универсально и постоянно. Человек всегда был в состоянии осуществлять определенный контроль над первым; он может производить по желанию свет и тепло; современная наука не может воздействовать на второе. Мы не можем ни увеличивать, ни уменьшать, ни отражать, ни преломлять, ни поляризовать массу; мы не можем остановить ее действие. Даже при падении тел закономерность в ускорении движения доказывает, что причина этого движения не подвержена никаким изменениям. Таким образом, здесь нет *трансмутации силы*, подобной той, что происходит в машине, работающей от электричества или тепла.

Но как бы ни развивалась наука и как бы ни подтверждалась теория М. де Тессана экспериментами, разница между явлениями не уменьшится; выводы, которые следует сделать из фактов в связи с обсуждаемым нами вопросом, останутся прежними.

Нет необходимости говорить о том, что физико-химические явления, вызываемые эфиродинамикой, могут действовать на массы или быть исключительно молекулярными. Во всех случаях они аналогичны тем, которые зависят от гравитации, подчиняются неизменным законам и всегда повторяются аналогичным образом, когда происходят при сходных обстоятельствах.

Между гравитацией и эфиродинамикой нет антагонизма, это правда. Не менее верно и то, что действие первой из них всегда своеобразно нарушается действием второй, и что в некоторых явлениях кажется, будто последняя нейтрализует первую. Этот факт наиболее ярко проявляется в некоторых из самых распространенных экспериментов в физике. Золотые створки электроскопа расходятся, шарики притягиваются к наэлектризованным телам, несмотря на их вес, и отталкиваются с быстротой, превышающей ту, которая вытекает только из их собственного веса. И все же эти тела не более перестали обладать весом, чем массы железа, поднятые мощными магнитами М. Жамина. Эфиродинамика в этих двух случаях просто преодолела гравитацию и либо модифицировала, либо имитировала ее действие.

Те земные тела, в которых не наблюдается никаких других явлений, кроме тех, которые можно отнести либо к гравитации, либо к эфиродинамике, со времен Линнея называются *неодушевленными телами*. Вместе они составляют *царство минералов*. Мы видим, что существование и различие этой группы совершенно не зависит от любой гипотезы, призванной объяснить эти явления.

Итак, для минерального царства характерны *два вида явлений: явления кеплеровского движения и физико-химические явления*, которые можно объяснить действием двух сил: *тяготения и эфиродинамики*.

V. Сидерическое и минеральное царства образуют Неорганическую империю. Переходя из нее, мы вступаем в область организованных и живых существ. Мы уже видели основные явления, которыми они отличаются. Эти явления существенно отличаются от всех тех, которые мы наблюдали в неживых телах. Поэтому мне кажется необходимым приписать их особой причине - *Жизни*.

Я знаю, что в настоящее время многие физики и химики, а также целая физиологическая школа обвиняют любого, кто использует это слово, в том, что он ввел в науку туманное и почти загадочное выражение. Однако в ней нет ничего более туманного или загадочного, чем в слове "*гравитация*".

Совершенно верно, что мы не знаем, *что такое жизнь*; но не больше мы знаем, *что такое сила*, которая приводит звезды в движение и удерживает их на своих орбитах. Если астрономы были правы, называя *силу*, или *неизвестную причину*, которая придает мирам их математические движения, то натуралисты имеют полное право обозначить специальным термином ту *неизвестную причину*, которая производит родство, рождение и смерть.

Очевидно, что мое представление о жизни не такое, как у многих древних виталистов, что это не больше *архетип* ван Гельмонта, чем *жизненный принцип* Бартеза. Ее функция представляется мне совершенно иной, чем та, которую приписывали ей большинство наших предшественников и которую до сих пор приписывают ей некоторые физиологи.

Далеко не просто оживляя органы, она тесно связана с силами, о которых мы уже говорили. Живые существа тяжелы, а потому подвержены тяготению; в них происходят многочисленные и разнообразные физико-химические явления, необходимые для их существования, которые следует отнести к действию эфиродинамики. Но здесь эти явления проявляются под влиянием *другой силы*. Именно по этой причине результаты этих явлений часто совершенно иные, чем в неживых телах, и живые существа имеют свои особые продукты. Жизнь не враждует с неживыми силами, но управляет и регулирует их действие своими законами. Поэтому она заставляет их производить ткани, органы и индивидуумы вместо кристаллов; она организует зародыши и сохраняет в пространстве и времени, несмотря на самые сложные метаморфозы, то *единство определенных живых форм*, которое мы называем *Видом*.

Если бы антивиталисты всерьез задумались над этим вопросом, они бы признали, что, если смотреть с этой точки зрения, в живых существах нет ничего более загадочного, чем в некоторых из самых обычных явлений, представляемых неживыми телами. Вмешательство Жизни в качестве изменяющего агента действий чисто эфиродинамических можно признать так же легко, как и то, что сама эфиродинамика изменяет и преодолевает действие веса. Так же странно видеть, как кусок железа притягивается и поддерживается магнитом, как видеть, как углерод, кислород, водород и азот соединяются и располагаются таким образом, чтобы образовать животную или растительную клетку вместо любой мыслимой неорганической композиции.

Я неоднократно и в течение многих лет придерживался доктрины, которую я здесь изложил. Она, как мне кажется, в высшей степени подтверждается исследованиями, предпринятыми для выяснения проблемы, которую мы рассматриваем. Опыт М. Бернара, в частности, относительно действия, оказываемого анестетиками на растения, а также на животных, не позволяет нам ни на минуту усомниться во вмешательстве агента, отличного от физико-химических сил, в органические существа. Используя слово "*жизнь*" для обозначения этого агента, я лишь использую устоявшееся выражение, не претендуя на то, чтобы выйти за рамки информации, полученной в результате экспериментов и научных наблюдений.

Существа, в которых к гравитации и эфиродинамике добавляется только жизнь, составляют *Растительное царство*. Есть один общий факт, демонстрируемый этой группой, значение которого, как мне кажется, не было достаточно понято. За исключением некоторых явлений *бессознательной раздражимости*, которые давно известны у некоторых растений высшего порядка, и фактов, вероятно, того же класса, которые были установлены главным образом в отношении некоторых репродуктивных органов растений низшего порядка, каждое движение, происходящее в растениях, кажется, производится *исключительно* неодушевленными силами. В частности, перенос материи, необходимый для развития и жизнеобеспечения каждого растения, относится к действиям такого рода. Можем ли мы поверить, что эти силы, известные нам по бесчисленным экспериментам, могли бы, будучи предоставлены сами себе, сформировать дуб или даже вырастить гриб? Можем ли мы поверить, что они могли бы *организовать* желудь или спору и скрыть в этих мельчайших телах силу воспроизведения родителя? И все же без них овощ не может существовать. Но, на мой взгляд, ничто не делает их реальное подчинение более очевидным, чем важность их роли в процессе исполнения. Их можно сравнить с рабочими, возводящими здание под присмотром архитектора, который разработал план.

Следует ли из этого вывод, что жизнь - это разумная сила, осознающая свою роль и наслаждающаяся властью над подчиненными ей неодушевленными силами? Вовсе нет. Как и эти силы, она управляется общими и неизменными законами. Тем не менее, мы не находим

в применении этих законов и в результатах, к которым они приводят, математической точности законов и явлений гравитации и эфиродинамики. Их способ действия просто кажется колеблющимся между пределами, которые остаются непроходимыми. Эта свобода и наложенные на нее ограничения заметны в постоянном разнообразии продуктов жизни, разнообразии, которое так разительно контрастирует с однообразием продуктов эфиродинамики. Кристаллы, сходные по составу и образовавшиеся при сходных обстоятельствах, идеально похожи друг на друга; но мы никогда не найдем двух совершенно одинаковых листьев на одном и том же дереве.

Таким образом, растительное царство характеризуется *тремя видами явлений*: *кеплеровским движением, физико-химическими явлениями и жизненными явлениями*, которые можно приписать действию трех сил: *Гравитации, Эфиродинамики и Жизни*.

VI. У животных мы находим повторение всех тех явлений, которые мы заметили у растений, и, особенно в высших порядках, те движения, обусловленные бессознательной раздражительностью, примеры которых представляют растения. Некоторые выдающиеся люди, в том числе Ламарк, даже хотели отнести все действия, совершаемые низшими животными, к этому порядку явлений. Но здесь автор "Философской зоологии" впал в анатомическую ошибку, которая уже давно признана; и тот, кто хотя бы недолго жил на берегу моря или внимательно следил за повадками и действиями червей и зоофитов, несомненно, будет протестовать против такого отношения к ним.

Переходя от растения к животному, последнее совершает движения, относящиеся либо к части, либо к целому, которые совершенно не зависят от законов гравитации и эфиродинамики. Регулирующая и определяющая причина этих движений, очевидно, находится внутри самого животного. Это *Воля*. Но сама воля тесно связана с *чувственностью и сознанием*. Каждому, кто судит о животных по тому, что происходит внутри него самого, личный эксперимент и наблюдение доказывают, что животное *чувствует, судит и желает*, то есть *рассуждает*, и, следовательно, является *разумным*.

Это утверждение, я знаю, будет оспариваться людьми, чьи знания я глубоко уважаю, и возражения будут выдвигаться со всех сторон. С одной стороны, автоматизм Декарта будет возрожден в некоторых школах, и теперь его будут поддерживать физиология и эксперименты вивисекции. Я далек от того, чтобы отрицать большой интерес, который проявляется к последним и к явлениям рефлекторных действий. Но выводы, которые делаются на их основе, кажутся мне необычайно преувеличенными; Карпентер справедливо противопоставил им личный эксперимент. Добавлю, что изучение животных, стоящих гораздо ниже лягушки и, безусловно, уступающих ей, несомненно, привело бы к совершенно иным интерпретациям. Более того, сам Хаксли признает, что животные, вероятно, являются *разумными и сознательными автоматами*. Но если бы они были просто машинами, мы должны были бы признать, что они выполняют свои функции так, *как если бы* они чувствовали, судили и желали.

С другой стороны, во имя философии и психологии меня обвинят в том, что я смешиваю некоторые *интеллектуальные* атрибуты человеческого *разума* с исключительно *чувствительными* способностями животных. Сейчас я попытаюсь ответить на эту критику с позиции, которую натуралист никогда не должен покидать, а именно с позиции эксперимента и наблюдения. Здесь я ограничусь тем, что скажу, что, по моему мнению, животное *разумно*, и, хотя оно является *рудиментарным* существом, его *интеллект*, тем не менее, имеет ту же *природу*, что и у человека. Более того, он очень неравномерно

распределен между видами животных; в этом отношении между устрицей и собакой существует множество промежуточных стадий.

В дополнение к явлениям, проистекающим из интеллекта и рассудка, мы находим у животных другие импульсы, проистекающие из *Инстинкта*, слепого импульса, или, по крайней мере, кажущегося таковым, который часто является характерным для видов животных и которым наделена каждая особь. Эти два порядка фактов очень часто путают, но эту путаницу можно объяснить следующим образом. Прежде всего, инстинкт ставит своей целью достижение определенного и фиксированного результата, но во множестве способов и средств, необходимых для достижения этого результата, часть, часто очень большая, принадлежит интеллекту. Различить это не всегда легко. Кроме того, очевидно, что я не могу здесь вдаваться в детали, необходимые для изучения этого вопроса, столь чуждого тому, который находится перед нами.

Помимо актов интеллекта и инстинкта, среди животных были установлены явления, тесно связанные с тем, что мы называем *характером*, *чувством* или *страстью*. Привычность терминов сама по себе доказывает, что в этом вопросе обычное наблюдение опередило научную экспертизу.

Все эти явления совершенно новые и не имеют аналогии с теми, которые мы заметили в предыдущих царствах. Они, очевидно, оправдывают формирование столь же важной группы. Таким образом, *царство животных* признается всеми, независимо от любой теории, которая пытается объяснить его особенности.

Факты, радикально отличающиеся друг от друга, не могут быть объяснены одной и той же причиной. Итак, мы должны признать, что характерные явления животного мира зависят от чего-то иного, чем те, что встречаются в растительном или минеральном царствах. Более того, они объединены столь тесными связями, что было бы невозможно не приписать их одной причине. Исходя из уже упомянутых мотивов, мы дадим имя этой *неизвестной причине*, и, используя уже устоявшееся выражение, хотя и открытое, как я вижу, для более чем одной критики, назовем ее *животным разумом* (*l'âme animale*).

Освобождает ли животный разум существ, которых он оживляет, от низших сил? Ни в коем случае, ибо мы видим, что они повторяются со всеми их свойствами. Чтобы поднять хотя бы один из своих органов, животное должно бороться с весом; оно не может совершить ни малейшего движения без вмешательства физико-химических явлений; оно не может дышать и, следовательно, не может жить, не потребляя постоянно некоторые из своих составных частей. В животном, как и в растении, неживые силы, особенно эфиродинамика, проявляются в их двойном характере - постоянстве и вездесущности в осуществлении явлений и подчиненности жизни, которая управляет их действием в животном, как и в растении.

Более того, у животных высшего порядка значительная часть отведена под чисто вегетативную жизнь. Весь организм формируется без какого-либо вмешательства животного разума. Опять же, определенное количество органов всегда в большей или меньшей степени ускользает от влияния последнего и, кажется, подчинено только жизни. Именно от этих органов зависит *питание*, а следовательно, строение и продолжительность жизни всего организма. Таким образом, жизнь, господствовавшая в растительном царстве, теперь, в свою очередь, предстает в подчиненном виде. Можно сказать, что ей, по сути, была поручена организация и обслуживание инструментов животного разума.

Что касается последнего, то даже там, где его вмешательство вызывает наибольшие сомнения, он открывается наблюдению только благодаря *волевым движениям*. Чтобы постичь природу и понять значение этих движений, необходимы личный эксперимент и способность рассуждать. Только считая себя нормальным, человек может судить о животном, к чему я еще вернусь.

Итак, для животного царства характерны явления *четырёх видов*: явления *кеплеровского движения*; *физико-химические явления*; *жизненные явления*; явления *добровольного движения*, объясняемые действием четырех сил: *тяготения*, *эфиродинамики*, *жизни* и *животного разума*.

VII. Несмотря на то, что предыдущие изложения так сильно сокращены, я счел нужным представить сжатые результаты в следующей таблице:

ИМПЕРИИ.	ЦАРСТВА.	ФЕНОМЕНЫ.	ПРИЧИНЫ.
A l l B o d i e s	Неорганика (Паллас).	{ Сидерический { (de Candolle) {	{ Феномены Кеплериана { движение Гравитация.
		{ Минеральные { (Linnæus) {	{ Феномены кеплерианского { движение Гравитация.
		{	{ Физико-химические явления Эфиродинамика.
		{ { Явления кеплерианского типа	
		{ Вегетативное { (Linnæus) {	{ движение { Физико-химические явления Гравитация. Эфиродинамика.
	Органика (Паллас).	{	{ Витальные явления Жизнь.
		{	{ Феномены кеплерианского движения { движение Гравитация.
		{ Животное { (Linnæus) {	{ Физико-химические явления { Жизненные явления Эфиродинамика. Жизнь.
		{	{ Феномены добровольного { движения Разум животных.
		{	

Из этой таблицы и тех расширений, которые она дает, вытекают следующие выводы.

1. Каждое царство характеризуется определенным количеством феноменов, существование которых не зависит от всех гипотез и теорий.
2. Число явлений возрастает от бокового до животного царства.

3. При переходе от одного царства к другому, от простого к сложному, возникает ряд явлений, которые совершенно неизвестны в низших царствах.
4. Высшее царство представляет, независимо от своих особых явлений, характерные явления низших царств.
5. Каждая группа явлений, указанных в таблице, связана с небольшим числом фундаментальных явлений, которые в одних случаях можно с уверенностью, в других с большей или меньшей вероятностью отнести к единой причине.
6. Все эти причины одинаково неизвестны нам в отношении их природы и способа действия. Мы знаем их только по явлениям. Поэтому мы не можем делать никаких предположений относительно отношений, более или менее тесных, которые могут существовать между ними.
7. Тем не менее, мы даем названия этим причинам для удобства и облегчения обсуждения фактов.

VIII. Теперь мы можем вернуться к проблеме, которая привела к этим расширениям, и задать вопрос: Должен ли человек занимать свое место в царстве животных? Вопрос, который, очевидно, ведет к другому: Отличается ли человек от животных важными и характерными явлениями, совершенно неизвестными у последних? Более сорока лет я отвечал на этот вопрос утвердительно, и мои убеждения, проверенные многими спорами, сейчас сильнее, чем когда-либо.

Но искать эти явления следует не в материальной предрасположенности и не в действии его физического организма. С этой точки зрения человек не больше и не меньше, чем животное. С анатомической точки зрения, между человеком и высшим родом обезьян меньше различий, чем между последними и низшими родами. Микроскоп обнаруживает столь же поразительное сходство между элементами человеческого организма и организма животных; к такому же результату приводит и химический анализ. Легко было предвидеть, что действие элементов и органов будет совершенно одинаковым у человека и животного, и так оно и оказалось.

Страсти, чувства и характеры устанавливают между животными и нами одинаково близкие отношения. Животное любит и ненавидит; мы признаем в нем раздражительность и ревность; неумолимое терпение и неизменную уверенность. У наших домашних особей эти различия более очевидны, а может быть, мы просто замечаем их более пристально. Кто не знал собак, которые были игривыми или огрызающимися, ласковыми или дикими, трусливыми или отважными, дружелюбными со всеми или исключительными в своих привязанностях.

У человека тоже есть истинные инстинкты, но только в том, что касается общительности. Однако способности этого порядка, которые так полно развиты у некоторых животных, у человека, очевидно, очень сильно снижены по сравнению с интеллектом.

Относительное развитие последнего, безусловно, устанавливает огромную разницу между человеком и животным. Однако не *интенсивность* явления придает ему ценность с нашей современной точки зрения, а просто его *природа*. Вопрос в том, можно ли считать человеческий интеллект и интеллект животных явлениями одного порядка.

Как правило, философы, психологи и теологи отвечают на этот вопрос отрицательно, а натуралисты - утвердительно. Эту оппозицию легко понять. Первые делают своим главным предметом изучения человеческий разум, рассматриваемый как единое целое, и

приписывают ему все наши способности. Не в силах отрицать сходство, по крайней мере внешнее, между некоторыми действиями животных и человека, и в то же время стремясь четко отличить человека от животного, они давали этим действиям различные интерпретации в зависимости от того, как они совершались теми или другими. Натуралисты же рассматривали явления более пристально, не задумываясь ни о чем другом, и когда видели, что животное ведет себя так же, как вели бы себя они сами при данных обстоятельствах, то приходили к выводу, что мотивы поступков должны быть в основе своей одинаковыми. Я должен попросить разрешения остаться натуралистом, вспомнить некоторые факты и рассмотреть их с этой точки зрения.

Сами богословы допускают, что животное обладает ощущениями, формированием и ассоциацией образов, воображением и страстью (Р. П. де Боньо). Они допускают, что животное чувствует соответствие или несоответствие между разумными объектами и своими собственными чувствами; что оно испытывает разумные притяжения и отталкивания и действует в соответствии с ними, и что *в этом смысле оно рассуждает и судит* (аббат А. Лекомт). Поэтому, добавляя они, мы не можем сомневаться в том, что животное обладает принципом, превосходящим материю, и мы даже можем назвать его разумом (Р. П. Бонниот). Но, несмотря на все это, теологи и философы утверждают, что животное не может быть разумным, потому что у него нет ни *врожденного чувства*, ни *сознания*, ни *разума*.

Оставим на время последний термин, с которым в сознании наших оппонентов связана идея феноменов, о которых мы сейчас поговорим. Правда ли, что животные лишены врожденного чувства и не осознают своих действий? На каких фактах наблюдений основывается это мнение? Каждый из нас чувствует, что обладает этим чувством, что мы наслаждаемся этой способностью. С помощью речи мы можем донести до другого результаты нашего личного опыта. Но этого источника информации не хватает, когда мы имеем дело с животными. Ни в них, ни в нас самих врожденные чувство и сознание не проявляются во внешнем мире никакими особыми характерными движениями. Поэтому, только интерпретируя эти движения и судя по себе, мы можем составить представление о мотивах, которыми руководствуется животное.

Исходя из этого, мне кажется невозможным отказаться от того, чтобы животные в какой-то мере осознавали свои действия. Несомненно, они не формируют столь точную их оценку, как это может сделать даже неграмотный человек. Но мы можем быть совершенно уверены, что когда кошка пытается поймать воробья на ровном месте и ползет по ложбинке, пользуясь каждым пучком травы, каким бы маленьким он ни был, она знает, что делает, так же хорошо, как охотник, который скользит в приседе от одного куста к другому. Мы можем быть уверены, что котята и щенки, когда они дерутся, рычат и кусаются, не причиняя друг другу вреда, прекрасно знают, что они играют, а не занимаются серьезными делами.

Здесь я должен попросить разрешения рассказать о том, как я боролся с мастифом чистокровной породы, который достиг своего полного размера, оставаясь, однако, очень *молодым по характеру*. Мы были очень хорошими друзьями и часто играли вместе. Как только я занимал перед ним оборонительную позицию, он с яростью набрасывался на меня, хватая в пасть руку, которую я использовал в качестве щита. При первом же ударе он мог глубоко помять мою руку, но никогда не нажимал на нее так, чтобы причинить хоть малейшую боль. Я часто хватал его рукой за нижнюю челюсть, но он ни разу не использовал свои зубы, чтобы укусить меня. И все же в следующий момент эти же зубы впивались в кусок дерева, который я пытался от них оторвать.

Это животное, очевидно, знало, что делает, когда симулировало страсть, прямо *противоположную* той, которую испытывало на самом деле; когда, даже в азарте игры, оно сохраняло достаточный контроль над своими движениями, чтобы не причинить мне вреда. В действительности оно *играло роль в комедии*, а мы не можем действовать, не сознавая этого.

Бесполезно настаивать на многих других фактах, которые я мог бы привести, и я отсылаю читателя к работам тех натуралистов, которые изучали этот вопрос, особенно к работам Ф. Кювье. Но чем больше я размышляю над этим, тем больше утверждаюсь в убеждении, что человек и животные мыслят и рассуждают в силу способности, которая является общей для обоих, и которая только гораздо более развита у последних, чем у первых.

То, что я только что сказал об интеллекте, я без колебаний могу сказать и о языке, высшем проявлении интеллекта. Правда, только человек обладает *речью*, то есть *членораздельным голосом*. Но *голосом* обладают два класса животных. У нас это, опять же, лишь высокая степень совершенства, ничего радикально нового. В обоих случаях звуки, издаваемые воздухом, приводимым в колебание волевыми движениями гортани, передают впечатления и личные мысли, понятные особям одного вида. Механизм производства, объект и результат в корне одинаковы.

Действительно, язык животных является самым рудиментарным и в этом отношении гармонирует с неполноценностью их интеллекта. Можно сказать, что он почти полностью состоит из междометий. Однако, как бы то ни было, этого языка достаточно для нужд млекопитающих и птиц, которые прекрасно его понимают, а сам человек может выучить его без особых проблем. Охотник различает акценты гнева, любви, удовольствия, печали, зов и сигнал тревоги и пользуется этими признаками как неизменным ориентиром, а часто имитирует эти акценты и крики так, чтобы обмануть животное. Разумеется, я исключаю из *языка животных* песни птиц, как их правильно называть, например, соловья. Она кажется мне лишенной всякого смысла, как и ноты певца, и я не верю в интерпретацию Дюпона де Немура.

Таким образом, не в явлениях, связанных с интеллектом, мы найдем основу для фундаментального различия между человеком и животными.

Но в человеке было доказано существование фундаментальных явлений, о которых до сих пор не могли составить никакого представления ни живые существа, ни неживые тела. Первое. Человек *воспринимает моральное добро и зло* независимо от физического благополучия или страдания. 2-е. Человек *верит в существование высших существ*, которые могут влиять на его судьбу. 3-е. Человек *верит в продление своего существования после этой жизни*.

Два последних явления всегда были так тесно связаны между собой, что естественно отнести их к одной и той же способности, а именно к *религии*. Первое зависит от *нравственности*.

Психологи относят религию и мораль к *разуму*, а последний делают атрибутом человека. Но с *разумом* они связывают высшие явления интеллекта. На мой взгляд, при этом они путают и относят к общему происхождению совершенно разные факты. Так, если они не могут признать ни мораль, ни религию у животных, которые в действительности не обладают этими двумя способностями, то они вынуждены отказать им и в интеллекте, хотя те же животные, по моему мнению, ежеминутно дают решительные доказательства обладания этой способностью.

Общность явлений, которые мы обсуждаем, я считаю неоспоримой, особенно после исследования, которому они подверглись в Обществе антропологии в Париже, где долго и серьезно обсуждался вопрос о человеческом царстве. Я не могу воспроизвести здесь эту дискуссию, даже в сокращенном виде, но отсылаю читателей либо к резюме в моем "Докладе о прогрессе антропологии во Франции", либо к бюллетеням Общества. Кроме того, я буду подробно рассматривать этот вопрос в главах, посвященных моральным и религиозным качествам человеческих рас.

Множество проявлений человеческой деятельности вытекает, как и многие другие следствия, из трех фактов, на которые я указал. С ними связаны обычаи и институты всех видов; только они объясняют некоторые из великих событий, которые меняют судьбы народов и лицо земли.

По причинам, на которые я уже несколько раз указывал, мы должны дать имя той *Неизвестной Причине*, от которой происходят явления морали и религии. Мы будем называть ее *человеческим разумом* (l'âme humaine).

Здесь я должен повторить формальное заявление, которое я уже неоднократно делал. Когда я использую этот термин, сложившийся по обычаю, то понимаю, что строго ограничиваю себя рамками, налагаемыми на любого, кто намерен быть исключительно верным науке, эксперименту и наблюдению. Я рассматриваю человеческий принцип как *Неизвестную Причину* исключительно человеческих явлений. Выходить за эти рамки означало бы вторгаться в сферу философии или теологии. Им принадлежит решение грозных проблем, вызванных существованием "чего-то", что делает человека организмом полностью животным, и я предоставляю каждому выбрать из предложенных решений то, которое наиболее удовлетворительно согласуется с требованиями его собственных чувств и разума.

Но каким бы ни было это решение, оно никоим образом не повлияет на явления; те, которые я только что описал, не будут ни уменьшены, ни изменены. Теперь они существуют только в человеке, и невозможно отрицать их важность. Таким образом, они отличают человека от животного настолько же, насколько явления интеллекта отличают животное от растения, и насколько явления жизни отличают растение от минерала. Таким образом, они являются атрибутами царства, которое мы назовем *Человеческим царством*.

Из этого вывода может показаться, что я расхожусь с Линнеем, чью идею я, однако, лишь развил и изложил более точно. На самом деле бессмертный автор "Системы природы" поместил своего *Homo sapiens* среди млекопитающих в класс приматов и сделал его сородичем гиббона. Это объясняется тем, что Линней прибегнул к *этой системе*, чтобы установить свою *номенклатуру*. Чтобы классифицировать человека так же, как и других существ, он произвольно выбрал определенное количество признаков и принял во внимание только те, которые были предоставлены телом.

Но язык Линнея совершенно иной, даже в его замечаниях, касающихся рода *Homo*, и тем более в своеобразном введении под названием Imperium Naturæ. Там он почти ставит человека в оппозицию ко всем существам, и особенно к животным, причем в таких выражениях, которые неизбежно наводят на мысль о *человеческом царстве*.

Причина этого в том, что здесь Линней говорит уже не о *физическом* человеке, а о человеке *в целом*. Теперь, благодаря трудам Адансона, Жюссье и Кювье, натуралисты знают, что это правильный путь, которого следует придерживаться при оценке отношений, существующих между существами. *Естественный метод* больше не позволяет выбирать ту или иную группу характеристик; он требует, наряду с оценкой их относительной ценности,

рассмотрения всех. Именно по этой причине я был вынужден признать существование этого человеческого царства, которое уже было предложено под несколькими названиями некоторыми выдающимися людьми, но которому, как я полагаю, я дал более точное и строгое определение.

Приведенная выше таблица должна быть дополнена следующим образом:-

	ФЕНОМЕНЫ.	ПРИЧИНЫ.
	{Феномены кеплеровского движения	Гравитация
	{Физико-химические явления	Эфиродинамика
Человек	{Жизненные явления	Жизнь
Королевство	{Феномены волевого движения	Разум животных
	{Феномены морали и религии	Человеческий разум

Таким образом, в человеческом царстве мы находим рядом с явлениями, характеризующими его, все те, с которыми мы встречались в низших царствах. Следовательно, мы вынуждены признать, что в человеке действуют все те *силы* и все те *неизвестные причины*, которым мы приписывали эти эффекты. С этой точки зрения человек заслуживает названия, которое ему иногда давали, - *микрокосм*.

Мы видели, что в растительном царстве неодушевленные силы выполняют свои функции *под контролем*, так сказать, Жизни, которая впоследствии, в животном мире, проявила неоспоримые признаки своего подчинения животному разуму. Теперь Жизнь предстает в аналогичных условиях по отношению к человеческому разуму. В наиболее характерных человеческих действиях интеллект почти всегда играет наиболее заметную роль с исполнительной точки зрения; но он явно находится под руководством человеческого разума. Все законодательство должно опираться на единый фундамент морали и справедливости, которые являются лишь его формой; непосредственной причиной крестовых походов, распространения арабов и завоеваний ислама был религиозный пыл. Истинный законодатель и великий вождь действительно обязательно обладают высоким интеллектом, но разве не ясно, что в упомянутых случаях интеллект был поставлен на службу морали или религии, а следовательно, и *Неведомой Причине*, которой человек обязан этими способностями?

Но какой бы преобладающей ни была роль, отводимая этой причине в исключительно человеческих поступках, она не имеет никакого отношения к тем явлениям, которые берут свое начало исключительно в интеллекте. Ученый математик, ищущий с помощью самых глубоких абстракций решение какой-нибудь великой проблемы, совершенно лишен моральной или религиозной сферы, в которую, напротив, вступает невежественный, простодушный человек, когда борется, страдает или умирает за справедливость или за свою веру.

IX. Необходимо напомнить обо всех фактах и теориях, которые я только что изложил, чтобы облегчить понимание и обоснование метода, которым только и можно руководствоваться в антропологических исследованиях.

Предметом антропологии является изучение человека *как вида*. Она оставляет *материального человека* физиологии и медицине, *интеллектуального* и *морального* - философии и теологии. Поэтому у нее есть своя особая область исследования, и только поэтому - свои особые вопросы, которые часто не могут быть решены с помощью процессов, заимствованных из смежных наук.

Ведь в некоторых вопросах, причем в самых фундаментальных, сложность заключается в интерпретации явлений, связанных с теми, которые характерны для всех живых существ. По той самой причине, что они в определенной степени непонятны человеку, мы не можем искать их объяснение в человеке, поскольку он становится, так сказать, неизвестной величиной проблемы. Попытка решить проблему путем изучения человека, который является ее объектом, была бы эквивалентна тому, как если бы математик представлял значение x в терминах самого x .

Как поступает математик? Он ищет в данных задачи определенное количество *известных величин*, эквивалентных *неизвестной величине*, и с помощью этих величин определяет значение x .

Антрополог должен действовать таким же образом. Но где ему искать известные величины, которые позволят ему составить уравнение?

Ответ на этот вопрос можно найти в том, о чем мы говорили выше, и в таблице царств. Человек, несмотря на то, что у него есть свои особые и исключительно человеческие явления, прежде всего является организованным и живым существом. С этой точки зрения в нем происходят явления, общие с животными и растениями; он подчиняется тем же законам. По своей физической организации он не более чем животное, в некоторых отношениях превосходящее наиболее высокоразвитые виды, но уступающее им в других. С этой точки зрения он представляет собой органические и физиологические явления, идентичные тем, которые наблюдаются у животных вообще и у млекопитающих в частности; и законы, управляющие этими явлениями, одинаковы в обоих случаях.

Растения и животные изучаются гораздо дольше, чем человек, и исключительно с научной точки зрения, без каких-либо следов предрассудков и партийных чувств, которые часто мешают изучению человека. Не проникнув очень глубоко во все тайны растительной и животной жизни, наука получила определенное количество фиксированных и неоспоримых результатов, которые являются фундаментом позитивного знания и надежной отправной точкой. Именно там антрополог должен искать *известные величины*, в которых он может нуждаться.

Если возникают сомнения в природе или значении какого-либо явления, наблюдаемого у человека, необходимо изучить соответствующие явления у животных и даже у растений; их нужно сравнить с тем, что происходит у нас, и принять результаты этого сравнения в том виде, в каком они представлены. То, что признается истинным для других организованных существ, не может не быть истинным для человека.

Этот метод является неоспоримо научным. Он схож с методом современных физиологов, которые, поскольку не могут экспериментировать на человеке, экспериментируют на животных и делают выводы о первых на основе вторых. Но физиолог уделяет свое внимание только *индивидууму* и, следовательно, изучает не более тех групп, которые по своей организации наиболее близко подходят к существу, историю которого он хочет объяснить. Антрополог же, напротив, изучает *виды*. Вопросы, с которыми ему приходится иметь дело,

гораздо более общие, поэтому он вынужден обращать свое внимание как на растения, так и на животных.

У этого метода есть свой критерий: он позволяет контролировать различные ответы, которые часто даются на один вопрос. Средства оценки просты и легко применимы.

В антропологии каждое решение, чтобы быть обоснованным, то есть истинным, должно отсылать человека во всем, что не является исключительно человеческим, к общим признанным законам для других организованных и живых существ.

Любое решение, которое делает или стремится сделать человека исключением, представляя его свободным от тех законов, которые управляют другими организованными и живыми существами, является несостоятельным и ложным.

Опять же, рассуждая и формулируя свои выводы подобным образом, мы остаемся верны математическому методу. Чтобы решение задачи было принято как истинное, оно должно согласовываться с принятыми аксиомами, с ранее доказанными истинами. Любая гипотеза, которая приводит к результатам, расходящимся с этими аксиомами или истинами, только на этом основании объявляется ложной. В антропологии аксиомой или истиной, служащей критерием, является фундаментальная, физическая и физиологическая идентичность человека с другими живыми существами, с животными, с млекопитающими. Все гипотезы, расходящиеся с этой истиной, должны быть отвергнуты.

Таковы абсолютные правила, которыми я всегда руководствовался в антропологических исследованиях. Я не претендую на то, что изобрел их. Я едва ли сделал больше, чем сформулировал то, что было более или менее явно признано Линнеем, Бюффоном, Ламарком, Блюменбахом, Кювье, двумя Жоффруа Сент-Илерами, Й. Мюллером, Гумбольдтом и т. д. Но, с одной стороны, мои выдающиеся предшественники редко рассматривали этот вопрос с достаточной точностью и слишком часто не указывали причины своих решений. С другой стороны, эти принципы были и ежедневно забываются людьми, которые в других отношениях пользуются справедливостью титула великих авторитетов. Поскольку я вынужден с ними не соглашаться, я счел необходимым ясно показать общие идеи, которые служат основой для моих собственных научных убеждений. Таким образом, читатель сможет оценить и понять причины такого расхождения во мнениях.

ГЛАВА II.

ОБЩИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ; МОНОГЕНИЗМ И ПОЛИГЕНИЗМ.

I. Как только мы определили место, которое должно быть отведено человеку в великом порядке Вселенной, первый вопрос, который возникает, - это вопрос о том, существует ли один человеческий вид или несколько.

Хорошо известно, что этот вопрос вызвал раскол среди антропологов. *Полигенисты* считают фундаментальными различия в росте, чертах лица и цвете кожи, которые отличают жителей разных стран земного шара; *моногонисты* рассматривают эти различия лишь как результат случайных условий, которые в разной степени изменили примитивный тип. Первые считают, что существует *несколько видов* человека, совершенно независимых друг от друга;

вторые - что есть *только один вид* человека, который делится на несколько рас, происходящих из общего источника.

Как бы мало мы ни были знакомы с языком зоологии и ботаники или их приложениями, очевидно, что рассматриваемый нами вопрос является чисто научным и полностью относится к области естественных наук. К сожалению, дискуссия ни в коем случае не ограничивается этой областью.

Догма, подкрепленная авторитетом Книги, которую почти одинаково уважают христиане, иудеи и мусулмане, уже давно относит происхождение всех людей без исключения к одному отцу и матери. Тем не менее, первый удар, нанесенный по этому древнему верованию, был основан на той же самой книге. В 1655 году Ла Пейрер, протестантский дворянин в армии Конде, интерпретируя с точностью до буквы два повествования о сотворении мира, содержащиеся в Библии, а также различные детали в истории Адама и еврейского народа, попытался доказать, что только последние произошли от Адама и Евы; что им предшествовали другие люди, которые были созданы одновременно с животными во всех частях обитаемого земного шара; что потомки этих *преадамитов* были идентичны *язычникам*, которых всегда так тщательно отличали от евреев. Таким образом, мы видим, что полигенизм, обычно считающийся результатом *Свободной мысли*, имел библейское и догматическое происхождение.

Ла Пейрер атаковал адамическую догму во имя уважения к тексту священной Книги. Философы XVIII века выступали от имени науки и разума. Именно им школа полигенистов в действительности обязана своим происхождением. Но легко заметить, что большинство из них руководствовались в своих трудах лишь духом противоречия, их главной целью было разрушение догмы. К сожалению, та же склонность проявляется в слишком многих работах, опубликованных в наши дни. С другой стороны, некоторые моногенисты виновны в том, что ищут в религиозных доктринах аргументы в пользу своей теории и предают анафеме своих противников во имя догмы.

Социальные и политические предрассудки, в дополнение к догматическим и антидогматическим, помогли сделать еще более туманным вопрос, который сам по себе уже очень сложен. В Соединенных Штатах, в частности, сторонники рабства и его противники часто боролись на этой почве. Еще в 1844 году министр иностранных дел мистер Кэлхун, отвечая на представления, сделанные ему Францией и Англией по вопросу о рабстве, без колебаний защищал институты своей страны, настаивая на радикальных различиях, которые, по его мнению, отделяли негра от белого человека.

Помимо тех полигенистов, которые находятся под влиянием предрассудков почти или полностью ненаучных, есть искренние и бескорыстные люди науки, которые верят в множественность происхождения человека. В первую очередь это *медики*, привыкшие к изучению *отдельного человека* и лишь в малой степени знакомые с изучением *вида*. Есть еще палеонтологи, которые по роду своей деятельности вынуждены учитывать только морфологические сходства и различия, даже не обращая внимания на факты размножения или *родства*. Наконец, есть энтомологи, конхологи и т. д., которые, интересуясь исключительно различием бесчисленных видов по чисто внешним признакам, совершенно не знают физиологических явлений и судят о живых существах так же, как об окаменелостях.

С другой стороны, моногенизм причисляет к своим сторонникам почти всех натуралистов, которые обращали свое внимание на явления жизни, и среди них есть самые знаменитые. Несмотря на различие своих доктрин, Бюффон и Линней, Кювье и Ламарк, Бленвиль и два Джеффруа, физиолог Мюллер и Гумбольдт сходятся в этом вопросе. Не считая влияния,

которое может оказать имя этих великих людей, очевидно, что я разделяю их мнение. Я уже неоднократно объяснял чисто научные причины своих убеждений. Теперь я постараюсь изложить их как можно короче.

II. Прежде всего, давайте определим важность вопроса. Он ускользает от многих умов, и я слышал сомнения, высказанные по этому поводу людьми, которые с энтузиазмом следят за антропологическими исследованиями. Однако это легко доказать.

Если человеческие группы появились со всеми их отличительными чертами в изолированном состоянии и в различных местах, где география учит нас искать их; если мы можем проследить их до запасов, изначально отличных друг от друга, составляя таким образом так много *особых видов*, тогда их изучение является одним из самых простых, представляя не больше трудностей, чем изучение видов животных или растений. В разнообразии групп не будет ничего необычного. Достаточно будет изучить и описать их одну за другой, просто определив степень *родства* между ними. В лучшем случае нам пришлось бы установить их границы и выяснить влияние, которое группы, географически связанные друг с другом, могли оказывать друг на друга.

Если же, напротив, эти группы можно свести к одному общему первобытному роду, если существует *лишь один единственный вид* человека, то различия, порой столь разительные, которые разделяют группы, представляют собой проблему, аналогичную той, что существует для наших животных и растительных рас. Кроме того, человека можно встретить во всех частях земного шара, и мы должны объяснить эту дисперсию; мы должны объяснить, как один и тот же вид смог приспособиться к таким противоположным условиям существования, как те, которым подвержены жители полюса и экватора. И наконец, *простое родство* натуралистов сменяется *кровосмешением*, а к проблемам *вариаций, миграций и акклиматизации* добавляются проблемы *родства*.

Очевидно, что независимо от религиозных, философских или социальных соображений эта наука будет совершенно разной по характеру, если рассматривать ее с полигенистической точки зрения или в соответствии с теориями моногенизма.

III. Если первая из этих доктрин завоевывает такое большое число приверженцев, то причину этого можно по большей части найти в вышеупомянутых причинах. Но ее соблазнительная простота и удобство, которое она, как кажется, придает интерпретации фактов, также играют немалую роль. К сожалению, эти преимущества лишь кажущиеся. Полигенизм скрывает или отрицает трудности; он не подавляет их. Они внезапно обнаруживаются, как подводные скалы, перед каждым, кто хоть немного пытается докопаться до сути дела.

С этой доктриной дело обстоит так же, как и с *системами* классификации, ранее применявшимися в ботанике и зоологии, которые опирались на небольшое количество произвольных данных. Они были, несомненно, очень удобны, но обладали серьезным недостатком - способствовали возникновению большинства ошибочных мнений из-за разрушения истинных отношений и навязывания ложных связей.

Моногенизм действует так же, как и *естественный метод*. Зоолог и ботаник с помощью этого метода оказываются лицом к лицу с каждой проблемой, которая ставится перед ними во всех аспектах. Он часто демонстрирует недостаточность фактических знаний, но это единственное средство разрушить иллюзии и предотвратить веру в ложные объяснения.

То же самое происходит и с моногенизмом. Он также ставит антрополога лицом к лицу с реальностью, заставляет его исследовать каждый вопрос, показывает ему весь масштаб

каждого и часто вынуждает его признать свою неспособность решить их. Но тем самым она защищает его от ошибок, провоцируя на новые исследования, и время от времени вознаграждает его большим прогрессом, который навсегда остается его приобретением.

Я еще вернусь к этим соображениям, истинность которых будет лучше понятна, когда будут рассмотрены основные общие вопросы антропологии. В дальнейшем я постараюсь как можно короче обосновать предшествующую критику и восхваления.

ГЛАВА III.

ВИДЫ И РАСЫ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ.

I. Вопрос о единстве или множественности человеческих видов может быть сформулирован следующим образом: характерны ли различия, которые отличают человеческие группы, для *вида* или для *расы*?

Очевидно, что этот вопрос полностью зависит от двух слов - вид и раса. Поэтому совершенно необходимо как можно точнее определить смысл каждого из них, и все же есть антропологи, такие как Нокс, например, которые заявляют, что любое обсуждение или исследование в связи с этим предметом является пустым. Есть и другие, например доктор Нотт, которые хотели бы исключить расу и установить только различные *категории видов*. Чтобы поддержать свои доктрины, эти авторы игнорируют работу, которую на протяжении почти двух столетий вели самые известные натуралисты, а также бесчисленные наблюдения и эксперименты, проведенные огромным количеством выдающихся людей над растениями и животными.

На самом деле теория видов и рас не была сформирована *à priori*, как это слишком часто ложно утверждается, а была получена постепенно и строго научным путем.

II. Слово "*вид*" существует во всех языках, где есть абстрактные термины. Поэтому оно представляет собой общую идею. Прежде всего, это идея большого внешнего *сходства*, но даже в обычном языке это еще не все. Идея *родства* связана, даже в самых некультурных умах, с идеей *сходства*. Ни один крестьянин не стал бы колебаться, считая детей одних и тех же родителей *принадлежащими к одному и тому же виду*, какие бы реальные или кажущиеся различия их ни отличали.

В действительности наука сделала не более чем определение идеи, о которой общество имело лишь смутное представление, и лишь совсем недавно, после весьма любопытных колебаний, ей удалось это сделать. В 1686 году Жан Рей в своей "Истории растений" считал, что растения, имеющие общее происхождение и способные размножаться семенами, принадлежат к одному виду, каковы бы ни были их видимые различия. Он учитывал только родственные связи. Турнефор, который в 1700 году первым четко сформулировал этот вопрос, напротив, называл *видом* совокупность растений, отличающихся каким-либо особым признаком. Он опирался только на сходство.

У Рея и Турнефора время от времени появлялось несколько подражателей, которые в своем определении видов придерживались одной из двух идей. Но подавляющее большинство

зоологов осознало невозможность их разделения. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть определения, которые они давали. Каждый из них, от Бюффона и Кювье до ММ. Шеврёля и К. Фогта, так сказать, предложил свое собственное. Однако, как бы они ни расходились в других аспектах, в этом они все согласны. Термины определений различны, каждый старается наилучшим образом представить сложную идею вида; некоторые расширяют ее еще больше и связывают с ней идеи цикла и вариации: но во всех основная идея одна и та же.

В таком сложном деле, как поиск хорошего определения для комбинации идей, новейший автор всегда надеется улучшить своих предшественников. По этой причине я также привел свою формулу: "Вид - это совокупность особей, более или менее похожих друг на друга, которые могут рассматриваться как произошедшие от одной примитивной пары путем непрерывной и естественной преемственности семейств".

В этом определении, как и в определении некоторых моих коллег, в том числе М. Шеврёля, идея сходства имеет меньшее значение и подчинена идее родства. Дело в том, что между одним индивидуумом и другим никогда не бывает идентичности характеров. Если отбросить вариации, обусловленные возрастом и полом, то сразу становится очевидным, что все представители одного и того же конкретного типа различаются по некоторым пунктам. И хотя эти различия очень незначительны, они представляют собой *индивидуальные черты, оттенки*, как говорил Исидор Жоффруа, которые позволяют нам различать два одинаковых вида.

Но различия не ограничиваются этими пределами. Конкретные типы *изменчивы*, то есть каждый вид физических характеристик изменяется в своих производных и, под влиянием определенных условий, настолько, что зачастую очень трудно распознать единство их происхождения. С этим, опять же, согласны все натуралисты. Даже Бленвиль, который определял вид как "особь, повторяющуюся и продолжающуюся во времени и пространстве", отчетливо признавал эту *изменчивость*; ведь особь постоянно подвергается модификации и не сохраняет своего сходства на различных этапах жизни. Кроме того, он признавал существование отдельных рас.

Изменчивость видов также была предметом оживленных дискуссий среди натуралистов. До сих пор не забыт памятный спор, возникший по этому поводу между Кювье и Жоффруа, который Гете считал более важным, чем самые серьезные политические события. В наши дни школа, к которой принадлежат многие из самых известных имен в Англии, Германии и других странах, восприняла, с некоторыми изменениями, идеи Ламарка и Жоффруа; она поддерживает их, сохраняя термин "*изменчивость видов*".

В этой формуле наблюдается серьезная путаница слов. Ламарк, Жоффруа, Дарвин и его школа считают виды не только *изменчивыми*, но и *трансмутруемыми*. Конкретные типы не просто *изменяются*, они *заменяются* новыми. По их мнению, *изменчивость* - это лишь фаза совершенно иного явления - *трансмутации*.

Я обсужу эти теории позже. Сейчас я ограничусь замечанием, что *истинная изменчивость*, признаваемая даже защитниками *догматической неизменности*, например, Бленвилем, , изменчивость, которую я полностью принимаю, не имеет ничего общего с *трансмутацией* Ламарка, Жоффруа и Дарвина. Давайте вкратце определим границы этой изменчивости.

III. Когда индивидуальный признак преувеличивается и переходит предел, всегда очень слабо определенный, он представляет собой исключительный характер, который четко

отличает индивида, пораженного им, от всех наиболее похожих на него. Этот индивид представляет собой *разновидность*.

Тот же термин должен применяться ко всем тем особям, которые, подобно некоторым растениям, размножаемым отводками, прививками или побегами, ведут свое происхождение от первой исключительной особи, не имея возможности передавать свои отличительные признаки посредством обычного поколения. Любопытный пример этих *множественных разновидностей* я привожу у М. Шеврёля. В 1803 или 1805 году М. Дешмет обнаружил в своем саду в Сен-Дени, посреди зарослей акации (*Robinia pseudo-acacia*), особь без шипов, которую он описал под эпитетом *spectabilis*. Именно размножению этой особи искусством садовника обязаны своим происхождением все *акации без колючек*, которые сегодня распространены во всех уголках земного шара. Теперь эти особи производят семена, но если их посеять, то получатся только *колючие акации*. Акация *спектрабилис* так и осталась *сортом*.

А последний можно определить так: "Особь или несколько особей, принадлежащих к одному половому поколению, которые отличаются от других представителей того же вида одним или несколькими исключительными признаками".

Легко понять, насколько велико может быть число разновидностей у одного вида. В самом деле, едва ли найдется какая-либо внешняя или внутренняя часть животного или растения, которая не была бы преувеличена, уменьшена или изменена тысячью способов, и каждое из этих преувеличений, уменьшений или изменений будет характеризовать новую разновидность, при одном условии, что она будет достаточно выражена.

IV. Когда признаки, свойственные сорту, становятся *наследственными*, то есть передаются из поколения в поколение потомкам первой измененной особи, образуется *раса*. Например, если *акация без колючек* когда-нибудь размножится семенами, деревьями, похожими на себя и обладающими той же силой, то *Acacia spectabilis* перестанет быть простым сортом и превратится в расу.

Раса, таким образом, будет состоять из: - "Ряд особей, похожих друг на друга, принадлежащих к одному виду, получивших и передающих, посредством полового поколения, признаки примитивного сорта".

Таким образом, *вид* является отправной точкой; *разновидность* появляется среди особей, из которых она состоит, и, когда признаки этой разновидности становятся наследственными, образуется *раса*.

Таковы отношения, которые, по мнению всех натуралистов, "от Кювье до самого Ламарка", как говорил Исидор Жоффруа, существуют между этими тремя терминами. Перед нами фундаментальная идея, которую мы никогда не должны упускать из виду при изучении вопросов, которыми мы занимаемся. Из-за пренебрежения этой идеей люди самого высокого ранга не смогли понять самые значительные факты.

Мы видим, что идея *сходства*, которая сильно урезана в *видах*, вновь приобретает в *расе* значение, равное значению *родства*.

Мы видим также, что число рас, которые происходят непосредственно от одного вида, может быть равно числу разновидностей того же вида, а следовательно, очень велико. Но это число имеет тенденцию к дальнейшему увеличению до неопределенных пределов. На самом деле

каждая из этих *первичных рас* подвержена новым модификациям, которые могут либо распространяться не дальше одной особи, либо передаваться по наследству. Так возникают *вторичные и третичные разновидности* или *расы*. Наши растения и домашние животные служат бесчисленными примерами этих фактов.

V. В результате происхождения рас друг от друга и их размножения они могут принимать дифференциальные признаки, которые становятся все более и более определенными. Но как бы многочисленны они ни были, и какие бы различия ни существовали между ними, и как бы далеко они ни казались удаленными от примитивного типа, они, тем не менее, все еще составляют часть вида, от которого произошли примитивные расы.

С другой стороны, каждый вид включает в себя, независимо от особей, сохранивших свои примитивные черты, все те, которые составляют первичные, вторичные, третичные и т. д. расы, произошедшие от основного типа.

Другими словами, *вид* - это *единица*, а *расы* - *части* этой единицы. Или, опять же, *вид* - это *ствол дерева*, из которого *несколько серий рас* представляют собой *главные и второстепенные ветви и сучья*. Общее единство и относительная независимость ствола и ветвей дерева очевидным образом отражают связи, существующие между видом и его расами.

ГЛАВА IV.

ПРИРОДА ВАРИАЦИЙ В ЖИВОТНЫХ И РАСТИТЕЛЬНЫХ РАСАХ; ПРИМЕНЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ.

I. Смысл поставленного выше вопроса теперь понятен. Мы должны выяснить, являются ли человеческие группы, которые, как мы знаем, отличаются друг от друга часто очень выраженными признаками, частями одного целого, ветвями одного и того же дерева, или же это так много единиц разного значения, так много деревьев различной природы.

Исторические документы совершенно не способны решить эту проблему. С другой стороны, если предметом проблемы является человек, то очевидно, что решение нужно искать в другом месте.

Куда же нам обратиться, чтобы получить однозначный ответ на этот столь волнующий нас вопрос? Очевидно, к натуралистам и только к натуралистам. Вид и раса уже более двух столетий являются предметом их исследований; они накапливают наблюдения, умножают эксперименты. В своих исследованиях они руководствовались исключительно научным духом и, будучи поставленными вне пределов досягаемости споров, сохранили всю свободу суждений. Результаты, полученные таким образом, заслуживают самого большого доверия и предоставляют надежные данные для применения нашего антропологического метода.

Каждый, кто действительно желает составить мнение о единстве или множественности человеческого рода, должен выяснить, каковы факты и явления, характеризующие расу и вид у растений и животных; затем обратиться к человеку и сравнить представленные факты и явления с теми, которые ботаники и зоологи наблюдали в других царствах. Если факты и явления, которые отличают человеческие группы, соответствуют тем, которые в других

организованных и живых существах отличают *виды*, то он с полным правом сделает вывод о множественности человеческих видов; если же эти явления и факты характерны для расы в двух низших царствах, то он должен сделать вывод в пользу конкретного единства.

Именно следование этому курсу убедило меня в моногенизме, и я уверен, что результат будет таким же у любого, кто последует ему.

II. Идея вида, как мы видели, основывается на двух различных идеях - *сходства* и *родства*. Давайте сначала обратим внимание на первую, как на более серьезный камень преткновения из двух. Никто не станет колебаться, считая двух особей, очень похожих друг на друга, принадлежащими к одному виду; однако если они имеют несколько заметные различия, а необходимая информация отсутствует, мы не решаемся дать отрицательный ответ. Разум с готовностью принимает последнее заключение, когда объектом обсуждения становится человек. Постоянное, хотя и неосознанное изучение наделило нас восприятием, которое позволяет оценить в окружающих нас людях самые тонкие градации черт лица, цвета кожи и внешнего вида волос. В данном случае эта тонкость восприятия имеет серьезное неудобство. Она неизбежно приводит к преувеличению различий, существующих между разными группами, и тем самым заставляет нас рассматривать их как множество видов.

Однако для того, чтобы это решение имело реальную ценность, необходимо заранее доказать, что различия между одной человеческой группой и другой больше, чем те, которые были установлены между группами животных и растений, о которых достоверно известно, что они являются лишь *расами одного вида*.

Теперь это не так. Какими бы незначительными ни были наши попытки познакомиться с природой и масштабами вариаций, мы очень скоро увидим, что в животных и растительных расах они достигают пределов, которые никогда не переступаются, и но редко достигаются различиями между человеческими группами.

III. Я не буду долго останавливаться на морфологических и анатомических изменениях растений. Достаточно будет вспомнить, как многочисленны и разнообразны те сорта овощей, цветов, фруктовых деревьев и декоративных кустарников, число которых постоянно растет. Среди последних, правда, сорта очень редко доходят до состояния *расы*. Прививка, размножение черенками и т.д. позволяют быстро и уверенно размножать их, как в случае с акацией без колючек, и садоводы всегда прибегали к этому методу. Тем не менее, даже среди плодовых деревьев несколько сортов закрепились и могут быть воспроизведены семенами. В качестве примера можно привести сливу, персик и виноградную лозу. Что касается однолетников, особенно садовых овощей, то их можно сохранить и размножить только таким способом. Здесь мы находим только расы, и хорошо бы знать, насколько они многочисленны и разнообразны. Одна только капуста (*Brassica oleracea*) насчитывает сорок семь основных рас, каждая из которых подразделяется на множество вторичных и третичных. Сейчас совершенно бесполезно настаивать на расстоянии, которое отделяет кочан, из которого делают квашеную капусту, от репы, из которой едят корнеплод, от цветной капусты или брокколи.

Совершенно очевидно, что это не может быть вызвано простым изменением примитивных форм. Элементы организма претерпевают изменения, по-разному ассоциируются и сочетаются в зависимости от расы. Но сами эти элементы часто подвергаются самым серьезным изменениям. Некоторые кислоты уменьшаются или исчезают и заменяются сахаром, сладким вкусом и ароматом, которые развивают и характеризуют определенные

расы овощей и фруктов, и показывают, что жизненные силы этих растений подверглись очень существенным изменениям, верно передаваемым из поколения в поколение.

Возможно, будет выдвинуто возражение, что между растительными и животными организмами слишком мало сходства, чтобы приведенное выше сравнение анатомических фактов было действительно полезным. Иначе обстоит дело с физиологическими явлениями.

Жизненная активность наших культурных растений иногда представляет очень заметные различия в разных расах. В наших нескольких расах кукурузы быстрота развития варьирует от простой до тройной. В умеренном климате ячмень требует пяти месяцев для прорастания, роста и созревания. В Финляндии и Лапландии для прохождения тех же фаз роста требуется всего два месяца. И, наконец, хорошо известно, что в наших огородах и фруктовых садах встречаются расы и сорта, одни из которых быстро, а другие медленно растут.

Энергия репродуктивных органов часто варьируется в необычной манере у разных рас. Например, у нас есть розы, которые цветут два-три раза в год, и клубника, которая плодоносит почти весь год. Есть апельсины, переполненные косточками, и другие, в которых они почти полностью отсутствуют. Наконец, в некоторых бананах и смородине семена полностью исчезли. Мы сразу видим, что эти последние продукты человеческой промышленности существуют только в виде *сортов*.

IV. У животных мы встречаемся с фактами, которые в точности соответствуют тем, что мы только что наблюдали у растений. Более того, мы обнаруживаем, что они испытывают изменения, связанные с проявлениями того, что мы называли *животным разумом*.

Разнообразие рас в наших домашних видах слишком хорошо известно, чтобы настаивать на этом. Я лишь упомяну, что Дарвин насчитывает 150 различных рас голубей и заявляет, что еще не знаком со всеми. Более того, эти *расы* достаточно различны, чтобы сделать необходимым их разделение по меньшей мере на четыре отдельных *рода*, если рассматривать их как множество *видов*. Среди млекопитающих аналогичные факты замечены в случае с собакой. На выставке собак в 1863 году Общество акклиматизации, которое очень строго придерживалось правил приема и принимало только совершенно чистые типы, собрало не менее семидесяти рас собак. Однако большее количество принадлежит Европе, в частности Франции и Англии; почти все азиатские, африканские и американские породы отсутствовали в коллекции, так что в целом мы можем с полным основанием предположить, что существует по крайней мере столько же рас собак, сколько голубей. Что касается морфологических различий, то нам достаточно упомянуть бультерьеров и грейхаундов, биглей и датских каретных собак, мастифов и кингчессов. Вряд ли стоит говорить о том, что эти внешние различия наводят на мысль о соответствующих изменениях в скелете, пропорциях и форме мышц. Анатомические различия на самом деле еще больше. Например, череп водяного спаниеля пропорционально вдвое больше, чем у бычьей собаки.

Среди животных, как и среди растений, есть расы, которые развиваются медленно, и расы, которые быстро увеличиваются в размерах. Как и у растений, плодовитость у одних снижается, а у других повышается. Когда они слишком совершенны, то есть слишком далеки от своего природного типа, животные расы, как и растительные, размножаются только с большим трудом, а то и вовсе не размножаются.

Наши обычные овцы рожают только раз в год одного ягненка; "хонг-ти" - два раза в год по два ягненка. Дикая свиноматка приносит приплод только один раз в год - шесть или восемь молодых особей, а одомашненная - два раза в год - от десяти до пятнадцати. Таким образом,

ее плодовитость увеличивается по меньшей мере в три раза. У индийской свиньи, происходящей от "аперии", она более чем в семь раз выше.

У собак привычки, навязанные воспитанием, передаваемые и укрепляемые наследственностью, в конце концов принимают вид стольких *природных инстинктов*, что расы характеризуются так же хорошо, как и физические особенности. Это неопровержимо доказано экспериментами, проводившимися Найтом в течение более чем тридцати лет. Упоминания о бигле и пойнтере будет достаточно, чтобы напомнить о контрасте, который во многих случаях существует между этими *приобретенными инстинктами*. Если рассматривать относительное развитие интеллекта, как его правильно называть, то разница между расами также очень заметна во многих случаях. С этой точки зрения достаточно сравнить борзую и спаниеля.

V. Если от *животных и растений* мы перейдем к человеку, то обнаружим в нем, как и в двух низших царствах, группы, отличающиеся анатомическими, физиологическими и психологическими различиями. В большинстве случаев одни и те же органы и одни и те же функции представляют собой аналогичные модификации. Какая причина может быть выдвинута для идеи, что, если рассмотреть *их природу*, эти различия и модификации имеют большее значение для человека и что они характеризуют *вид*, а не *расу*? Очевидно, что никаких; это было бы рассуждением против законов аналогии. Аргумент, основанный на вариациях, представленных проявлениями *морали и религии*, означал бы пренебрежение тем фактом, что эти способности являются атрибутами человеческого царства, что они отсутствуют в других царствах и, следовательно, не подлежат никакому сравнению такого рода. В том, что является исключительно человеческим, человек может быть сравнен только с человеком.

В заключение следует сказать, что факты вариаций и различий, существующих в человеке между *разными группами*, имеют *ту же природу*, что и те, что установлены между *разными расами* животных и растений. Природа этих явлений не может служить аргументом в пользу теории, согласно которой эти группы представляют собой множество видов.

ГЛАВА V.

СТЕПЕНЬ ВАРИАЦИЙ В РАСАХ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ; ПРИМЕНЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ.

I. Вопрос, которому посвящена эта глава, - один из тех, которые я буду рассматривать наиболее полно в рамках данного курса. На самом деле, он имеет особое значение. Почти все полигенистические аргументы сводятся к следующему: "Разница между негром и белым слишком велика, чтобы они могли принадлежать к одному виду". Эти типы являются двумя крайними в человеческом ряду. Поэтому, если удастся доказать, что между этими двумя крайностями пределы вариаций у растений и животных почти всегда больше, чем у человека, мы подорвем фундамент всей полигенистической доктрины.

Теперь, даже если мы оставим в стороне растения, а в их отношении не может быть сомнений; если мы просто сравним человека и животных, орган за органом, функцию за функцией, нам не составит большого труда прийти к выводу, что это действительно так; настолько, что мы будем вынуждены задать вопрос, почему изменчивость меньше у

человека, чем у животных. Полная демонстрация этого общего факта потребует более подробного рассмотрения, чем я в состоянии дать. Поэтому я ограничусь приведением некоторых примеров.

II. Окраска кожи - одна из самых ярких характеристик, которая наиболее заметна глазу. Это привело к появлению выражений "белый", "желтый" и "черный", которые самым неправильным образом используются для обозначения трех основных групп человечества. Сначала мы докажем, что эти названия обладают серьезным неудобством, поскольку вызывают совершенно ошибочные представления. Среди *белых* есть целые популяции, чья кожа такая же черная, как у самого темного негра. Я приведу лишь бишаринов и другие племена, населяющие африканские берега Красного моря, чернокожих мавров Сенегала и т. д. С другой стороны, есть желтокожие *негры*, как, например, боджесманы, которые имеют цвет светлого красного дерева или кофе-о-лайт, как говорит нам Ливингстон.

Не менее верно и то, что цвет кожи - самая изменчивая характеристика человека, и когда мы ставим *угольно-черного негра* рядом со *светлым белым* с его розоватым цветом лица, контраст поражает. Но этот контраст повторяется в нескольких расах животных, например, в собаке, чья кожа обычно черноватая, но белая у белого пуделя. То же самое происходит и с лошадьми - этот факт был известен даже Геродоту, который называет белых лошадей с черной кожей выше всех остальных.

Только в расах наших домашних птиц представлены три крайних цвета, наблюдаемые у человека. У французской птицы кожа белая; у кохинхина она приближается к желтой; у черных *птиц* она черная. Иногда они демонстрируют особенность, подобную той, о которой я упоминал в отношении лошади: темная кожа сопровождает белое оперение, как у японской *шелковой курицы*.

Эти же *черные птицы* обладают несколькими интересными с нашей точки зрения особенностями. В Европе меланизм время от времени появляется на птичьих дворах, и он непременно распространился бы, если бы не уничтожались птицы, подвергшиеся его атаке. Возможно, именно из-за отсутствия этой меры предосторожности в различных частях земного шара появились черные птицы, в том числе на Филиппинах, на Яве, на островах Зеленого Мыса и на плато Боготы, которые были выведены из европейского поголовья. Кроме того, меланизм проявляется в группах птиц, которые наиболее разительно отличаются по другим параметрам, как у шелковой курицы, так и у наших обычных рас.

Мы видим, что *черные птицы* ни в коем случае не являются отдельным видом, и что появление черного цвета - это всего лишь случайный признак, который может быть получен в расах, очень несхожих в других отношениях, и затем передан по наследству. Зачем же тогда признавать, что у человека было иначе?

Опять же, меланизм более сильно развит у птиц, чем у человека. Уже давно признано, что череп негра имеет более темную окраску, чем череп белого. Это действительно так. Но М. Гублер доказал, что череп очень темнокожего белого был окрашен точно так же, как у негра, и что эта особенность иногда была индивидуальной, а иногда передавалась по наследству в определенных семьях. У птиц меланизм проникает и во внутренности, но не только менинги имеют особенности, сходные с теми, что есть у *негров*. У них все слизистые, фиброзные и апоневротические мембраны, вплоть до мышечных оболочек, имеют одинаковую окраску. Плоть также приобретает отвратительный вид, и именно по этой причине размножение черных птиц максимально предотвращается.

Разница в окраске легко объяснима. Теперь мы точно знаем, что кожа негра точно такая же по составу, как и у белого. Мы находим одни и те же слои в обоих случаях; *дерма, слизистый слой и эпидермис* имеют абсолютно одинаковую структуру. У негров эти слои просто толще. В этих двух больших расах слизистый слой, расположенный между двумя другими, является местом цвета. Он состоит из клеток бледно-желтого цвета у *светлокожих*, более или менее коричнево-желтого у *темно-белых* и черно-коричневого у негров. Кроме того, внешние причины оказывают влияние на орган и изменяют цветную секрецию. Саймон показал, что веснушки - это не что иное, как пятна на коже *белых*, отражающие особенности кожи негров, и мы знаем, что необычное пребывание на солнце у мужчин и женщин нашей расы, а также беременность у последних, являются достаточным условием для образования этих пятен.

Почему же тогда следует считать странным, что ряд обстоятельств, постоянное тепло, яркий свет и т.д. должны влиять на все тело и увековечивать те изменения, которые в нас лишь ограничены и преходящи. При рассмотрении вопроса о формировании человеческих рас мы должны будем привести факты, которые ясно докажут, что это не просто гипотеза.

Наконец, цвет кожи зависит от простой секреции, которая, как и многие другие, может изменяться под воздействием ряда обстоятельств. Поэтому нет ничего странного в том, что некоторые человеческие группы, сильно различающиеся по другим параметрам, должны походить друг на друга по цвету кожи. Именно по этой причине индусы (*арийцы*), бишари и мавры (*семитские*), хотя и принадлежат к *белой расе*, имеют тот же и даже более темный оттенок, чем *истинные негры*. Это также объясняет тот факт, что цвет негра в некоторых случаях приближается к цвету людей, принадлежащих к белой расе, которые имеют более или менее коричневый цвет, или принимает оттенок, который в точности повторяет оттенок желтой расы.

Таким образом, в человеке, как и в животных, подтверждается афоризм, сформулированный Линнеем в отношении растений: *-nimium ne crede colori*.

III. Я не буду долго останавливаться на видоизменениях волос и ворсинок. У человека они скорее кажущиеся, чем реальные. Светлые или черные, тонкие и шерстистые, как у негров, или грубые и жесткие, как у желтой и красной рас; круглые ли в поперечном сечении, как у желтой расы, овальные, как у белых, или эллиптические, как у негров, *волосы остаются волосами*. Шерстяное руно наших овец, напротив, в некоторых районах Африки заменено коротким и гладким волосом. В Америке то же самое происходит с мадленскими овцами, когда их оставляют нестриженными; с другой стороны, на высоких равнинах Анд дикие кабаны приобретают грубую шерсть.

Практика некоторых туземцев сбривать все волосы заставила некоторых путешественников поверить в существование человеческих рас, которые полностью лишены волос; однако эта ошибка была признана. Все люди имеют волосы на обычных местах. Однако известно, что существуют безволосые собаки и лошади. В Америке, где быки имеют европейское происхождение, волосы начинают становиться очень тонкими и немногочисленными у *пелонов* и полностью исчезают у *калонго*; а если число последних не увеличивается, то это объясняется тем, что их систематически уничтожают, считая их вырождающейся расой.

Очевидно, что в этих нескольких отношениях вариации у животных более обширны, чем у человека.

IV. Этот факт становится еще более очевидным, когда появляется возможность заменить точные измерения общими представлениями и сравнить фигуры. Вариации размеров дают

такое преимущество, и интересно сравнить с этой точки зрения крайности некоторых рас животных с крайностями, допускаемыми в человеческих группах.

ВИД.	РАСА.	РАЗНИЦА.			}	СООТНОШЕНИЕ.		
		м.	фут.	дюйм.		м.	фут.	дюйм.
Собаки	Малый спаниель	0-305	1		}	1-025	2	4-27
(длина)	Сенбернар	1-328	3	4-27	}			0-2
Кролики	Нисард	0-20		7-87	}	0-40	1	3-74
(длина)	Белье	0-60	1	11-62	}			0-3
Лошадь	Шетландская	0-76	2	5-92	}	1-04	3	4-94
(высота)	Бродячая лошадь	1-80	5	10-85	}			0-4
Овца		0-325	1	0-79	}	0-715	2	4-15
(высота)		1-040	3	4-94	}			0-3
Мужчина (средний	Bosjesman	1-37	4	5-93	}	0-35	1	2-18
высота)	Патагония	1-72	5	8-11	}			0-8

Мы видим, что различия между расами у лошади в два раза больше, чем у человека, почти в три раза у овцы и кролика и в четыре раза у собаки. Возможно, разница еще более разительна у козы и быка, если судить по терминам сравнения, используемым несколькими путешественниками.

Если после изучения различных размеров тела мы сравним различия в пропорциях, представленные на сайте, с одной стороны, у животных, а с другой - у людей, то придем к схожим результатам. Однако, не вдаваясь в подробности, достаточно будет упомянуть борзую и бигля.

V. Один из самых необычных внешних признаков, на котором часто настаивают, что он обязательно должен быть видовым, - это признак боснийских женщин. Общеизвестно, что в нижней части поясницы у них развивается жировая масса, которая иногда увеличивается до значительного выступа, как можно видеть на *Венере Хомтенгот*, модель которой находится в Парижском музее. Однако эта *стеатопигия* вновь появляется у некоторых племен, расположенных гораздо дальше на север, чем раса узуана, а Ливингстон утверждает, что некоторые женщины буров, несомненно голландского происхождения, начали страдать от нее. Уже из одного этого факта преувеличенное развитие жировой ткани теряет то значение, которое многие хотели ему придать.

Однако если бы стеатопигия существовала только у узуанов, мы не могли бы считать ее видовым признаком, поскольку она была доказана у животных, у которых она является лишь расовым признаком. Паллас доказал этот факт на некоторых овцах Центральной Азии. У этих животных хвост исчезает и сводится к простому копчику, справа и слева от которого расположены две полусферические жировые массы весом от двадцати до тридцати фунтов каждая. И здесь вариации пропорционально больше, чем у боснийской женщины.

Мы не можем рассматривать этих овец как другой вид, поскольку, когда русские вывезли тех же животных из страны, в которой они родились, стеатопигия исчезла через несколько поколений. Таким образом, это всего лишь расовый признак, который может сохраниться только в том месте, где он был развит, как это видно из ряда других случаев.

VI. Очевидно, что предыдущий признак является в такой же степени внутренним, как и внешним; очевидно также, что ни размер, ни пропорции туловища и конечностей не могут меняться, если скелет и сопутствующие ему мышцы не претерпевают соответствующих изменений. Анатомические признаки меняются вместе с расой животных, так же как и внешние. Есть, однако, некоторые факты, которые имеют непосредственное отношение к анатомии. Приведу несколько примеров.

Передняя лапа собаки обычно имеет пять хорошо сформированных пальцев, в то время как на задней лапе их всего четыре с рудиментарным пятым. Последний исчезает у некоторых рас, в основном у низкорослых. В некоторых крупных расах, напротив, она развивается и становится равной четырем остальным. Затем должно произойти образование костей, соответствующих тарзу и метатарзу.

Нечто похожее на только что отмеченные нами признаки можно наблюдать у свиньи, осложненные, однако, новым явлением. Здесь нормальная стопа имеет два маленьких рудиментарных латеральных пальца и два медиальных пальца, каждый из которых имеет собственное копыто. В некоторых расах, уже известных древним, развивается третий медиальный палец, и вся стопа оказывается в одном копыте. Вместо того, чтобы быть *двуногой*, что является нормальным типом *вида*, раса *становится твердокопытной*.

Ничего подобного не встречается у человека. У каждой расы ноги сохраняют свое обычное строение, как у босъесмана, так и у патагонца. Тем не менее иногда проявляются некоторые тератологические исключения с тенденцией к наследственности, о которых мы поговорим в другой главе.

VII. Позвоночный столб - это, так сказать, основная часть скелета, и, тем не менее, он не менее разнообразен. Я не буду настаивать на различиях, которые представляет его хвостовая часть, лишь отмечу, что существуют расы собак, овец и коз, у которых хвост настолько редуцирован, что представляет собой не более чем короткий копчик.

Известно, что сами центральные части могут изменяться. Филиппи рассказывает, что у быков из Пьячентино было тринадцать ребер вместо двенадцати, и, следовательно, лишний спинной позвонок. У свиньи, по наблюдениям Эйтона, спинные позвонки варьируются от тринадцати до пятнадцати, поясничные - от четырех до шести, крестцовые - от четырех до пяти, хвостовые - от тринадцати до двадцати трех, так что общее их количество составляет сорок четыре у африканской и пятьдесят четыре у английской свиньи.

У человека иногда наблюдается наличие одного лишнего позвонка. Это всегда были единичные случаи, за исключением одной голландской семьи, о которой упоминает Вролих. Но это не приближается к постоянному характеру ни в одной человеческой группе, а если бы

такая группа и существовала, то очевидно, что вариации здесь были бы опять-таки меньше, чем у животных, поскольку, даже не считая хвоста, у последних они в три раза сильнее.

Конечно, я не принимаю во внимание то, что так часто говорили о людях, утверждавших, что у них есть хвосты. Теперь мы лучше знаем, насколько можно доверять этому утверждению. Но вариации, происходящие в хвостовом отделе среди животных, учат нас, что даже значительное удлинение копчика в человеческой группе и умножение позвонков, которые его образуют, не должны рассматриваться *à priori* как специфический признак.

VIII. Можно было бы ожидать, что голова избежит модификаций из-за важности органов, которые к ней относятся. Но это не так, и здесь опять же модификации гораздо больше у животных, чем у человека. Блюменбах давно заметил, что между головой домашней свиньи и дикого кабана больше различий, чем между головой белого и негра. Нет ни одного домашнего вида, к которому нельзя было бы применить то же замечание. Но я лишь напому читателю о головах бычьей собаки, борзой и спаниеля.

Степень, до которой могут быть доведены изменения головы, нигде не показана более наглядно, чем на примере скота *ниата* из Буэнос-Айреса и Ла-Платы. Этот бык демонстрирует изменения специфических черт, схожие с теми, что есть у бультерьера среди собак. Все формы укорочены и утолщены, голова, в частности, кажется, испытала общее движение концентрации. Нижняя верхнечелюстная кость, хотя и укороченная, настолько превосходит верхнюю по длине, что животное не в состоянии обхватить деревья. Череп так же сильно деформирован, как и лицо; изменены не только формы костей, но и их соотношения, ни одно из которых, по словам профессора Оуэна, не было строго сохранено. Эта раса, хотя и прекрасно сформировавшаяся, не обязательно имеет менее позднее происхождение; ведь, как я уже отмечал выше, все американские быки произошли от европейских. В Новом Свете она уже представлена двумя подрасами, одна из которых, буэнос-айресская, сохранила рога, а мексиканская их утратила.

Вряд ли стоит говорить о том, что ни одна человеческая группа не представляет ничего подобного.

IX. Несколько фактов, которые я здесь перечислил, кажутся мне достаточными для обоснования предположения, которое я утверждал в начале этой главы, а именно: что пределы вариаций почти всегда более обширны между определенными расами животных, чем между самыми отдаленными человеческими группами.

Следовательно, какими бы большими ни были или казались различия между этими человеческими группами, рассматривать их как *специфические признаки* - значит совершенно произвольно оценивать их значение. По меньшей мере, вполне рационально, вполне научно рассматривать эти различия только как *признаки расы*, и даже на этом основании относить все человеческие группы к одному виду.

Правомерность этого вывода неоспорима. Повторяю, что этого вывода достаточно, чтобы разрушить саму основу полигенистической теории. В действительности эта теория полностью опирается на *морфологические* соображения. Ее приверженцы, пораженные лишь материальными различиями между человеческими группами, считали невозможным объяснить их иначе, как признанием существования нескольких видов. Показав, что факты такого рода могут быть одинаково хорошо интерпретированы в рамках гипотезы о единстве видов, моногенизм и полигенизм, так сказать, ставятся на равную ногу.

ГЛАВА VI.

СКРЕЩИВАНИЕ И СЛИЯНИЕ ПРИЗНАКОВ В РАСАХ ЖИВОТНЫХ; ПРИМЕНЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ.

Не покидая даже почвы морфологии, легко будет доказать, какая из теорий наиболее вероятна и правильна.

Мы знаем, что натуралисты считают, что все особи, переходящие одна в другую с помощью невидимых теней, принадлежат к одному и тому же виду, какими бы разными ни были крайности. Во всех великих музеях хранятся примеры этого факта.

Основания для такого вывода гораздо более весомы, когда существует *скрещивание признаков*. Такое скрещивание происходит, когда очень определенный и, по-видимому, исключительный характер вновь появляется у одной или нескольких особей, сильно различающихся по другим параметрам и, несомненно, принадлежащих к разным группам. Это случай повторного скрещивания, когда один и тот же характер изменяется таким образом, что, если рассматривать его отдельно, приводит к разделению естественной группы и выделению фракций в совершенно разные группы.

Сейчас нет ни одного вида животных, у которого эти морфологические признаки проявлялись бы в большей степени, чем у человека. При детальном изучении человеческих групп трудность заключается не в том, чтобы найти сходство, а в том, чтобы четко определить различия. Чем тщательнее их рассматривают, тем больше они исчезают и стираются. Тогда нам становятся понятны рассказы заслуживающих доверия путешественников, таких как д'Аббади, о странах, где негры и белые живут бок о бок. В своих крайних проявлениях эти два типа, безусловно, очень отчетливы. Но, например, в Абиссинии, где они долгое время жили в контакте и смешивались, негр больше не характеризуется ни цветом кожи, ни чертами лица, ни волосами, а просто преувеличенным выступом пятки. Этот признак, в свою очередь, теряет свою ценность на восточном побережье Африки, где у целых негритянских племен пятка сформирована так же, как у нас.

Это пример *скрещивания*, и их легко можно размножить. Я уже отмечал, как близко арийские или дравидийские индусы, африканские или меланезийские негры и явно семитские популяции могут походить друг на друга по цвету кожи. Ниже приводится еще более яркий пример. Десмулен считал перфорацию олекранонового отростка одним из наиболее характерных признаков *австро-африканского вида человека*. Теперь эта перфорация вновь появляется в египетских и гуанчских мумиях, в большом количестве европейских скелетов неолитического периода, черепа которых, кроме того, не имеют никаких других отношений с черепами босъесманов, и даже у некоторых европейцев нынешней эпохи.

Пересечение характеров между человеческими группами становится еще более очевидным при сравнении числовых данных, взятых из нескольких различных групп. Пока я ограничусь тем, что приведу результаты, полученные при изучении роста, когда репрезентативные цифры расположены по порядку. В дальнейшем мы встретимся с другими примерами.

Здесь я воспроизвожу таблицу, опубликованную в "Путешествии Новары" д-ра Вейсбаха. К цифрам австрийского ученого я добавил несколько данных, относящихся, в частности, к самым маленьким расам. Я также привел максимальные и минимальные значения, если мне

удалось их получить, чтобы сделать степень вариации более заметной, чем это можно сделать на основе одного лишь среднего значения:

РОСТ РАЗЛИЧНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС.

		m.	футов.	дюйм.
Bosjesmans (min.)	}	1-100	3	3-37
Эскимосы (мин.)	}			
Обонго (молодые)		1-360	4	5-64
Bosjesmans (av.)	}	1-370	4	5-93
Минкопы (мин.)	}			
Лаппы (мин.)		1-380	4	6-33
Аэты (мин.)		1-396	4	6-96
Семанги (мин.)		1-420	4	7-90
Минкопы (авт.)		1-436	4	8-53
Босье (макс.)		1-445	4	8-89
Гуанчи		1-447	4	8-97
Семанги (авт.)		1-448	4	9-00
Семанги (макс.)		1-473	4	9-99
Минкопы (макс.)		1-480	4	10-17
Аэты (ав.)		1-482	4	10-35
Фуэгийцы (мин.)		1-488	4	10-58
Папуасы		1-489	4	10-62
Китайцы (мин.)		1-520	4	11-84
Патагонцы (мин.)		1-530	5	0-24
Саамы (авт.)		1-532	5	0-31
Аймара (мин.)		1-537	5	0-51
Склавины (мин.)		1-540	5	0-62
Французы (мин.)		1-543	5	0-75
Яванский (мин.)		1-549	5	0-98
Негры (?)		1-555	5	1-22
Джуаги	}	1-561	5	1-45
Аэты (макс.)	}			
Аймары (ав.)		1-563	5	1-53
Немцы (мин.)	}	1-570	5	1-81
Татары орочи	}			
Камскадалы	}			
Малайцы Малакки	}	1-574	5	1-97
Даяки (мин.)	}			
Австралийцы (мин.)	}			

Новокаледонцы (мин.)	}	1-575	5	2-00
Китайцы Кочина (авт.)	}			
Трансганцы (авт.)	}			
Ваникорийцы		1-583	5	2-32
Тимурийцы		1-586	5	2-46
Амбойны	}	1-595	5	2-79
Перуанцы	}			
Баттас	}	1-597	5	2-87
Малайцы (авт.)	}			
Никобарцы		1-599	5	2-95
Австралийцы (австр.)	}	1-600	5	2-99
Кишнас	}			
Английский (мин.)	}			
Pouleyers (av.)		1-610	5	3-38
Лаппы (макс.)		1-613	5	3-50
Таитяне (авт.)		1-614	5	3-54
Австралийцы (авт.)		1-617	5	3-66
Toulsous	}	1-620	5	3-78
Гуаранис	}			
Папуасы из Ваигиу		1-624	5	3-94
Минкопы (макс.)	}	1-625	5	3-98
Фуэги (авт.)	}			
Калифорнийцы	}			
Мадуресе	}			
Чингалезе	}			
Андо-перуанцы		1-627	5	4-05
Французы Юга	}	1-630	5	4-17
Китайский (авт.)	}			
Никобарцы		1-631	5	4-21
Бельгийцы (мин.)		1-632	5	4-25
Австрийские рабы (мин.)		1-634	5	4-33
Австрийские румыны	}	1-635	5	4-37
Мадьяры	}			
Евреи		1-637	5	4-45
Дравиды (ав.)		1-640	5	4-57
Арауканы		1-641	5	4-61
Баварцы		1-643	5	4-68

Антисиане		1-645	5	4-76
Фуэгийцы (макс.)	}	1-650	5	4-96
Крисы	}			
Дьяки (макс.)	}			
Бугис		1-653	5	5-08
Негры (?)		1-655	5	5-16
Французы, рабочий класс (авт.)		1-657	5	5-24
Австрийские немцы		1-658	5	5-27
Эскимосы острова Мелвилл		1-659	5	5-31
Руманийцы (мин.)		1-660	5	5-35
Фуэгийцы (макс.)	}	1-663	5	5-47
Чикитос	}			
Хоттентоты	}			
Французский Север	}	1-665	5	5-56
Алжирские арабы	}			
Новые каледонцы	}	1-670	5	5-75
Моксос	}			
Пампеи (ав.)		1-673	5	5-87
Эскимосы острова Сэвидж	}	1-676	5	5-98
Гавайцы	}			
Новые калифорнийцы	}			
Малайцы из Суло	}			
Австрийские раскольники (австр.)	}	1-678	5	6-06
Русские	}			
Яванцы		1-679	5	6-10
Немцы	}	1-680	5	6-14
Негры	}			
Charruas	}			
Французы, высшие классы (авт.)		1-681	5	6-18
Оджиббеуи (мин.)	}	1-682	5	6-22
Уроженцы Мадраса	}			
Фиджийцы		1-684	5	6-31
Негры Сокото		1-685	5	6-34
Бельгийцы (авт.)		1-686	5	6-38
Англичане (авт.)		1-687	5	6-42
Индейцы пампасов		1-688	5	6-46

Маркизские острова	}	1-689	5	6-50
Эскимосы из Бутии	}			
Сомалийцы		1-690	5	6-54
новозеландцы		1-695	5	6-73
Puelches	}	1-700	5	6-93
Запятая Негры	}			
Таитяне (мин.)	}			
Летты	}	1-701	5	6-96
Ротума Айлендерс	}			
Куруглис (авт.)	}			
Австрийские румыны		1-702	5	7-00
Кабылы (ав.)		1-703	5	7-04
Каролинские островитяне		1-705	5	7-13
Островитяне Марианны		1-708	5	7-24
Английский (макс.)	}	1-714	5	7-48
Эскимосы пролива Котзебуэ	}			
Австралийцы (макс.)	}			
Pottowatomis	}	1-727	5	7-99
Караибы	}			
Rarakaïans	}			
Цчуваки		1-728	5	8-03
Патагонцы (ав. из Д'Орб.)		1-730	5	8-11
Щеркаccы		1-731	5	8-15
Патагонцы (ав. Д'Урв.)		1-732	5	8-19
Бенгальские сепои		1-733	5	8-23
Китайцы (макс.)		1-744	5	8-66
Niquallis		1-752	5	8-97
Гавайцы		1-755	5	9-09
новозеландцы		1-757	5	9-17
Патагонцы (ав. муст.)	}	1-770	5	9-69
Немцы (макс.)	}			
Полинезийцы (авт.)		1-776	5	9-92
Островитяне Питкэрна		1-777	5	9-96
Руманийцы (макс.)		1-780	5	10-08
Оджиббевей (авт.)	}	1-781	5	10-12
Агасы пампасов	}			
Новые каледонцы (макс.)		1-785	5	10-28

Таитяне (авт.)	}	1-786	5	10-32
Жители Маркизских островов	}			
Стюарт Айлендерс	}	1-789	5	10-44
Кафиры	}			
Голландия	}			
Бельгийцы (макс.)	}	1-800	5	10-86
Склавиши	}			
Аймары (макс.)	}			
Жители Маркизских островов (макс.)	}			
Таитяне (макс.)		1-803	5	10-98
новозеландцы		1-815	5	11-46
Mhaya		1-841	6	0-48
Караибы		1-868	6	6-54
Оджибеуэйс (макс.)		1-875	6	1-82
Островитяне Шиффера		1-895	6	2-61
Новозеландцы (макс.)		1-904	6	2-96
Патагонцы Севера (макс. из Д'Орб.)		1-915	6	3-39
Патагонцы Юга (макс. муштры)		1-924	6	3-75
Островитяне Шиффера	}	1-930	6	3-98
Островитяне Тонгатубана	}			

Здесь мы видим, какие странные соотношения и какая необычная путаница возникают при рассмотрении роста. Числа, приведенные в том же порядке, представляющие размер черепа, цефалические индексы, вес мозга, дадут такой же поразительный результат.

Мы также должны заметить, что в этой таблице имеется значительное большинство средних. Теперь мы видим, что расхождения между этими средними меньше, чем расхождения между максимумом и минимумом одной расы, причем настолько, что между ними вклиниваются расы, сильно отличающиеся друг от друга.

Теперь давайте мысленно сравним вместо этих групп индивидов, из которых они состоят. Разве не ясно, что если их расположить по росту, то мы будем переходить от одной к другой едва ли с разницей в миллиметр; но разве не ясно также, что путаница станет гораздо больше, чем это видно даже в таблице?

Я спрашиваю всякого, кто обладает хотя бы малейшими познаниями в зоологии и зоотехнии, ожидает ли он найти в коллекции видов наиболее очевидные сходства, уничтоженные применением этого метода? Разве не в коллекции *рас* можно встретить подобные факты, как, например, в собачьих гонках, где мастиф и его молодняк, сентонжская борзая и итальянская борзая, большая и маленькая каретная собака были бы отделены друг от друга целым рядом других рас, если бы принимался во внимание только рост.

Скрещивание и слияние признаков, столь заметные между человеческими группами, необъяснимы, если рассматривать эти группы как виды, если только мы не признаем, что морфологические отношения между этими *человеческими видами* имеют совершенно иную природу, чем отношения, установленные между *видами животных*. Но эта *гипотеза делает исключение* для человека, поэтому мы вправе считать ее *ложной*.

Если же, напротив, рассматривать эти группы как не более чем расы одного вида, то все эти факты скрещивания и слияния согласуются с тем, что можно наблюдать у растений и животных, и ставят человека под власть общих законов.

Таким образом, не оставляя *морфологических соображений*, которые соответствуют *идее сходства*, содержащейся в определении вида, мы вправе сделать вывод в пользу моногенизма. Для подтверждения этого вывода, однако, мы должны обратить внимание на другие факты, соответствующие *идее родства*, и рассмотреть учение *физиологии* о явлениях порождения.

ГЛАВА VII.

СКРЕЩИВАНИЕ РАС И ВИДОВ В ЖИВОТНОМ И РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВАХ - ДВОРНЯГИ И ГИБРИДЫ.

I. Половые союзы у растений, как и у животных, могут происходить между особями *одного вида* и *одной расы*; далее, между *разными расами одного вида*, и, наконец, между *разными видами*. В двух последних случаях мы имеем то, что называется скрещиванием. Само скрещивание называется по-разному в зависимости от того, происходит ли оно между разными расами или разными видами. В первом случае получается *дворняга*, во втором - *гибрид*. Когда скрещивания плодовые, продукт союза дворняг называется *дворнягой*, продукт союза гибридов - *гибридом*.

Если различие отношений, существующих между *расой* и *видом*, было правильно понято, мы должны быть склонны признать, что дворняги и гибриды не будут представлять одни и те же явления; опыт и наблюдения подтверждают это предчувствие.

Таким образом, в этом переходе мы имеем возможность судить о том, являются ли человеческие группы лишь *расами одного вида* или, скорее, *отдельными видами*. Для этого достаточно изучить явления, которые в других организованных и живых существах сопровождают появление дворняжек и гибридов, а затем сравнить их с явлениями, характерными для скрещивания человеческих групп. Если в последнем случае речь идет о явлениях, характеризующих *гибридизм*, мы должны заключить, что группы специфически различны, и признать *множественность* человеческих видов. Если же скрещивание между морфологически различными группами людей сопровождается явлениями, характерными для получения *дворняжек*, то мы будем вправе рассматривать эти группы только как расы одного вида; мы должны стоять на доктрине *видового единства* всего человечества.

Тогда вопрос, стоящий перед нами, становится полностью физиологическим и зависит только от наблюдений и экспериментов. Для его решения мы должны снова обратить внимание на растения, а также на животных. Именно в явлениях размножения эти два царства проявляют наибольшее сходство. Это не просто *аналогия*, а почти *тождество*,

причем не высшее опускается, а низшее поднимается. Можно сказать, что, облагороженное важностью своей функции, растение в том, что касается его репродуктивной системы, становится на время животным.

II. В этих царствах союзы между *расами одного и того же вида*, то есть *производство дворняжек*, могут происходить без какого-либо вмешательства со стороны человека или под его руководством. Следовательно, оно является либо естественным, либо искусственным.

Дворняжки среди растений были признаны только после открытия различия полов в 1744 году. Честь этого великого открытия принадлежит Линнею. Он сразу же понял важность этого вопроса и даже преувеличил ее, как мы увидим далее. Линней признал, что перекрестные союзы, которые веками наблюдались между животными, могут повторяться и между растениями. Таким образом он объяснил появление пестрых тюльпанов посреди бордюров, изначально состоящих из однородно окрашенных цветов. Наблюдения и эксперименты вновь и вновь подтверждали взгляды основателя естественных наук. Более того, было замечено, что скрещивание может проявляться во всех частях растения в виде смеси признаков, аналогичных тем, что проявляются в окраске тюльпанов. М. Наудин, который в течение года наблюдал за развитием более 1200 тыкв, видел, как семена одного плода воспроизводили все расы, содержащиеся в саду, в котором велись наблюдения. *Суперфетация* имела место. Это очень важный факт, поскольку он демонстрирует равенство действия пыльцы всех этих рас, которые морфологически так сильно отличаются друг от друга. Нет лучшего примера способности скрещиваться *между расами*.

Естественное и спонтанное производство дворняг среди животных имеет те же признаки. При помощи передвижения оно происходит каждый день в наших домах, на птичниках и фермах. Трудность заключается не в том, чтобы совершить кросс, а в его предотвращении и сохранении чистоты расы. Тщательные наблюдения, проведенные Исидором Жоффруа в Парижском музее, показали, что среди овец, собак, свиней и птиц дворняжки между самыми разными расами неизменно оказывались плодовитыми. Здесь снова часто подтверждался феномен суперфетации. Суки производили на свет от самцов нескольких рас последовательно молодых особей, которые демонстрировали три или четыре различных источника. Здесь дело обстоит так же, как и в случае с тыквами М. Наудина.

Мы видим, что человек не испытывает никаких трудностей в разведении дворняг и что, когда он желал сделать это с какой-либо целью, он мог регулировать это, просто выбирая животное или растение. Подобные союзы уже давно используются в повседневной практике для улучшения, модификации и диверсификации живых существ, над которыми трудится человек. Бесполезно настаивать на фактах, которые известны всем садоводам и селекционерам, и я ограничусь одним замечанием, важность которого будет понятна позже.

Мы уже видели, что в стремлении *усовершенствовать* растительную или животную расу физиологическое равновесие иногда нарушалось за счет репродуктивной способности. В таких случаях скрещивание с другой расой, менее модифицированной, обычно возрождает угасшую плодовитость. Например, английские свиньи, завезенные в среднюю часть Франции М. де Жинестусом, стали бесплодными после нескольких поколений. После скрещивания их с более худой и менее совершенной местной расой их плодовитость вернулась.

Все эти факты и их неизбежные последствия были признаны каждым натуралистом, изучавшим этот вопрос. Даже Дарвин признал их истинность в своей ценной работе

"*Вариации животных и растений*". В то время он ограничился выводом о том, что скрещивания между одними расами растений менее плодовиты, чем между другими, и это утверждение никому не пришло бы в голову отрицать. В последних изданиях своей работы "Происхождение видов" он пошел дальше. Не приводя ясных фактов, смысл которых шел бы дальше мудрых выводов, которые он допускал ранее, он ссылается на наше относительное незнание того, что происходит между дикими *сортами*, и делает вывод, что мы должны признать, что скрещивания между сортами всегда должны быть идеально плодородными. Это одна из тех апелляций к неизвестному, один из тех аргументов, где даже наше незнание приводится в качестве доказательства, с которыми мы слишком часто сталкиваемся у Дарвина, который часто увлекается своими убеждениями. Мне еще придется вернуться к этому вопросу, но здесь я заявляю, как установленный факт, на основании авторитета даже Дарвина, что все *известные* факты свидетельствуют о *совершенной плодовитости* дворняг.

Наконец, образование *скрещиваний между расами* или производство *дворняг* происходит спонтанно, и человек может способствовать этому без особых затруднений; результаты столь же очевидны, как и при объединении особей одной расы; в некоторых случаях, действительно, плодовитость увеличивается или возрождается под влиянием этого скрещивания.

Скрещивания *между видами, или гибридами*, демонстрируют факты совершенно противоположного характера.

III. Образование гибридов, как и дворняжек, может быть как естественным, так и искусственным.

Первый случай настолько редок, что выдающиеся натуралисты сомневаются в его реальности. Однако, по словам М. Декейна, среди растений есть десятки хорошо доказанных примеров. Что такое это число по сравнению с тысячами дворняжек, которые ежедневно производятся на наших глазах. И все же материальные условия плодовитости у рас одинаковы, как и у видов, а наши ботанические сады, в которых множество видов сгруппировано рядом, еще больше облегчают скрещивание.

Среди диких животных, живущих в условиях свободы, гибриды еще более редки. Они неизвестны, например, среди млекопитающих, как утверждает Исидор Жеффруа, чей опыт имеет здесь двойную ценность. Только в отряде птиц можно найти несколько фактов такого рода, причем почти все они относятся к отряду Gallinæ. По мнению Валансьена, они неизвестны среди рыб. При одомашнивании и содержании в неволе спонтанные скрещивания между разными видами встречаются не так уж редко.

Разумное вмешательство человека удивительным образом умножило подобные союзы, особенно среди растений, но не смогло расширить их пределы. Линней считал, что скрещивание возможно между видами *разных семейств*. Но в 1761 году Кельройтер показал, что он ошибался. Из этих исследований, проводившихся в течение двадцати семи лет, а также из исследований М. Наудина, его достойного соперника, следует, что искусственное скрещивание между видами *разных семейств* *никогда не удастся* и *очень редко* между видами *разных родов*; что оно всегда очень трудно и требует самых тщательных мер предосторожности для обеспечения успеха; что оно часто не удастся между видами одного рода, близко сходными по внешнему виду, и, наконец, что существуют целые семейства, среди которых гибриды невозможны. К числу последних относится семейство огуречных, так тщательно изученное М. Наудиным, где самые совершенные дворняжки были получены спонтанно. Более полного контраста, очевидно, и представить себе нельзя.

Этот контраст доходит до мельчайших деталей. Например, любой цветок, который в наименьшей степени подвергся действию пыльцы своего вида, становится абсолютно невосприимчивым к действию пыльцы другого вида. Как это не похоже на равенство действия нескольких пылец самых далеких друг от друга рас!

Все экспериментаторы сходятся в том, что даже в наиболее удачных союзах между видами плодородие постоянно снижается, причем часто в огромных пропорциях. В головке *Paraver somnifera* обычно содержится 2000 семян и более. В гибриде этого вида Гертнер обнаружил только шесть созревших семян; все остальные были более или менее абортивными. И опять же, какой контраст между скрещиванием, дающим такую плодовитость у английских свиней М. де Гинестуса.

Гибридизм у животных представляет собой точно такие же явления, как и у растений. Человек смог, отвлекая и обманывая животные инстинкты, умножить скрещивания между видами. Но он не смог расширить очень узкие границы, за которыми эти явления прекращаются. Между различными семействами не произошло ни одного плодородного союза; между родами они очень редки, и даже между видами они далеко не многочисленны, что тем более примечательно, что гибридизация животных - древний институт. Мул был известен евреям еще до времен Давида, а грекам - в эпоху Гомера. *Титиры* и *мусмоны*, продукты скрещивания козла с овцой и барана с козой, получили свои отличительные названия от римлян.

Неопределенность результата - еще одна точка сходства между животными и растительными гибридами. Одни и те же опыты, проведенные с одинаковой тщательностью и одинаково умными экспериментаторами, иногда удавались, а иногда проваливались без видимых причин. Бюффон и Дабенсон часто пытались воспроизвести титиров и мусмонов. Им это удалось дважды, в то время как Исидор Жоффруа неизменно терпел неудачу. Скрещивание зайца с кроликом, которое часто пытались осуществить в разных частях земного шара, оказалось успешным не более четырех-пяти раз. Притворное скрещивание верблюда и дромадера, признанное Бюффоном и процитированное Ноттом, несомненно, является басней после подробностей, которые любезно предоставил мне М. де Ханикофф и которые я уже публиковал в другом месте. Таким образом, на основании известных фактов мы можем сделать такой вывод: существует только два вида млекопитающих, осел и лошадь, скрещивание которых почти повсеместно и неизменно плодотворно.

Наконец, скрещивание *между видами*, или *гибридизация*, является исключительным явлением среди растений и животных, когда они предоставлены сами себе; человек может производить их с большим трудом в обоих царствах, и то только между очень ограниченным числом видов; когда ему это удастся, плодородие почти всегда уменьшается, и часто до очень значительной степени.

ГЛАВА VIII.

СКРЕЩИВАНИЕ МЕЖДУ РАСТИТЕЛЬНЫМИ И ЖИВОТНЫМИ РАСАМИ И ВИДАМИ; ДВОРНЯГИ И ГИБРИДЫ; РЕАЛЬНОСТЬ ВИДОВ.

I. С самого начала, при соединении двух особей, принадлежащих к разным родам, раса и вид проявляют весьма отчетливые и характерные явления. Теперь мы увидим, что эта противоположность ярко выражена в продукте этих союзов - в *дворняжках* и *гибридах*.

Смешанная природа этих существ поднимает несколько вопросов. Я ограничусь теми из них, которые касаются родства и поэтому представляют для нас особый интерес. В целом их можно сформулировать следующим образом: образуются ли *беспородные расы*, то есть те, которые происходят от *двух* разных *рас*, и *гибридные расы*, то есть те, которые происходят от скрещивания *двух видов*, естественным путем, или их можно получить искусственно? Другими словами, сохраняют ли дворняги и гибриды в течение неопределенного числа поколений способность воспроизводить и передавать своим потомкам смешанный характер, унаследованный ими от первых родителей, которые произвели скрещивание?

II. В отношении дворняг нет ни тени сомнения. Факты, которые часто происходят, часто без нашего вмешательства, а иногда и вопреки нашим мерам предосторожности, снова и снова доказывают, что дворняги первого поколения так же плодовиты, как и родители, и передают равную плодовитость своему потомству. Наши садоводы и селекционеры всегда пользуются этим свойством дворняг, чтобы варьировать, модифицировать или улучшать с их точки зрения растения и животных, в которых они заинтересованы; тщательные эксперименты Бюффона, Жоффруа Сент-Илера, отца и сына, и свидетельство Дарвина, очень значимое в этом вопросе, доказывают, вне всякого сомнения, что союзы между различными расами остаются плодовитыми, какие бы морфологические различия между ними ни существовали. Я ограничусь приведением одного примера из Дарвина. Ниата безразлично соединяется в обоих смыслах с обычным быком, и потомство получается плодовитым.

Если несколько рас одного вида находятся в привычном контакте и предоставлены сами себе, они будут смешиваться в любой степени. Это приводит к появлению ублюдочного потомства, лишенного определенных черт, но которое, при методичном изучении, через *неощутимые оттенки* приведет к различным примитивным типам. Таким образом появились наши уличные собаки и кошки, которые остаются совершенно плодовитыми, несмотря на бесчисленные скрещивания всех видов.

При вмешательстве человека можно, если соблюдать осторожность, регулировать скрещивание двух рас и получить беспородную расу. После нескольких колебаний между отцовским и материнским типами она становится консолидированной и оседлой. Но какое бы постоянство ни приобретала раса в целом, почти всегда случается так, что некоторые особи в той или иной степени воспроизводят черты одного из типов, изначально скрещенных между собой.

Это явление получило название *атавизма*. Иногда он возникает в среде расы, считающейся абсолютно чистой, и является результатом одного скрещивания на несколько поколений назад. Дарвин приводит случай с одним заводчиком, который, скрестив своих птиц с малайской расой, пожелал впоследствии избавиться их от чужой крови. Проведя сорок лет в попытках, он так и не добился успеха: малайская кровь постоянно появлялась в некоторых его птицах.

У животных, как и у растений, всеобщая, свободная и неограниченная плодовитость, как между собой, так и между всеми расами одного вида, является одним из признаков дворняг. Атавизм свидетельствует о физиологической связи, объединяющей всех дворняг.

III. У гибридов мы встретимся с совершенно иными явлениями.

Прежде всего, вместе с М. Годроном установим тот факт, что у растительных гибридов физиологическое равновесие нарушается в пользу органов, способствующих жизни особи, и в ущерб органам, способствующим жизни вида. Стебель и листья всегда развиты преувеличенно относительно цветков. Самый распространенный гибрид животных, мул, представляет собой совершенно аналогичный случай: он неизменно сильнее, выносливее, выносливее своих родителей, но стерилен.

Однако эта стерильность не является абсолютной для всех гибридов первого поколения. Как правило, она затрагивает мужские органы совершенно особым образом. Кёльрейтер, на которого мы всегда должны ссылаться при изучении растений, утверждает, что пыльники почти никогда не содержат настоящей пыльцы, а лишь неравномерные грануляции. Не так уж необычно было обнаружить в завязи яйцеклетки в хорошем состоянии. Руководствуясь этими наблюдениями, Кёльрейтеру удалось искусственно оплодотворить гибридные цветы пыльцой мужских особей и таким образом получить *растительный квадран*. Продолжая этот процесс, он вскоре вернул к исходному мужскому типу потомков первого гибрида, которые восстановили все свои генеративные способности, но в то же время потеряли все следы женского типа. Эти эксперименты повторялись и варьировались, но всегда с одним и тем же результатом.

В небольшом количестве гибридов первого поколения элементы, характеризующие оба пола, сохранили способность к размножению. Тем не менее, плодовитость всегда значительно снижается. Из своих гибридов датуры М. Наудин получил только пять или шесть плодовых семян с каждого растения. Все остальные были полностью несостоятельны или не имели зародыша. Сами капсулы были лишь наполовину меньше нормального размера.

Если два таких первых гибрида соединяются, они дают гибриды второго поколения. В большинстве случаев, однако, последние либо стерильны, либо представляют собой феномен *спонтанного возвращения* к одному или другому родительскому типу, или к обоим. М. Наудин скрестил *примулу крупнолистную* с *примулой лекарственной* и получил промежуточный гибрид между этими двумя видами, имеющий семь фертильных семян. Когда их высеяли, получилось три примулы мужского вида, три женского и одно гибридное растение, которое было совершенно бесплодным.

В некоторых еще более редких случаях плодовитость сохраняется на протяжении нескольких поколений. Тогда, однако, проявляется любопытное явление, названное открывшим его М. Наудином *неупорядоченной вариацией*. Из *Linaria communis* и *Linaria purpurea* он вывел гибрид, потомство которого он смог проследить на протяжении семи поколений, в каждом из которых несколько особей возвращались к характеристикам либо исходного самца, либо самки. Остальные не походили ни на примитивные типы, ни на гибрид, полученный в результате скрещивания, ни на растения, непосредственным потомством которых они являлись, ни на сами растения.

Таким образом, скрещивание не приводит к возникновению расы, даже в тех случаях, когда оно допускает определенную плодовитость; оно лишь создает *сорта*, неспособные

передавать свои индивидуальные признаки. Для того чтобы создать серию поколений, отличающихся определенным единообразием, гибрид должен потерять некоторые из своих смешанных признаков и вернуться к нормальной окраске вида, как говорит М. Наудин; другими словами, он должен вернуться к одному из родительских типов.

IV. Те же факты, которые мы только что отметили среди растений, имеют место и среди животных. Прежде всего, мы должны заметить, что единственные два вида, скрещивание которых демонстрирует хоть что-то, приближающееся к регулярной плодовитости, лошадь и осел, просто производят гибрид, почти полностью лишенный плодовитости. Прошло более 2000 лет с тех пор, как Геродот считал плодовитость мулов чудачеством, и почти 1800 лет с тех пор, как Плиний выразил то же самое мнение.

И все же в некоторых работах мы читаем, что плодовитость мула проявляется и в наши дни; что он часто размножается в жарких странах, особенно в Алжире. Истинная ценность этих необычных утверждений будет понятна, если мы вспомним, какой эффект произвело в 1828 году на все мусульманское население Алжира сообщение о том, что мул зачал ребенка в окрестностях Бискры. Удивление было всеобщим; арабы предались долгим постам, чтобы умиротворить гнев небес, думая, что наступил конец света. К счастью, у мула случился выкидыш, но еще долго после этого арабы с ужасом рассказывали об этом событии.

Если бы этот факт изредка повторялся в Алжире, он никогда бы не произвел такого впечатления на народ, столь любопытный ко всему, что связано с лошадей. Само впечатление доказывает, что в наши дни факты похожи на те, что были во времена Геродота.

Примеров плодовитости у гибридов осла и лошади никогда не наблюдалось, за исключением *самки мула*. Нет ни одного известного примера у *самцов*. Нечто подобное мы встречаем и у птиц, где стерильность некоторых гибридов не столь абсолютна. Таким образом, позвоночные сходны с растениями, и в их случае неравенство между полами также можно объяснить анатомическим и микроскопическим исследованием. Мужские органы обычно развиты незначительно, даже основные элементы оплодотворяющей жидкости претерпевают изменения. Женские органы и элементы, хотя и изменены, но относительно не затронуты.

Среди животных, как и среди растений, есть гибриды, которые не подчиняются общему закону. В частности, среди птиц было получено определенное количество, всегда, однако, очень ограниченное, более или менее плодовитых гибридов. Но у самцов способность к размножению постоянно ослабевает и, как правило, исчезает раньше обычного возраста; самка откладывает яйца реже, их количество меньше, и очень часто они *прозрачные*. Это точное повторение того, что происходило с семенами датуры М. Наудена, которые, по его наблюдениям, становились абортивными или лишенными зародыша.

Кроме того, мы должны исключить из числа плодовитых гибридов некоторое количество примеров, цитируемых некоторыми авторами, утверждения которых подтверждены фактами, теперь либо лучше известными, либо лучше оцененными, как имеющие ошибочное основание. Так, Геллениус думал, что скрестил финского барана с сардинской ланью, но спутал малоизвестного тогда муфлона с косулей. Таким образом, он получил дворнягу, которая, будучи скрещенной в двух поколениях с мужским родителем, вернулась к типу последнего. Очевидно, что перед нами лишь сопутствующий эксперимент Кельрейтера, в результате которого гибрид вернулся к мужскому типу при аналогичной серии скрещиваний.

Однако среди птиц и млекопитающих есть примеры гибридов, которые размножались *между собой* в течение нескольких поколений, максимум четырех или пяти. В частности, к этому

ряду фактов относится знаменитый эксперимент Бюффона по скрещиванию собаки с волком. К сожалению, он был прерван смертью великого натуралиста на четвертом поколении. Очевидно, что здесь нет ничего, что не совпадало бы с нашими наблюдениями над гибридными растениями, которые, хотя и превышали это число поколений, никогда не производили гибридных рас.

Плодовитость и число последующих поколений увеличивается, когда один из скрещиваемых видов превосходит другой. Этот факт был признан у растений, и мы снова встречаем его у животных. При скрещивании и повторном скрещивании козы и овцы в фиксированном порядке получают гибриды, называемые *чабинами*, которые имеют три восьмых отцовской и пять восьмых материнской крови. Эти животные дают руно, которое очень ценится в Южной Америке, и являются источником настоящей промышленности. Их можно содержать в течение нескольких поколений, но в конце концов все скрещивания, которым они обязаны своим существованием, должны быть возобновлены, поскольку они возвращаются к родительским типам, "как растения", как сказал М. Гей.

Эта пропорция - три восьмых к пяти восьмым - кажется очень благоприятной для поддержания гибридных рас; именно такая пропорция характерна для знаменитых лепоридов, результата скрещивания зайца и кролика. Но могут ли эти гибриды, о которых так много говорилось, поддерживать себя, не возвращаясь к родительским типам? М. Ру, очевидно, верил в это, и это по-прежнему утверждает М. Гайо. Но свидетельства тех, кто подтвердил и опроверг их утверждения, почти не оставляют места для сомнений. Исидор Жеффруа, который сначала верил в их неизменность и говорил об этом как о завоевании, впоследствии без колебаний признал возврат. Этот факт был установлен в Акклиматизационном саду, а сам М. Ру, по утверждению М. Файвре, похоже, отказался от своих прежних утверждений. Наблюдения и эксперименты, проведенные Парижским сельскохозяйственным обществом, ясно показывают, что *лепориды*, присланные или представленные самими заводчиками, полностью вернулись к типу кроликов. Наконец, М. Сансон, обсуждая анатомическую сторону вопроса, пришел к тем же выводам. Более того, тот, кто поверит наблюдениям, сделанным М. Науденом в отношении *Linariæ*, легко распознает *реверсию* и *неупорядоченную вариацию*, продемонстрированную лепоридами аббата Кальяри, который первым добился плодovитого скрещивания зайца и кролика.

Эти явления столь же ярко проявляются в результате скрещивания шелкопряда (*Bombyx cynthia*) и клещевины (*Bombyx arrindia*), полученного М. Гереном Меневилем. Гибриды первого поколения были почти точно промежуточными между двумя видами и походили друг на друга. Во втором поколении эта однородность исчезла, в третьем - усилилось несходство, некоторые насекомые вновь приобрели все признаки отцовского или материнского вида. В седьмом поколении этот любопытный эксперимент был разрушен ихневмонами. Но, как сказал мне М. Вале, их умный селекционер, почти все мотыльки вернулись к типу *Bombyx arrindia*. Сходство с тем, что произошло в случае с *Linariæ* М. Наудена, здесь полное.

V. Феномен *возвращения* потомков гибрида к отцовскому или материнскому типу, или *неупорядоченная вариация*, породил некоторые интерпретации, которые будет полезно исправить, а также поднял важные вопросы.

Была предпринята попытка приравнять последнюю к *колебаниям*, наблюдаемым у дворян в течение нескольких поколений. Но ежедневный опыт должен опровергнуть это мнение. Селекционеры скрещивают *расы* каждый день с той или иной целью, и они никогда бы не стали этого делать, если бы в результате скрещивания возникли нарушения, которые имели

бы хоть малейшее сходство с теми, что демонстрируют линарии М. Наудина и шелкопряды Герена Меневиля. Они ожидают, однако, несколько более или менее заметных отклонений в первых поколениях, но они знают, что раса скоро *успокоится*, а нарушения только усилятся, если скрещивание будет происходить между *видами*.

Опять же, была сделана попытка рассматривать факты *атавизма* и *реверсии* как идентичные. Однако между ними есть принципиальная разница, ведь дворняга, которая в результате атавизма переняла черты одного из своих отцовских предков, например, все равно сохраняет свою смешанную природу. Это доказывается тем, что ее потомство первого или второго поколения может воспроизводить, наоборот, основные черты своих материнских предков. Дарвин приводит множество примеров подобных фактов из сельскохозяйственной истории своей страны. Один из лучших, который можно привести, - это генеалогия семейства собак, за которым наблюдал Жиру де Бузаренгес. Эти животные были скрещены между сеттером и спаниелем. Так вот, один самец, судя по всему, сеттер, соединившись с самкой чистокровной породы сеттер, произвел на свет спаниелей, из чего следует, что кровь последних ни в коем случае не была уничтожена, а возврат к типу сеттера был лишь кажущимся.

Иначе обстоит дело в случаях *реверсии* у гибридов, поскольку одна из двух кровей безвозвратно исчезает. Мы можем с полным основанием утверждать это в отношении млекопитающих, опираясь на опыт, накопленный еще в римский период или, по крайней мере, в семнадцатом веке. С тех пор у титиров и мусмонов никогда не было *потомства*, *пораженного атавизмом*. Известно, что от барана и овцы никогда не рождались дети, а от самца и самки козы - ягнята. То же самое происходит и с растениями, согласно данным, которые мне любезно предоставил месье Наудин.

Далеко не схожие явления *атавизма* и *реверсии* абсолютно различны и характерны: первое - для скрещивания между *расами*, второе - для скрещивания между *видами*. Первое свидетельствует о сохранении физиологических связей между всеми представителями одного вида, более или менее измененными; второе - о полном разрыве тех же связей между потомками двух видов, случайно приведенных в соприкосновение инициатором гибридности.

VI. Ни в одном из предыдущих случаев гибридность, в какой бы степени он ни проявлялся, не приводил к появлению ряда особей, происходящих одна от другой и сохраняющих одни и те же признаки. Однако из этого общего факта известно одно исключение. Оно уникально и произошло в растительном царстве от скрещивания пшеницы с *Ægilops ovata*.

Гибрид первого поколения от этих двух видов иногда получается естественным путем, и Реквиен считал его видом. Фабр, который часто встречал его на полях, считал, что это начало трансмутации *Ægilops* в пшеницу. После этого гибрид квадрон, случайно полученный и культивировавшийся в течение нескольких лет, дал потомство, напоминающее *безбородую пшеницу* Юга. Это был результат *реверсии*. Однако Фабр, который не распознал гибрид, решил, что это трансмутация, и льстил себе, что открыл дику пшеницу в *Ægilops*.

М. Годрон, напротив, понял природу явления и продемонстрировал его экспериментально. Он скрестил эгилопс и пшеницу и получил первое растение Рекиана, эгилопс *triticoидес* Фабра. Он снова скрестил этот гибрид с настоящей пшеницей и воспроизвел искусственную пшеницу, придуманную ботаником из Монпелье. Он дал ей название *Ægilops speltæformis*.

Именно эту последнюю форму, имеющую, как мы видим, три четверти настоящей пшеницы и четвертую часть *Ægilops*, М. Годрон культивирует в Нанси с 1857 года. Умный натуралист, который ее вывел, считает, что у него не было ни одного случая *реверсии*, как в Монпелье и у

Фабра. Но в то же время он сообщает нам, что только самые тщательные и особые меры предосторожности могут сохранить это искусственное растение. Почва должна быть подготовлена с особой тщательностью, а каждое семя должно быть помещено вручную в нужное место. Если семена посадить в землю небрежно или разбросать по грядке, они никогда не прорастут. М. Годрон считает, что *Ægilops speltæformis* полностью исчезнет, возможно, за один год, если его оставить в покое.

VII. Наконец, характерными чертами гибридов являются: бесплодие, как правило, и, в исключениях, очень ограниченная плодовитость; серии внезапно обрываются либо из-за бесплодия, либо из-за неупорядоченной изменчивости, либо из-за реверсии без атавизма.

Один только *Ægilops triticoïdes*, кажется, противоречит всем остальным известным фактам. Это исключение, несомненно, примечательно, но нисколько не ухудшает наших общих выводов. Являясь продуктом человеческой промышленности, это гибридное растение существует только благодаря той же самой промышленности и ни с какой точки зрения не может сравниться с чередой беспородных особей, которые непрерывно размножаются без нашей помощи и вопреки нашим мерам предосторожности среди наших животных и растительных рас.

"Но, - говорят те авторы, которые отрицают реальность различия между видами и расами, - то, что сделал человек, должна уметь делать и природа, ведь она управляет пространством и временем, а значит, более могущественна, чем человек". Такая форма аргументации основана на путанице идей и странном пренебрежении самыми обычными фактами.

Верно, что в определенных случаях и для определенных целей природа могущественнее человека, но у человека есть и своя область, в которой он намного превосходит природу. Природные силы действуют в силу слепых и необходимых законов, результат которых постоянен. Теперь человек приобрел знание этих законов, он использует их, чтобы сдерживать и управлять природными силами одна за другой, он теперь знает, как преувеличить одни и ослабить другие. Таким образом, он изменяет их следствия и получает продукты, которые сама природа не могла реализовать. Дай ей сколько угодно времени и пространства, она никогда не смогла бы ни произвести, ни сохранить калий или натрий в металлической форме; вопреки физико-химическим силам, а точнее, управляя ими, человек получил и сохранил эти два металла, как он получил и сохранил тритикоид *Ægilops*, который разрушается из-за непреклонности природных сил, как только подвергается их действию.

VIII. Бесплодие, или, если хотите, ограниченная и быстро ограниченная плодовитость между видами, и невозможность природных сил, когда они предоставлены сами себе, произвести ряд промежуточных существ между двумя данными конкретными типами, является одним из тех общих фактов, которые мы называем *законом*. В органическом мире этот факт имеет значение, равное тому, которое справедливо приписывается притяжению в сидерическом мире. Именно благодаря ему небесные тела сохраняют свои расстояния и выстраивают свои орбиты в том восхитительном порядке, который выявила астрономия. *Закон стерильности видов* приводит к тому же результату и поддерживает между видами и между различными группами животных и растений все те отношения, которые в палеонтологическую эпоху, как и в нашу, образуют удивительное целое *Органической Империи*.

Представьте себе подавление законов, управляющих притяжением в небесах, и какой хаос немедленно наступит в результате. Подавите на Земле закон пересечения, и путаница будет огромной. Вряд ли можно сказать, где бы она остановилась. Через несколько поколений группы, которые мы называем родами, семействами, порядками и классами, наверняка исчезли бы, и ветви также быстро оказались бы затронутыми. Очевидно, что прошло бы

всего несколько веков, прежде чем животное и растительное царства пришли бы в полнейший беспорядок. Порядок же существовал в обоих царствах с той эпохи, когда организованные существа впервые заселили просторы нашего земного шара, и он мог установиться и сохраниться только благодаря невозможности слияния видов друг с другом путем безразличных и бесконечно плодовых скрещиваний.

IX. Есть некоторые писатели, очень часто совершенно не знакомые с естественными науками, которые, работая под влиянием самых разнообразных предрассудков, особенно преувеличивая доктрины трансмутации, о которых я сейчас расскажу, отрицают *реальность видов*; они утверждают, что между группами, обозначаемыми этим термином, не существует серьезных барьеров, и сравнивают их более или менее формальным образом с группами, которые всегда несколько произвольно называются родами, племенами, семействами, порядками и т. д. Хотя это лишь краткий пересказ, предыдущих фактов было бы достаточно, чтобы ответить на них. Однако необходимо упомянуть основные возражения, выдвигаемые против подобных идей, и показать, как их можно опровергнуть.

1-е. Бесполезно обращать внимание на добродушное или злобное подшучивание, насмешки и сарказм, которые так часто используют некоторые авторы против тех, кто признает реальность видов. Очевидно, что те, кто использует такое оружие, не обращаются к ученым людям, а апеллируют непосредственно к страстям. Мы не можем в достаточной мере выразить свое сожаление по поводу того, что люди несомненных достоинств прибегают к таким средствам.

2-е. В настоящее время, возможно, как никогда раньше, тех, кто верит в существование видов, упрекают в *ортодоксальности*: Я сам никогда не мог понять, почему происходит такое смешение научных дискуссий с догматической и антидогматической полемикой.

3-е. Более того, я откажусь спорить с теми, кто, отвергая по собственному почину целый век работы, проделанной величайшими натуралистами и целым рядом выдающихся ботаников и зоологов, заявляет, что бесполезно пытаться выяснить, что такое вид и раса, и смеется над теми, кто берет на себя труд сделать это. То же самое я говорю и тем, кто рассматривает виды и расы как более или менее произвольные группы, которые можно сравнить с родом, семейством и порядком. Достаточно заметить, что они сами постоянно используют слова "*вид*" и "*раса*", и мы не должны удивляться, если они принимают одно за другое.

4-е. После всего сказанного бесполезно дискутировать с теми натуралистами, которые основывают различие видов только на внешних признаках. Они забывают обо всех экспериментах, проведенных от Бюффона до двух Джеффруа, от Кёльрейтера до М. Наудена; они забывают о бесчисленных наблюдениях, проведенных в наших садах, огородах и конюшнях. Отказаться от морфологических соображений, пренебречь данными физиологии и уроками родства - значит, очевидно, пойти дальше, чем Рей и Турнефор, и всякое обсуждение становится невозможным.

5-е. Некоторые из наших оппонентов допускают, что сейчас все обстоит так, как мы думаем. "Но, - говорят они, - возможно, в другое время все было иначе". Что можно ответить тем, кто основывает свои аргументы *на возможностях*? Состоит ли современная наука из возможностей?

6-й. Натуралистов часто упрекают в умножении определений видов. Из разнообразия терминов, используемых ими для выражения идей, следовало, что они не были согласны с самими идеями. Мы можем легко убедиться в их ошибке, если внимательно пересмотрим эти определения. Мы увидим, что несколько их авторов лишь попытались выразить с большей

ясностью и точностью двойную идею, вытекающую из фактов сходства и родства. В действительности расхождения начинаются только там, где прекращаются эксперименты и наблюдения. Именно это заставило Исидора Жоффруа, как бы он ни интересовался дискуссиями такого рода, заметить: "Таковы виды и расы не только для одной из школ, на которые делятся натуралисты, но и для всех".

7-е. Утверждается, что различие видов и рас основывается на силлогистическом круге; что натуралисты *априори* решили называть все группы, неспособные к скрещиванию, *видами*, а все те, среди которых скрещивание возможно, *расами*. Апеллировать к различию явлений, представляемых гибридами и дворняжками, значит лишь решать вопрос вопросом. - Это историческая ошибка. Натуралисты столкнулись с видами, расами и разновидностями, прежде чем дали им названия. Именно путем экспериментов и наблюдений они научились их различать. *Знание фактов* предшествовало *терминологии*.

8-е. Опять же, было сказано, что дискуссии, которые постоянно возникают между натуралистами по поводу того, следует ли сохранить вид или рассматривать его как расу, по поводу рода, семейства, порядка, а иногда и класса, в который его следует отнести, свидетельствуют о недостатке точности в общих идеях - те, кто рассуждает подобным образом, забывают об огромном количестве видов и рас, принятых и классифицированных без обсуждения. Они закрывают глаза на все случаи, кроме тех, в которых мнения расходятся. Если, однако, факты такого рода доказывают что-либо против науки и ее фундаментальных данных, то даже математические теоремы должны рассматриваться как не обладающие точностью, поскольку среди математиков ведутся споры.

9-е. Я уже отвечал на аргументы, вытекающие из плодовитости некоторых гибридов, показав, к чему она сводится. Писатели, настаивающие на этом, неизменно забывают урок, преподанный нам неупорядоченной вариативностью и реверсией без атавизма. К сожалению, я вынужден отнести к их числу Дарвина, который в своих поздних работах проявляет гораздо меньше сдержанности, чем в своих ранних публикациях. В последнем издании своей книги он цитирует мои слова о скрещивании *Bombux cynthia* и *Bombux arrindia*; он говорит о количестве полученных поколений, но забывает упомянуть, что неупорядоченная изменчивость проявилась во втором поколении и что возврат к одному из родительских типов был почти полным по окончании эксперимента.

X. Виды - это реальность.

Возьмем группу особей, более или менее похожих друг на друга, но всегда способных вступать в плодовые союзы, и вместе с М. Шеврелем проследим в воображении ее происхождение. Мы увидим, что она разделена на *семьи*, каждая из которых произошла либо опосредованно, либо сразу от одной пары родителей. Мы увидим, что число этих семейств уменьшается с *каждым поколением*, и, поднимаясь все выше, мы в конце концов обнаружим начальный термин *одной примитивной пары*.

Так ли это на самом деле? Действительно ли каждый вид произошел от одной единственной пары, или же несколько пар, идеально похожих друг на друга как морфологически, так и физиологически, возникли одновременно или последовательно? Это *вопросы фактов*, к которым наука не может и не должна подходить, поскольку ни эксперимент, ни наблюдение не в состоянии предоставить нам ни малейших данных, необходимых для их решения.

Но что наука может утверждать, так это то, что, *судя по всему*, каждый вид имел в качестве отправной точки одну-единственную примитивную пару.

ГЛАВА IX.

СКРЕЩИВАНИЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ГРУППАМИ - ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА.

I. Теперь мы знаем, что такое вид и раса; явления, демонстрируемые дворнягами и гибридами, дают нам экспериментальное средство для их различения. Поэтому теперь мы можем ответить на вопрос, который вызвал необходимость этой дискуссии: Существует ли один или много человеческих видов? Являются ли человеческие группы расами или видами?

Если мы не будем делать вид, что только человек из всех организованных существ свободен от законов, которые во всех других случаях управляют и регулируют законы воспроизводства, и, следовательно, если мы не сделаем его одиноким исключением именно в том порядке фактов, который наиболее тесно объединяет все другие существа, мы будем вынуждены признать, что он также подчиняется законам скрещивания.

Таким образом, если человеческие группы представляют собой более или менее значительное число *видов*, мы должны доказать в скрещиваниях их видов существование характерных явлений *гибридизма*. Если же эти группы представляют собой лишь *расы одного вида*, то при скрещивании между ними мы должны встретиться с явлениями, характерными для дворняжек.

II. Нет необходимости напоминать о том, чему нас научили почти четыре столетия опыта и наблюдений. Все можно изложить в нескольких словах.

С тех пор как Колумб начал эпоху великих географических открытий, белые, высшая часть человечества, проникли почти во все уголки земного шара. Везде он встречал человеческие группы, которые значительно отличались от него самого по всем признакам; везде он смешивался с ними, и везде на его пути возникали смешанные расы.

Далее, благодаря институту, который, конечно, вызывает отвращение, но результаты которого благоприятны для антропологии, эксперимент завершен. Белые поработили негра и увезли его с собой во все части света, и там, где местные расы согласились смешаться с поработенной расой, в каждом случае они произвели смешанные расы этого низшего подразделения. В Америке *замбо* рождаются бок о бок с *мулатами* и *мамалуко*.

Это скрещивание началось менее четырех веков назад, и прошло уже некоторое время с тех пор, как М. д'Омалиус подсчитал, что смешанные расы составляют по меньшей мере ⁽¹⁾ /₈₀ всего населения земного шара, и он решительно заявил, что учитывал только полукровок крайних рас.

В Южной Америке, где белые, чернокожие и туземцы уже давно находятся в контакте и смешиваются более свободно, есть целые государства, в которых полукровки составляют большинство и в которых чрезвычайно трудно найти туземца чистой крови.

Приходилось ли прибегать к уловкам или мерам предосторожности, чтобы заключать такие союзы и обеспечивать плодovitость потомства? Совсем наоборот. Тирания белых, преступления рабства служат достаточным доказательством того, что в данном случае плодovitость зависит не от обстоятельств, а просто от физических связей, существующих между всеми людьми, от самых низких негров до первых белых.

Была ли такая возможность, такая уверенность, как эта, в производстве чабинов и лепоридов?

Если бы потребовалось еще одно доказательство того, как легко скрещиваются человеческие группы, его можно было бы найти в одном из тех свидетельств, ценность которых неоспорима, потому что они дают результат ежедневного опыта. В 1861 году законодательное собрание Калифорнии объявило, что любой белый человек, осужденный за сожительство или брак с негром, мулатом, китайцем или индейцем, лишался всех своих прав и становился подвержен всем конституционным ограничениям, налагаемым на людей с другим цветом кожи. Местная пресса недвусмысленно заявила, что целью этой меры было предотвращение слияния и смешения рас.

Законодательное собрание Калифорнии действовало в этом случае подобно владельцу стада чистой породы, которое он стремится сохранить от всякого смешения. Оно было еще более суровым, изгнав из правового общества не только потомство от скрещивания, но и нарушивших закон родителей из белой расы.

Разве наши селекционеры не принимают подобные меры предосторожности только в отношении рас, а не видов?

Далеко не бесплодные союзы между человеческими группами, очевидно, самыми разными, иногда оказываются более плодovitыми, чем союзы между особями, взятыми из одной группы. "Женщины-хоттентоты, - пишет Ле Вайан, - с мужьями своей расы имеют трех или четырех детей. С неграми это число утраивается, а с белыми еще больше увеличивается". М. Хомброн в течение четырех лет, которые он провел в Бразилии, Чили и Перу, изучал это явление в большом количестве семей. "Я могу утверждать, - говорит он, - что союзы белых с американскими женщинами дали самое высокое среднее количество рождений. Далее следуют негр и негритянка. И на третьем месте - негр и американка". Союзы между самими американцами дали самый низкий средний показатель.

Таким образом, максимум рождаемости здесь представлен в случае, который, по мнению полигенистов, представлял бы собой гибризм; минимум проявляется между особями одной группы, и именно с женщиной, принадлежащей к последней, благодаря скрещиванию, достигается максимум.

Эти факты показательны. Ни в одном случае скрещивания между видами не наблюдалось увеличения фертильности; напротив, она почти всегда уменьшалась, и часто, как мы видели выше, в огромной пропорции. Только при скрещивании рас наблюдались факты, аналогичные тем, о которых говорили Гомброн и Ле Вайан.

III. Таким образом, в каждом случае скрещивания между человеческими группами проявляются явления, характерные для дворняжек, и никогда - для гибридов.

Следовательно, эти человеческие группы, какими бы разными они ни были или казались, являются лишь *расами одного и того же вида*, а не *отдельными видами*.

Таким образом, существует только *один человеческий вид*, если принять этот термин в том значении, в котором он употребляется в отношении животных и растений.

IV. Тот, кто отказывается принять эти выводы, должен либо отрицать все факты, из которых они являются необходимым следствием, либо отвергать метод, использованный при изучении и оценке этих фактов.

Но эти факты полностью заимствованы либо из научных экспериментов, проведенных без всяких обсуждений и споров людьми с высочайшим авторитетом, либо взяты из бесчисленных опытов, которые ежедневно практикуют земледельцы, садоводы и селекционеры. Поэтому опровергнуть их очень сложно.

Что касается метода, то очевидно, что он полностью опирается на идентичность общих законов, управляющих всеми организованными и живыми существами. Я уверен, что немногие истинные ученые откажутся признать такую отправную точку.

Я желаю, чтобы искренние люди, свободные от партийного духа и предрассудков, последовали за мной в этом взгляде и самостоятельно изучили все эти факты, некоторых из которых я только коснулся, и я совершенно убежден, что они вместе с великими людьми, учеником которых я являюсь, - с Линнеем, Бюффоном, Ламарком, Кювье, Жеффруа, Гумбольдтом и Мюллером - придут к выводу, что *все люди принадлежат к одному виду* и что существует только *один вид человека*.

КНИГА II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА X.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ - ГИПОТЕЗЫ ТРАНСМУТАЦИИ - ДАРВИНИЗМ.

I. Единство человеческого рода поднимает некоторые общие вопросы и влечет за собой последствия, которые мы должны сейчас рассмотреть.

Первый вопрос, который напрашивается сам собой, - это вопрос о *происхождении*. Не отказываясь от строго научного аспекта этой темы, то есть ограничиваясь результатами экспериментов и наблюдений, можем ли мы объяснить появление на нашем земном шаре существа, которое само по себе образует царство? Я без колебаний отвечаю отрицательно.

Давайте с самого начала признаем, что мы не можем отдельно рассматривать вопрос о происхождении человека. Какова бы ни была причина или причины, лежащие в основе зарождения или развития органического царства, именно к ним следует отнести происхождение всех организованных и живых тел. Сходство всех основных явлений, которые они демонстрируют, идентичность общих законов, которые ими управляют, делают невозможным предположение, что может быть иначе. Таким образом, проблема происхождения человечества становится идентичной проблеме происхождения всех видов животных и растений.

II. К этой проблеме обращались очень часто и разными методами. Но здесь мы можем принять во внимание только попытки, которые были предприняты во имя науки. Они также не представляют для нас никакого интереса до того момента, когда стало возможным хотя бы четко сформулировать вопрос, что было невозможно до тех пор, пока не было дано четкого определения *органических видов*. Поэтому в историческом описании попыток, предпринятых для решения этого вопроса, бесполезно идти дальше Рея и Турнефора. Публикация Мейлле в 1748 году - первая попытка, заслуживающая внимания.

Я не намерен повторять здесь изложение различных теорий, предложенных этим талантливым автором, Бюффоном, Ламарком, Эт. Geoffroy St.-Hilaire, Bory de St.-Vincent, а также Naudin, Gaudry, Wallace, Owen, Gubler, Kölliker, Haeckel, Filippi, Vogt, Huxley и Mme. Royer. Всех их объединяет одно: они связывают происхождение более высокоразвитых видов с трансмутациями, которым подверглись низшие виды. Но на этом сходство заканчивается, и их теории часто полностью расходятся по всем остальным пунктам. Короче говоря, их идеи можно разделить на две основные группы в зависимости от того, в какую сторону их авторы отдают предпочтение - *быстрой* или *постепенной трансмутации*. Первые допускают внезапное появление нового вида, порожденного совершенно иным существом: по их мнению, первая птица появилась из яйца рептилии. Вторые утверждают, что модификации всегда происходят постепенно, что между одним видом и другим существует ряд звеньев, которые объединяют две крайности. Они считают, что виды размножаются медленно и путем постепенной дифференциации.

В действительности первая из этих двух теорий никогда не излагалась в такой форме, чтобы сформировать настоящую доктрину; она никогда не формировала школу. Философы, которые ее отстаивали, чаще всего ограничивались тем, что в общих чертах указывали на *возможность* явления, приписывая его какой-то случайности. Максимум, на что они ссылались в помощь этой возможности, - это на некоторые аналогии, заимствованные из истории обычного индивидуального развития, из истории чередования поколений или гиперметаморфоз; они не приводили никаких определенных фактов в оправдание своих утверждений.

За исключением, пожалуй, гипотезы М. Наудена, которую мы сейчас обсудим, все эти теории, выступающие за быструю трансмутацию, заслуживают еще более серьезного упрека, а именно: пренебрежения великими общими фактами, демонстрируемыми органическим царством. Объяснение размножения и смены основных или вторичных типов с помощью какой-либо гипотезы недостаточно. Необходимо обратить особое внимание на отношения, которые связывают эти типы, на порядок, который управляет всем и который сохраняется с отдаленных геологических периодов через все обороты земного шара и несмотря на изменения в фауне и флоре.

Случайность, без правил и законов, когда на нее ссылаются как на непосредственную причину особых трансформаций, очевидно, не способна объяснить этот важный факт; она не дает никакого объяснения ни общности фундаментальных типов, ни прямого или латерального родства, существующего между их производными.

Иначе обстоит дело с теориями, выступающими за постепенную трансмутацию. Они рассматривают все эти важные вопросы и дают более или менее правдоподобное их решение. Они исходят из определенного числа принципов, следствия которых в большей или меньшей степени объясняют весь вопрос и многие его детали. Одним словом, они представляют собой подлинные доктрины, и вполне естественно, что они приобрели определенное число приверженцев.

К сожалению, все эти теории имеют один и тот же коренной недостаток. Они согласуются с определенным количеством важных фактов, связанных главным образом с морфологией существ; но они находятся в прямом противоречии с фундаментальными явлениями общей физиологии, которые являются не менее общими или фиксированными, чем первые. Это противоречие не очевидно на первый взгляд. Именно поэтому эти доктрины оказали влияние не только на широкую публику, но даже на людей самого высокого интеллекта, единственная ошибка которых состоит в том, что они позволили себе рассматривать только одну сторону вопроса.

Все эти теории были объединены в доктрину, которая по праву носит имя Дарвина. Под руководством этого прославленного натуралиста гипотеза постепенной трансмутации приобрела силу и видимость истины, которой она никогда не обладала прежде. Несомненно, задолго до Дарвина Ламарк сформулировал свой *закон наследственности* и *закон развития органов*, к которым английский натуралист ничего не добавил; М. Науден сравнил *естественный отбор* с *искусственным*; Этьен Жоффруа Сент-Илер провозгласил принцип *равновесия органов*; Серр и Агассис признали в эмбриогенных явлениях отображение генезиса существ. Но, взяв за отправную точку *борьбу за существование*, объяснив таким образом *отбор*, зафиксировав результаты *наследственности*, заменив *заранее установленные законы* Ламарка законами *дивергенции*, *непрерывности*, *постоянных признаков* и *конечной наследственности*; дав таким образом объяснение *приспособлению* существ ко всем условиям существования, *экспансивной силе* одних, *локализации* других, *последовательным изменениям* всех под властью *законов компенсации*, *экономии* и *корреляции роста*; применив эти факты к прошлому, настоящему и будущему одушевленного творения, Дарвин сформировал полную и систематическую теорию, целое, а часто и детали, которой невозможно не восхищаться.

Я понимаю, какое очарование вызывает эта глубокая и гениальная концепция, подкрепленная огромными знаниями и облагороженная его верной честностью. Я, несомненно, должен был бы уступить, как это сделали многие другие, если бы давно не понял, что все вопросы такого рода зависят в первую очередь от физиологии. Теперь, когда мое внимание пробудилось, мне не составило труда распознать точку, в которой выдающийся автор покидает почву реальности и вступает на почву неприемлемых гипотез.

Я считал правильным опубликовать свои критические замечания по поводу теории трансмутации и, в частности, дарвинизма. На это меня подвигли многочисленные нападки, которые часто предпринимались, причем в немереных выражениях, на то, что я считаю истиной, и на каждого противника новой теории. Но, опровергая теории, я всегда уважал их авторов и справедливо относился к их работе. Я цитировал как хорошее, так и плохое, и всегда держался в стороне от пылкой и плачевной полемики, поднятой трансмутацией.

При удобном случае я с большим удовольствием защищал великолепные исследования Дарвина в области естественных наук. Именно по этой причине, рискуя прослыть узколобым, поработанным предрассудками, неспособным покинуть старую колею и т. д. и т. п., я считаю себя вправе нападать на дарвинизм, если я использую не что иное, как оружие науки.

III. В дарвинизме есть некоторые моменты, которые совершенно неоспоримы. Самым важным из них мы можем считать *борьбу за существование* и *отбор*, который является ее результатом. Первое, конечно, установлено не впервые, и важная роль, которую оно должно играть в общей гармонии мира, по крайней мере, частично осознана. Здесь я лишь напомним

читателям басни Лафонтена. Но никто не настаивал, как Дарвин, на огромной диспропорции, существующей между числом рождений и числом живущих особей; никто не исследовал, как он, общие причины смерти или выживания, которые приводят к конечному результату. Указывая на тот факт, что каждый вид имеет тенденцию к увеличению численности в геометрической прогрессии, что подтверждается количеством потомства, которое может родить одна мать в течение всей своей жизни, английский натуралист облегчает понимание интенсивности борьбы, прямой или косвенной, которую ведут животные и растения друг с другом и окружающим миром. Несомненно, именно благодаря этой борьбе за существование весь мир в течение нескольких лет не захватывается каким-либо видом, а реки и океаны не заполняются одинаково.

Для меня не менее очевидно, что выжившие не всегда могут быть обязаны своим сохранением сочетанию счастливых случайностей. Среди огромного большинства победа может быть обусловлена только некоторыми особыми преимуществами, которыми не обладают те, кто пал. Результатом этой *борьбы за существование* является уничтожение всех неполноценных особей и сохранение только тех, которые обладают каким-то превосходством. Это и есть то, что Дарвин называет *естественным отбором*.

Я с трудом понимаю, как можно сомневаться или даже отрицать эти два явления. Они не представляют собой теорию, а являются фактами. Далеко не противные для разума, они кажутся неизбежными, последствия следуют с некой необходимостью и фатальностью, напоминающей законы неорганического мира.

Термин "*отбор*" вызывает критику, а язык Дарвина, порой слишком образный, делает правдоподобными возражения тех, кто упрекает его в том, что он приписывает *природе* роль разумного существа. Более точным было бы слово "*элиминация*". Но многое из этого должно было быть предотвращено пояснениями автора. Кроме того, очевидно, что борьба за существование влечет за собой уничтожение особей, менее способных его поддерживать, и этот результат в точности напоминает тот, который производит *бессознательный человеческий отбор*. Тогда *наследственность* вмешивается как в жизнь свободных существ, так и в жизнь тех, кого мы воспитываем в неволе. Она сохраняет и накапливает прогресс, достигнутый каждым поколением в любом направлении, и конечным результатом является появление в организме определенных заметных анатомических и физиологических модификаций.

Слова "*высший*" и "*низший*" здесь следует воспринимать только как относящиеся к условиям существования, в которых находятся животные и овощи. Другими словами, та особь, которая лучше всего приспособлена к этим условиям, будет выше и победит в борьбе за существование. Например, черная крыса и мышь вынуждены бороться с бурой крысой, которая попала во Францию в прошлом веке с берегов Волги. Черная крыса была почти такой же крупной и сильной, как ее противник, но менее свирепой и менее плодовитой. Она была истреблена, несмотря на наличие убежищ, недоступных для ее врага. Мышь, которая намного слабее, но в то же время намного меньше, может укрыться в норах, которые слишком малы для бурой крысы; поэтому она пережила черную крысу.

Можно ли допустить, что отбор и наследственность одинаково действуют на то неопределимое *нечто*, что связано с зачаточным интеллектом и инстинктами животных? Вместе с Дарвином я безоговорочно отвечаю на этот вопрос утвердительно. У животных, как и у человека, все особи одного вида обладают не одинаковым интеллектом и не неизменно одинаковыми способностями; некоторые инстинкты, как и некоторые формы, способны

видоизменяться. Наши домашние животные служат примером этих фактов. Дикие предки наших собак, конечно, не были приучены указывать на дичь. Будучи предоставленными самим себе и поставленными в новые условия существования, животные иногда полностью меняют свой образ жизни. Бобры, которых потревожили охотники, рассеялись; теперь они отказались от строительства своих домиков и роют длинные норы в берегах рек. Борьба за существование, видимо, была благоприятной для первооткрывателей этого нового способа спасения от своих преследователей, и естественный отбор, сохранив их и их потомков, превратил общительное и конструктивное животное в одинокое и норовистое.

До сих пор было очевидно, что я согласен со всем, что Дарвин говорил о борьбе за существование и естественном отборе. Я не согласен с ним, когда он приписывает им способность бесконечно изменять организованные существа в заданном направлении, так что прямые потомки одного *вида* образуют *другой вид*, отличный от первого.

IV. Основная причина разногласий, очевидно, кроется в том, что Дарвин не сформировал четкого представления о смысле, который он приписывает слову *species*. Мне не удалось найти ни в одной из его работ ни одного точного высказывания на этот счет. Обвинение более тяжкое, чем справедливое обвинение в адрес автора, утверждающего, что он открыл *происхождение видов*.

Чаще Дарвин придерживается чисто морфологической идеи, которая также несколько расплывчата. Он часто противопоставляет *вид* и *расу*, которую он также называет *разнообразием*, но никогда четко не указывает, что он понимает под тем или иным. Более того, он старается как можно теснее сблизить их, хотя иногда признает некоторые моменты, которые их разделяют. "Виды, - говорит он, делая один из своих выводов, - следует рассматривать как искусственную комбинацию, необходимую для удобства". Его ученики неукоснительно следовали за ним в этом направлении, и те, кто использует наиболее четкие формулировки по этому вопросу, присоединяются к своему учителю, заявляя, что вид - это лишь некая условная группа, подобная тем, которые используются в классификации. Что касается рас, то они являются лишь видами, подвергшимися трансмутации. Теперь из того, что он уже узнал, хотя это исследование было коротким, читатель, надеюсь, знает, какой точки зрения ему следует придерживаться, и понимает, к какой путанице должна привести такая расплывчатая теория.

Несмотря на неизбежную бесполезность подобных дискуссий, давайте проследим за нашими противниками на этой зыбкой почве и посмотрим, насколько *морфологические* факты подкрепляют их теорию с наименьшей вероятностью.

Сам Дарвин неоднократно заявлял, что результат отбора заключается в основном в приспособлении животных и растений к условиям существования, в которых им приходится жить. В этом вопросе я с ним полностью согласен. Если, однако, между организованными существами и условиями жизни однажды установилась гармония, то борьба за существование и отбор могут привести только к ее закреплению, и, следовательно, их действие является консервирующим.

Если условия жизни изменятся, они снова вступят в игру, чтобы установить новое равновесие, и результатом их действия станут более или менее заметные модификации. Но будут ли эти изменения достаточно велики, чтобы породить новый вид? Ответом на этот вопрос может служить следующий факт.

В настоящее время на Корсике обитает олень, которого по форме сравнивают с барсуком-гончим: его рога отличаются от рогов европейских оленей. Те, кто ограничивается

морфологическими признаками, несомненно, сочтут его отдельным видом, и его часто считали таковым. Так, Бюффон сохранил олененка этого предполагаемого вида и поместил его в свой парк; через четыре года он стал и крупнее, и изящнее французских оленей, которые были старше и считались более рослыми. Более того, официальные свидетельства Геродота, Аристотеля, Полибия и Плиния подтверждают, что в их время оленей не было ни на Корсике, ни в Африке. Разве не очевидно, что данный олень был перевезен с континента на остров; что в новых условиях вид подвергся временной морфологической модификации, хотя и не утратил способности возвращать свои примитивные черты, будучи помещенным в примитивные условия жизни?

Следует ли из этого заключить, что со временем природа могла бы завершить начатое и полностью отделить корсиканского оленя от его первоначального вида? Мы можем ответить на этот вопрос отрицательно, если придавать хоть какое-то значение опыту и наблюдениям.

Виды, частично подвластные человеку, дают ряд фактов, которые позволяют нам сравнить силу природных сил, когда они предоставлены самим себе, с силой человека в изменении определенного типа. Во всех искусственных расах разновидности бесконечно более многочисленны, более разнообразны и более заметны, чем в диких расах и разновидностях. Результат этих преобразований организмов заключался только в образовании *рас*, но никогда в образовании *нового вида*. Сам Дарвин в своей великолепной работе о голубях косвенно соглашается с этим выводом; ведь говоря о *расах голубей*, он лишь отмечает, что различия в их форме таковы, что если бы они были найдены в диком состоянии, то мы были бы вынуждены выделить из них по меньшей мере три или четыре рода. Дикие скальные голуби, исходное поголовье всех наших домашних голубей, отличаются, напротив, только оттенками окраски.

Результат всегда один и тот же, когда бы мы ни сравнивали работу природы с нашей собственной. Когда человек имеет дело с каким-либо растительным или животным видом, он всегда меняет его характер, иногда, по прошествии нескольких лет, изменения оказываются гораздо более значительными, чем те, что были произведены природой с тех пор, как вид впервые появился на свет. *Влияние условий жизни (milieu)*, о которых мы еще поговорим, *борьба за существование* и *естественный отбор*, как я его только что описал, власть, которой обладает человек, чтобы направлять природные силы и изменять их результат, легко объясняют это превосходство действия.

Следовательно, не выходя из области фактов и судя только по тому, что мы знаем, мы можем сказать, что морфология сама по себе оправдывает вывод о том, что один вид никогда не производил другой путем деривации. Допускать обратное - значит обращаться к *неизвестному* и подменять результаты опыта *возможностью*.

Физиология обосновывает еще более сильное утверждение. На этой почве человек также оказывается столь же могущественным, как и природа, и по тем же причинам. У наших культурных растений и домашних животных изменениям подверглась не только примитивная форма, но и некоторые функции. Если бы мы только увеличили и деформировали дику морковь и дику редьку, они не стали бы более съедобными. Чтобы сделать ее приятной на вкус, производство одних веществ должно было быть уменьшено, а других - увеличено, то есть питание и выделение должны были быть изменены. Если бы функции в стадах диких животных оставались неизменными, у нас не было бы ни одной из тех рас, которые отличаются по цвету шерсти, по выработке молока, по способности к труду или по производству мяса. Если бы сам инстинкт не подчинялся действиям человека, мы бы не имели в одном питомнике пойнтеров, грейхаундов, трюфельных собак и терьеров.

Природа не производит ничего подобного. Допускать, что подобные результаты однажды последуют за действием природных сил, значит апеллировать к *неизвестному*, к *возможности*, и противоречит всем законам аналогии и всем результатам, полученным в результате опыта и наблюдений.

Превосходство человека над природой столь же ясно проявляется в группе явлений, относящихся к вопросу, которым мы сейчас занимаемся.

Мы видели, насколько редки случаи естественных гибридов среди самих растений; мы также видели, что не известно ни одного случая среди млекопитающих. С тех пор как человек начал проводить эксперименты в этом направлении, он увеличил количество гибридов среди растений, а также среди животных. Более того, ему удалось сохранить в течение более чем двадцати поколений гибриды, которые он смог защитить от возврата и беспорядочных изменений. Но мы знаем, какая забота была необходима, чтобы обеспечить продолжение *Aegilops speltæformis*. Если бы это растение было предоставлено самому себе, оно бы вскоре исчезло.

Единственное известное исключение подтверждает *закон стерильности* видов, предоставленных самим себе. Этот закон прямо противоречит всем теориям, которые, как и дарвинизм, склонны путать виды и расы. Это ясно понимал Хаксли, и это заставило его сказать: "Я принимаю теорию Дарвина с оговоркой, что должно быть предоставлено доказательство того, что физиологические виды могут быть получены путем селективного скрещивания".

Это доказательство еще не предоставлено, поскольку называть именем вида серию гибридов, историю которых я привел выше, а именно: лепоридов и чабинов, - это странное словоупотребление. Но даже если бы доказательства, требуемые Хаксли, были представлены, из этого не следует, что самое большое возражение против дарвиновских теорий было бы устранено.

На самом деле, в этой теории, как и во всех тех, которые основываются на *постепенной трансмутации*, новый вид берет свое начало от *разновидности*, обладающей характером, который сначала является рудиментарным, но который развивается *очень постепенно*, делая определенный прогресс в каждом поколении. В результате этого между сменяющимися друг друга особями возникают лишь *расовые* различия. Как мы уже видели, плодовитость между расами одного вида остается постоянной, и, следовательно, в гипотезе Дарвина, как и в гипотезе Ламарка и т.д., плодовые скрещивания во всех смыслах этого слова постоянно путали бы исходный и производный виды, находящиеся в процессе формирования. Одна и та же причина, производящая одни и те же следствия с момента возникновения мира, в органическом мире вместо известного порядка представляла бы величайшую путаницу.

Итак, сам Дарвин и его самые восторженные приверженцы должны признать, что в какой-то момент эти *расы* вдруг стали неспособны к скрещиванию со своими предшественниками. Откуда же тогда возникает *стерильность*, разделяющая *виды*? Когда и в какой момент будет разорвана физиологическая *связь*, объединяющая исходный вид с его модифицированными потомками, даже если эта модификация доведена до уровня обычного быка и ниата? Что будет определяющей причиной этого великого факта, действующего во всей экономике органического царства?

В своей работе "*Изменение животных и растений*" Дарвин отвечает на этот вопрос: "Поскольку виды не обязаны своей взаимной стерильностью накопительному действию естественного отбора, и множество соображений показывает нам, что они не обязаны ей

творческому акту, мы должны признать, что она возникла случайно в ходе их постепенного формирования и связана с каким-то неизвестным изменением их организации".

Мы видели, что в последних изданиях "Происхождения видов" он отказывается признать, что плодовитость среди дворян является общей, опираясь на наше *невежество* в вопросе скрещивания диких *разновидностей* (рас).

Таким образом, чтобы признать физиологическую трансмутацию расы в вид, противоречащую всем позитивным фактам, Дарвин и его последователи отвергают светские результаты опыта и наблюдений и заменяют их *возможной случайностью* и *неизвестностью*.

Дарвиновская теория полностью опирается на возможность такой трансмутации. Мы видим, на каких данных основывается гипотеза о такой возможности. Теперь, в *истинно либеральном духе*, я задаю каждому *непредвзятому* человеку, как бы мало он ни был знаком с наукой, вопрос: на таких ли основаниях должна быть построена общая теория в физике или химии?

V. Более того, аргумент, пример которого мы только что видели, можно найти на каждой странице дарвинистских трудов. Независимо от того, обсуждается ли фундаментальный вопрос, подобный тому, что мы только что рассмотрели, или незначительная проблема, как трансмутация сомика в поползня, *возможность*, *случайность* и *личное убеждение* неизменно приводятся в качестве убедительных доводов. Стоит ли современная наука на таких основаниях?

Дарвин и его ученики хотят, чтобы даже наше невежество в отношении некоторых явлений считалось в их пользу. Этот вопрос часто обсуждался на основе палеонтологии, и их просили указать хоть один пример тех серий, которые, по их мнению, должны объединять родительский вид с его производными. Они признают свою неспособность; но отвечают, что вымершая фауна и флора оставили очень мало останков; что нам известна лишь малая часть этих древних архивов; что факты, свидетельствующие в пользу их доктрины, несомненно, погребены под волнами с затопленными континентами и т. д. "Такой подход к вопросу, - заключает Дарвин, - значительно уменьшает трудности, если не приводит к их полному исчезновению".

Но я снова задаю вопрос: в какой области человеческого знания, кроме этих неясных предметов, мы должны считать проблемы решенными по той самой причине, что не обладаем ни одним из необходимых знаний для их решения?

Я не собираюсь воспроизводить здесь весь обзор, который я сделал в других местах по поводу теорий трансмутации в целом или дарвинизма в частности. Вышеприведенных замечаний, надеюсь, будет достаточно, чтобы показать, почему я не могу принять даже самые соблазнительные из этих теорий. В некоторых моментах они согласуются с определенными общими фактами и дают объяснение определенному количеству явлений. Но все без исключения достигают этого результата только с помощью гипотез, которые находятся в вопиющем противоречии с другими общими фактами, столь же фундаментальными, как и те, которые они объясняют. В частности, все эти доктрины основаны на постепенной и прогрессивной деривации, на смешении расы и вида. Следовательно, они игнорируют неоспоримый физиологический факт; они полностью противоречат другому факту, который вытекает из первого и очевиден с любой точки зрения,

а именно выделению определенных групп с самых ранних времен существования мира и сохранению органического порядка на протяжении всех оборотов земного шара.

Таковы причины, по которым я отказываюсь от приверженности теориям Дарвина.

VII. Теория английского натуралиста - это, безусловно, самая энергичная попытка проследить происхождение органического мира с помощью процессов, аналогичных тем, которые мы обнаружили в генезисе неорганического мира, то есть прибегая только к вторичным причинам. Он, как мы видим, потерпел неудачу, как и Ламарк. На смену этим выдающимся людям придут другие, которые попытаются решить ту же проблему. Будут ли они более удачливы?

Никто, как и я, не склонен ставить какие-либо ограничения на расширение человеческих знаний. Однако расширение наших научных знаний, в самом широком смысле этого слова, всегда подчинено определенным условиям. Самое внимательное изучение даже человеческого произведения никогда не научит нас чему-либо о *процессах*, которые позволили его реализовать. Самый умный часовщик, если он не занимался совершенно чуждыми его призванию науками, ничего не будет знать о происхождении железа, о его превращении в сталь, о прокатке и закалке главной пружины. Самое тщательное изучение металлической ленты, которую он так хорошо знает, не расскажет ему ни о ее происхождении, ни о процессе ее изготовления. Чтобы узнать больше, он должен покинуть свою мастерскую и посетить печи, кузницы и прокатные станы.

С произведениями природы дело обстоит точно так же. В природе, как и в нас самих, явления, которые *производят*, сильно отличаются от тех, которые *сохраняют*, и от тех, которые проявляются в *созданном объекте*.

Самое полное анатомическое и физиологическое исследование животного или взрослого растения, конечно, ничего не расскажет нам о метаморфозах микроскопической клетки, из которой произошли собака, слон и сам человек.

До сих пор мы обращали внимание только на уже сформировавшиеся виды. Поэтому мы не можем больше ничего узнать об их способе производства.

Но мы знаем, что *неизвестная причина*, породившая вымершие и живые виды, проявлялась на поверхности земного шара в разное время и с перерывами. Ничто не позволяет нам предположить, что она исчерпала себя. Хотя, как представляется, она обычно действует в периоды, соответствующие великим геологическим движениям, не исключено, что она может действовать в какой-то точке Земли даже в эту эпоху относительно глубокого покоя. Если это так, то, возможно, счастливый случай прольет свет на великую тайну происхождения органических организмов. Но пока опыт и наблюдения не научили нас чему-то, все, кто хочет оставаться верным истинной науке, будут принимать существование и чередование видов как первобытный факт. Он будет применять ко всем то, что Дарвин применяет к своему единственному *прототипу*; и, чтобы объяснить то, что все еще необъяснимо, он не будет жертвовать гипотезами, какими бы гениальными они ни были, точным и позитивным знанием, которое было завоевано почти двумя веками работы.

ГЛАВА XI.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА - РАЗЛИЧНЫЕ ГИПОТЕЗЫ.

I. Предыдущая глава позволила мне обойтись без обсуждения применения дарвинизма к истории человека. Тем не менее, помимо любопытных моментов в самом предмете, некоторое его обсуждение будет необходимо, поскольку он не лишен поучительности.

Ламарк стремился показать, как с помощью его *теории привычки* можно было представить себе прямую трансмутацию шимпанзе в человека. Дарвинисты также сходятся во мнении о связи человека с обезьянами. Тем не менее никто из них не указывает ни на один из ныне существующих видов как на нашего непосредственного предка; в этом они отличаются от своего выдающегося предшественника. Можно было бы предположить, что Фогт определил этот вопрос, если буквально воспринимать некоторые отрывки из его "Leçons sur l'homme". Но генуэзский ученый четко изложил свою теорию в "Записках о микроцефалах". Он возводит отправную точку, общую для двух типов, к *более древнему предку*. Дарвин, Уоллес, Филиппи, Лаббок, Геккель и др. еще теснее связывают человека с обезьянами. Последний излагает свои выводы в следующих выражениях: - "Человеческий род - это ветвь обезьян.

"Человек - это ветвь катаральной группы; он развился в старом мире и произошел от обезьян этой группы, которые давно вымерли".

II. Фогт не согласен со своими научными коллегами в одном важном вопросе. Он допускает, что разные популяции симов могли дать начало разным человеческим группам. Таким образом, население Старого и Нового Света было бы потомками различных форм, характерных для двух континентов. Согласно этой гипотезе, Австралия и Полинезия, где никогда не было обезьян, обязательно должны были быть заселены путем миграции.

Выдающийся женеvский профессор, кроме того, всегда ограничивается несколько туманным изложением своих идей относительно генеалогий, которые он считает нужным приписать различным группам человечества.

III. Дарвин и Геккель были смелее. Первый опубликовал важную работу о происхождении человека, а второй в своей "Истории сотворения организованных существ" подробно рассмотрел тот же предмет и привел генеалогическую таблицу наших предполагаемых предков, начиная с самых простых известных животных. Учитель и ученик почти всегда сходятся во мнениях, и именно к Геккелю Дарвин отсылает читателя, которому интересно узнать генеалогию человека в деталях. Давайте быстро взглянем на происхождение, которое приписывает нам немецкий натуралист.

Геккель считает первым предком всех живых существ *монеру*, которая представляет собой не что иное, как *amœbæ* в понимании Дюжардена. От этой начальной формы человек достиг того состояния, в котором мы находим его сейчас, пройдя через двадцать одну типичную переходную форму. При нынешнем положении вещей нашими ближайшими соседями являются антропоморфные или *бесхвостые катарриновые обезьяны*, такие как оранг, горилла, шимпанзе и др. Все они произошли от одного и того же вида *хвостатых катарриевых обезьян*, а последние - от *прозимиев*, тип которых сегодня представлен макаками, лорисами и т. д. Далее следуют сумчатые, составляющие 17-ю ступень нашей эволюции; дальнейшее рассмотрение их бесполезно.

Хотя расстояние между антропоморфными обезьянами и человеком представляется Геккелю незначительным, он все же счел необходимым признать существование промежуточной

стадии между нами и наиболее высокоразвитой обезьяной. Это чисто гипотетическое существо, от которого не было найдено ни малейшего следа, должно было отделиться от бесхвостых катарриновых обезьян и составить 21-ю стадию модификации, которая привела к человеческой форме. Геккель называет его *обезьяночеловеком*, или *питекантропом*. Он отказывает ему в даре членораздельной речи, а также в развитии интеллекта и самосознания.

Дарвин также признает существование этой связи между человеком и обезьянами. Он ничего не говорит о его интеллектуальных способностях. Зато он прослеживает его физический портрет, основывая свои замечания на ряде исключительных особенностей, наблюдаемых у человеческого вида, которые он рассматривает как явления *частичного атавизма*. "Самые ранние предки человека, - говорит он, - несомненно, когда-то были покрыты волосами; у обоих полов были бороды; их уши были заострены и способны двигаться, а их тела были снабжены хвостом с соответствующими мышцами. На их конечности и тело действовало множество мышц, которые сейчас лишь изредка появляются у человека, но которые все еще нормально функционируют у четвероногих. Большая артерия и нерв плечевой кости проходили через супракондилоидное отверстие. В этот или какой-то более ранний период кишечник давал гораздо больший дивертикул или *соесит*, чем тот, что существует сейчас. Нога, судя по состоянию большого пальца в эмбрионе, была тогда предплечьями, и наши прародители, несомненно, вели дендроидный образ жизни, обитая в теплых лесах; самцы были снабжены клыками, которые служили грозным оружием".

IV. Приписывая хвост нашим первым прямым предкам, Дарвин связывает его с типом хвостатых катаров и, следовательно, отодвигает его на ступень назад в шкале эволюций. Английский натуралист не довольствуется тем, что стоит на почве своих собственных доктрин, и, подобно Геккелю, в этом вопросе вступает в прямое противоречие с одним из фундаментальных законов, составляющих главное очарование дарвинизма, силу которого я отнюдь не отрицаю.

На самом деле, согласно теории Дарвина, трансмутации не происходят ни случайно, ни в любом направлении. Они происходят по определенным законам, которые обусловлены самой организацией. Если организм однажды модифицирован в определенном направлении, он может претерпевать вторичные или третичные трансмутации, но при этом сохранит отпечаток оригинала. Именно закон *постоянной характеристики* позволяет Дарвину объяснить происхождение групп, их особенности и многочисленные связи. Именно в силу этого закона все потомки первого моллюска были моллюсками; все потомки первого позвоночного были позвоночными. Очевидно, что это является одним из оснований доктрины.

Из этого следует, что два существа, принадлежащие к двум различным типам, могут быть отнесены к *общему предку*, чьи признаки не были четко развиты, но одно из них не может быть потомком другого.

Человек и обезьяны представляют собой очень яркий контраст *в отношении типа*. Их органы, как я уже отмечал, почти точно соответствуют друг другу; но эти органы устроены по совершенно разному плану. У человека они устроены так, что он, по сути, является *ходячим*, в то время как у обезьян они столь же сильно требуют, чтобы он был *альпинистом*.

Здесь существует анатомическое и механическое различие, которое уже было доказано в отношении низших приматов работами Вик д'Азира, Лоуренса, Серра и др. Исследования Дювернуа на горилле, Гратиолет и М. д'Аликс на шимпанзе установили тот факт, что

антропоморфные обезьяны обладают одним и тем же фундаментальным характером во всех отношениях. Более того, достаточно взглянуть на страницу, где Хаксли изобразил бок о бок скелет человека и скелеты самых высокоразвитых обезьян, чтобы убедиться в этом.

Следствием этих фактов, с точки зрения логического применения закона *постоянной характеристики*, является то, что человек не может произойти от предка, который уже характеризуется как обезьяна, в той же мере, в какой бесхвостая обезьяна может произойти от хвостатой катаррины. *Ходячее животное не может произойти от лазающего*. Это ясно понимал Фогт. Помещая человека среди *приматов*, он без колебаний заявляет, что низший класс обезьян прошел ту точку отсчета (общего предка), от которой произошли и разошлись различные виды этого семейства.

Таким образом, мы должны поместить происхождение человека за пределы последней обезьяны, если хотим придерживаться одного из законов, наиболее настоятельно необходимых для дарвиновской теории. Затем мы переходим к *prosimiæ* Геккеля, лорису, индризису и т. д. Но эти животные также являются лазающими; поэтому в поисках нашего первого прямого предка мы должны пойти дальше. Но генеалогия, прослеженная Геккелем, ведет нас от последних к *сумчатым*.

От человека до кенгуру расстояние, конечно, велико. Сейчас ни в живой, ни в вымершей фауне нет промежуточных типов, которые должны были бы служить ориентирами. Эта трудность вызывает у Дарвина лишь небольшое смущение. Мы знаем, что он считает отсутствие информации по подобным вопросам доказательством в свою пользу. Геккель, несомненно, так же мало смущен. Он допускает существование абсолютно теоретического *питекоидного человека*, и это не единственный случай, когда он поступает подобным образом, чтобы завершить свою генеалогическую таблицу. Приведем в качестве примера его слова о созуре (14-я стадия), земноводном животном, которое в равной степени неизвестно науке. "Доказательство его существования вытекает из необходимости промежуточного типа между 13-й и 14-й стадиями".

Итак, поскольку доказано, что, согласно самому дарвинизму, происхождение человека должно быть отнесено за пределы 18-й стадии, и поскольку, следовательно, *необходимо* заполнить промежуток между сумчатыми и человеком, признает ли Геккель существование *четырех неизвестных промежуточных групп* вместо одной? Завершит ли он таким образом свою генеалогию? Не мне отвечать на этот вопрос.

V. Дарвину и Геккелю наверняка покажется очень странным, что представитель старой школы, человек, верящий в реальность видов, претендует на то, чтобы быть лучше них знакомым с применением законов дарвинизма и указывать на серьезные промахи в их применении. Давайте же встанем на почву *фактов*. Мы сразу же найдем доказательства того, что эта генеалогия ошибочна во всем и основана на материальной анатомической ошибке.

И Дарвин, и Геккель связывают серию симов с типом, который сейчас был бы представлен *лемуридами*, которых последний обозначает термином *prosimiæ*. Единственным основанием для такого мнения Дарвина являются некоторые признаки, взятые, в частности, из зубного ряда. Геккель возвращается к эмбриогенезу.

Мы знаем, что за исключением сумчатых (кенгуру, сарригу) и однопроходных (орниторхинхус, ехидна), все млекопитающие имеют *плаценту*, орган, состоящий из сети кровеносных сосудов, который соединяет мать с плодом и служит для питания последнего. У жвачных, кишечнорастворимых и китообразных плацента *простая и диффузная*, то есть пучки

кровеносных сосудов развиты по всей поверхности плодной оболочки и находятся в непосредственном сообщении с внутренней поверхностью матки. У остальных млекопитающих плацента *двойная*: половина происходит от матери, а половина - от плода, точнее, его внешней оболочки. Особая мембрана, называемая *децидуа*, покрывает внутреннюю часть матки и соединяет плаценты. Геккель, справедливо придавая большое значение этим анатомическим различиям, делит млекопитающих на две большие группы: *indeciduata*, у которых нет децидуа, и *deciduata*, у которых она есть.

Среди последних плацента может окружать яйцеклетку млекопитающих как пояс (*зоноплацентарная*), или образовывать своего рода круглый диск, более или менее развитый (*дископлацентарная*). Человек, обезьяны, летучие мыши, насекомоядные и грызуны имеют последнее расположение и, таким образом, образуют естественную группу, в которую не могут быть приняты ни *зоноплацентарные*, ни, конечно, *недископлацентарные* млекопитающие.

Геккель, без малейших колебаний, добавляет свои *prosimiæ* к группам, которые я только что перечислил, то есть приписывает им децидуальную и дисковидную плаценты. Теперь анатомические исследования ММ. Альфонса Милна Эдвардса и Грандидье на животных, привезенных последним с Мадагаскара, позволяют с уверенностью утверждать, что у *prosimiæ* Геккеля нет децидуальной и диффузной плаценты. Они являются *indeciduata*. Далеко не факт, что они являются предками обезьян, согласно принципу, заложенному самим Геккелем, их даже нельзя рассматривать как предков зооплацентарных млекопитающих, например, плотоядных, и их следует связывать с пахидерматами, эдентатами и китообразными.

Дарвин и Геккель, возможно, ответят, что когда они составляли свои генеалогии, эмбриогенез *prosimiæ* не был известен. Но зачем тогда представлять их как одно из промежуточных звеньев, которым они придают такое большое значение? Они всегда поступают одинаково, рассматривая *неизвестное* как *доказательство* в пользу своей теории.

VI. Необходимость, которая, как мне кажется, была четко доказана, искать связь, которая требуется между сумчатыми и обезьянами, в другом месте, а не среди *prosimiæ*, не отменяет родства между последними и человеком. Однако есть и другие факты, которые не согласуются с этой теорией.

М. Прунер Бей, возобновляя описательные и анатомические работы, которые проводились до последних нескольких лет, показал, что сравнение человека с антропоморфными обезьянами выявляет факт, который допускает очень мало исключений, а именно существование *обратного порядка* в развитии основных органов. Исследования Велькера над сфеноидальным углом Вирхова приводят к тому же выводу, поскольку у человека этот угол уменьшается с момента рождения, в то время как у обезьян он постоянно увеличивается, причем настолько, что иногда исчезает. Именно на основании черепа немецкий анатом заметил этот обратный порядок, важность которого не может остаться незамеченной.

Аналогичный контраст был отмечен Гратиолеттом в самом мозге. Ниже приведены его наблюдения по этому вопросу. У обезьяны височные сфеноидальные свертки, образующие среднюю долю, появляются и завершаются раньше передних свертков, образующих лобную долю. У человека, напротив, лобные свертки появляются первыми, а свертки средней доли формируются позже.

Очевидно, особенно после применения самых фундаментальных принципов дарвинизма, что организованное существо не может быть потомком другого, чье развитие идет в обратном порядке по отношению к его собственному. Следовательно, в соответствии с этими принципами, человек не может считаться потомком какого-либо симулянта.

VII. Я уже говорил выше, что палеонтология никогда не показывала ничего, что хоть в малейшей степени напоминало бы гипотетического *питекоидного человека* Геккеля. Возникла надежда, что то, что не удалось найти среди вымерших форм, может быть найдено среди живых. Фогт сравнил мозг микроцефалов с мозгом антропоморфных обезьян, а Геккель в своей генеалогической таблице идиотов, кретинов и микроцефалов представил как реальных представителей своего *бессловесного человека*. Эти существа с их маленьким мозгом и неполноценными способностями, по мнению этих двух натуралистов, являются случаями *атавизма* и напоминают нормальное состояние наших самых отдаленных прямых предков.

Здесь мы имеем еще один пример любопытного метода рассуждений, знакомого дарвинистам. Микроцефализм, идиотия и кретинизм представляют собой множество тератологических или патологических состояний. Они, следовательно, принадлежат к очень многочисленным группам фактов, которые уже давно изучены. Если некоторые из этих фактов можно рассматривать как *явления атавизма*, то почему с остальными должно быть иначе? Зачем приписывать атавизму один характер только у кретинов и микроцефалов, а другие относить к тератологии и патологии? Очевидно, что это *совершенно произвольная* трактовка, максимально противоречащая истинному научному методу.

После работ тератологов, после экспериментов Geoffroy, так умело возобновленных и завершенных M. Dareste, нельзя отрицать роль, которую играют патогенные причины, даже внешние, в задержанном развитии. Микроцефализм - это не что иное, как *задержка развития*, действующая на череп и его содержимое. Но это не единичный случай. Другие органы и функции у микроцефалов страдают таким же образом. Было доказано, что они всегда стерильны, и, конечно, стерильность не является явлением, которое можно отнести к атавизму.

Таким образом, среди микроцефалов четко доказано, что тератогенная причина действовала на часть организма, а именно на генеративные органы. Какая причина может быть указана для того, чтобы приписать изменения черепа и мозга совершенно другой причине? На основании какого принципа можно разделить два факта, которые, как показало наблюдение, так тесно связаны друг с другом? Почему в качестве аргумента следует ссылаться на первый и ничего не говорить о втором? Разве не очевидно, что это совершенно произвольная процедура, продиктованная исключительно требованиями теории?

Общий план мозга принципиально одинаков у всех млекопитающих и у человека. В этом вопросе, как и во всех других, сходство наиболее велико, если сравнивать его с антропоморфными обезьянами. Когда по той или иной причине его мозг изменяется и уменьшается, как у микроцефалов, разве удивительно, что возникают новые сходства. Обратное было бы непонятно.

На этом факте особенно настаивал Фогт, описавший с этой точки зрения несколько интересных деталей, которые делают менее общими некоторые результаты, полученные M. Гратиолет. Но примечательно, что эти новые отношения устанавливаются не с наиболее высокоразвитыми обезьянами, а с хвостатыми обезьянами нового мира, с *platyrrhini*, которых Геккель и Дарвин исключили из ряда предков человека. Таким образом, сама дарвиновская

теория протестует против сравнения микроцефалов с нашими предполагаемыми питекоидными предками.

Отношения, которые мы обсуждаем, не достигают, кроме того, сходства, которое позволило бы сделать выводы женева саванта. Мозг микроцефалов, хотя, по мнению Гратиолета, часто бывает менее объемным и менее извилистым, чем у антропоидных обезьян, вовсе не становится похожим на них. Это предположение подтверждается работами Фогта.

Со скелетом дело обстоит так же, как и с мозгом. Здесь я обращаюсь к авторитету, который никто из моих оппонентов не может отвергнуть, а именно к Хаксли. Выразив протест против заявлений тех, кто утверждает, "что структурные различия между человеком и обезьянами малы и незначительны", выдающийся анатом добавляет, что "каждая кость гориллы несет на себе знак, по которому ее можно отличить от соответствующей человеческой кости, и что, по крайней мере, в нынешнем состоянии творения ни одно промежуточное существо не заполняет промежуток, отделяющий человека от троглодита". В общем выводе своей книги Хаксли также признает тот факт, что обнаруженные до сих пор ископаемые останки человека не свидетельствуют о каком-либо приближении к питекантропу.

VIII. После официальных заявлений натуралиста, чьи дарвиновские убеждения ставят его вне всяких подозрений в пристрастности, как получилось, что мы постоянно встречаем выражение *simian character*, употребляемое по отношению к самым незначительным модификациям какого-то человеческого типа, точного описания которого никто не дает? Это, по меньшей мере, злоупотребление словами, против которого я уже не раз протестовал. Мы только что видели, что это выражение предполагает анатомический факт, которого не существует, и, следовательно, является ошибкой. Кроме того, оно неудобно тем, что понимается буквально невеждами, а иногда обманывает даже образованных людей и порождает веру в воображаемые деградации и сравнения.

На самом деле человек и все остальные позвоночные построены по одному и тому же фундаментальному плану. Между ним и другими членами этой группы существует множество взаимосвязей. Организованные существа - это не кристаллы, формы которых определены математически; у первых все тело и каждая часть этого целого колеблется между пределами, протяженность которых еще не установлена, но порой значительна. Этими колебаниями постоянно изменяются привычные отношения не только между человеком и обезьянами, но и между человеком и остальными позвоночными. Если мы сравним человека с любым типом животных, если мы применим к этому сравнению один и тот же метод и одну и ту же терминологию, мы придем к необычным выводам. Приведу один пример.

Самый важный факт в связи с мозгом - это, конечно, не его абсолютное развитие. Он заключается в том, как это развитие соотносится с развитием остальных частей тела. Когда предметом обсуждения являются животные, мы сходимся во мнении по этому поводу. То же самое должно быть и в случае с человеком. Несомненно, на этом основании относительного превосходства или неполноценности, на котором некоторые антропологи с такой готовностью отстаивают свою позицию по отношению к расам или индивидуумам, отношения, о которых я говорю, представляют собой один из наиболее ярких и существенных признаков.

Я привожу некоторые из этих соотношений, взятые из таблицы Дювернуа, в которой вес мозга принимается за единицу.

Человек	{Младенец	1 : 22	Грызуны	{Полевая мышь	1 : 31
	{ Молодежь	1 : 25		{ Мышь	1 : 43
	{ Взрослый	1 : 30			
	{ Старый	1 : 35			
			Carnivora	{ Крот	1 : 36
				{ Собаки	1 : 47 1 : 305
Приматы	{ Саймири	1 : 22	Птицы	{ Синяя синица	1 : 12
	{ Саи	1 : 25		{ Канарейка	1 : 14
	{ Уаисити	1 : 28		{ Коул Тит	1 : 18
	{ Гиббон	1 : 48		{ Воробей	1 : 25
				{ Зяблик	1 : 27

Человек, о котором идет речь, - это европейский белый. Из этой таблицы видно, что от младенчества к старости отношение мозга к остальному телу все время уменьшается. Должны ли мы из этого заключить, что молодость *деградирует* по сравнению с младенчеством, а взрослый или старый человек приобретает *симпатический характер*?

Кроме того, мы видим, что должно быть определенное понимание самого слова "*симулянт*". Если у гиббона, который относится к типу наших предполагаемых предков, мозг относительно меньше нашего, то с тремя представителями рода *sebus*, приведенными в таблице, дело обстоит иначе. Последние превосходят антропоидов; два первых демонстрируют точно такое же отношение, как младенец и юноша; третий превосходит взрослого человека. Но всех троих превосходят две синицы и канарейка.

Следовательно, если мы правы, считая человеческий род или человека, чей мозг ниже среднего на несколько граммов, склонным к антропоидной обезьяне, мы должны считать род или человека, чей мозг выше среднего, приближающимся к цебусу, или даже к воробьиным или кониристам. Если первое сравнение допустимо, то и второе тоже.

Тогда мы можем сказать вместе с ученым анатомом, к авторитету которого я так часто апеллировал: "Микроцефалы, как бы ни был уменьшен их мозг, не являются животными; это просто недоразвитые люди". Или, опять же, мы можем сказать вместе с М. Бестом, чье свидетельство не может вызывать подозрений в этом вопросе, что обезьяны в своем развитии не похожи на человека, и, наоборот, что человеческий тип, когда он деградирует, не похож на обезьяну.

IX. От питекантропа Дарвина и Геккеля, от человека без речи, использовавшего зубы в качестве оружия, до человека нашей эпохи расстояние еще очень велико. Как оно было заполнено? Как был развит этот интеллект, способный во многих случаях подчинить себе саму природу? Именно Уоллес особенно полно ответил на этот вопрос во имя теории, одним из основателей которой он является. В то же время мы увидим, что он признает несовершенство этой теории, когда обсуждает особые свойства человеческого вида.

Хорошо известно, что этот натуралист разделяет с Дарвином и М. Науденом честь поиска в естественном отборе объяснения органического происхождения. Но наш соотечественник ограничился лишь эскизом, фундаментальный характер которого он недавно полностью изменил. Дарвин охватил проблему в целом и в ее деталях; он добавил к своей первой работе несколько публикаций на совершенно разные темы, но все они направлены на достижение одной и той же цели. Его по праву можно считать главой школы.

Уоллес, который почти опередил Дарвина в публикации идей, общих для обоих, признает его своим учителем во всех случаях. Он обсуждает небольшое количество вопросов в специальных мемуарах, которые никогда не охватывают большую территорию. Не пытаясь решить все вопросы, предлагаемые теорией, он не столкнулся ни с таким количеством, ни с такими серьезными трудностями, как его выдающийся соперник. Этим, возможно, объясняется тот факт, что он обычно показывает себя более точным и логичным. Поэтому он всегда пользовался значительным авторитетом среди приверженцев дарвинизма, пока не опубликовал свои особые взгляды на человека.

По мнению Уоллеса, *непосредственная и личная польза* - единственная причина, которая приводит *отбор* в действие. В основе своей это теория Дарвина; но последний позволил себе поддаться влиянию сравнений или метафор, которые вызвали резкую критику, которые, возможно, обманули его, и которые он использует в большей или меньшей степени, чтобы избежать своих трудностей. Мы никогда не встречаем того же самого у Уоллеса, который принимает все последствия, к которым приводит его абсолютный принцип.

По мнению Уоллеса, *только полезность* способна объяснить, каким образом низшие формы животных могли породить обезьян, а затем и существо, обладающее почти всеми физическими характеристиками человека, каким он является сейчас. Эта *раса* жила стадами, рассеянными по жарким регионам древнего континента. Однако она не была лишена истинной общительности; она обладала способностью воспринимать ощущения, но не была способна мыслить; моральное чувство и сочувствие были ей неведомы. Это был лишь *материальный контур* человека, но он превосходил *хвостатого человека* Дарвина и питекантропа Геккеля.

К началу третичного периода, добавляет Уоллес, *неизвестная причина* начала ускорять развитие интеллекта в этом антропоидном существе. Вскоре он стал играть преобладающую роль в существовании человека. Совершенствование этой способности стало несравненно *более полезным*, чем любая другая органическая модификация. Отныне мощный модифицирующий агент отбора неизбежно действовал почти полностью в этом направлении. Уже приобретенные физические качества оставались почти неизменными, в то время как органы интеллекта и сам интеллект совершенствовались с каждым поколением все больше и больше. Животные, не затронутые этой *неизвестной причиной*, которая отделяет нас от них, продолжали подвергаться морфологическим преобразованиям, так что с эпохи миоцена произошли большие изменения в наземной фауне. Только у человека форма осталась прежней. Поэтому мы не должны удивляться, обнаружив в четвертичную эпоху черепа, подобные черепам Дениса и Энгиса, напоминающие черепа людей нашего времени.

Превосходство, приобретенное интеллектом, более того, навсегда вывело нашу расу из-под действия закона *морфологических преобразований*. Только его интеллектуальные и моральные способности отныне подчинены силе отбора, который приведет к исчезновению низших рас и замене их новой расой, низшая особь которой будет в наше время высшим человеком".

После прочтения страниц, которые я только что кратко изложил, мы не можем не удивиться тому, что Уоллес заявляет, что естественный отбор сам по себе не способен произвести от *антропоидного животного* человека, такого, какого мы находим у самых диких народов, известных нам. Таким образом, он делает человеческий вид исключением из законов, которые, по его мнению, управляют всеми остальными живыми существами. Следовать за соперником Дарвина по этому новому пути вдвойне интересно.

Уоллес начинает с напоминания о том, что естественный отбор *полностью основывается* на принципе *непосредственной полезности*, соотносимой только с условиями борьбы, которую ведут в данный момент особи, составляющие вид. Дарвин во всех своих работах по разным поводам заявляет об этом же принципе, на котором, собственно, и основываются все его утверждения об адаптации, возможности *регрессивных трансмутаций* и т. д.

Из этого принципа неизбежно вытекает, что отбор не может создавать *вариации, каким-либо образом вредные* для любого существа. Дарвин часто заявлял, что один хорошо подтвержденный случай такого рода разрушит всю его теорию.

Но очевидно, добавляет Уоллес, что отбор так же не способен произвести *бесполезную вариацию*; он не может развить орган в пропорциях, выходящих за пределы его *нынешней полезности*.

Уоллес очень ясно показывает, что у дикарей есть органы, развитие которых не соответствует их *нынешней полезности*, и даже способности и физические качества, которые либо бесполезны, либо вредны, по крайней мере для индивида. "Но, - говорит он, - если удастся доказать, что эти изменения, хотя и опасные или бесполезные в момент их первого появления, стали гораздо более полезными и теперь необходимы для полного развития интеллектуальной и моральной природы человека, мы должны поверить в существование разумного действия, предвидящего и предусматривающего будущее, так же как мы должны делать, когда видим, как селекционер приступает к работе, чтобы произвести определенное улучшение в любом направлении в любом культурном растении или домашнем животном."

Относительное развитие тела и мозга, органа интеллекта, - один из моментов, на котором наш автор настаивает наиболее решительно. Рост оранга, по его словам, почти равен росту человека; горилла гораздо выше и крупнее. Тем не менее, если средний объем мозга антропоидных обезьян выразить десятью, то у дикарей этот же объем будет равен двадцати шести, а у цивилизованных людей - тридцати двум. Английский натуралист также отмечает, что среди дикарей, например, эскимосов, встречаются особи, объем черепа которых почти достигает максимума, указанного для самых высокоразвитых народов.

Наконец, Уоллес, опираясь на эксперименты и расчеты Гальтона, однозначно признает, что хотя мозг дикарей относится к мозгу цивилизованного человека в пропорции пять к шести, интеллектуальные проявления составляют, самое большее, один к тысяче. Материальное развитие, таким образом, совершенно непропорционально функциям. Мозг, чуть более объемный, чем у гориллы, по мнению выдающегося путешественника, был бы вполне достаточен для жителей Андаманских островов, Австралии, Тасмании и Огненной Земли.

Уоллес объясняет развитие идей справедливости и доброжелательности теми преимуществами, которые они принесут племени и каждому человеку в отдельности. Но способности, по сути своей *индивидуальные* и не приносящие *непосредственной* пользы другим, не подлежат, по его мнению, отбору. "Как, - говорит он, - борьба за существование, победа наиболее приспособленных и естественный отбор могут способствовать развитию умственных способностей", таких как идеальные представления о пространстве и времени, о вечности и бесконечности, художественное чувство, абстрактные представления о числе и форме, без которых невозможны арифметика и геометрия?

По гораздо более убедительной причине развитие нравственного чувства у дикаря не может быть объяснено соображениями, взятыми из *полезности*, будь то *индивидуальной* или *коллективной*. Уоллес долго настаивает на этом; он приводит примеры, доказывающие, что это чувство существует во всем, что наиболее тонко и наиболее противоположно

утилитарным представлениям, среди самых диких племен Центральной Индии. Мы могли бы привести множество примеров, подтверждающих этот факт; в частности, краснокожие с большим уважением относятся к своему честному слову, хотя оно должно повлечь за собой пытки и смерть.

Наш автор основывает многочисленные аргументы на физическом исследовании человека. "Совершенно точно, - говорит он, - что естественный отбор не мог произвести нынешнее обнаженное тело человека от предка, покрытого волосами, поскольку такая модификация, далеко не полезная, была бы вредной, по крайней мере в некоторых отношениях"; "У цивилизованного человека рука выполняет ряд движений, о которых дикари не имеют ни малейшего представления, хотя анатомических различий в строении высших органов не существует; гортань наших певцов устроена так же, как и у дикарей, и, тем не менее, какой контраст между издаваемыми звуками!

Из всех этих фактов Уоллес делает вывод, что мозг, рука и гортань дикарей обладают *скрытыми способностями*, которые, будучи временно *бесполезными*, не могут быть отнесены на счет *естественного отбора*. Кроме того, человек не в состоянии сам их приобрести. Поэтому для объяснения их существования необходимо вмешательство посторонних. Уоллес приписывает это вмешательство *высшему разуму*, который воздействовал на человеческий вид так же, как тот воздействовал на горного голубя, чтобы произвести от него путера или перевозчика, и который использовал аналогичные процессы.

Короче говоря, *естественный отбор*, регулируемый только законами природы, достаточен для производства диких видов; *искусственный* или *человеческий отбор* может произвести улучшенные расы животных и растений; своего рода *божественный отбор* должен был произвести нынешнего человека, и только он может довести его до высшей ступени интеллектуального и морального развития".

Выдвигая эту последнюю гипотезу, Уоллес заявляет, что она не больше вредит теории естественного отбора, чем та ослаблена фактом искусственного отбора. Мало кто, я думаю, согласится с этим утверждением. Главная апология дарвинизма в глазах ученых, его великое очарование для всех его приверженцев, заключается в претензиях, которые он выдвигает, чтобы связать органическое происхождение, как человека, так и растений, с единым действием вторых причин; и объяснить нынешнее состояние живых существ физическими и физиологическими законами, так же как геология и астрономия объясняют нынешнее состояние материального мира исключительно общими законами материи. Сделав вмешательство *разумной воли* необходимым для реализации человеческого существа, Уоллес встал в оппозицию к самой сути теории. Таково мнение большинства дарвинистов, которые относятся к нему в некотором роде как к дезертиру.

Поэтому я не имею права рассматривать эту последнюю гипотезу Уоллеса. Однако я вправе заявить, что большинство фактов, побудивших одного из основателей дарвинизма разойтись со своим вождем в столь важном вопросе, сохраняют всю свою ценность в качестве возражений. Ошибка Уоллеса состоит в том, что он не видит, что его утверждения о человеке в равной степени применимы и к животным, и Клапаред справедливо упрекнул его в отсутствии логики в этом вопросе. Он был менее счастлив в ответах, которые он дал своему старому союзнику. Несомненно, тот, кто рассматривает этот вопрос исключительно с дарвиновской точки зрения и принимает за истину все, что я попытался показать ложным, легко найдет решение для многих трудностей, поднятых Уоллесом. Но его утверждения о *скрытых способностях*, о высших способностях человеческого разума и о моральном

чувстве очень трудно опровергнуть. Клапаред лишь упомянул о первом. Дарвин попытался пойти дальше; но его теории и гипотезы по этим важным вопросам, как мне кажется, не принесли большого удовлетворения самым преданным из его последователей. Я не могу здесь вступать в дискуссию, которая, чтобы иметь какую-либо ценность, должна быть продолжена, и отсылаю читателя к работе "Происхождение человека" и к моим статьям в "Journal des Savants".

Х. Я не могу закончить этот краткий рассказ о происхождении, которое приписывалось человеку в последние годы, не упомянув о новой теории, выдвинутой в последнее время выдающимся ботаником, на работы которого мне часто приходилось ссылаться. М. Наудин был одним из самых важных предшественников Дарвина. За шесть лет до английского натуралиста он сравнивал действие природных сил в производстве *видов* с методами, используемыми человеком для получения *рас*; он признавал *происхождение* и *родство* видов; он сравнивал растительное царство с деревом, "где корни, таинственно скрытые в глубинах космогенного времени, произвели ограниченное число ветвей, последовательно разделенных и подразделенных. Первые ветви представляют собой первобытные типы царства, последующие - существующие виды". В этих словах нельзя не распознать идею, очень похожую на дарвинизм.

М. Наудин предлагает совершенно иную *теорию эволюции*. Он "полностью исключает гипотезу естественного отбора, если только не изменить смысл этого слова так, чтобы оно стало синонимом *выживания*". Не менее решительно он отвергает идею *постепенной трансмутации*, которая требует миллионов лет для трансмутации одного растения. Напротив, он настаивает на *внезапности*, с которой возникло большинство наблюдаемых у растений вариаций, и рассматривает их как отображение того, что должно было произойти в ходе последовательного генезиса живых существ. Заметим мимоходом, что Дарвин в последнем издании своей работы признает реальность этих *внезапных скачков*, которые происходят без переходов от одного поколения к другому, и признается, что недостаточно учитывал их в своих предыдущих работах.

М. Наудин допускает существование *протоплазмы* или *первобытной бластемы*, происхождение которой он не берется объяснить, как и ее вступление в действие. Под влиянием *органо-пластической* или *эволюционной силы* образовались *протоорганизмы* очень простого строения, бесполое, наделенные способностью производить почками и с большой активностью *мезоорганизмы*, похожие на первые, но уже более сложные. С каждым поколением формы множатся, становятся все более выраженными, и природа быстро переходит *во взрослое состояние*. Однако существа, о которых идет речь, не были *видами*. Они не были полноценными существами, а всего лишь разновидностью *личинок*, чья единственная обязанность заключалась в том, чтобы служить переходным этапом между примитивной бластемой и определенными формами. Рассеянные в различных регионах земного шара, они повсюду несли в себе зародыши будущих форм, которые *эволюция* должна была из них произвести. От *творческого* характера, который отличал ее вначале, эволюционная сила, истощенная самим своим действием, приобрела *консервирующий* характер. Формы теперь *интегрированы*. Они сохраняют, однако, остатки *пластичности*; они изменяются под влиянием определенных условий, и отсюда проистекает то множество форм, которое представляет сейчас один и тот же вид.

Прото- и мезоорганизмы содержали в себе, каждый в соответствии со своим положением в порядке эволюции, зачатки царств, ветвей, классов, порядков, семейств и родов. Точки, где они закреплялись, становились многочисленными *центрами творения*. Более того, они не порождали одновременно все формы, которые были способны произвести. Между

появлением живых существ были значительные промежутки времени, что объясняет, почему группы одного порядка не были одновременными.

Органические типы, даже наименее выраженные, не переходили друг в друга. Пути, по которым двигалась эволюционная сила, всегда расходились. "Представим себе, - говорит М. Наудин, - мезоорганизм, из которого возникли млекопитающие; с момента его появления в нем бродили все порядки млекопитающих, включая человека. До своего появления они были практически отдельными, в том смысле, что эволюционные силы были уже распределены, и способ их осуществления, каждый в свое время, производства этих различных порядков, уже определен. Это явление сходно с эволюцией органов у растущего эмбриона, когда мы видим, как из общего и единого источника возникают части, сначала похожие друг на друга, но которые движутся в определенном направлении каждая под влиянием своего особого *будущего*".

М. Наудин, как мы видим, в поддержку своей теории апеллирует к эмбриогенным явлениям, к которым дарвинисты также обращаются за свидетельством в пользу своей доктрины. Однако ученый ботаник придает гораздо большее значение метаморфозам, которые происходят после яйца. Он признает *истинные протоорганизмы* в проэмбрионах мхов, в личинках насекомых и многих других низших животных. Он делает особый акцент на явлениях альтернативного поколения, как представляющих то, что уже произошло, или, лучше сказать, как частично представляющих "древний и общий процесс творения".

По мнению М. Наудина, человек подчинялся общему закону, а Моисеево повествование в то же время очень правдиво и полно наставлений. На первом этапе человечество было скрыто во временном организме, уже отличном от всех остальных и неспособном вступить в союз ни с кем из них. Это Адам, который произошел из первозданной бластемы, называемой в Библии *глиной*. В эту эпоху он, собственно говоря, не был ни мужчиной, ни женщиной; два пола еще не были дифференцированы. "Именно из этой личиночной формы человечества эволюционная сила осуществила завершение рода. Для совершения этого великого явления Адам должен был пройти через фазу неподвижности и бессознательности, очень похожую на состояние нимфы у животных, претерпевающих метаморфозы". Именно этот сон упоминается в Библии, во время которого работа дифференциации была завершена, говоря словами М. Наудена, процессом прорастания, подобным тому, что происходит у *medusæ* и *ascidians*. Человечество, сформированное таким образом физиологически, сохранило бы достаточную эволюционную силу для быстрого производства различных великих человеческих рас.

Оставляя в стороне сравнения, проведенные М. Наудиным, я ограничусь одним замечанием по поводу всех этих идей; собственно говоря, они не образуют *научной теории*.

Когда мы оплодотворяем искусственным путем яйцо лягушки, мы знаем, что определяем целый ряд явлений, в результате которых образуется зародыш, затем эмбрион, который будет создан в результате ряда метаморфоз, головастики, который будет в равной степени подвержен метаморфозам, и определенное животное, которое примет все признаки вида. Насколько человек может *создать существо*, настолько же мы *создаем лягушку*, когда оплодотворяем яйцо.

Если *первая причина*, с которой М. Наудин сразу связывает свою первобытную бластему, потенциально создала в этой бластеме все прошлые, настоящие и будущие существа, а также способность производить их в нужное время, со всеми их отличительными чертами, то *она*, в действительности, создала все эти существа *массово*. Мы не видим, какого рода действие отведено *вторым причинам*; разве что, возможно, это власть ускорять или

замедлять, препятствовать или благоприятствовать появлению типов различной ценности, когда число и отношения были непреложно определены заранее. Но М. Наудин даже не упомянул об их роли в этой *эволюции* органического мира. Поэтому той науке, которая занимается только вторыми причинами, нечего сказать по поводу теории М. Наудена. Она не может ни похвалить, ни покритиковать ее.

XI. Объяснить происхождение мира, в котором мы живем, окружающих нас существ и нашего собственного, - это, очевидно, одно из самых общих стремлений человеческого разума. Самые цивилизованные народы, равно как и самые дикие племена, так или иначе удовлетворяли эту потребность. Даже австралийцы, что бы ни говорили об обратном, имеют свою рудиментарную космогонию, которую те, кто интересовался этим вопросом, заставили их рассказать.

Во всех случаях человек сначала связывал свои космогонические представления с религиозной верой. Затем у наиболее развитых древних народов независимые духи искали объяснение природы в естественных явлениях. Но из-за отсутствия точного знания все их гипотетические концепции не имеют фундаментальной ценности.

У нас также чисто религиозная космогония долгое время принималась как предмет веры. То, что называлось наукой, было смешано с догмой, которая сама опиралась на толкования Библии в согласии со знаниями того времени.

Наука, как ее правильно называть, - это полностью творение современности. Быстрота и величие ее развития заполняют одну из самых великолепных страниц человеческой истории. Полностью опираясь на эксперимент и наблюдение, не могла не опровергнуть некоторые представления, почерпнутые из книги, написанной в совершенно ином смысле, чем ее собственная, и объясненные с помощью неполных или ложных данных. Между представителями прошлого и представителями нового времени неизбежно должна была начаться борьба. Она должна была быть острой, и она была таковой. Сейчас она остра как никогда.

Обстоятельства разного рода разрушили во многих умах старую веру наших предков. Увлеченные общим потоком, многие в вопросах религиозной веры пришли к абсолютному отрицанию. Эти беспокойные умы все еще ощущают потребность в объяснении Вселенной; и поскольку они не верят в Библию, они обратили свое внимание на науку.

Последняя уже дала им великолепные ответы в астрономии и геологии. Перед неопровержимыми фактами позднейшие сторонники древних библейских толкований были вынуждены либо отступить, либо замолчать. Никто не верит в неподвижность Земли, в то, что творение произошло за шесть дней по двадцать четыре часа каждый, или в одновременное появление всех животных и всех растений. Астрономия открыла нам генезис миров; геология научила нас, как образуются континенты и моря, долины и горы, таким образом, развивая некоторые из самых грандиозных результатов, обусловленных действием вторых причин в неорганической империи.

Остается органическая империя, растения, животные и сам человек. Здесь любопытство возбуждается, и потребность в объяснении становится более насущной, но, к сожалению, наблюдение и эксперимент в равной степени виноваты.

Некоторые люди, выдающиеся в науке и богатстве своего воображения, считали себя способными обойтись без него. Возродив методы греческих философов, они сочли возможным объяснить живую природу и всю Вселенную, связав определенные факты с

концепциями, которые почти полностью интеллектуальны. Вступив на этот путь, они с готовностью приходят в восторг от собственных мыслей. Когда позитивные знания, накопленные в результате длительных трудов их выдающихся предшественников, стесняли их догадки, они сразу же, так сказать, выбрасывали их за борт; они доводили до предела более или менее логическое развитие своих *à priori* и не испытывали ничего, кроме иронии и презрения к тем, кто не решался следовать за ними.

Эти люди не могли не вызывать восхищения. Они выступали от имени одной только науки; ее средствами они отвечали на чаяния, вполне оправданные в такой теме; они создавали теории, которые очаровывали своей полнотой и кажущейся точностью объяснений. Таким образом, они смогли повлиять даже на тех ученых, которые не вникали в суть вещей, и тем более на широкую публику, которая всегда охотно верит тому, что ей говорят.

Характер сопротивления, с которым они время от времени сталкивались, был рассчитан на то, чтобы увеличить величие их триумфа. Люди столь же неосмотрительные, сколь и неразумные, нападали на них во имя догмы. Научные открытия переросли в споры; обе стороны пришли в возбуждение, и в обоих лагерях считалось необходимым отрицать все утверждения противника; они соперничали друг с другом в жестокости, и *саванты*, которые претендовали на то, чтобы говорить от имени свободной мысли, не проявляли себя менее нетерпимыми.

Я лишь напому одной стороне о суде над Галилеем, а другой - о теориях Вольтера, отрицающих существование окаменелостей.

Другие противостояли импульсу времени; они остались верны методу, матери современной науки; они бережно хранили свое наследство прочных и точных знаний, полученных в прошлые века. Поэтому их нельзя обвинить в том, что они действуют из рутины, или считать ретроgrадами. Не менее горячо, чем самые ярые приверженцы так называемых передовых теорий, они аплодировали всему прогрессу и с одинаковой благосклонностью принимали новые идеи при условии, что те подвергались эксперименту и наблюдению. Но когда они встречались с вопросами, решение которых в настоящее время невозможно, и, возможно, так будет всегда, они без колебаний отвечали: "МЫ НЕ ЗНАЕМ"; а когда они обнаруживали, что им навязывают чисто метафизические теории, они протестовали во имя эксперимента и наблюдения.

Смею утверждать, что я всегда оставался верен рядам этой фаланги, к которой, несомненно, принадлежит будущее. По этой причине тем, кто задает мне вопрос о проблеме нашего происхождения, я без колебаний отвечаю от имени науки: "Я не знаю".

При этом я не предаю анафеме тех, кто считает, что должен действовать иначе, и не осуждаю их смелость. Изучение вторых причин позволило человеку научно объяснить нынешнее строение неорганического мира; и вполне законно попытаться объяснить нынешнее состояние органического мира причинами той же природы; возможно, когда-нибудь успех увенчает наши усилия, и если они навсегда останутся без вознаграждения, как это было до сих пор, они все равно будут иметь определенную полезность. Эти усилия воображения провоцируют новые исследования, делают новые открытия и тем самым оказывают услугу настоящей науке как в мире фактов, так и в мире идей. Если бы Дарвин не руководствовался своими предрассудками, он, вероятно, никогда бы не завершил свою замечательную работу о 150 расах голубей, не разработал бы свою теорию борьбы за существование и естественного отбора, которая объясняет так много фактов.

К сожалению, забыв о работах своих предшественников, Дарвин и его последователи сделали ошибочные выводы из этих предпосылок. Они воображают, что дали объяснения, в то время как они их не дали. Именно это я и попытался показать. Я вынужден возобновить дискуссию; беспристрастный и непредвзятый читатель должен решить, кто из нас прав.

КНИГА III. ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА XII.

ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА - СОВРЕМЕННАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

I. Не предрешая будущего, мы вынуждены признать, что проблему конкретного происхождения человека невозможно решить или даже попытаться решить с помощью тех научных данных, которыми мы располагаем в настоящее время. Это не совсем так в отношении некоторых вопросов, которые естественным образом напрашиваются сами собой.

Мы знаем, что наш земной шар прошел через несколько геологических и палеонтологических эпох; что живые существа появились не одновременно и что нынешней фауне и флоре предшествовали совсем другие. Естественно задать вопрос, когда человек начал населять землю, и попытаться определить момент появления этого существа, столь похожего на другие существа во многих отношениях, столь исключительного в своих самых благородных способностях и превосходящего все, что его окружает.

Этот вопрос о времени должен быть сформулирован точно; мы должны понять смысл, который можно ему приписать.

Прежде всего заметим, что здесь не может быть дат, называемых так правильно. Они существуют только в истории. У первобытного человечества не может быть истории в научном смысле этого слова. Большинство великих религий пытались заполнить этот пробел. Но мои читатели уже знают, что я отказался от всех соображений, почерпнутых из такого источника, и что я намерен приводить здесь только результаты экспериментов и наблюдений. Затем я попытаюсь выяснить, как далеко в прошлое мы можем зайти с помощью одних только этих руководств, приведя в первую очередь несколько исторических дат в качестве условий для сравнения.

II. Греки и римляне, на которых слишком часто заканчивается классическое образование, не уведут нас очень далеко. Первые имели гораздо более древние записи, чем вторые, и все же эпоха олимпиад доводит нас только до 776 года до нашей эры; согласно Гекатею Милетскому, именно в девятом или десятом веке до нашей эры боги перестали совокупляться со смертными, а Троянская война считается приблизительно произошедшей в одиннадцатом или двенадцатом веке. За пределами этого периода очевидно, что Греция ведет нас к мифологии, или, скорее, к тем легендарным временам, где правда и басня смешиваются.

Арийские традиции идут дальше. Местье Вивьен де Сен-Мартен, подытоживая труды, в которых он так хорошо разбирается, относит прибытие индусов на реку Кабул примерно к шестнадцатому или восемнадцатому веку до нашей эры. Эти племена были лишь ответвлением великой эмиграции, которую Зенд-Авеста относит почти к Болору. Поэтому мы можем отнести последнюю к двадцатому или двадцать восьмому веку до нашей эры.

Еврейская история, начиная с Авраама, восходит почти к тому же периоду (2296 лет); потоп Ноя, по общепринятой оценке, к 3308 году. Примерно тридцать веков.

В Китае Чжоу-Кинг помещает правление Хоанг-Ти в 2698 год, а правление Джао - в 2357 год до нашей эры. Это почти на столетие совпадает с датой переселения Авраама.

В Египте не было царя-чародея, но его памятники - самые великолепные из книг. Шампольон научил нас читать их, и мы можем расшифровывать их страница за страницей. Теперь Лепсиус и Бунзен относят пятую династию к сороковому веку, а согласно Мариэтте-бею, списки Мането, по поводу которых выдающийся египтолог делает официальные запасы, восходят к 5004 году до нашей эры. Таким образом, от самых ранних исторических времен Египта нас должен отделять интервал примерно в семьдесят веков. Если же вместо подсчета по годам мы будем считать по человеческой жизни, которую оценим примерно в двадцать пять лет, то окажется, что от этих времен, составляющих крайний предел прошлой истории, нас отделяет всего 280 поколений.

Эти цифры, несомненно, интересны. Они изменяют некоторые впечатления, полученные нами в детстве; но они ничего не говорят нам о древности человеческой расы. Самое большее, показывая нам, что в этот период в долине Нила существовали люди, достаточно цивилизованные, чтобы владеть искусством письма и воздвигать памятники, достойные нашего восхищения, они относят первое появление человека далеко за пределы, которых они сами достигают.

III. Итак, сами египтяне имеют прошлое, предшествующее всей истории. С гораздо большим основанием это можно сказать о китайцах, индусах, греках, а тем более о народах, менее богатых или случайно отставших в своем развитии. Погрузиться в эту безвестность с надеждой найти в ней какие-то определенные следы и обнаружить факты, о которых ничего не говорят даже легенды, еще тридцать лет назад казалось бы бессмысленным предприятием. Тем не менее, это работа, выполненная одной из самых современных наук - *доисторической археологией*. Поэтому мы должны считать 1847 год памятной датой, когда трем датским ученым, геологу, зоологу и археологу, Общество северных древностей поручило провести исследования, которые послужили его основой. Изучая китченмиддены и торфяные мхи своей страны, Форхаммер, Стинструп и Ворсаар сделали для истории человека то, что де Бух, Эли де Бомон и Кювье сделали для истории земного шара.

Китченмиддены образуются в основном за счет накопления раковин, разбросанных по морскому берегу, которые иногда достигают значительных размеров. Вместе с раковинами находят останки рыб, кости птиц и млекопитающих. Только человек мог образовать это скопление, и его присутствие, кроме того, обнаруживается по орудиям труда, инструментам и оружию, которые он когда-то потерял и которые теперь находят среди остатков его трапезы. Они состоят из камня, почти всегда грубой формы. В некоторых из этих искусственных холмов, среди следов очень примитивной промышленности, мы встречаем другие каменные предметы, которые свидетельствуют о мастерстве самого замечательного совершенства.

Кухонные могильники, таким образом, свидетельствуют о существовании забытого ныне населения, которое сначала жило в совершенно диком состоянии, но затем приобрело определенную степень цивилизованности. Однако с хронологической точки зрения эти сведения еще очень несовершенны. Смещение орудий, иногда почти лишенных формы, а иногда вновь демонстрирующих прекрасное мастерство, допускает различные интерпретации, которые, собственно, и были даны.

Иначе обстоит дело с предметами, найденными в торфяных мхах, и особенно в тех, которые датчане называют *skovmoses*, то есть *лесными мхами*. Эти образования встречаются в углублениях неправильной формы, вырытых в четвертичных глинах, достигающих порой глубины тридцати футов и более. Детальное изучение, которое особенно тщательно провел Стинструп, позволило ему выделить среди них *центральную область*, или *торфяной мох*, и *внешнюю область*, или *лесную область*.

Первая образована самой полостью. Это так называемый торфяной мох, образованный слоями торфа, заполнившими полость и отложившимися после ее образования. На поверхности выросла скудная растительность, которая делит эту массу растительного мусора на отдельные зоны. По направлению вниз: 1-я - некоторые деревья, такие как береза, ольха, лещина и т.д., смешанные с вереском; 2-я - небольшие чахлые, но крепкие сосны (*Pinus sylvestris*), выросшие на торфе, в котором были обнаружены мхи высокой организации, такие как гипнум; 3-я - компактный, аморфный торф, элементы которого долгое время считалось невозможно обнаружить, но в котором ММ. Steenstrup и Nathorst в 1872 году обнаружили несомненные остатки пяти видов растений, ныне обитающих в Заполярье: *Salix herbacea*, *S. polaris*, *S. reticulata*, *Betula nana*, *Dryas octopetala*; 4) слой глины, очевидно, образовавшийся из материала, смытого дождем со сторон котловины, когда последние были еще голыми.

Сами бока занимают лесные массивы. Там деревья были защищены от ветра и, проникая корнями в плодородную глину, достигали великолепного развития. Теперь мы сразу же сталкиваемся с весьма примечательным фактом: буквое дерево не встречается в Сковмосе. В настоящее время он является неотъемлемым компонентом датских лесов; это национальное дерево, и самые древние традиции не дают оснований предполагать, что его когда-либо не было в Дании. На его месте в торфяных мхах сначала растут только дубы (*Quercus robur sessilifolia*), которые исчезли из страны в доисторические времена и встречаются лишь в нескольких местах в Ютландии. Затем, по мере углубления в торф, дубы сменяются соснами. Последние, в свою очередь, получают преимущество и занимают исключительно самые низкие участки торфа.

Дубы и сосны, падая от старости, несчастного случая или по вине человека, обычно падали в глубь болота. Их переплетенные ветви поддерживали и укрепляли торф, который в то время находился в наилучшем состоянии для сохранения при падении любых твердых веществ, которые могли быть сброшены или выброшены в болото.

Человек часто посещал сковмозы, а хорошо известно, что он не может жить в любом месте, не потеряв при этом множество предметов, даже тех, которым он придает наибольшее значение. Он терял в болотах оружие, орудия труда и всевозможные инструменты, и все они остались там, где упали. Таким образом, Сковмосы стали своего рода хронологически стратифицированным музеем, где каждое поколение оставляло свой след в современном торфе. Нам остается только исследовать его слой за слоем, чтобы получить множество определенных представлений о предшественниках нынешних датчан и найти в этом доисторическом прошлом *относительные даты* или *эпохи*. Таким образом, скандинавские

ученые пришли к идее *железного, бронзового и каменного веков*, которая сегодня является общепринятой. Я не буду здесь следить за развитием этих фундаментальных идей, а также за тем, как они были применены к *озерным жилищам* Швейцарии и других стран. Я не буду далее настаивать на различных степенях цивилизации, о которых свидетельствует использование двух металлов и полированного или шлифованного камня. Я ограничусь замечанием, что в Дании железный век полностью совпадает с эпохой бука, а бронзовый век соответствует всему периоду дуба и близкому к нему периоду сосны. Наконец, сосна - это дерево каменного века.

Наличие предметов, созданных человеческой индустрией, доказывает присутствие человека. Благодаря их неопровержимым свидетельствам нетрудно проследить его путь через зоны дуба и сосны. Огромное количество предметов, оставленных им в торфяной период, указывает на существование довольно плотной популяции. В слое аморфного торфа эти предметы, напротив, становятся очень редкими и в то же время более грубыми. Некоторое время считалось, что они вообще отсутствуют, пока их не обнаружил Стинструп вместе с останками северного оленя.

Значит, человек жил в Дании, когда арктические растения, такие как *Betula nana* и *Salix polaris*, росли на дне сковмозов; его сопровождали северные олени, что завершает сходство между прошлым состоянием этой страны и нынешним состоянием Лапландии. Теперь мы знаем, что такое положение вещей могло существовать в Дании только во второй половине четвертичной эпохи, когда лед, отступая с юга на север, был еще далек от своих нынешних границ. Таким образом, мы можем утверждать, что человек существовал и жил в Европе на заре нынешней геологической эпохи.

Этот факт еще раз подтверждается находкой человеческой стоянки, сделанной М. Фраасом в Шуссенриде в Вюртемберге. Здесь человек, о присутствии которого свидетельствуют обработанные кремни различных форм, оружие и инструменты из кости, фаланги оленей, сделанные в виде свистулек, жил вместе с оленями, обжорами и песцами и собирал мхи, которые сейчас встречаются только в Северной Европе, такие как *Hypnum sarmentosum*, *fluitans* и *aduncum*. Как и в Дании, он, похоже, шаг за шагом следовал за ледниками, поскольку таяние последних открывало новые земли для его деятельности.

IV. Не претендуя на такую точность исторических дат или даже на такое приближение, как то, которое вытекает из арийских традиций на древнейших памятниках Египта, можно ли оценить количество лет, прошедших с тех времен, которые мы только что обсуждали?

Этот вопрос не раз привлекал внимание геологов и антропологов, и было предпринято несколько попыток его решить. Но результаты все еще далеки от удовлетворительных. Тем не менее они не менее интересны и в определенной степени призваны стимулировать новые исследования. Метод хорош; до сих пор не хватало только достаточно точных дат, и мы можем надеяться, что рано или поздно они появятся.

Этот метод легко понять. Например, допустим, что торф имеет регулярный рост в сковмозах, и, кроме того, предположим, что на глубине 1-50 метров (4-9 футов) найдена монета, признанная относящейся к XII веку; мы сделаем вывод, что слою торфа потребовалось всего около 600 лет для своего формирования. Возраст бронзового топорика, найденного на большей глубине, 8 метров (26-24 фута), будет определяться пропорцией $l^m-50 : 6 :: 8^m : x$. Тогда возраст топорика составит 3 200 лет и будет датироваться XIV веком до нашей эры.

Многие природные явления доступны для расчетов такого рода. Таковы аллювий реки, заиливание озера, эрозия холма или плато и т. д. Для того чтобы результаты этих расчетов

имели реальную ценность, явление, которое служит основой, и вычисления, вытекающие из этих данных, должны удовлетворять трем условиям, которые были очень четко сформулированы М. Форелем.

1. Явление должно быть совершенно постоянным и регулярным, чего никогда не бывает. По крайней мере, должно быть возможным рассматривать его действие как дающее среднегодовой или постоянный столетний результат, посредством компенсаций, которые производятся естественным образом.

2. Когда наложенные пласты используются в качестве средства оценки, возраст пластов, служащих для сравнения, должен быть строго определен; природа сравниваемых объектов не должна оставлять сомнений.

3. Мы должны быть уверены, что предметы, найденные в каком-либо слое, действительно принадлежат ему, что они не были перемещены в результате какой-либо перестройки или под действием простого веса. (Торф.)

Если хотя бы одно из этих условий не будет выполнено, расчеты обязательно окажутся ошибочными. Итак, до сих пор мы не можем быть абсолютно уверены в том, что условия, установленные М. Форелем, соблюдены. Тем не менее, повторяю, интересно узнать, какие результаты были получены в результате этих попыток доисторической хронологии.

На первый взгляд, кажется, что сквомосы должны быть полезны для исследований такого рода. Это не так. Стеенструп, прекрасный знаток этих вопросов, оценив в сорок веков время, необходимое для образования торфа, скопившегося в этих болотах, заявляет, что оно может быть вдвое, а то и вчетверо больше.

В действительности же неопределенность результатов, получаемых при росте торфа, гораздо больше, чем допускает датский ученый. Добавив к данным, собранным Брандтом, те, что любезно представил мне мой коллега М. Безаль, я обнаружил, что за период в 443 года средний годовой прирост торфа составляет 0-032 метра (1-26 дюймов). Но это среднее является результатом чисел, крайние значения которых составляют 0-065 метров (2-56 дюймов) и 0-0065 метров (0-26 дюймов). Иными словами, средние значения, найденные разными наблюдателями для годового прироста торфа, варьируются от одного до десяти.

Расчеты ММ. Жильерона и Труайона, опирающиеся на отложение ила, которое вызвало отступление озер Бьенн и Невшатель, имеют мало общего с настоящим предметом. Оба они пытались определить возраст озерных жилищ, которые, вероятно, относятся к гораздо более позднему периоду, чем тот, который мы пытаемся определить сейчас. Тем не менее, мы можем обратить внимание на цифры, 6000 лет и 3300 лет, найденные этими наблюдателями.

Хронологические результаты, полученные по прибрежному накоплению ила, о которых я только что говорил, имеют шансы на ошибку, на которую справедливо указал Фогт. В течение некоторого времени считалось, что результаты, основанные на исследованиях, проведенных М. Морло на коническом скоплении ила, отложенном Тиньером, заслуживают большего доверия. Этот конус, прорезанный железной дорогой на расстояние 133^(м) (436 футов) и на глубину 7-7^(м) (25 футов), обнаружил посреди массы гравия три непо потревоженные почвы, самая высокая из которых содержала римские инструменты и монеты; вторая - керамику бронзового века; третья - раздробленные кости, древесный уголь и различные предметы, относящиеся к концу каменного века. Отнеся начало римского периода в Швейцарии к первому веку нашей эры, а его конец - к 563 году, и сделав некоторые поправки, которые не

могут быть здесь подробно описаны, М. Морло счел возможным предложить следующие цифры в качестве приблизительных дат:-

Возраст слоя римского периода	от 10 до 15 веков.
Возраст слоя бронзового периода	29 - 42 века.
Возраст слоя каменного периода	47-70 веков.
Возраст всего конуса	74 - 100 веков.

Эти цифры нельзя назвать высокими. Число, указанное М. Морло в качестве возраста каменного периода в Швейцарии, приводит нас к древности, не превышающей ту, которую дают египетские памятники, и невозможно не поразиться различиям в цивилизации, которые демонстрируют эти две страны. Тем не менее, этот факт не может служить основанием для сомнений в результатах швейцарского ученого. Хорошо известно, что человек в течение одного и того же времени не везде одинаково продвинулся в цивилизации, и что эскимосы все еще находятся в неолитическом периоде.

Но против М. Морло были выдвинуты и другие критические замечания, в результате которых цифры, представленные конусом Тиньера, не могут быть приняты как дающие реальное приближение к искомой дате.

V. М. Форель, принимавший активное участие в этой дискуссии, попытался решить проблему косвенным путем. Вместо того чтобы напрямую искать возраст доисторического факта, он предложил прибегнуть к правилу ложной позиции, которое позволяет определить либо максимум, который цифры не могут превысить, либо минимум, ниже которого они не могут опуститься. Этот план, столь же верный, сколь и гениальный, он применил к Женевскому озеру.

Хорошо известно, что воды Роны, особенно во время паводков, вызванных таянием снегов, попадают в озеро в очень мутном состоянии, а дальше текут удивительно прозрачными. Осаждаемый таким образом ил, очевидно, стремится заполнить озеро и уже заилил часть большой впадины, которая была заполнена льдом четвертичной эпохи. М. Форель сначала определил годовой объем отложений. Затем он вычислил объем нынешнего озера, основывая свои расчеты на зондировании, проведенном Ла Бешем. Таким образом, он смог рассчитать время, необходимое для того, чтобы осадки Роны заполнили все озеро. Затем, признав, что часть первоначального озера, уже заполненная, имела среднюю глубину, равную глубине нынешнего озера, он сравнил поверхность уже сформировавшихся аллювиальных отложений с поверхностью самого озера. Пропорция оказалась почти один к трем. Значит, эти отложения образовались за треть времени, необходимого для заполнения нынешнего озера. Теперь их формирование началось сразу после отступления ледников. Таким образом, полученная дата относится к современной геологической эпохе.

Именно таким способом М. Форель пришел к цифре 100 000 лет. Это максимум, который, вероятно, сильно преувеличен. М. Форель сам показывает это очень ясно. Он всегда брал самые низкие цифры для оценки прироста аллювия; он рассматривал в целом году девяносто дней только как вклад в этот прирост; он включал в эту оценку только Рону и не принимал во внимание другие реки, ручьи и т.д.; он не принимал во внимание наводнения, чрезвычайные осадки, оползни и т.д.; он предположил, что разливы Роны всегда были похожи на нынешние, в то время как изначально они должны были быть гораздо более значительными и уносить гораздо больше материала с горных склонов, недавно освобожденных от ледяного покрова; он ничего не сказал о гравии и песке, которые обязательно должны переноситься по руслу такого быстрого потока, как Рона, и т.д.

М. Поэтому результаты Фореля должны быть серьезно изменены, прежде чем они приблизятся к истине. Не пытаясь точно утверждать, мы можем (по крайней мере) с почти абсолютной уверенностью признать, что нынешняя геологическая эпоха началась менее 100 000 лет назад.

С другой стороны, М. Арселен искал решение той же проблемы в отложениях Саоны. Современная река течет в русле, выдолбленном в аллювии Саоны четвертичного периода, берега которого были подняты отложениями, выпадавшими во время наводнений. Эти два вида отложений очень легко различимы. Однородность современного аллювия свидетельствует, кроме того, об удивительно регулярном явлении. Берега Саоны в разных местах образуют более или менее крутые холмы, которые представляют собой множество естественных геологических разрезов. Размывы реки обнажили объекты, которые легко распознать как относящиеся к римскому периоду, бронзовому веку и неолиту. Эти предметы находятся на постоянной высоте, что свидетельствует об их сохранности. Таким образом, холмы Соны представляют собой одно из тех средств оценки доисторической хронологии, которые так ценны для нас. ММ. Арселен и де Ферри попытались сначала определить возраст различных слоев. Полученные таким образом цифры несколько расходятся, что, несомненно, связано с тем, что М. де Ферри основывал свои расчеты на одном участке, в то время как расчеты М. Арселена представляют собой среднее значение, взятое из 33 точек. Последний, однако, впоследствии прибегнул к методу М. Фореля и правилу ложного положения. Но вместо того, чтобы искать максимум, он попытался определить минимум. Этот расчет дает следующие результаты

Возраст римского слоя	1 500 лет	Возраст неолитического слоя	3 000 лет
Возраст бронзового слоя	2,250 лет	Возраст четвертичной глины	6 750 лет

Это представляет собой очень умеренную древность и почти полностью соответствует датам Мането. Но минимум М. Арселина кажется мне слишком низким, а ошибка - большей, чем в случае с максимумом М. Фореля. Я укажу лишь на самые важные причины, которые привели к такому результату. Расчеты автора основаны на гипотезе о равенстве паводков и аллювиальных отложений в период между современным и римским периодами, а также в предшествующие им времена. Таким образом, он смешивает эпохи, когда бассейн Саоны был предоставлен на волю природы, с другими эпохами, когда тот же бассейн был лишен лесов, расчищен и возделан, как это происходит в настоящее время. Теперь всем известно, насколько сильнее действие атмосферных агентов, в частности дождя, на возделанную землю, чем на невозделанную. Верхние слои, которые послужили основой для расчетов М. Арселена, неизбежно в значительной степени уменьшили конечный результат, поскольку они должны были образоваться гораздо быстрее, чем большая часть нижних слоев.

Итак, я скажу о минимуме М. Арселена то же, что и о максимуме М. Фореля. Это оставляет нам уверенность в том, что нынешний геологический период уходит в прошлое гораздо дальше, чем на 7-8000 лет.

VI. Каким поправкам должны подвергнуться крайние цифры, которые я только что процитировал, чтобы приблизиться к истине? Пока невозможно сказать. Но путь, по которому следует идти, чтобы сократить разделяющее их пространство, отныне ясен. Аллювий Соны всегда казался мне представляющим условия неопределенности, которые было бы трудно преодолеть, и лучшим средством для определения возраста настоящего периода по доисторической хронологии, как мне кажется, является Женевское озеро.

Чтобы скорректировать первые результаты, полученные М. Форелем, необходимо учесть все обстоятельства, указанные выше, а также некоторые другие. Особенно необходимо было бы в разные времена года, в сухую и влажную погоду измерить мельчайшие речушки и овраги по всему озеру, определить количество грязи, которую содержат их воды, и количество гравия и песка, которые они несут с собой. Эта задача не под силу одному человеку; для ее решения необходимо создать *Ассоциацию*. Проблема стоит того, чтобы над ней потрудиться, и швейцарские ученые, так по праву гордящиеся своим прекрасным озером, могли бы легко принять меры для ее решения.

Работы ММ. Арселина и Фореля приводят к некоторым важным выводам. Общий возраст нашего земного шара до недавнего времени ограничивался немногим более 6 000 лет; аллювиальные отложения Саоны показывают, что только нынешняя геологическая эпоха превосходит ее на несколько столетий. С другой стороны, под влиянием дарвиновских предрассудков люди стали относиться ко времени со странной мягкостью, и утверждается, что миллионы лет отделяют нас от ледниковых периодов. Отложения ила в Женевском озере показывают, что эти времена закончились менее 100 000 лет назад. Как хорошо сказал М. Форель, "это еще не является исторической хронологией; тем не менее, это немного больше, чем простая геологическая хронология"; и мы снова видим, как опыт и наблюдения оправдывают теоретические концепции.

ГЛАВА XIII.

ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА - ПРОШЛЫЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПОХИ.

I. Сковмасы и останки в Шуссенриде показали, что человек существовал в Европе в конце ледниковой эпохи. Но жил ли он в эту эпоху? Предшествовал ли он ей? Был ли он, таким образом, современником растительных и животных видов, которые долгое время считались ископаемыми? Мы знаем, что на эти вопросы можно с уверенностью ответить утвердительно. Мы также знаем, что доказательство этого великого факта, одного из самых грандиозных научных завоеваний современности, датируется, так сказать, вчерашним днем.

Эта демонстрация опирается на доказательства, которые сейчас настолько хорошо известны, что их перечисления будет достаточно. Очевидно, что человеческие кости, погребенные под нетронутым слоем почвы, доказывают существование человека в то время, когда этот слой был сформирован. Не менее очевидно, что кремни, обработанные человеческими руками и превращенные в топоры, ножи и т. д., кости животных, сделанные в гарпуны и наконечники стрел, являются неопровержимыми свидетельствами существования рабочих. Наконец, когда человеческие кости находят вместе с костями животных в одних и тех же непотревоженных слоях, снова становится очевидным, что человек и эти виды животных существовали одновременно.

Многие факты, входящие в эти три категории, были доказаны как в прежние годы, так и в течение прошлого века. Начиная с 1700 года, в результате раскопок, проведенных по приказу герцога Эберхарда Луи де Вюртемберга в Канштадте, недалеко от Штутгарда, было обнаружено большое количество костей животных, среди которых был найден человеческий череп. Природа этой ценной реликвии была, однако, признана Егером только в 1835 году. Примерно в то же время англичанин Кемп нашел в самом Лондоне, бок о бок с зубами

слонов, каменный топор, похожий на тот, что был у святого Ахеула. Через некоторое время после этого Эспер в Германии и Джон Фрере в Англии обнаружили более или менее схожие факты. Но никто из них не смог распознать их значение, ведь геология была в зачаточном состоянии, а палеонтология еще не существовала.

II. Только в 1823 году Эми Буэ передал Кювье несколько человеческих костей, найденных им в лёссе Рейна, недалеко от Лара, в герцогстве Баден. Буэ считал эти кости окаменелостями. Кювье отказался признать этот вывод. Его часто упрекали в этом, но упрек был несправедлив. Кювье слишком часто видел, как притворяющиеся *ископаемыми людьми* превращаются то в мастодонтов, то в саламандр, а то и в простые искореженные глыбы песчаника, чтобы не быть начеку, и, имея перед глазами уникальный до сих пор факт, он счел более мудрым допустить нарушение, в результате которого в лёсс попали бы кости гораздо более позднего времени, чем то, которое имело место при образовании этого слоя.

Но Кювье, что бы о нем ни говорили, никогда не отрицал возможности обнаружения *ископаемых людей*. Напротив, он официально признал существование нашего вида до последних оборотов земного шара. "Человек, - говорит он, - возможно, обитал в какой-то стране небольшой протяженности, откуда он вновь заселил Землю после этих ужасных событий". Мы видим, что похвалы и упреки, которые были адресованы нашему великому натуралисту из-за мнения, которого он никогда не придерживался, в равной степени незаслуженны.

Сдержанность, возможно, преувеличенная, которую Кювье наложил на себя, и доверие, которое ему оказывали, сильно отяготили науку, помешав осознать ценность наблюдений, сделанных Турналем (1828-1829) в Л'Оде, Кристолем (1829) в Ле-Гарде; Шмерлингом (1833) в Бельгии; Жоли (1835) в Лозере; Марселем де Серром (1839) в Л'Оде и Лундом (1844) в Бразилии. В 1845 году почти все саванты, как их правильно называть, разделяли мнение, так хорошо изложенное Деснойером. Не считая существование ископаемого человека невозможным, они не думали, что открытие еще не сделано.

Именно настойчивым усилиям выдающегося археолога Буше де Пертеса мы обязаны доказательством факта, который так долго отрицался, а теперь признан всеми. Под влиянием некоторых философских идей, мало рассчитанных на то, чтобы обеспечить ему последователей, он *априори* допускал существование человеческих существ, предшествовавших нынешнему человеку, от которых они должны были значительно отличаться. Он надеялся найти в верхних аллювиальных отложениях либо сами их останки, либо продукты их деятельности. Наблюдая сам или через своих агентов за раскопками гравийных карьеров близ Аббевиля, он собрал там множество кремней, более или менее грубо обработанных, но несущих на себе безошибочный отпечаток руки человека. Некоторые из его публикаций (1847) привели к нему посетителей, которые, в свою очередь, продолжили поиски. Вскоре после этого М. Реголло (1855) и М. Годри (1856) получили из гравия Сен-Ашель топоры, похожие на аббевильские, и заявили о своей убежденности. Английские ученые Фальконер, Прествич и Лайель, посетив коллекцию Буше де Пертеса, сделали то же самое, и у них появилось много подражателей.

III. Несмотря на открытия, которые множились в пещерах и гравийных карьерах даже в окрестностях Парижа, против верующих в ископаемого человека выдвигались те же возражения, которые Кювье выдвигал против Эми Буэ. Сочетание останков вымерших животных и человеческих костей, а также изделий человеческой работы объяснялось *изменением*, произведенным водой. Высокий авторитет М. де Бремона придавал этому аргументу новую силу. Он сравнил аллювий окрестностей Аббевиля с его *terrains des pentes*,

образовавшимися, по его словам, в результате бурь исключительной силы, которые случаются лишь раз в тысячу лет, и которые нагромождают друг на друга материалы, взятые из разных пластов. Что касается объектов, обнаруженных в пещерах, то они внушали еще меньше доверия, чем другие, из-за легкости, с которой дно может быть подорвано вихрями, которые будут стремиться поместить в сердцевину соседнего слоя объекты, полученные из верхних слоев, не разрушая ни один, ни другой.

Многие высокоинтеллектуальные люди все еще колебались, пока М. Лартет не опубликовал свою замечательную работу о гроте Ориньяк (1861). Здесь сомнения были невозможны. Этот грот, или, скорее, скала-убежище, в момент открытия был закрыт каменной плитой, привезенной издалека; М. Ларте обнаружил внутри или у входа кости восьми или девяти видов животных, характерных, по сути, для четвертичных отложений. В своих мемуарах он подробно описывает все останки. Некоторые из этих животных, очевидно, были съедены на месте, их кости, частично карбонизированные, все еще несли следы огня, уголь и пепел которого были обнаружены; на костях молодого носорога-тихорха видны следы кремневых орудий, а губчатые конечности были погрызены плотоядными; вид последнего был определен по его экскрементам, которые были признаны экскрементами *гиены spelæa*.

Грот или скальное убежище Ориньяк вырыт в небольшой горной группе, отроге плато Ланемезан, до которого никогда не доходили пиренейские потоки. Поэтому он свободен от возражений, связанных с вмешательством водных течений. Таким образом, факты, ставшие известными благодаря М. Ларте, были сразу же приняты в их полном значении. Эти факты показывают, что человек жил в окружении четвертичной фауны, которую он использовал в пищу, включая носорога, а за ним следовала гиена этой эпохи, которая доедала остатки его пищи. Сосуществование человека с этими ископаемыми видами было доказано.

Еще несколько необоснованных нападок было со стороны ученых, которые не принимали свидетельства этих фактов, в том числе и находку человеческой челюсти, сделанную Буше де Пертесом. Но открытий стало так много, что последний из них вскоре замолчал и был вынужден смириться с упоминанием *ископаемого человека*, не выражая ни малейшего протеста.

IV. Было бы слишком утомительно и, более того, бесполезно перечислять здесь все эти открытия. Я упомяну лишь некоторые из наиболее ярких, связанных с именами Ларте и Кристи, его коллеги-энтузиаста. В Лез-Эзи эти неутомимые исследователи обнаружили сталагмитовый слой, состоящий из настоящей брекчии, которая содержала обработанные кремни, пепел, древесный уголь и кости различных животных четвертичного периода. Большие плиты этой брекчии сегодня хранятся во многих коллекциях. В этом же гроте был найден позвонок молодого северного оленя, пробитый кремнем, который сломался в кости, что привело к гибели животного. Наконец, в 1864 году М. Ларте имел удовольствие присутствовать при находке пластины из мамонтовой кости, на которой острым кремнем художник из Ла-Мадлен вырезал изображение самого животного. На этом рисунке изображены характерные черты мамонта, как они известны нам по останкам животного, которые иногда находят сохранившимися, с *густым мехом и длинными волосами*, во льдах Сибири.

Для того чтобы человек смог нарисовать портрет какого-либо вида животных, он должен был быть современником этого вида. Сейчас доказательства этого быстро становятся все более многочисленными и поразительными. В Арьеже М. Гарригу нашел изображение пещерного медведя, нарисованное на гальке. Месье де Вибрей извлек из грота Ложери-Бассе эскиз драки между оленями, замечательно нарисованный на куске сланца. Это же животное было

обнаружено в скульптурном виде в том же скальном убежище, а также в скальном убежище Монтастрюк, где месье Пеккадо де л'Исль нашел свои замечательные рукоятки кинжалов.

Мне нет нужды говорить здесь об оружии, инструментах и орудиях всех видов, от простого ножа до колючих наконечников стрел и гарпунов, до наконечников копий в форме лаврового листа и кинжалов с зубчатыми и рифлеными наконечниками, которые не уступают самым лучшим образцам, найденным в Дании. Замечу лишь, что все эти предметы доказывают существование человека, и что мы теперь исчисляем тысячами изделий, сделанных им в геологический период, предшествующий нашему.

Не будучи столь многочисленными, останки самого человека были обнаружены во всех частях четвертичной формации. Хотя несколько европейских государств внесли свой вклад в эту массу открытий, гораздо большее их количество произошло во Франции и Бельгии.

Здесь я не могу вдаваться в подробности, некоторые из них будут более удачно рассмотрены в другой части книги. Упомяну лишь пещеру Кро-Маньон, обнаруженную железнодорожными инженерами в 1860 году недалеко от станции Лез-Эзи, которая дала нам тип одной из наиболее хорошо охарактеризованных ископаемых рас. Я также не могу обойти молчанием успешные и кропотливые исследования, проведенные М. Мартеном в 1867-1873 годах в каменоломнях под Парижем, результаты которых позволили М. Хэми зафиксировать последовательность типов в наших ближайших окрестностях. Наконец, я хотел бы упомянуть об исследованиях М. Дюпона в долине реки Лесс. Начатые в 1864 году и продолжавшиеся в течение семи лет с непревзойденной активностью, они передали в Музей Брюсселя около 80 000 обработанных кремней, 40 000 костей животных, которые теперь все названы, череп Фурфуза и двадцать одну челюсть, включая знаменитую *челюсть Наулетта*.

Существование ископаемого человека было доказано не только в Европе. Еще в 1844 году Лунд объявил, что нашел в некоторых пещерах Бразилии человеческие кости, связанные с останками вымерших животных. Впоследствии он отозвал свое заявление, несомненно, из-за недоверия, с которым воспринималось любое заявление такого рода. Но его наблюдения, которые, к сожалению, так и не были опубликованы в деталях, вероятно, были верными. В 1867 году М. В. Блейк сообщил Парижскому конгрессу, что в авритонных отложениях Калифорнии, особенно вблизи деревни Сонора, часто находят оружие, инструменты и даже каменные украшения, связанные с костями мамонта и мастодонта. Доктор Снелл, живущий в этой местности, обладает большой и богатой коллекцией этих предметов. Доктор Уилсон опубликовал некоторые факты того же характера в 1865 году.

V. Чтобы не потеряться среди этих богатств всех видов, необходимо методично распределить их и расположить в порядке времени. Всеобщее преобладание оружия, инструментов, скульптур, рисунков и т.д. привело к тому, что археологи предложили различные классификации, основанные главным образом на различии типов, представленных этими предметами, и на материале, из которого они были сделаны. Классификация, которую М. де Мортилье применил к музею Сен-Жермен, относится именно к этому типу. Но такие классификации, хотя и очень удобны для организации публичной коллекции, имеют то неудобство, что они довольно искусственны. Натуралист и антрополог должны отдавать предпочтение палеонтологическим или геологическим данным.

Лартет предпочел первое. Он связал разделение четвертичного периода с преобладанием и вымиранием крупных млекопитающих. Пещерный медведь, исчезнувший первым, он

использовал для обозначения древнейшего периода; мамонт и переживший его тихоокеанский носорог характеризовали второй период; северный олень и аурох служили для обозначения третьего и четвертого.

Эта классификация неудобна тем, что является чисто локальной, поскольку исчезновение четвертичных видов не происходило повсеместно в одно и то же время и не было всеобщим. В действительности век северного оленя все еще продолжается в Лапландии, а век ауроха продлен, правда, несколько искусственно, в лесах Литвы. Но метод Ларте соединяет человеческие группы с типами животных; он характеризует эпохи событием, имеющим палеонтологическое значение; он сохраняет связь между последовательностью периодов и биологическими событиями; он предлагает, таким образом, серьезные преимущества, если принимать его таким, какой он есть. Это очень четко понимал выдающийся автор теории; он лишь применил ее к Франции.

С тех пор как М. Ларте провел свои великолепные исследования, появились новые факты, и, как это часто бывает, различия, которые вначале казались наиболее выраженными, теперь частично стерлись. Поэтому М. Дюпон предложил сократить до двух четыре возраста Ларте, что, пожалуй, чрезмерно даже для Бельгии. М. Хами, опять же, признал три возраста, соответствующие среднему и новому уровням рек М. Бельгранда. Такое деление четвертичного времени имеет то преимущество, что оно связано с геологическими явлениями; оно, по крайней мере, частично теряет слишком исключительно местный характер, и по этой причине ему следует отдать предпочтение.

Тем не менее, давайте рассмотрим этот вопрос с точки зрения Лартета, которая позволяет провести интересное сравнение. В Дании мы наблюдали смену трех растительных видов; бук, дуб и сосна привели нас к началу нынешней современной эпохи. Во Франции последовательное исчезновение четырех видов животных - пещерного медведя, мамонта, северного оленя и ауроха, которые вначале были современными на нашей земле, - характеризует столько эпох, которые охватывают весь четвертичный период. Человек был современен им всем; он употреблял их плоть в пищу и оставил их изображения в скульптуре и рисунках.

VI. Можем ли мы пойти дальше и найти следы человека даже в третичном периоде? Фальконер, знаменитый английский палеонтолог, преждевременно потерянный для науки, без колебаний ответил утвердительно. Но он рассчитывал найти третичного человека только в Индии, а М. Деснойер обнаружил его во Франции.

Именно в 1863 году в гравийном карьере Сен-Пре, недалеко от Шартра, М. Деснойер нашел берцовую кость носорога со следами насечек и борозд, похожих на те, которые так часто замечали на костях медведей и северных оленей, съеденных четвертичным человеком. Тщательное сравнение и многочисленные факты того же характера, представленные в разных коллекциях, позволили ему заявить, что человек может быть отслежен за пределами ледниковой эпохи и жил в плиоценовые времена.

Но М. Деснойер привел лишь доказательства одного вида, а такие доказательства не оцениваются по достоинству, пока мы к ним не привыкнем. Поэтому его работа поначалу была воспринята с некоторым недоверием. Его попросили представить если не самого плиоценового человека, то хотя бы предметы его деятельности, в частности, оружие, с помощью которого он мог бы нападать, и ножи, которыми он мог бы разделывать слона и носорога или большого оленя, на костях которых видны следы более или менее глубоких

надрезов, которые он приписывает человеку. Месье аббат Буржуа вскоре ответил на эти требования, и в присутствии обработанных кремней, которые он представил компетентным судьям, все сомнения исчезли.

К сожалению, достаточно большое количество геологов считает, что гравий Сен-Преста относится скорее к четвертичным отложениям, которые являются более поздними, чем несомненные третичные образования. Вероятно, его следует отнести к переходному периоду, разделяющему две разные эпохи. Возможно, он современен отложениям пещеры Виктория в Йоркшире, из которых Тиддеман извлек человеческую фибулу, и которые, по мнению этого натуралиста, образовались немного раньше великого ледникового похолодания. Короче говоря, открытия ММ. Деснойера и Тиддемана возвращают существование человека к границам третичного периода.

Открытия в Италии ведут нас еще дальше. В разных случаях, начиная с 1863 года, некоторые итальянские ученые полагали, что обнаружили в несомненных плиоценовых отложениях следы человеческой промышленности и даже человеческие кости. Однако эти результаты по разным причинам последовательно подвергались сомнению и отвергались самыми компетентными судьями.

Но только что, в 1876 году, М. Капеллини обнаружил более четкие доказательства существования человека в плиоцене в глиняных отложениях Монте-Аперто, близ Сиенны, и в двух других местах. Выдающийся профессор из Болоньи обнаружил в этих местах, возраст которых не оспаривается, кости *balœnotus* с многочисленными глубокими надрезами, которые, как мне кажется, могли быть сделаны только действием режущего инструмента. В некоторых случаях кость отколота на одной из граней надреза, в то время как другая гладкая и четко очерченная. Судя по гравюрам и слепкам, нельзя не признать, что надрезы были сделаны на свежих костях. Эти надрезы полностью отличаются от тех, что были обнаружены на костях халитериума, найденных в миоценовых фалунских слоях Пуансе. Я всегда считал невозможным приписывать последние человеку, так же решительно, как и те, которые мы сейчас обсуждаем, его ведомству. Таким образом, существование плиоценового человека в Тоскане, по моему мнению, является приобретенным научным фактом. Тем не менее, я должен признать, что этот вывод еще не получил единодушного признания, и что он оспаривается, в частности, М. Магито, который опирается на свой собственный опыт.

VII. Исследования месье аббата Буржуа уводят нас еще дальше в прошлое. Этот опытный и настойчивый наблюдатель обнаружил в департаменте Луар-и-Шер, в коммуне Тэнэ, кремни, форма которых, по его мнению, может быть приписана только человеку. Геологи единодушно считают эти отложения миоценовыми, относящимися к среднему третичному возрасту.

Но кремни из Теная, как правило, небольшого размера, почти все имеют очень грубую форму, и многие палеонтологи и археологи считали, что изломы вызваны не более чем случайными ударами. В 1872 году на Брюссельском конгрессе этот вопрос был передан на рассмотрение комиссии, состоящей из наиболее компетентных людей Германии, Англии, Франции, Бельгии и Италии, и судьи разошлись во мнениях. Некоторые приняли, а некоторые отвергли все кремни, выставленные месье аббатом Буржуа. Одни считали, что только небольшое количество может быть приписано человеческой промышленности. Другие же считали правильным повременить с выводами и дожидаться свежих фактов.

Я присоединился к числу последних. Но с тех пор свежие образцы, обнаруженные месье аббатом Буржуа, развеяли мои последние сомнения. Маленький нож или скребок, среди прочих, демонстрирующий прекрасную регулярную отделку, мог быть, по моему мнению, сформирован только человеком. Тем не менее, я не обвиняю тех моих коллег, которые

отрицают или все еще сомневаются. В этом вопросе нет особой срочности, и, несомненно, существование миоценового человека будет доказано, как и существование ледникового и плиоценового человека, фактами.

VIII. Таким образом, человек, несомненно, существовал в четвертичную эпоху и в переходный период, к которому относятся гравий Сен-Преста и отложения пещеры Виктория. По всей вероятности, он видел времена миоцена, а следовательно, и всю плиоценовую эпоху. Есть ли основания полагать, что его следы будут найдены еще дальше? Обязательно ли дата его появления связана с какой-либо эпохой? Для ответа на эти вопросы я вижу только один порядок фактов, к которому мы можем обратиться.

Мы знаем, что в том, что касается его тела, человек - млекопитающее, и не более того. Условия существования, достаточные для этих животных, должны были быть достаточными и для него; там, где жили они, мог жить и он. В таком случае он мог существовать одновременно с самыми ранними млекопитающими и вплоть до вторичного периода.

Палеонтологи высокого уровня отказываются от такого предположения. Они не допускают даже возможности существования человека в миоцене. Вся фауна млекопитающих этого периода, говорят они, исчезла; как мог один только человек противостоять причинам, которые были достаточно мощными, чтобы вызвать полное обновление всех существ, с которыми он был наиболее тесно связан?

Я признаю силу этого возражения; но я также принимаю во внимание человеческий интеллект, о котором, кажется, забывают. Очевидно, именно благодаря этому интеллекту человек из Сен-Преста, из пещеры Виктория и из Монте-Аперто смог пережить две великие геологические эпохи. Он защищался от холода с помощью огня и так дожил до возвращения более благоприятной температуры. Поэтому разве можно представить, что человек более раннего периода должен был найти в своей промышленности необходимые ресурсы для борьбы с условиями, которые наложил на него переход от более поздних вторичных времен к более ранним третичным.

На самом деле, самые осторожные судьи признают, что человек был свидетелем свершений одного из великих изменений на поверхности земного шара. Он жил в одну из геологических эпох, с которой еще недавно считался совершенно незнакомым; он был современником тех видов млекопитающих, которые даже не видели начала нынешней эпохи. Значит, нет ничего невозможного в том, что он должен был пережить другие виды того же класса, стать свидетелем других геологических революций или появиться на земном шаре вместе с первыми представителями того типа, к которому он принадлежит по своей организации.

Но это вопрос, который должен быть подтвержден фактами. Прежде чем мы сможем даже предположить, что это так, мы должны дождаться информации из наблюдений.

КНИГА IV. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА.

ГЛАВА XIV.

ТЕОРИЯ АГАССИСА - ЦЕНТРЫ ТВОРЕНИЯ.

I. За исключением Австралии, с которой мы знакомы очень слабо, а также некоторых островов и пустынь, которые нам нет нужды принимать во внимание, все регионы, посещенные человеком с начала эпохи современных открытий, оказались в большей или меньшей степени обитаемыми. Странствуя по земному шару, которым он завладел, европеец встречал человека повсюду, а четвертичная палеонтология обнаруживает его на самых отдаленных берегах двух континентов.

Являются ли все эти различные популяции коренными жителями? Является ли человек коренным жителем тех стран, где его представляет история и где с ним встречались путешественники, или же он, скорее всего, постепенно завоевывал поверхность земного шара, начиная с определенного числа пунктов или с одного? Другими словами, был ли человек, который сегодня является *космополитом*, изначально более или менее *локализованным*?

На эти вопросы поочередно давались ответы в разных смыслах, которые они допускают. К сожалению, на эти решения слишком часто влияли соображения, совершенно чуждые науке. Считалось необходимым принять либо одно, либо другое во имя догмы или философии, и этот вопрос путали с вопросом о моногенизме и полигенизме, не понимая, что в данном конкретном случае эти две доктрины должны привести любого, кто остается верен данным науки, к одному и тому же результату. Наука уже показала, что является нашим единственным возможным проводником; давайте рассмотрим ее учение по этому вопросу.

II. Доктрина, допускающая множественность географического происхождения человека, чаще утверждалась, чем поддерживалась более или менее серьезными аргументами. Агассис - единственный натуралист, который развил и определил ее, подкрепив общими данными. Поэтому мы должны сначала изучить эти данные. Очень короткое изложение объяснит причины, по которым я с сожалением должен выступить против одного из людей, чьи знания и характер я всегда высоко ценил.

Между Агассисом и самыми экстравагантными учениками Дарвина есть необычайное сходство и не менее поразительные контрасты. Прославленный автор "Очерка классификации" - такой же исключительный морфолог, как и последний; ни по его мнению, ни по их мнению, идея *происхождения* не имеет никакой связи с идеей *вида*; он, как и они, заявляет, что вопросы скрещивания, постоянной или ограниченной плодовитости не имеют реального интереса. Мы вправе отнести эти мнения, столь странные для такого выдающегося зоолога, как Агассис, к характеру его ранних работ. Хорошо известно, что он начал свою карьеру со знаменитых исследований ископаемых рыб. Мы уже отмечали влияние, которое почти неизбежно оказывают окаменелости, где приходится учитывать только форму, где ничто не заставляет обращать внимание на генеалогическую связь существ и где мы не встречаем ни родителей, ни потомства.

Но если дарвинисты признают вечную *нестабильность* конкретных форм и их *трансмутацию*, то прославленный профессор из Кембриджа верит в их *абсолютную неизменность*. В этом основополагающем вопросе он находится в полной оппозиции к Дарвину. В 1840 году, провозглашая единство человеческого вида, он признает, что разнообразие, которое он представляет, является результатом *изначальных физических различий*. На самом деле это не что иное, как смягченный полигенизм; и, как всякая

полигенистическая доктрина, она вынуждает своего автора ставить человека в противоречие с общими законами. В 1845 году сам Агассис принял это следствие в мемуарах о географическом распределении животных и человека. Он объясняет различия между ними одними и теми же причинами. "Но, - добавляет он, - в то время как в каждой зоологической провинции животные относятся к *разным видам*, человек, несмотря на разнообразие его *рас*, всегда образует один и тот же вид". В следующем году он заявил о своей вере в "неопределенное число первобытных рас людей, созданных отдельно".

Агассис собрал и развил все свои теории в мемуарах, вставленных в начало большого полигенистического труда под названием "Типы человечества". Очевидно, что Нотт и Глиддон, авторы этой работы, прекрасно понимали истинное значение доктрины, провозглашающей специфическое единство человека, но в то же время признающей, что человеческие расы были созданы отдельно со всеми их отличительными чертами. Мы также не должны обманываться, а признать Агассиса истинным полигенистом.

Поэтому я буду вынужден высказать все те возражения против теории выдающегося натуралиста, которые уже были изложены. Более того, необычная связь, которую он пытался установить между *единством видов* и *оригинальной характеристикой рас*, привела его к противоречиям и последствиям, которые ему свойственны и которые вряд ли можно было бы обойти молчанием.

Агассис, как и большинство полигенистов, не дает никакого намека на то, что он подразумевает под словом "*раса*". Тем не менее он постоянно использует его и заявляет, например, что готов показать, что "различия, существующие между человеческими расами, имеют ту же природу, что и те, которые разделяют семейства, роды и виды обезьян или других животных....". "Шимпанзе и горилла, - добавляет он, - отличаются друг от друга не больше, чем мандинго от негров Гвинеи; между ними и орангом меньше различий, чем между малайцем или белым и негром".

Разве логическим следствием столь позитивной формулировки не должно быть то, что человек образует зоологическое семейство, включающее несколько родов и множество видов, точно такое же, как семейство антропоидных обезьян? Но нет; Агассис посвящает новый параграф заявлению о том, что это мнение, которое он так ясно выразил, полностью согласуется с теорией единства и ни в коем случае не ставит под вопрос человеческое братство. В одном из своих первых мемуаров, посвященных вопросам такого рода, он заявил, что *человек - существо исключительное*, и мы увидим, как далеко он заходит в этом неизбежном следствии своих теорий.

В письме, адресованном тем же авторам и напечатанном в "Коренных расах Земли", Агассис возвращается к той же теме. Здесь он настаивает на соображениях, на которые в своей первой работе он лишь намекнул и которые мы с изумлением воспринимаем из-под его пера. Чтобы показать, что на человека и животных действовали одни и те же местные причины, он обращает внимание на сходство цвета кожи, которое, по его мнению, существует между цветом лица малайца и цветом волос оранга; с той же точки зрения он сравнивает негритят и телинга с гиббонами.

Если бы можно было серьезно рассмотреть это сравнение между кожей человеческой группы и цветом шерсти животного, у нас не было бы недостатка в аргументах против автора. Я лишь напому читателям, что черные гиббоны водятся на Суматре - одном из тех островов, где, по мнению Агассиса, люди по цвету кожи напоминают орангов.

Увлечшись жаркой полемикой с теми натуралистами, которые признают единство географического происхождения человека, Агассис идет гораздо дальше этого. Он считает, что различные языки имеют первобытное происхождение, как и все остальные признаки. Люди, утверждает он, были созданы народами, каждый из которых появился на земном шаре со своим собственным языком. Он проводит сравнение между этими языками и голосами животных; он смеется над филологами за их веру в обнаружение какой-либо связи между одним языком и другим. По его мнению, между одним человеческим языком и другим существует такая же связь, как между рычанием различных видов медведей, мяуканьем кошек двух континентов, кряканьем уток или песней дроздов, которые все издают свои веселые и гармоничные ноты, каждый на своем диалекте, который не является ни унаследованным, ни заимствованным от другого.

Филологи, конечно, отвергнут закон, установленный Агассисом. Но я также должен возразить против сравнения, допущенного этим выдающимся натуралистом. Если я приписываю животным *язык*, я не забываю, насколько он рудиментарен. Я помню, что ни одно животное никогда не изучало язык другого. Я слишком хорошо знаю, какое расстояние существует между *животными междометиями* и *членораздельной речью*, и не хуже других понимаю, что использовать такой инструмент, чтобы создать на его основе *настоящие языки*, может только высший интеллект человека".

Достигнув этой точки, Агассис, должно быть, почувствовал, что потерял себя и что, пытаясь согласовать идею единого человеческого вида с идеей нескольких рас разного происхождения, он попадает в бесконечный лабиринт. В его последней работе признаки этого смущения видны слишком отчетливо. Вероятно, в надежде вырваться из него автор в конце концов даже отрицает существование видов. Вновь отвергнув критерий, взятый из скрещивания и степени плодовитости, он добавляет: "Вместе с ним исчезает, в свою очередь, и притворная реальность видов в противоположность способу существования родов, семейств, порядков, классов и ветвей. Реальность существования, по сути, принадлежит только индивидам". Таким образом, придерживаясь исключительно морфологии, игнорируя физическую сторону вопроса, позволяя себе руководствоваться логикой, основанной лишь на неполных данных, Агассис и Дарвин пришли к одинаковому результату. Оба пренебрегли этим великим фактом, понятным здравому смыслу, доказанным наукой и , который управляет всем в зоологии, как и в ботанике, а именно разделением организованных существ на элементарные и фундаментальные группы, которые распространяются в пространстве и времени. Но Дарвин, отталкиваясь от *явлений вариаций*, которые представляют эти существа, считает *виды* только *расами*. Агассис, целиком занятый *явлениями фиксированности*, в конце концов рассматривает *индивидов* только как существующую в живой природе особь. Оба они забывают, что великий Бюффон последовательно переходил к обеим этим крайностям, чтобы затем снова вернуться к учению, которое включает и объясняет все факты и которое можно резюмировать в этих словах: различие *расы* и *вида*.

III. Несмотря на эти догматические утверждения, когда дело доходит до какого-либо применения, Агассис, как и Ламарк в прежние времена, и Дарвин в наши дни, вынужден использовать слово *вид* в том смысле, в котором его используют многие другие. В мемуарах, из которых я уже приводил цитату, постоянно обсуждаются *виды* животных и растений. Их географическое распределение служит основой для теории происхождения человека. Автор признает, что они не могли возникнуть в одной и той же точке земного шара; что центры творения были многочисленны и что виды, расходящиеся от этих центров, придают фактической флоре и фауне все их характерные черты.

До сих пор Агассис принимал только доктрину о центрах творения, доктрину полностью французского происхождения, сформулированную Десмуленом и развитую М. Эдвардсом.

Заслуга Агассиса заключается в воспроизведении под именем науки теории, впервые предложенной Ла Пейрером во имя теологии: предоставление человеку всего мира в качестве его первоначальной родины: признание того, что человеческие расы возникли в тех же местах, что и группы животных и растительных видов, и связь одной из этих рас с каждым центром творения; умножение числа человеческих творений до такой степени, чтобы утверждать, что "человек был создан нациями", с самого начала наделенными своими отличительными чертами и говорящими на своем особом языке.

В самой идее, на первый взгляд, нет ничего абсурдного, ничего противоречащего тому, с чем мы до сих пор сталкивались. Выше мы видели, что физиология приводит к выводу, что "человеческие группы, *по всей видимости*, произошли от одной примитивной пары". Дальше этого дело не идет. Тот, кто ограничивается умозаключениями, вытекающими из этого порядка фактов, может, следовательно, принять теорию Агассиса как, правда, очень беспричинную гипотезу, но удобную для того, чтобы объяснить распределение и фактическое разнообразие человеческих типов.

Это уже не так, когда мы обращаемся к другой отрасли естественных наук - *зоологической и ботанической географии*. Тогда мы можем легко доказать, что теории Агассиса имеют тенденцию делать исключение из человека, ставить его в противоречие с общими законами географического распределения всех других организованных существ, и, следовательно, что они ложны.

IV. Я полностью согласен со взглядами Агассиса в том, что касается *центров создания* или, скорее, *центров появления*.

Все, кто ограничивается данными наблюдений и экспериментов, сразу же увидят, что все виды животных и растений не могли возникнуть в какой-либо одной точке земного шара. Первый случай показывает нам, что в различных регионах различные типы и виды живут естественным образом в странах, которые представляют почти точно такие же условия существования. Вторая учит нас, что мы можем перенести большее число видов из одной области в другую, и что они будут там процветать, если условия существования будут одинаковыми; что, напротив, арктические и тропические виды не могут, даже временно, подчиниться действию одних и тех же условий; что ни один из них не может выдержать действия умеренного климата. При всех этих фактах невозможно избежать вывода о том, что растения и животные имели несколько точек появления.

Но если я и приму эту доктрину как единственную, согласующуюся с фактами, то только при условии, что приму ее целиком, и в том виде, в каком она была разработана в ходе исследований географического распределения всех живых существ. В настоящее время работ такого рода очень много.

Для всех фанерогамных растений у нас есть работа М. Ад. де Кандоля, которая с момента своего появления стала стандартом.

Животные пока не имеют своего де Кандоля. Большая работа М. Альфонса Эдвардса частично восполнит этот пробел для более южных регионов земного шара. Тем временем были проведены важные исследования некоторых основных классов. Бюффон своими замечательными исследованиями по географии млекопитающих открыл путь, по которому последовали два Жоффруа Сент-Илера, Фр. Кювье и Эндрю Мюррей; Думериль и Биброн

изучали рептилий с той же точки зрения; Фабрициус, Латрейль, Макли, Спенс, Кирби и Лакордер сделали то же самое для насекомых; М. Милн Эдвардс разработал распределение ракообразных; я попытался сделать то же самое для аннелид. Наконец, большое количество работ, касающихся низших групп, давно известно науке, и сам Агассис внес значительный вклад в расширение наших знаний в этом направлении.

Из этой массы исследований выделяется некоторое количество общих фактов, которые мы называем *законами*. Если теория Агассиса верна, то она должна согласовываться с этими законами. Теперь разногласия очевидны с самого начала.

Давайте докажем, во-первых, что эта теория включает в себя две совершенно разные идеи: изначальный космополитизм человеческого рода и, во-вторых, географическую связь между человеческим родом и животными или растительными группами, наблюдаемыми в общем центре. Давайте рассмотрим истину и ошибку, содержащиеся в этом последнем утверждении.

Агассис считает, что влияние центра внешности является общим и абсолютным. Оно распространяется на все продукты почвы, а также на продукты пресных и соленых вод. Страна в такой же степени характеризуется своими растениями и животными, как и людьми. По его мнению, некая местная сила, по сути, породила все существа или, по крайней мере, наложила на них общий отпечаток.

Это обобщение было неизбежным. Тот, кто хочет приписать человеческую расу к каждому центру появления, вынужден локализовать в каждом из них первопричину всех животных и растительных форм, которые в нем обитают. Для всех живых существ географическое совпадение должно быть абсолютным.

Сейчас такого совпадения, как правило, нет. От вод реки до берегов, которые ее окружают, контраст может быть разительным. Именно это показали открытия самого Агассиса в ихтиологии Амазонки. Для любого, кто согласится с результатами, опубликованными прославленным путешественником, очевидно, что эта фауна может быть разделена на группы, гораздо более узкие, чем наземная фауна. То же самое можно наблюдать на берегах двух морей, разделенных даже очень узкой полосой суши. Наземная фауна и флора одинаковы на всем протяжении Суэцкого перешейка, в то время как М. Эдвардс не нашел ни одного вида ракообразных, общих для Средиземного и Красного морей, и изучение аннелид привело меня к тому же результату.

Более того, один и тот же регион может быть центром появления одного класса животных, но ни в коем случае не другого. Например, Австралия - один из самых характерных центров млекопитающих, и с этой точки зрения она стоит особняком среди окружающих стран. В отношении насекомых Австралия, напротив, сходится с Новой Зеландией, Новой Каледонией и соседними островами. Этот последний факт я позаимствовал у Лакордера. Он имеет тем большую ценность, что этот энтомолог умножил центры появления насекомых в гораздо большей степени, чем Агассис, и, следовательно, облегчил их характеристику.

Таким образом, совпадение, признанное Агассисом, далеко не распространяется на все организованные существа региона, а существует в некоторых случаях даже не только между различными классами животных.

V. Агассис делит всю поверхность земного шара на девять великих областей или *царств*. Я не могу здесь подробно изложить многочисленные критические замечания, которым

подвергаются установленные границы и характеристика этих центров. Я ограничусь несколькими короткими замечаниями по каждому из них.

1. *Полинезийское царство*. Мы увидим, что Полинезию невозможно рассматривать как центр появления человека. Этот регион был полностью заселен мигрантами с Индийского архипелага, история которого частично сохранилась. Первое царство Агассиса должно быть вычеркнуто, поскольку мы имеем дело с ним; это исключительно животный и растительный центр. Кроме того, Агассис, хотя и поддерживает его в тексте и на карте, не отводит ему места в иллюстрированной таблице, в которой он суммирует свои идеи.

2. *Австралийское королевство*. Агассис включает в это царство Новую Гвинею. Тем самым он разрушает однородность фауны млекопитающих. В то же время он объединяет несколько человеческих рас Австралии с негриттянами и папуасами. Уже одно это уничтожает всякое единство типа.

3. *Малайское или Индийское царство*. Это царство включает в себя Индию, Малайский архипелаг и Андаманские острова. До арийского завоевания в Индии жили желтые и черные. Последние до сих пор встречаются в чистом виде на полуострове Малакка и на Андаманских островах; Малайзия представляет собой совершенную смесь самых разных рас, от белой до негритянской. Малайцы, как их правильно называют, скорее население, выровненное под действием исламизма, чем раса в истинном смысле этого слова; они в высокой степени демонстрируют признаки скрещивания. Все эти факты протестуют против идеи превращения этих регионов в центр человеческого вида.

4. *Фауна готтентотов*. Агассис отказывается от выражения "королевство", говоря о юге Африки, не объясняя причин такого изменения. Какова бы ни была причина, это один из наименее благоприятных регионов для применения его теории. С геологической и ботанической точек зрения Южная Африка представляет собой настоящий центр. Характерным человеческим типом можно считать босжесмена и хоттентота. Но негры Делагоа и кафиры все еще протестуют против этого частичного совпадения.

5. *Африканское королевство*. По мнению Агассиса, этот регион включает в себя всю Африку, за исключением берегов Средиземного моря. Он добавляет сюда Мадагаскар и южную половину Аравийского полуострова. С точки зрения маммологии Мадагаскар представляет собой небольшой центр, в то время как человеческое население очень смешанное. Ховасы - это несколько видоизмененные малайцы, а языки самих сакалавов указывают на родство с малайско-полинезийцами. Что касается континентальной части королевства, то достаточно отметить, что в нее входят негры, абиссинцы, арабы и т.д. История, как и современное положение вещей, протестует против связи, которую автор проводит в данном случае.

6. *Европейское царство*. Это подразделение Агассис рассматривает как включающее всю окрестность Средиземноморья, Персию и Белоохистан. Следовательно, оно охватывает очень разную фауну и флору, смешивает арийское, семитское и хамитское население и не учитывает историю. Сам Агассис признает этот факт и заявляет, что рассматривает только доисторические времена. Однако, начиная с четвертичной эпохи, только во Франции существовали племена, которые были высокими и долихоцефальными, и другие, которые были короткими и брахицефальными. Наконец, хотя Агассис включает персов в число европейцев, он оставляет без внимания индусов, которые этнологически связаны с ними, и помещает их в совершенно другое царство.

7. *Монгольское или Азиатское царство*. Это царство охватывает всю центральную часть Азии, начиная от Болора и Гималаев и до Японии. Монгол воспринимается как человеческий тип этой огромной страны. Но Агассис забывает об арийцах Болора, белых джучидах, японцах того же типа, айносах и т.д. Он объединяет, таким образом, народы, принадлежащие по крайней мере к двум крайним типам человечества.

8. *Американское царство*. Агассис делает из всей Америки только одно царство, в то время как все зоологи и ботаники согласны разделить ее по крайней мере на два больших и четко охарактеризованных центра. Он принимает мнение Мортонна, который признает в Америке только одну человеческую расу, за исключением эскимосов. Теперь, после публикации книги д'Орбиньи "Человек американец", верить в это единообразие уже невозможно. Кроме того, многочисленные исследования, проведенные по этому вопросу, еще более убедительно доказали множественность рас, допущенную этим путешественником. Опять же, если сравнить человеческие расы Америки с расами Старого Света, мы обнаружим, за редким исключением, очень тесную связь с Азией, особенно в некоторых популяциях Центральной Америки: если мы сравним фауну и флору, связь, напротив, окажется более тесной в Северной Америке. Эти факты прямо противоречат теории Агассиса.

9. *Арктическое царство*. Это последнее царство заслуживает несколько большего внимания, чем остальные. Оно включает в себя все северные регионы двух континентов. Южная граница несколько произвольно установлена Агассисом в зоне лесов. Ни в одном регионе мира человек не встречается с такими одинаковыми условиями существования, поскольку во всех господствует холод. Казалось бы, этот регион, как никакой другой, может оправдать теорию автора, но факты согласуются с ней очень слабо.

Агассис характеризует это царство наличием одного растения и шести видов животных, пяти млекопитающих и одной птицы. Это растение - исландский лишайник (*cenomysce rangiferina*). Этот лишайник настолько мало характерен для полярных регионов, что его можно встретить во многих частях Франции и даже в окрестностях Парижа в Фонтенбло. М. Декейн считает, что наши зайцы и кролики живут на нем зимой, как и северные олени в Лапландии. Кроме того, наблюдения, недавно сделанные в Гренландии немецкой полярной экспедицией, показывают, что в этой стране, которая из всех стран арктического царства должна наиболее легко приспособиться к концепциям Агассиса и которая населена чистокровными эскимосами, почти нет ни одного вида растений, о котором можно было бы сказать, что он ей свойственен, и что огромное их количество встречается в Альпах и на вершинах Вогезов. Это результат возвращения тепла после ледниковой эпохи, а виды, которые сопротивлялись ему, эмигрировали как по высоте, так и по широте.

Что касается животных, то белый медведь и морж действительно являются полярными. То же самое можно сказать и о гренландском тюлене, рассматриваемом как вид. Но как вид мы встречаем его повсюду; как род он обитает во всех морях Европы. Северный олень обитал во Франции в четвертичную эпоху; он жил в Германии во времена Цезаря; он ежегодно спускался в Каспийское море при жизни Палласа. Настоящий кит посещал наши берега, пока его не вытеснил человек. Наконец, в наши дни гагара ежегодно прилетает в Данию, на десять-пятнадцать градусов южнее полярного круга. Таким образом, из шести видов, упомянутых Агассисом как свойственные его Арктическому царству, три, по крайней мере, в равной степени относятся к его Европейскому царству.

Агассис, безусловно, как никто другой, был способен точно охарактеризовать рассматриваемый регион, если бы это было возможно. Ему это не удалось, потому что в

действительности не существует настоящей арктической фауны. Причина этого кроется в распространении более южной фауны, которая по мере продвижения на север обедняется, но меняет свой характер очень незначительно. В действительности это царство распадается на независимые провинции, а точнее, связано с регионами, расположенными южнее и, следовательно, лучше разделенными. Полярная область, говорит Лакордер, говоря о насекомых, характеризуется не столько особенностью своих продуктов, сколько их скудостью. Все эти факты, опять же, являются следствием заселения арктических регионов после ледниковой эпохи.

Казалось бы, человек, по крайней мере, мог бы представить на полюсе однородность, предполагаемую теорией. Однако это не так, , какими бы ни были утверждения Агассиса на этот счет. "Там живет особая раса людей, - говорит он, - известная в Америке под именем эскимосов, в других местах - саамов, самоедов или чукчей. Одинаковость их характера на всем протяжении арктических морей поразительным образом объединяет их с фауной, с которой они так тесно связаны".

В этих словах Агассиса есть серьезные этнологические и антропологические ошибки. Единообразие характеров, о котором он говорит, вовсе не существует. Достаточно напомнить читателям, что саамы - одна из самых брахицефальных, а эскимосы - одна из самых долихоцефальных рас, с которыми мы знакомы. На самом деле эти две расы настолько сильно отличаются друг от друга, что ни одному антропологу не приходило в голову установить между ними связь.

Что касается самоедов и чукчей, то они не всегда обитали в ледяных землях, где мы встречаемся с ними сейчас. Первые до сих пор помнят, что пришли с юга, а М. де Тшиачеф обнаружил их первоначальное поголовье на границах Китая. Последние поселились у пролива Беринга совсем недавно, чтобы освободиться от русского завоевания, с которым они мужественно боролись. Они подчинили и поглотили юкагиров, своих предшественников. Кроме того, они одинаково отличаются от эскимосов и саамов.

Таким образом, в Арктическом царстве, где собраны все самые благоприятные условия для проявления любой истины, которой могли бы обладать идеи Агассиса, все протестует против этих идей. Несмотря на свои обширные знания, он не смог дать точную зоологическую характеристику; особой фауны, которую он признает, не существует; идентичность популяций, которую он провозгласил, исчезает при малейшем исследовании.

Наконец, теория, приписывающая человеческую расу каждому центру появления как местный продукт этого центра, должна быть отвергнута каждым, кто придает хоть малейшее значение результатам наблюдений.

ГЛАВА XV.

ПРОГРЕССИВНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗОВАННЫХ СУЩЕСТВ.- ЦЕНТРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ.- ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА.

I. Выдающийся человек может сделать неверные выводы из существования центров внешности, и при этом их существование не будет менее реальным. Не связанные с животными или растительными центрами, человеческие расы могли иметь свои

собственные; человек мог появиться в любом месте, где бы мы его ни встретили. Но прежде чем принять этот оригинальный космополитизм, мы должны убедиться, что он подчиняет человека общим законам. Сейчас мы увидим, что эта гипотеза, напротив, противоречит всем общим фактам, представленным как растениями, так и животными.

II. Сначала докажем, что ни один вид животных или растений не населяет, как человек, почти весь земной шар.

Утверждение Ад. де Кандоля не может быть более точным в отношении растений. "Ни одно фанерогамное растение, - говорит он, - не распространено по всей поверхности Земли. Есть только восемнадцать, чья площадь простирается до половины земного шара. Среди этих растений, которые так широко распространены, нет ни одного дерева или кустарника". Это последнее замечание относится к тому ряду соображений, с которыми мы еще встретимся.

Не имея возможности рассмотреть с этой точки зрения все факты, которые предлагают различные классы животного царства, я ограничусь несколькими подробностями о птицах и млекопитающих.

Мы должны были бы ожидать, что первые представляют собой очень обширные области обитания в силу своего способа передвижения. Именно среди них мы находим некоторые виды, которые больше всего заслуживают эпитета космополитов. Однако они не равны человеку в этом отношении.

Голубь-стервятник, родитель нашего домашнего голубя, распространен от юга Норвегии до Мадейры и Абиссинии, от Шетландских островов до Борнео и Японии; но он не достигает ни экватора, ни полярного круга; его нет ни в Америке, ни в Полинезии.

Стервятник фульво встречается во всех умеренных регионах Старого Света, пересекает экватор в Африке и опускается вплоть до Капской провинции. Но мы не встречаем его ни в наших полярных областях, ни в Америке, ни в Полинезии.

Сапсан имеет, пожалуй, самый широкий ареал из всех животных. Его можно встретить в Америке, а также во всех теплых или умеренных регионах Старого Света. Предполагается, что он обитает в Австралии, но мы не встречаем его ни в Полинезии, ни в полярных областях.

Среди млекопитающих киты, благодаря своей огромной способности к передвижению и непрерывности морей, казалось бы, должны быть приспособлены к настоящему космополитизму. Однако это не так. Почти все они обитают в относительно ограниченных районах и редко выходят за привычные границы. Коммодор Мори считал, что экваториальное море является непреодолимым препятствием для их перехода из одного полушария в другое. Однако из этого правила было замечено два исключения. Говорят, что роркваль (*Megaptera longimana*) и сибальдиус (*Sibaldius laticeps*) преодолели этот барьер и перешли из наших морей в моря Кейпа и Явы. Эти исключения можно легко объяснить различными случайными обстоятельствами. Однако если принять их как свидетельство исключительного относительного космополитизма, то остается факт, что они никогда не встречались в Тихом океане.

За исключением китов, мы не найдем ничего, напоминающего космополитизм. Если отбросить всю Океанию, то мы найдем только два или три жвачных животных, возможно, медведя, лисицу и волка, как общих для Старого и Нового Света. Все эти виды, кроме того, в большей или меньшей степени полярные, и отсутствуют в центральных регионах двух миров. Наконец, нет ни одного вида cheiroptera или quadrupana, который был бы коренным как в Америке, так и в Старом Свете.

За пределами тех видов, которые распространил человек, заставив их следовать за своими миграциями, животные и растения, очевидно, занимают свою естественную территорию, где находится центр, из которого они распространились. Мы видим, что даже после такого рассеяния ни один из них не приобрел территорию обитания, сравнимую с человеческой.

Допущение того, что человеческий вид появился во всех местах, где он был обнаружен, приписывая ему изначальный космополитизм, сделало бы его одиноким исключением в противоречии с фактами, представленными всеми другими видами. Гипотеза, приводящая к такому выводу, должна быть отвергнута как несовместимая с результатами наблюдений. Если сейчас человека можно встретить повсюду, то это заслуга его интеллекта и промышленности.

III. К этому выводу вынуждены прийти даже сами полигенисты; если только они не отвергнут, как неприменимые к человеку, законы зоологической и ботанической географии.

В самом деле, до какой бы степени они ни размножали свои человеческие виды, они были вынуждены, при малейшем изучении естественной истории, объединить их в один род. Все, что только что было сказано о *видах*, в равной степени относится и к *родам*. Область обитания, несомненно, увеличивается, и, например, некоторые роды китообразных, такие как дельфины и рорквалы, встречаются во всех морях; а среди наземных млекопитающих некоторые роды жвачных и плотоядных обитают в большей или меньшей степени как в Старом, так и в Новом Свете. Но все они отсутствуют в большей части Океании.

Более того, чем выше тип, тем меньше число представителей этих родов на обширных территориях. У Cheiroptera, не имеющих носовой перепонки, есть несколько родов, общих как для Старого, так и для Нового Света. Это уже не относится к хейроптерам, у которых нос снабжен мембраной. Среди них нет ни одного рода, так же как и среди quadrupana, которые обитают как в Америке, так и в Старом Свете.

Следовательно, полигенисты должны признать, что виды, из которых состоит их *человеческий род*, не могли появиться в каждом месте, где сейчас встречается человек, если только они не хотят сделать из этого *человеческого рода* поразительное исключение.

IV. Если мы захотим рассматривать человеческие расы как *семейство*, состоящее из нескольких *родов*, или даже как *порядок*, включающий несколько *семейств*, то возникнут те же трудности.

Если отбросить сумчатых и съедобных, к которым мы еще вернемся, то можно сказать, что великие нормальные порядки наземных млекопитающих, жвачные, грызуны, насекомоядные и плотоядные, почти так же космополитичны, как и человек. Но это уже не относится к хейроптерам, ни один из которых не пересекает полярный круг. Что касается четвероногих, то хорошо известно, что они отсутствуют в Европе, за исключением Гибралтарской скалы, в Северной Америке и в большей части Азии и Океании. Таким образом, оказывается, что даже в случае крайней гипотезы, которую я здесь изложил, нам придется искать географические аналогии в пользу претендующего на космополитизм *человеческого вида* не в тех видах животных, которые представляют наибольшее сходство с человеком, а среди плотоядных или жвачных.

V. Это ограничение ареалов обитания животных, которое, очевидно, связано с их степенью возвышения в шкале существ, является общим фактом, с которым мы встречаемся и у растений. По этому поводу Ад. де Кандоль говорит так: "Средняя площадь видов

уменьшается по мере того, как класс, к которому они принадлежат, имеет более полную, более высокоразвитую, или, другими словами, более совершенную организацию".

Прогрессивная локализация организованных существ, возрастающая по мере их совершенствования, является, таким образом, общим законом. Физиология легко объясняет этот факт.

Совершенствование организмов является результатом разделения труда, которое требует умножения функционального аппарата. По мере того как анатомические инструменты становятся все более многочисленными и специальными, их функции становятся такими же. Только по этой причине условия гармонии между живым существом и окружающими его условиями жизни становятся все более определенными. Следовательно, животное или растение находит свои действительно благоприятные условия только в постоянно уменьшающейся области. За этими пределами условия жизни меняются, борьба за существование становится все более опасной, и распространение вида, рода, семейства или даже порядка приостанавливается. Только человек, вооруженный против условий жизни своим *интеллектом и промышленностью*, способен преодолеть условия существования, которые были бы непроходимым барьером *для его материальной организации*.

Закон прогрессирующей локализации прямо противоречит доктрине изначального космополитизма человеческого вида. Отбросив его, полигенисты, как их правильно называть, могли бы обратить внимание на распространение родов дельфинов и рорквалов; полигенисты-моногогенисты школы Агассиса могли бы опираться на факты, упомянутые выше в связи с родами *megaptera* и *sibaldius*; они оба могли бы сказать: Общий закон локализации предлагает два исключения; почему человек не должен составлять третье?

Очевидно, что аналогия в корне неверна. Дельфины, рорквалы и сибальдиусы принадлежат к низшему порядку млекопитающих; человек, даже если рассматривать только его тело, неоспоримо принадлежит к высшему порядку. Если только мы не сделаем из него одиночное исключение, он должен подчиняться законам высших групп, а не низших.

Таким образом, пока что мы имеем все основания утверждать, что человек не мог быть изначально космополитом. Но мы можем пойти дальше.

VI. Не возникнув в каждом месте, где мы сейчас с ним встречаемся, человек мог иметь несколько центров появления. Давайте рассмотрим этот последний вопрос. Законы прогрессивной локализации и характеристика центров позволяют нам как поставить вопрос, так и решить его.

Рассмотрим с этой точки зрения группы животных, отбросив все низшие группы и ограничившись антропоидными обезьянами. В этом семействе, которое по своей организации наиболее близко напоминает человека, тоже есть свои степени. Закон прогрессивной локализации применим к этой ограниченной группе в равной степени со всем царством.

Мы встречаем все семейство в Азии, на полуострове Малакка, в Ассаме до 26° северной широты, на Суматре, Яве, Борнео и Филиппинских островах; в Восточной Африке от 10° ю. ш. до 15° северной широты. Однако род гиббонов, который является самым низким, - единственный, занимающий всю Азию. Оранг обитает только на Борнео и Суматре. В Африке шимпанзе распространен почти от Заира до Сенегала; горилла найдена только на Габуне и, возможно, в Ашанти. Если бы он занимал все то пространство, которое до сих пор остается

незаполненным на этой части наших карт путешественниками, область его обитания даже в этом случае была бы очень ограниченной. Таким образом, чем выше антропоидный тип, тем более ограничена область обитания.

Если рассматривать только материальный организм, то человеческий тип неоспоримо превосходит тип оранга или гориллы. Значит, он должен был быть изначально локализован так же, как и эти типы животных. Возможно, кто-то возразит, что человекообразные обезьяны постепенно исчезают, а немногие оставшиеся в живых не более чем свидетельство того, что когда-то они существовали в больших количествах. Это была бы совершенно беспричинная гипотеза, не имеющая под собой никаких оснований, и мы, по крайней мере, можем ответить, что горилла и оранг вполне могли продолжать существовать в тех местах, где до сих пор обитают шимпанзе и гиббон. Итак, каковы же площади, занимаемые последними, по сравнению с площадью обитания человека?

VII. До сих пор я пренебрегал исключительными типами, такими как сумчатые, эдентата, маки и т. д.; я не хотел приводить аргументы на основе аберрантных форм; я ограничился демонстрацией *законов*, действующих у видов с так называемой нормальной организацией. Аберрантные типы, однако, имеют очень большую ценность и служат нам дополнительным источником информации.

Эти типы почти всегда характеризуют либо крупные центры появления, либо второстепенные центры или географические регионы. Не говоря уже о млекопитающих, я должен напомнить читателям, что в Австралии обитают сумчатые; в Южной Австралии - орниторинх; в полярной Америке - мускусная лисица; в центральной Америке - эдентата; в Африке - жираф; в Азии - як; в Капской провинции - гну; на Мадагаскаре - макис и айе-айе; в Габуне - горилла и т. д.

Человек также, очевидно, является исключительным или аберрантным типом среди млекопитающих. Только он создан для вертикального положения; только у него есть настоящие руки и ноги; только он демонстрирует высочайшую степень развития мозга и обладает тем превосходством интеллекта, которое делает его хозяином всего окружающего.

Допустить, что человеческий тип, хотя и самый совершенный из всех типов, исключительный род среди всех остальных, появился в нескольких центрах возникновения, не характеризуя ни один из них, означало бы сделать его одиноким исключением.

Как бы ни были сильны наши полигенистические тенденции, и сколько бы видов мы ни признавали, мы не можем не признать, что первоначальная локализация человеческого рода в одном центре появления и характеристика этого центра им самим являются логическим следствием всех фактов, засвидетельствованных зоологической географией.

С еще большим основанием моногенисты будут считать привилегированный вид, преобладающий над всеми другими, одним из тех особых типов, которые характеризуют центр, или область, в которой они появились, как орниторинх, айе-айе и гну характеризуют Южную Австралию, Мадагаскар и Капскую провинцию.

Наконец, законы зоологической географии заставляют нас рассматривать человеческий вид как безошибочно характерный для одного центра появления. Более того, они оправдывают наш вывод том, что этот центр не мог быть более обширным, чем центр гориллы и оранга.

VIII. Можно ли пойти еще дальше и попытаться определить географическое положение центра внешности человека? Здесь я не могу вдаваться в детали этой проблемы. Я ограничусь определением ее смысла и укажу вероятные решения ее на основании данных науки настоящего времени.

Прежде всего, я должен заметить, что при рассмотрении животного или растительного вида, даже того, чей ареал наиболее ограничен, никому не приходит в голову пытаться обнаружить точное место, где он мог впервые появиться. В таком определении всегда есть что-то очень смутное, и оно обязательно будет приблизительным. Еще сложнее, когда вид, о котором идет речь, распространен повсеместно. В этих пределах мы имеем право хотя бы строить предположения, которые, как таковые, имеют определенную долю вероятности.

Вопрос предстает в совершенно разных аспектах в зависимости от того, ограничиваемся ли мы современностью или принимаем во внимание геологическую древность человека. Тем не менее, факты одного порядка и, похоже, указывают на две крайности. Истина, возможно, лежит между ними.

Мы знаем, что в Азии существует обширная область, ограниченная с юга и юго-запада Гималаями, с запада - Болорскими горами, с северо-запада - Ала-Тау, с севера - Алтайским хребтом и его ответвлениями, с востока - Кингханом, с юга и юго-востока - Фелиной и Куэн-Луном. Судя по нынешнему положению вещей, этот огромный центральный регион можно считать колыбелью человеческого рода.

Фактически, три основных типа всех человеческих рас представлены в популяциях, сгруппированных вокруг этого региона. Чернокожие расы наиболее далеки от него, но, тем не менее, имеют морские станции, где мы находим их в чистом виде или в виде смешанных рас, от Киусиу до Андаманских островов. На континенте они смешались почти со всеми низшими кастами и классами двух полуостровов Ганга; они все еще встречаются в чистом виде на обоих, поднимаются до Непалу и простираются на запад до Персидского залива и озера Заре, согласно Элфинстону.

Желтая раса, либо чистая, либо местами смешанная с белыми элементами, кажется единственной, занимающей рассматриваемое пространство; она населяет весь север, восток, юго-восток и запад. На юге она более смешанная, но, тем не менее, составляет важный элемент населения.

Белая раса, начиная с ее аллофильных представителей, по-видимому, оспаривала центральную область с желтой расой. В ранние времена мы находим Ю-тчи и У-сун к северу от Хоанг-хо; а в наши дни случаи появления белого населения наблюдаются в Малом Тибете и в Восточном Тибете. Мяо-це занимают горный район Китая; сияпуты защищены от всех нападений в ущельях Болора. На границах области мы встречаем аинов и японцев высокой касты, тингуанцев с Филиппинских островов; на юге - индусов. На юго-западе и западе господствует белый элемент, как чистый, так и смешанный.

Ни один другой регион земного шара не представляет собой подобного союза крайних человеческих типов, распределенных вокруг общего центра. Одного этого факта достаточно, чтобы навести натуралиста на мысль о предположении, которое я высказал выше; но мы можем обратиться и к другим соображениям.

Одно из самых важных взято из филологии. Три основные формы человеческого языка встречаются в одних и тех же странах и в сходных отношениях. В центре и на юго-востоке нашей территории монослоговые языки представлены языками Китая, Кочинчина, Сиам и Тибета. Агглютинативные языки представлены на северо-востоке и северо-западе оугро-японской группой, на юге - дравидийскими и малайскими, а на западе - тюркскими языками. Наконец, санскрит с его производными и иранские языки представляют собой южную и юго-западную группы языков с флективной системой.

Именно к языковым типам, собранным вокруг центрального региона Азии, следует отнести все человеческие языки; будь то лексика или грамматика, некоторые из этих азиатских языков имеют близкое сходство с языками, на которых говорят в регионах, часто очень отдаленных, или отделенных от рассматриваемой области совершенно другими языками. Мы знаем, что несколько филологов, в том числе М. Мори, установили тесную связь между дравидийскими языками и австралийскими идиомами, а М. Пико обнаружил множество арийских слов в наших древнейших европейских языках.

Наконец, именно из Азии происходят наши самые ранние одомашненные животные. В этом вопросе Исидор Жоффруа полностью согласен с Дюро де ла Маллем.

Таким образом, если рассматривать только нынешнюю эпоху, все указывает на это великое центральное плато, или, скорее, на этот великий загон. Там, как мы склонны утверждать, появились первые человеческие существа и размножились до тех пор, пока население не перелилось через край, как из чаши, и не растеклось людскими волнами во всех направлениях.

IX. Палеонтологические исследования, однако, совсем недавно привели к результатам, способным изменить эти первичные выводы. ММ. Хеер и де Сапорта сообщили нам, что в третичном периоде Сибирь и Шпицберген были покрыты растениями, что указывает на умеренный климат. ММ. Мурчисон, Кейзерлинг, де Верней и д'Аршиак говорят нам, что в тот же период на *бесплодных землях* нашего времени обитали крупные травоядные животные, такие как северный олень, мамонт и тихоокеанский носорог. Все эти животные появились в начале четвертичного периода. Мне кажется, что они появились не одни.

Я уже говорил выше, что открытия месье аббата Буржуа свидетельствуют, на мой взгляд, о существовании *человека третичного периода*. Но все говорит о том, что пока его представители были немногочисленны. Четвертичные популяции, напротив, были, по крайней мере в распределении, настолько многочисленны, насколько позволяла жизнь охотника. Оправдано ли наше предположение, что в третичный период человек жил в полярной Азии бок о бок с теми видами, которые я только что упомянул, и что он поддерживал себя, охотясь на них, как впоследствии во Франции? Понижение температуры вынудило животных мигрировать на юг; человек, должно быть, последовал за ними, чтобы найти более мягкий климат и быть в пределах досягаемости привычной для него дичи. Таким образом, одновременное появление животных в нашем климате и, казалось бы, внезапное размножение человека легко объяснимо.

Тогда центр появления человека можно было бы перенести значительно севернее региона, который я только что обсуждал. Возможно, доисторическая археология или палеонтология когда-нибудь подтвердит или опровергнет эту догадку.

Однако, как бы то ни было, пока не обнаружено никаких фактов, которые позволили бы нам поместить колыбель человеческой расы где-либо еще, кроме Азии. Нет ни одного факта, который заставил бы нас искать происхождение человека в жарких регионах либо существующих континентов, либо исчезнувших. Эта точка зрения, которая часто высказывалась, полностью основывается на убеждении, что климат на земном шаре во время появления человека был таким же, как и сейчас. Современная наука показала нам, что это ошибка. Нет ничего против того, чтобы наши первые предки с того времени нашли благоприятные условия существования в северной Азии, на что указывает множество фактов, заимствованных из истории человека, а также животных и растений.

КНИГА V. ЗАСЕЛЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА.

ГЛАВА XVI.

МИГРАЦИИ ПО СУШЕ - ИСХОД КАЛМУКОВ С ВОЛГИ.

I. На том этапе, которого мы достигли, связь фактов и их последствий ставит новую проблему. Физиология доказала, что существует только *один вид* человека, из которого человеческие группы являются расами. Зоологическая география научила нас, что этот вид первоначально был локализован на относительно ограниченном пространстве. Теперь его можно встретить повсюду, потому что он распространился путем иррадиации во всех направлениях из этого центра. *Население земного шара за счет миграций* является необходимым следствием предыдущих фактов.

Полигенисты и сторонники автохтонности наций заявили, что эти миграции *невозможны* в определенном числе случаев, и выдвинули эту мнимую невозможность в качестве возражения против доктрины, которую я отстаиваю. И здесь я снова обращаюсь к фактам, чтобы получить ответ.

II. Признаюсь, я никогда не понимал, какое значение можно придать этому аргументу. Миграции почти универсальны в истории, в традициях и легендах как нового, так и старого мира. Мы находим их и среди нецивилизованных народов нашего времени, и среди племен, которые все еще задерживаются на низшей стадии жизни дикарей. С каждым увеличением и расширением знаний мы учимся лучше ценить бродячие инстинкты человека. Человеческая палеонтология и доисторическая археология ежедневно добавляют свои свидетельства к свидетельствам исторических наук.

Если судить только по этим данным, то представляется более чем вероятным, что весь земной шар был заселен путем миграций и колонизаций. Изначальная и непрерывная неподвижность любой человеческой расы была бы фактом, противоречащим всем аналогиям. Образовавшись, она, несомненно, закрепила бы, за исключением исключительных обстоятельств, более или менее значительное число, как правило, подавляющее большинство своих представителей; но с течением веков она не могла не отбросить стаи.

III. Сторонники автохтонности делают особый упор на два порядка соображений, один из которых вытекает из социального положения народов, когда они были еще в зачаточном состоянии и не имели тех средств действия, которыми мы располагаем сейчас, а другой - из препятствий, которые до сих пор непобедимая природа ставила бы на пути их движения.

Первое возражение, очевидно, основывается на несовершенной оценке способностей и наклонностей, развитых в человеке в результате различных способов жизни. Само несовершенство социальных условий, отнюдь не препятствующее распространению человеческого рода, должно было скорее благоприятствовать ему. Земледельческие народы по необходимости оседлы; для пастушеских народов, менее привязанных к земле,

необходимы особые условия. Охотники, напротив, в силу своего образа жизни, необходимости, которую он налагает, и инстинктов, которые он развивает, не могут не распространяться во всех смыслах. Для их существования необходимо огромное пространство; как только численность увеличивается хотя бы в незначительной степени, они вынуждены разделяться или уничтожать друг друга, как это ясно видно из истории краснокожих. Народы охотников и пастухов только тогда подходят для больших и далеких миграций. Земледельческие народы - это скорее колонисты.

Древняя история сама по себе полностью подтверждает эти теоретические выкладки. Мы знаем, какими были захватчики римского мира, разрушители Восточной империи, арабские завоеватели. В Мексике дело обстояло точно так же. Чичимеки здесь представляют собой готов и вандалов Старого Света. Если Азия так часто завоевывала Европу, если Северная Америка так часто посылала опустошительные орды в более южные регионы, то это потому, что в этих двух странах человек все еще находился в варварском или диком состоянии.

IV. Действительно ли естественные препятствия были непреодолимы для народов, лишенных наших совершенных средств передвижения? Этот вопрос следует рассматривать с двух точек зрения, в зависимости от того, о каких миграциях идет речь - сухопутных или морских.

Первый вариант не требует особого внимания. Слабость человека и сила барьеров, которые ему могут противопоставить случайности суши, растительности или фауны, несомненно, сильно преувеличены. Человек всегда был способен победить свирепых животных, носорог был частью его пищи еще в четвертичном периоде. Его путь никогда не преграждали горы, даже если они были обременены всем, что могло бы затруднить прохождение. Ганнибал перешел Альпы со своими слонами, а Бонапарт - с артиллерией. Продвижение азиатских орд было остановлено не больше Палус Меотис, чем продвижение Фернана де Сото - болотами Флориды. Пустыни ежедневно пересекаются караванами, а что касается рек, то нет ни одного дикаря, который не умел бы переправляться через них на том или ином плоту.

Истина, как слишком хорошо доказывает история путешествий, заключается в том, что только человек останавливает человека. Там, где его не было, ничто не мешало племенам или народам медленно продвигаться вперед, обгоняя или обходя друг друга, создавая вторичные центры, из которых через некоторое время происходили новые миграции. Даже в населенной стране превосходящая раса вторжения не могла действовать иначе. Так арии завоевали Индию, так продвигались пауи, которые, отправившись из неизвестного до сих пор центра, прибыли в Габун с фронтом около 250 миль.

V. Я мог бы остановиться на этих общих соображениях, но лучше вкратце напомнить о факте, который, хотя и относится к недавнему времени, слишком часто забывается, и который показывает, как целая популяция может совершить великую миграцию, хотя и встречает всевозможные препятствия на огромном пространстве страны.

Примерно в 1616 году орда калмуков, движимая неизвестными нам мотивами, покинула пределы Китая и пересекла Азию, чтобы обосноваться в Казанском ханстве на обоих берегах Волги. Они оказались под властью России, которая с готовностью приняла новых колонистов и уважала их патриархальное правление. В ответ калмаки проявили себя верными подданными и неоднократно предоставляли русской армии многочисленные и ценные отряды конницы. Это доброе чувство длилось до времен императрицы Екатерины, когда она, вынужденная выбирать между двумя претендентами по имени Оубача и Зебек-Дорчи, выдвинула первого на управление ордой. Разгневанный Зебек решил в отместку увести

своих соотечественников обратно в Китай. Поддержанный главным ламой, он даже уговорил самого Оубачу присоединиться к нему, и заговор, хотя в нем участвовал весь народ, проходил в такой тайне, что ускользнул от заинтересованной бдительности России.

5 января 1771 года калмаков можно было видеть собирающимися на левом берегу Волги. Каждые полчаса группы женщин, детей и стариков численностью от 15 000 до 20 000 человек отправлялись в повозках или на верблюдах, сопровождаемые конницей численностью 10 000 человек. Арьергард из 80 000 отборных мужчин прикрывал отступление эмигрантов. Русский офицер, пробывший в плену часть пути и сохранивший для нас эти подробности, оценил все это скопление в более чем 600 000 душ.

Калмуки чувствовали необходимость спешить, чтобы избежать попыток, которые, несомненно, будут предприняты Россией для их задержания. За семь дней они прошли более 100 лиг, причем погода стояла сухая, но холодная. Многие животные пали, а недостаток молока ощущался даже у детей. Прибыв на берега Джема, они столкнулись с первым серьезным бедствием: целый клан, насчитывавший 9000 всадников, был уничтожен казаками.

Однако при первых же сведениях об этом бегстве Екатерина отправила армию с приказом вернуть беглецов. Последние должны были пройти на расстоянии восьмидесяти лиг от Джема, через дефиле, которое необходимо было взять любой ценой. Они продвигались форсированными маршами. К сожалению, начался снегопад, и они были вынуждены остановиться на десять дней. Прибыв к дефиле, они обнаружили, что оно занято казаками, которые, однако, были разбиты, разгромлены и истреблены Зебеком.

Дефиле было пройдено, но они были вынуждены удвоить скорость, так как на них надвигалась русская армия. Они убили и засолили весь оставшийся скот, оставили всех неспособных женщин и детей, а также всех стариков и больных. Зима становилась все суровее, и хотя они сожгли все свои седла и повозки, в каждом лагере можно было увидеть сотни замерзших трупов. Наконец наступила весна, чтобы облегчить их страдания, и в начале июня они переправились через Торгай, впадающий в Аксакальское озеро, к северо-северо-востоку от Аральского озера. За пять месяцев эмигранты прошли 700 лиг; они потеряли более 250 000 душ, а из всех животных у них остались одни верблюды. Русский офицер Везелов, который вскоре после этого был отпущен на свободу, смог вернуться на Волгу, не имея других ориентиров, кроме следов трупов, оставленных на пути.

Несчастные беглецы надеялись отдохнуть после перехода через Торгай. Но русская армия все еще следовала за ними, да еще усиленная страшными вспомогательными войсками, башкирами и киргизами, наследственными врагами калмуков. Эта легкая кавалерия была теперь впереди, и сражаться с ней пришлось бы, еще удирая от русских. Кроме того, им приходилось обходить пустыню, где они погибли бы от голода, и прокладывать себе путь через страны, жители которых поднялись на защиту своих территорий от голодных захватчиков. Зима сменилась летом; от жары эмигранты страдали не меньше, чем от холода, поэтому уровень смертности оставался неизменным.

Наконец, в первых числах сентября, орда достигла границ Китая. В течение многих дней у них не было воды. При виде небольшого озера все они бросились вперед, чтобы утолить жажду; произошло всеобщее смятение, когда башкиры и киргизы, ни на минуту не прекращавшие преследовать беглецов, бросились на увлеченную толпу и, по всей вероятности, уничтожили бы их. К счастью, поблизости охотился император Кьен-лонг, которого, как обычно, сопровождала небольшая армия. Узнав о прибытии калмаков, он различил их вдали. Звук его артиллерии вернул мужество тем, кто позволял расправляться с собой, и их преследователи

потерпели кровавое поражение. Следует добавить, что Кьен-Лонг распределил между спасенными им людьми земли, которые в настоящее время занимают их потомки.

Исход калмуков - это достаточный ответ на все аргументы, которые можно привести в пользу первобытной миграции по суше. За восемь месяцев, несмотря на сильные перепады холода и жары, непрекращающиеся нападения непримиримых врагов, голод и жажду, этот народ преодолел расстояние, равное по прямой одной восьмой окружности Земли. Если принять во внимание все вынужденные обходы, то, вероятно, эта величина должна быть удвоена. С такими фактами, как эти, как мы можем сомневаться в возможности еще более длительных экспедиций для племени, мирно продвигающегося по ступеням и вынужденного бороться только с трудностями, создаваемыми почвой или дикими зверями?

ГЛАВА XVII.

МИГРАЦИИ ПО МОРЮ - ПОЛИНЕЗИЙСКИЕ МИГРАЦИИ - МИГРАЦИИ В НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ.

I. Большинство защитников автохтонности допускают, что в миграции по суше нет принципиальной невозможности, но утверждают, что в миграции по морю дело обстоит иначе. По их мнению, заселение Америки и особенно Полинезии переселенцами с нашего великого континента - это гораздо больше, чем могли бы предпринять или осуществить народы, не знакомые с наукой астрономии и усовершенствованным методом навигации. По их мнению, географические условия, ветры и течения должны стать непреодолимым препятствием для любого предприятия такого рода.

Начиная с Полинезии, давайте посмотрим, сколько правды в этих утверждениях. Это будет, так сказать, брать быка за рога, ибо ни одна другая часть земного шара, кажется, не оправдывает в такой степени мнения автохтонистов.

II. Полинезия не так уж изолирована, как мы привыкли думать. Одного изучения карты должно быть достаточно, чтобы оправдать нас в том, что морской народ, привыкший к навигации по Малайскому архипелагу, мог в некоторых случаях проникать вплоть до Новой Гвинеи. Теперь этот факт установлен вне всяких сомнений. За Новой Гвинеей архипелаг Новая Британия и Соломоновы острова, так сказать, поставили бы на путь к островам Фиджи любых достаточно отважных мореплавателей; прибыв на этот архипелаг, как бы мало их ни побуждал дух открытий, они должны были легко достичь Полинезии, правильно называемой так. Новая Зеландия на юге и Сандвичевы острова на севере остаются, однако, за пределами этого маршрута, как указывает география.

Для того чтобы смелые мореплаватели были остановлены в своем продвижении, ветры и течения должны были быть неизменно противоположными и непреодолимыми. Чем сильнее была вера в универсальность и абсолютное постоянство *пассатов* в этих регионах, тем больше им приписывалось это действие. Но исследования, проведенные в интересах науки, труды командора Мори и карты капитана Керхальета показали нам, что переменные ветры, обусловленные *облачным кольцом*, распространяются почти на двадцать градусов в рассматриваемом морском районе. Кроме того, мы знаем, что каждый год *муссон* отгоняет пассаты и дует за Сандвичевыми островами и островом Таити, так что вместо встречных

ветров в течение многих месяцев они очень благоприятны для кораблей, плывущих на восток.

Соображения, основанные на течениях, приводят почти к тем же выводам. В Тихом океане экваториальное течение, идущее с востока на запад, в действительности образует два больших различных океанических потока, разделенных большим встречным течением, идущим в обратном направлении. Последнее огибает почти всю северную часть Полинезийского региона; таким образом, оно как бы образует выход из Индийского архипелага. Есть все основания полагать, что оно сыграло определенную роль в истории рассеяния рас во всех частях Океании и к востоку от Малайского полуострова.

Наконец, мы знаем, что в атмосферных явлениях в регионах Тихого океана нет абсолютной закономерности, как и в других местах. Этот океан имеет общие с другими тайфуны и штормы, которые внезапно меняют направление ветров и несут за собой корабли вопреки течениям. Большие и малые острова, которыми он усеян, наверняка часто посещались сбившимися с пути моряками, примеры которых мы сейчас приведем.

Население Полинезии мореплавателями, отправляющимися с Индийского архипелага, далеко не *невозможно*, а относительно *легко* в определенное время года, при условии, что мореплаватели отважны и не боятся потерять землю из виду. Теперь мы знаем характер малайского населения в этом отношении.

Опять же, те, кто принимал во внимание все эти обстоятельства, Мальте-Брюн, Гомме, Лессон, Ренци, Бичи, Уилкс и другие, без колебаний считают, что Полинезия была заселена мигрантами, продвигавшимися с запада на восток.

III. Напротив, писатели, опиравшиеся лишь на несовершенные знания, которыми мы до недавнего времени обладали об этих морях и обычном направлении ветров, либо верили в автохтонность, либо изобретали различные теории, чтобы объяснить присутствие человека на этом множестве островов и отдаленных островков.

Эллис считал, что полинезийцы были доставлены из Америки в Океанию ветрами и течениями, но эта гипотеза почти не нашла приверженцев. Она находится в слишком прямом противоречии со всеми физическими, филологическими и социальными характеристиками, которые относят полинезийцев к малайской расе так же сильно, как и отделяют их от американцев.

Дюмон д'Эрвиль предложил теорию, которая, на первый взгляд, является более удовлетворительной и все еще имеет несколько сторонников. По его мнению, Полинезия - это остатки большого континента, который первоначально был связан с Азией. Эта земля опустилась после нескольких геологических революций; море покрыло равнины и холмы, только самые высокие вершины видны сейчас и образуют нынешний архипелаг. Полинезийцы - потомки тех, кто пережил катастрофу.

Преимущество этой гипотезы заключается в сохранении тех связей, которые были нарушены гипотезой Эллиса. И, что любопытно, она согласуется с традицией потопа, сохранившейся у таитян. Они говорят, что великое затопление произошло без дождя или бури. Это было море, которое поднялось и покрыло всю землю за исключением плоской скалы, где укрылись мужчина и женщина. Можно сказать, что в этом рассказе нет ничего, кроме ошибки, которую легко понять. Море никогда не поднимается, но земля может опуститься, и другие люди, кроме таитян, были обмануты.

Тем не менее, мы не можем принять теорию Дюмон д'Эрвиля. Она противоречит зоологическим фактам, так тщательно исследованным Дарвином и Даной. Если некоторые атоллы Океании демонстрируют признаки оседания, то огромное количество островов представляют неопровержимые доказательства переворота, и Таити - один из последних.

Но самый серьезный аргумент, который можно привести против д'Эрвиля, исходит от самих жителей. Если путешественники и сходятся во мнении, то только в том, что от Сандвичевых островов до Новой Зеландии, от островов Тонга до острова Пасхи все полинезийцы принадлежат к одной расе и говорят на одном языке с простыми диалектными вариациями.

Теперь полинезийская область, границы которой я только что указал, имеет большую протяженность, чем вся Азия. На что была бы похожа *азиатская Полинезия*, если бы этот континент погрузился под воду и остались бы видны только вершины его гор, где могли бы укрыться некоторые представители нынешних жителей? Разве не очевидно, что каждый архипелаг, а зачастую и каждый остров, будет иметь свою собственную расу и язык?

Соображения, вытекающие из идентичности населения и языков в Полинезии, сами по себе достаточны, чтобы обосновать утверждение, что все островитяне имеют общее происхождение; и, следовательно, что, начиная с какой-то неизвестной точки, они, продвигаясь от архипелага к архипелагу, постепенно заселили тот морской мир, в котором мы их находим.

Горацио Хейл, выдающийся антрополог научной экспедиции Соединенных Штатов, первым подошел к проблеме с общей точки зрения; он решил ее, насколько смог, опираясь на собранные им самим данные, и набросал первую схему миграций полинезийцев. С тех пор были получены свежие факты. Сэр Джордж Грей опубликовал исторические песни маори; Томсон, Шортланд и Хохштеттер вывели на свет новые традиции; М. Реми опубликовал историю Гавайев, изложенную местным жителем. М. Госсен получил приз в области филологии благодаря своей замечательной работе о полинезийском языке; Депо французского флота получило специальные документы с Таити, к которым генерал Рибур, адмирал Лаво и адмирал Бруат добавили результаты своих собственных исследований. Эти неопубликованные материалы были предоставлены в мое распоряжение, и я добавил к ним некоторые факты, которые были забыты. Таким образом, мне удалось подтвердить с общей точки зрения выводы Хейла, внося, однако, некоторые важные изменения, и дополнить, опять же с некоторыми изменениями, его карту миграций. Мои читатели поймут, что я не могу вступать здесь в подробное обсуждение, и я должен просить их отослать меня к моей работе "Полинезийцы и их миграции". Я же ограничусь кратким изложением результатов, которые, как мне кажется, она демонстрирует.

IV. Как физические, так и филологические характеристики показывают, что полинезийцы представляют собой ветвь тех малайских рас, которые делятся на многочисленные группы по оттенкам различий, иногда сильно выраженным. Именно к одной из этих групп, наименее удаленной от белого типа, следует отнести рассматриваемые народы.

Отправной точкой этих миграций, которые должны были распространиться так далеко на восток, был остров Буре, который на всех картах изображен между Целебесом и Церамом. Этот вывод, предложенный с некоторым сомнением Хейлом, кажется мне несомненным благодаря всем традициям, собранным на Тонга Маринером, с работами которого ученый американец, по-видимому, не был знаком.

Покинув Малайские моря, эмигранты, должно быть, следовали максимально возможным курсом, описанным выше. Отбившись, несомненно, от черных рас, которые тогда, как и сейчас, занимали Новую Гвинею, они миновали Меланезию. Некоторые каноэ, вероятно, отделившись от остальных, достигли восточной оконечности этого большого острова и основали там колонию, недавно открытую командором Морсби. Именно эта колония, несомненно, снабдила несколько архипелагов Меланезии по крайней мере частью полинезийских элементов, которые были замечены несколькими путешественниками. Однако благодаря исследованиям М. де Рошаса мы знаем, что полинезийские элементы на маленьком архипелаге Островов Луайоте обусловлены эмиграцией, прошедшей в 1770 году с Островов Уиллиса в Новую Каледонию.

Большой поток эмиграции должен был оставить всю Меланезию на юге и разделиться на три ветви. Одна из них должна была прибыть на острова Самоа, другая - на острова Тонга, а третья - на острова Фиджи. Два первых архипелага, очевидно, были необитаемы, а на последнем уже проживало чернокожее население. Сначала между аборигенами и эмигрантами был заключен союз, но вскоре началась *межрасовая война*, малайцы были изгнаны, вероятно, оставив после себя часть своих женщин. Так возник смешанный характер фиджийского населения, который поражал всех путешественников. Изгнанные малайцы завоевали острова Тонга. Обнаружив, что они заняты соотечественниками, они напали на них и разгромили. Вместо того чтобы истребить или поработить их, они придумали *крепостное право* - институт, который встречается только на этом архипелаге.

В то время как малайские колонии, основанные на островах Фиджи и Тонга, были рассеяны и опустошены в результате братоубийственной войны, колонии на архипелаге Самоа процветали. Население становилось все гуще: дух авантюризма еще не угас, новые эмиграции выходили в море, продвигаясь в том направлении, которое привело к первым открытиям. В этот период остров Савай сыграл важную роль, согласно универсальному свидетельству полинезийских традиций. Его название встречается почти на всех архипелагах, почти не измененное местными диалектами, на Сандвичевых островах и в Новой Зеландии, на Маркизских островах, а также на Таити и вплоть до островов Манайя. Наконец, Тупайя, рисуя любопытную карту, сохранившуюся у Форстера, обозначает Савай как мать всех остальных и представляет ее гораздо больше Таити. Это ошибка, но именно она неопровержимо доказывает важность этой местности с нашей сегодняшней точки зрения.

За исключением одной эмиграции, которая прошла прямо с Тонга на Маркизские острова, именно с архипелага Самоа, и в частности с Савай, начинались все великие экспедиции, которые образовывали вторичные центры в других местах. Таити и острова Манайя - два главных. Первые заселили север Помоту и часть Маркизских островов, которые, в свою очередь, отправили колонистов на Сандвичевы острова, где, однако, им предшествовали таитяне. Последние, среди которых были и таитяне, и самоанцы, продвинули свои колонии до Рапа, до островов Гамбиер, до юго-восточной оконечности Полинезии и до Новой Зеландии на юго-западе.

V. Мы располагаем лишь отдельными и очень неполными сведениями о большей части этих миграций. Хотя их достаточно, чтобы устранить все сомнения в факте, они ничего не говорят нам об обстоятельствах, которые сопровождали их или следовали за ними. Совсем иначе обстоит дело, когда мы переходим к рассмотрению Новой Зеландии. Благодаря песням, собранным сэром Джорджем Греем, мы располагаем подробной историей этой колонизации. Это исключение вдвойне удачно, поскольку дает нам информацию по ряду важных моментов, и именно в отношении тех островов, которые, будучи расположенными на

большом расстоянии от Полинезии, правильно называемой , благоприятствуют автохтонным гипотезам больше, чем все остальные территории. Поэтому мне кажется целесообразным рассказать об этом несколько подробнее.

Именно жителям Раротонги, одного из главных островов Манайи, выпала честь открыть и колонизировать Новую Зеландию. Возможно, в какой-то неизвестный период к ним присоединилась эмиграция с Тонга .

Христофором Колумбом этого маленького мира был некий Нгахуэ, который был вынужден бежать из своей страны, спасаясь от преследований королевы, желавшей отнять у него яшмовый камень. Несомненно, случай привел его в Новую Зеландию. Здесь он обнаружил несколько кусков яшмы, которые, вероятно, вернули ему расположение *женщины-вождя*, поскольку мы не слышим, чтобы к нему приставали по возвращении на Раротонгу.

За время отсутствия Нгахуэ на его острове разразилась всеобщая война. Побежденные последовали совету путешественника, который убедил их отправиться вместе с ним и занять недавно открытые земли. Несколько вождей объединились и построили шесть каноэ, названия которых сохранились до сих пор. Песня, переведенная сэром Джорджем Греем, сообщает нам, что одно из них, "*Арава*", было сделано из дерева, срубленного на Раротонге, расположенном по другую сторону Гавайки. Это был один из тех *второстепенных Савау*, о которых я упоминал выше, и место, откуда отправлялись эмигранты. "Однажды, - говорится в одной из тех песен, которые уже цитировались, - наши предки разделились; одни остались на Хавайки, а другие приплыли сюда на каноэ".

В той же песне описываются несчастные случаи во время плавания, штормы, с которыми сталкивались мореплаватели, забота о первой культуре почвы, исследовательские экспедиции, предпринятые в новой стране, и разногласия, возникавшие между различными экипажами. Они показывают, что связь с родиной продолжала существовать еще некоторое время, настолько, что молодая женщина совершила путешествие всего с несколькими спутниками, а воинственные экспедиции начинались то из Хавайки, то из колонии, чтобы отомстить за некоторые из тех оскорблений, которые, по мнению этих рас, требовали жизни преступника.

В этих отрывках нет ничего удивительного. Полинезийцы прекрасно знали, как направить свой курс в море по звездам, и маршрут от одной точки до другой, однажды замеченный, был записан, если можно так выразиться, в песне, которая никогда не забывалась. Они имели очень правильное общее представление обо всем своем морском мире. Карта, нарисованная Тупайей, которую я воспроизвел в своей книге, не уступает картам наших знатоков Средневековья, хотя и охватывает значительную территорию. Тупайя сам видел несколько островов, которые он изобразил. По расчетам Кука, он должен был пройти на запад расстояние в 1 600 миль. Но именно из *священных песен* своей страны он почерпнул знания об остальной Полинезии и смог зарисовать ее с достаточной точностью.

Что касается *каноэ*, о которых идет речь, то они были такими же, как и пироги, о которых с восхищением упоминают все путешественники и которые, по словам Кука, очень подходят для длительных плаваний. Это факт, который часто подтверждается очень точными деталями, содержащимися в некоторых песнях, переведенных сэром Джорджем Греем. Например, мы видим, как один из вождей эмигрантов, Нгаторо-и-Ранги, "забирается на крышу хижины, построенной на платформе, которая соединяла два каноэ". Остается только добавить, что "*Арава*" и другие подобные суда обычно перевозили 140 воинов, и сразу станет ясно, насколько лишены оснований утверждения тех авторов, которые заявляют, что эти путешествия были невозможны из-за отсутствия достаточных средств передвижения.

VI. Различные документы, которыми мы сейчас располагаем, не только доказали общий факт миграций и познакомили нас с обстоятельствами, которыми сопровождались некоторые из них; они даже позволяют нам с достаточной точностью определить дату некоторых из наиболее важных.

Этот результат обычно достигается с помощью генеалогий основных семей. Каждая из них представляет собой своего рода литанию, которая поется в определенном ритме, и в каждом стихе которой содержится имя вождя и имена его жены и сына. Поэтому тот, кто способен запомнить песню из ста стихов, может легко выучить самую длинную из этих генеалогий. Доверенные памяти *Арепоса*, или *хранителя архивов*, они хранились с ревностной заботой. Томсон сообщает нам, что в Новой Зеландии было проведено серьезное расследование этих устных документов, и их подлинность была настолько хорошо установлена, что в вопросах правосудия они имеют равную ценность с нашими документами.

Так, на Маркизских островах у Гаттаневы, друга Портера, который происходил от первых колонистов тонганской части архипелага, было всего восемьдесят восемь предшественников. В Гавайе генеалогия Тамеха-меха, по словам М. Реми, содержится в семидесяти пяти стихах. В 1840 году, по словам Уильямса, Раротонгой управлял двадцать девятый потомок Карики, основателя колонии. На островах Гамбиер М. Майгрет видел двадцать седьмого правящего вождя со времени прибытия первых колонистов с Раротонги.

Хейл очень четко показал, что генеалогия гавайцев, как и многие другие европейские генеалогии, содержит в самом начале несколько вымышленных персонажей. Он счел необходимым удалить первые двадцать два стиха. Вполне вероятно, что подобное исправление следует внести и в родословную жителей Маркизских островов. Что же касается Раротонги и Гамбиерских островов, то они появились слишком недавно, чтобы уже быть загрязненными баснями.

Хейл, руководствуясь соображениями, которые я не могу здесь обсуждать, приписывает каждому стиху этих генеалогий значение *поколения*, от двадцати пяти до тридцати лет. Однако Томсон и М. Реми, успевшие собрать более точную информацию, считают, что они обозначают всего лишь *царствования*. Вычислив среднюю продолжительность этих царствований по списку французских королей от Хлодвигу до Людовика XVII, мы получаем в итоге 21-13 лет.

Согласно этим данным, прибытие тонганцев на Маркизские острова должно было произойти в 417 году нашей эры; таитян - примерно в 701 году; Карики, должно быть, колонизировали Раротонгу в 1207 году, а острова Гамбиер были заселены в 1270 году.

Для Новой Зеландии у нас есть двойной источник информации, , и полученные таким образом результаты настолько хорошо согласуются, что мы не можем сомневаться в их точности. Генеалогии большинства вождей маори восходят к тем смелым первопроходцам, чью историю я уже описывал. Томсон, изучивший несколько из них, считает, что число вождей, сменявших друг друга в каждой семье со времен колонизации, можно оценить примерно в двадцать. Взяв для сравнения английских королей, он приписывает *правлению каждого вождя* продолжительность в $22^{(1)}/_{35}$ лет. Эти данные позволили ему вернуться к 1419 году. Список французских королей дал бы только 1457 год.

С другой стороны, в одной из песен, сохраненных сэром Джорджем Греем, рассказывается об истории сына Хотунуи, одного из вождей-колонизаторов Новой Зеландии, и его ближайших потомках. В четвертом поколении родилась дочь, "от которой, - добавляет легенда, - произошли в одиннадцати поколениях все ныне живущие главные вожди племени

Нгалипаоа". Если взять по тридцать лет на каждое поколение, то получается, что миграция Хотунуи произошла за 450 лет до того времени, когда сэр Джордж Грей получил документ (около 1850 года), что переносит нас в 1400 год.

Таким образом, эти маори, которых автохтонисты считают детьми земли, не могли высадиться в Новой Зеландии раньше начала пятнадцатого века.

VII. До сих пор я говорил только о более или менее добровольных миграциях, которые могли быть вызваны духом авантюризма, гражданскими беспорядками или властью священника, отправляющего избыток населения на поиски новых стран. Но, говоря о Полинезии, мы должны, как я уже отмечал, принимать во внимание морские катастрофы. Известно несколько примеров. Именно таким образом был заселен Тубуаи, который в конце прошлого века, в течение нескольких лет, принял три каноэ с разных островов, одним из которых был Таити. Все трое были унесены штормом и выброшены на берег этого острова, который до тех пор был необитаем.

Такова же история вождя Тувари и его спутников, мужчин, женщин и детей, обнаруженных капитаном Бичи на острове Бьям-Мартин, который они начали колонизировать. Они отправились с острова Анаа, расположенного в двухстах сорока пяти милях к востоку от Таити, чтобы отдать дань уважения Помаре, но были застигнуты врасплох на Майатеа *муссоном, который пришел раньше, чем обычно*. Отброшенные на юго-восток, к островам Помату, они высадились сначала на острове Барроу. Однако, не найдя средств к существованию, они снова вышли в море и прибились к острову, на котором их нашел английский мореплаватель.

Этот пример идеален, поскольку в нем реализованы все обстоятельства, указанные в теории. Он подтверждает существование регулярных связей между островами, расположенными на большом расстоянии друг от друга; доказывает одно из тех происшествий, которые не раз должны были заставить этих смелых мореплавателей отклониться от обычного маршрута; показывает, как удаленный остров смог принять все элементы колонии; не оставляет сомнений в возможности рассеяния в направлении, прямо противоположном пассатам. Достаточно добавить, что путь от Майатеа до островов Барроу и Бьям-Мартин составляет более пятисот шестидесяти миль, и мы без труда поймем, как Полинезия была заселена в результате добровольной или случайной колонизации.

VIII. Есть еще одно обстоятельство, которое важно отметить и которое полностью противоречит всем гипотезам автохтонистов, а именно: приближаясь к островам, где они были открыты нами, полинезийцы находили их необитаемыми.

Песни, за которые мы обязаны сэру Джорджу Грею, показывают, что в Новой Зеландии большинство первых эмигрантов не встретили никаких следов прежнего населения. Лишь один из них, по имени Манайя, обнаружил на мысе аборигенов страны. Это исключение, по той самой причине, что оно уникально, доказывает, что эта популяция не могла быть очень многочисленной. Она несколько изменила тип самых низких классов маори, к которым она была приурочена. Портрет, опубликованный Гамильтоном Смитом, и один из черепов, хранящихся в Музее, сообщают нам, что эти предполагаемые аборигены были папуасами. Очевидно, что они попали в Новую Зеландию в результате какого-то несчастья, подобного тем, о которых я только что говорил, и даже не успели размножиться настолько, чтобы занять все побережье Северного острова.

Традиции Сандвичевых островов сообщают нам факт того же рода. Они рассказывают, что первые колонисты, прибывшие с Таити, нашли на этих островах *богов и духов*, которые обитали в пещерах и с которыми они вступили в союз. Очевидно, что перед нами тропический народ, значение которого легенда не преминула преувеличить, и происхождение которого нетрудно установить. Если бы Каду, чья история сохранилась у Коцебуэ, вместо того чтобы отправиться с Каролинских островов на Радакские, стартовал с последних и совершил почти такой же переход в том же направлении, он бы высадился на Сандвичевых островах.

Смешение полинезийской и микронезийской рас сразу же объясняет темноту цвета и отсутствие чистоты в чертах лица гавайцев. Возможно, та же причина объясняет разницу в чертах лица, манерах и промышленности, которую демонстрируют некоторые племена Низкого архипелага.

За исключением этих немногих и, как мы видим, очень слабых исключений, все острова Полинезии, по-видимому, были необитаемы, когда на них высадились мореплаватели из Буре или их потомки. Этот факт наглядно подтверждается традициями на Кингсвилле, Раротонге, Мангареве, островах Тубуаи и т. д. Чистота расы свидетельствует о том, что так было и на Тонга, Самоа и Маркизских островах.

IX. Наконец, факты, которыми я вынужден был ограничиться, полностью противоречат теориям автохтонистов и приводят к следующим выводам: Полинезия, регион, который по своим географическим условиям, на первый взгляд, кажется изолированным от остального мира, был заселен путем добровольных миграций и случайного рассеяния, проходившего с запада на восток, по крайней мере, как правило. Полинезийцы, прибывшие из Малайи и, в частности, с острова Буре, сначала обосновались на архипелагах Самоа и Тонга. Оттуда они постепенно вторглись в открытый перед ними морской мир; почти без исключения они обнаружили, что все страны, где они высаживались, были необитаемы, и лишь в двух-трех случаях встретили очень маленькие племена более или менее чернокожих.

ГЛАВА XVIII.

МИГРАЦИИ ПО МОРЮ - МИГРАЦИИ В АМЕРИКУ.

I. Заселение Полинезии и Америки - это проблема, которая представляет собой, если можно так выразиться, обратные условия. В действительности, в последнем случае нет никаких географических трудностей. Близость двух континентов в проливе Беринга, существование в этом канале островов Сен-Лоранс, самый большой из которых расположен ровно на полпути между двумя противоположными континентами, связь, образованная между Камчаткой и полуостровом Аляска Алеутскими островами; Морские привычки всех этих народов, присутствие чукчей на двух противоположных берегах, путешествия, которые они совершают с одного континента на другой по простым торговым делам, не оставляют сомнений в том, что азиатские расы могли попасть в Северную Америку через полярные регионы.

Еще южнее течение Тессан, *коуро-сиво*, или *черный поток* японцев, открывает большой путь для мореплавателей. Это течение часто выбрасывает плавающие тела и брошенные джонки на берега Калифорнии. Подобные случаи наблюдались и в наше время. Невозможно, чтобы они не происходили и до периода европейских открытий. Азиатские

морские народы, должно быть, во все времена попадали в Америку из всех тех мест, которые омываются Черным потоком.

Экваториальное течение Атлантики открывает аналогичный путь, ведущий из Африки в Америку, и есть некоторые свидетельства, редкие, правда, показывающие, что затонувшие корабли переносились в этом направлении. Поэтому не исключено, что то же самое могло произойти и с человеком.

II. Поэтому мы не должны удивляться, обнаружив в Новом Свете представителей рас, которые, по-видимому, первоначально принадлежали Старому Свету; мы легко поймем множественность американских рас, которая, возможно, все еще оспаривается некоторыми последователями Мортон, но твердо установлена во мнении каждого непредубежденного человека свидетельством Гумбольдта и классическим трудом д'Орбиньи "Человек американский".

Чернокожее население было обнаружено в Америке лишь в очень небольшом количестве и в виде изолированных племен посреди очень разных народов. Таковы чарруа в Бразилии, чернокожие караеи из Сен-Винсента в Мексиканском заливе, джамаси из Флориды, темнокожие калифорнийцы, которые, возможно, являются темными людьми, упоминаемыми в традициях киче и некоторыми старыми испанскими искателями приключений.

Таково, например, племя, представителей которого Бальбао видел во время своего перехода через Дарьенский перешеек в 1513 году. Однако из выражений, использованных Гомарой, следует, что это были настоящие негры. Этот тип был хорошо известен испанцам, и если бы они встретили чернокожих людей с блестящими волосами, как у чарруа, то, несомненно, произвели бы на них большое впечатление и упомянули бы об этом факте.

Белый тип представлен в Америке более широко, чем черный. Вдоль всего северо-западного побережья Meares, Marchand, La Pérouse, Dixon и Maurelle наблюдали популяции, которые, судя по некоторым их описаниям, были чисто белой расой. На верховьях Миссури киакас, каскайас и ли-панис обладают, как мы уверены, признаками чистой белой расы, включая светлые волосы. Манданы, с нашей нынешней точки зрения, всегда привлекали внимание. Капитан Граа обнаружил в Гренландии людей, говорящих на языке эскимав, но высоких, худых и светлых. В Южной Америке Фердинанд Колумб, рассказывая о путешествиях своего отца, сравнивает жителей Гуанаани с жителями Канарских островов, а жителей Сан-Доминго называет еще более красивыми и светлыми. В Перу чаразаны, изученные М. Анграндом, также похожи на жителей Канарских островов и отличаются от всех окружающих племен. Аббат Брассер де Бурбур воображал себя окруженным арабами, когда вокруг него находились все индейцы Рабиналя, ибо они, по его словам, имели их цвет лица, черты и бороду. Наконец, Гомара и Пьер Мученик приводят аналогичные свидетельства, причем последний говорит об индейцах Парианского залива как о людях со светлыми волосами (*capillis flavis*).

Бесполезно настаивать на антропологических связях между Америкой и Азией. Большинство путешественников настаивают на этом. Я слышал, как М. де Кастельно говорил: "Когда я был окружен моими сиамскими слугами, я представлял себя в Америке"; а М. Вавассер, помогая при визите сиамских послов, заметил: "Но это же мои ботокудо". Следует, однако, заметить, что череп, хранящийся в коллекции Парижского музея, указывает на меньшее сходство, чем внешние признаки.

Кроме того, в Америке есть отдельные расы, с которыми в большей или меньшей степени смешались чужеродные элементы. У нее также был свой *четвертичный человек*. Это факт, который нельзя упускать из виду и который необычайно усложняет проблему. Вскоре мы увидим, что геологические революции не влекут за собой исчезновения существующих человеческих рас. Нет сомнений, что в Америке есть потомки людей, которые были современниками мастодонта, точно так же, как в Европе мы находим потомков тех, кто был современником мамонта. К сожалению, наши знания о физических характеристиках американского ископаемого человека пока очень скудны.

III. Однако мне кажется не менее вероятным, что наиболее выраженные этнологические элементы, такие как белые, желтые и черные, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время, распространились по этому континенту путем миграции. Этот факт доказан историей в ряде случаев; и некоторые очень простые соображения, как мне кажется, делают другие не менее вероятными.

Например, мы находим чернокожих мужчин в Америке только в тех местах, которые омываются либо Куро-Сиво, либо Экваториальным течением Атлантики или его подразделениями. Взгляд на карты капитана Керхальета сразу покажет нам редкость и распространение этих племен. Очевидно, что более или менее чистые черные элементы были завезены с Азиатских архипелагов и из Африки в результате какой-то аварии на море; там они смешались с местными расами и образовали те небольшие изолированные группы, которые отличаются по цвету кожи от окружающих племен.

Присутствие семитских типов в Америке, некоторые традиции Гвианы и использование в этой стране оружия, полностью характерного для древних жителей Канарских островов, можно легко объяснить таким же образом, и это объяснение опирается на положительные факты. Дважды за последнее столетие, в 1731 и 1764 годах, небольшие суда, проходившие из одной точки Канарских островов в другую, были загнаны штормами в область пассатов и экваториальных течений и дрейфовали вплоть до Америки. То, что происходит в наше время, наверняка случалось и раньше. Поэтому мы не можем удивляться, обнаружив на берегах Мексиканского залива племена, которые по своим физическим характеристикам более или менее близки к африканским белым.

IV. Географическое положение континентов сразу же объясняет, почему желтый тип имеет так много представителей в Америке. Если предположить, что, как кажется, опровергается некоторыми свидетельствами, береговые линии не изменились с последней геологической эпохи, то возможностей, предоставляемых проходом, вполне достаточно, и азиатские расы в значительной степени извлекли из них пользу. Америка была известна им задолго до того, как у европейцев появились легенды на эту тему, смысл которых до сих пор вызывает горячие споры.

Именно де Гинье мы обязаны открытием этого факта, важность которого очевидна. Он открыл Европе то, что узнал из китайских книг. В этих книгах говорится о стране под названием Фу-Санг, расположенной на расстоянии, к востоку от Китая, далеко за пределами Азии. Де Гинье без колебаний отождествил ее с Америкой. К доказательствам, почерпнутым из китайских книг, он добавил несколько отдельных и доселе забытых фактов, заимствованных у европейцев, у Джорджа Хорна, Гомара и др.

Работа французского востоковеда была принята с необычным, но вполне объяснимым отвращением. Помимо недоверия, возбуждаемого каждым неожиданным открытием, многих раздражало, что европейцам в Новом Свете предшествовали азиаты; им казалось, что они свергают с престола Христофора Колумба. Один пруссак, ставший натурализованным

французом, поддержал своей великой ученостью всех, кому требовалось не более чем опровержение факта, и почти единодушно было решено, что де Гинь обманул самого себя. Теперь ему отдана большая справедливость, и каждый, кто непредвзято изучит этот вопрос, не может не признать его правоту.

Клапрот считал, что Фу-Санг - это не что иное, как Япония. Он забыл, что страна, о которой говорили китайские писатели, содержала медь, золото и серебро, но не железо. Эта характеристика, неприменимая к Японии, напротив, во всех отношениях совпадает с Америкой. В подтверждение своего утверждения он заявил, что китайцы не умели ни определять направление, ни точно измерять расстояния в своих путешествиях. Он забыл, что они были знакомы с компасом за 2000 лет до нашей эры и что они обладали картами, намного превосходящими смутные догадки средневековья.

Что касается предполагаемой ошибки в расстоянии, о которой говорит Клапрот, то ее не было. Паравей сообщает нам, что Фу-Санг находился на расстоянии 20 000 *ли* от Китая. Ли, по мнению М. Потье, равен 444-5 метрам (486 ярдам). Следуя курсу Коуро-Сиво, эти цифры точно приведут нас в Калифорнию, где были брошены джонки; они доказывают теорию, что это течение было маршрутом для путешествий в Америку и обратно.

Паравей опубликовал факсимиле китайского рисунка, изображающего ламу. Это сразу же отвечает на одно из возражений Клапрота и переносит нас значительно южнее Калифорнии. Среди произведений Фу-Санга китайские авторы упоминают *лошадь*, которая, как мы знаем, не существовала в Америке. Очевидно, что они называли этим именем животное, которое в Перу использовалось в качестве ноши. Эта привычка называть общим именем известные виды и новые виды, напоминающие их в некоторых отношениях, несомненно, существовала и в других местах, кроме Китая. Эта привычка заставила конкистадоров называть пуму *львом*, а бизона - *коровой*.

Но простирались ли тогда китайцы в своих путешествиях до Перу? В этом вряд ли можно сомневаться после предыдущих свидетельств, а также после того, что содержится в "Географии Перу" Паса Сольдана. Ниже приводится перевод отрывка, за который я обязан М. Пинарту: "Жители деревни Этен в провинции Ламбаеке и департаменте Либертад, похоже, принадлежат к другой расе, чем жители близлежащих стран. Они живут и вступают в браки только между собой и говорят на языке, который прекрасно понимают китайцы, привезенные в Перу за последние несколько лет".

В китайских книгах, изученных де Гинь и Паравеем, говорится о религиозных миссиях, которые в конце пятого века покинули страну *Ки-Пин*, чтобы нести в Фу-Санг учение Будды. Исследования М. Г. д'Эйхталя полностью подтвердили эти рассказы. Было отмечено сильнейшее сходство между памятниками и буддийскими фигурами Азии и теми же произведениями американского искусства. Сравнение легенд привело автора к тому же результату.

Наконец, согласно энциклопедии, отрывок из которой перевел М. де Ризни, японцы были знакомы с Фу-Сангом, который они называли Фу-Со, и с миссиями, которые покинули землю Ки-Пин в эту страну. Хотя его реальное положение должно оставаться сомнительным, они показывают, что Фу-Со и Япония - две разные страны.

К этим официальным свидетельствам, полученным от китайцев, мы должны добавить свидетельства европейцев. Первый из них - Гомара, который был свидетелем завоевания

Мексики и современником последующей экспедиции. Он рассказывает, что спутники Франческо-Васкеса де Коронадо, проплыв по Западному морю до 40° северной широты, встретили корабли, груженные товарами, которые, как им объяснили моряки, находились в море более месяца. Испанцы пришли к выводу, что они прибыли из *Катая* или *Сины*.

Основной целью кораблей, о которых идет речь, очевидно, была торговля. Однако такие мирные отношения между коренными американцами и пришельцами с запада существовали не всегда. Об этом свидетельствует свидетельство индейского путешественника, сохраненное Ле Паж дю Пратом. Монкахт-Апе (*Убийца боли*) был, безусловно, выдающимся человеком. Движимый желанием, которое побудило Косму из Кёрёса в Тибет, - желанием обнаружить исконную родину своего племени, - он отправился сначала в северо-восточном направлении до устья Святого Лаврентия, вернулся в Луизиану и снова двинулся на северо-запад. Поднявшись по Миссури до ее истоков, он пересек Скалистые горы и достиг Тихого океана, спустившись по реке, которую он называл *прекрасной* и которая может быть не чем иным, как Орегоном.

Там он услышал о белых бородатых мужчинах с оружием, поражающим громом, которые каждый год приплывали на большой лодке за деревом, которое они использовали для окраски, и уводили туземцев в рабство. Монкахт-Апе, хорошо знакомый с устройством огнестрельного оружия, посоветовал своим друзьям подготовить засаду. Предложенные им планы увенчались полным успехом. Несколько агрессоров были убиты. Американцы сразу увидели, что это не европейцы. Их одежда была совсем другой, оружие - более неуклюжим, а порох - более грубым и не разносился так далеко. Все указывало на то, что это были японцы, привыкшие совершать на этом побережье Америки походы, подобные тем, что совершают некоторые команды в поисках сандалового дерева в Меланезии, которые при каждом удобном случае захватывают негров и отдают их хлопковым плантаторам под именем кули.

Рассказ Монкахт-Апе был написан в 1725 году, за три или четыре года до открытия Берингова пролива и более чем за тридцать лет до того, как европейские путешествия познакомили нас с северо-западом Америки. Точные сведения, которые он приводит об общем направлении побережья и его изгибе у полуострова Аляска, служат верным доказательством правильности и правдивости этого повествования. Таким образом, как бы это ни ранило европейскую гордость, мы должны признать, что китайские и японские азиаты знали и разными способами исследовали Америку задолго до европейцев.

V. Тем не менее, эти цивилизованные народы, чьи корабли посетили Америку, не основали крупных поселений, которые могли бы стать отправной точкой для новой колонии. Если бы это было так, они бы оставили больше следов своего пребывания в языке. Сейчас, за исключением небольшой китайской колонии, о которой я говорил выше, едва ли найдется хоть один факт такого рода, который можно считать установленным. Некоторые калифорнийские колонии упоминаются как говорящие на японском диалекте. М. Гильмен Тарайер воспроизвел эту информацию применительно к племени Санта-Барбара; он добавляет, что язык некоторых других включает японские и китайские слова. К сожалению, исследования М. Пинарта, не подтверждая эти результаты, лишь опровергают их; поэтому мы можем лишь с большой осторожностью высказываться по этому вопросу.

Мне кажется, что великие миграции происходили в основном на севере, и что они были предприняты дикими народами. Традиции, заимствованные аббатом Брассером де Бурбургом из священных книг киче, а также традиции делаваров, сохраненные Хеккевельдером, как мне кажется, могут дать много информации этом вопросе. Сопоставив рассказ миссионера с некоторыми фактами мексиканской истории до завоевания, я смог

приблизительно определить дату прибытия краснокожих в бассейн Миссури. Мне кажется, что мы не можем отнести его к более ранней дате, чем девятый или, самое большее, восьмой век.

Эти предания проливают свет на другой, не менее важный факт: алгонкины и ирокезы, пересекавшие долину Миссисипи, откуда они изгнали народ, чьи необычные памятники сегодня являются объектом изучения, больше не воевали и нашли страну необитаемой вплоть до побережья и далеко на юге. Предания некоторых племен Южной Америки указывают, хотя и не столь однозначно, на тот же вывод. Таким образом, вероятно, в двух половинах Нового Света и, несомненно, в северной части существовали те необитаемые земли, которые мы уже отмечали в Полинезии, а предполагаемый *американский автохтон* Агассиса, Мортонна, Нотта и Глиддона, напротив, был одним из самых поздних прибывших на этот континент.

Эти факты малочисленности населения и его низкого социального состояния, которое было везде, кроме тех центров, где появились законодатели, возможно, совершенно чуждые этой почве, невольно приводят нас к выводу, что общее заселение Америки существующими расами, хотя и может быть отнесено к более раннему периоду, чем в Полинезии, тем не менее, гораздо более позднее, чем в Старом Свете.

VI. Не только из Азии Америка получила свое население. Они пришли из Европы задолго до эпохи великих открытий; я не имею в виду ни историю Атлантиды, о которой до сих пор существует множество толкований, ни традиции финикийцев и карфагенян, ни притязания басков и диепуа, хотя они, кажется, подкреплены фактами, которые, мягко говоря, любопытны; ни ирландские и валлийские традиции, хотя Гумбольдт считает их вполне заслуживающими внимания. Я буду говорить только о путешествиях, совершенных скандинавами, о которых повествует Рафн на основе ирландских саг и которые недавно были подробно переизданы М. Гравье.

Сейчас мы имеем дело не с отдельными фактами, относящимися к мраку тех веков, которые они лишь изредка освещают. Это подробная история, охватывающая несколько поколений и иногда дающая косвенные детали, которые объясняют и подтверждают некоторые современные открытия.

В 877 году, по мнению М. Гравье, а возможно, уже в 770 году, по мнению М. Лакруа, Гуннбьерн открыл Гренландию. В 886 году Эрик Рыжий удвоил мыс Прощания и построил в верховьях фьорда свой дом Браттахильда, недавно обнаруженные руины которого сравнивают с городом. В 986 году Бьярн Мериульфсон, направляясь в Гренландию, был отнесен штормом к берегам Новой Англии. В 1000 году Лейф, сын Эрика Рыжего, отправился в страну, открытую Бьярном. В сопровождении 35 человек он дошел до Род-Айленда, где нашел виноградную лозу, и дал название *Винланд* стране, которой завладел; он построил *Лейфсбудир*, провел там зиму и заметил, что самый короткий день начинается в половине седьмого и заканчивается в половине четвертого. Это наблюдение, согласующееся со всеми другими деталями, помещает Лейфсбудир недалеко от нынешнего города Провиденс, 41° 24' 10" северной широты.

Торвальд стал преемником своего брата Лейфа. В сопровождении 30 воинов он достиг Винланда и провел зиму в Лейфсбудире. Весной 1003 года он добрался до Лонг-Айленда, исследовал его окрестности и осенью вернулся в исходную точку. Следующим летом он направил свои шаги на север. У мыса Олдертон его спутники застали врасплох три лодки, сделанные из осиры и покрытые кожей, и убили восемь человек, которыми они управлялись. Девятый сбежал; однако вскоре он вернулся в сопровождении множества своих

соотечественников, которые осыпали скандинавов тучей стрел, а затем скрылись. А Торвальд, смертельно раненный, был похоронен в этой земле, которую он выразил желание заселить. Возможно, именно его гробница была обнаружена в конце прошлого века на острове Рейнсфорд, недалеко от Халла и мыса Олдертон; гробница из прочной каменной кладки, содержащая скелет и меч с железной рукоятью, указывает на период до пятнадцатого века.

В 1007 году Торфинн в сопровождении своей жены Гудриды отправился в путь на трех кораблях, на которых находилось 160 мужчин, несколько женщин и скот. На этот раз целью было основать колонию. Они поселились недалеко от Лейфсбудира в заливе Маунт-Хоуп. Вскоре чужаков посетили некоторые туземцы, которых легко идентифицировать с эскимосами по описанию, приведенному в "Саге". Поначалу отношения с этими *Скрелинг*ами были мирными. Но в следующем году жестокий поступок одного из скандинавов привел к войне, и Торфинн, хотя и одержал победу, не считал свое положение надежным и решил вернуться в свою страну со своими спутниками, женой и сыном Снорре, первым скандинавом, родившимся в Винланде.

Прежде чем покинуть свое поселение, вождь хотел оставить хоть какой-то след своего присутствия. По крайней мере, именно такого мнения придерживаются скандинавские ученые и М. Гравье в отношении знаменитой *скалы Дайтон*. На этой глыбе гнейса, расположенной на правом берегу реки Таутон и попеременно то покрываемой, то обнажаемой приливом, выгравировано определенное количество знаков на глубину восемь миллиметров (треть дюйма). Эта *надпись*, вызвавшая множество дискуссий, имеет, вероятно, двойное происхождение. Школкрафт рассказывает, что один старый индеец, знакомый с американской пиктографией, узнал руку своего соотечественника в определенном количестве знаков, которые он смог объяснить, хотя в то же время признался, что другие были для него совершенно новыми. С другой стороны, Магнусен и его последователи также смогли интерпретировать лишь некоторые из этих знаков. По их мнению, они представляли собой смесь рунических и криптографических знаков, а также фигур, относящихся к приключениям Торфинна. Они думали, что смогут узнать Гудриду с ее сыном Снорре, а фонетическая часть, как им казалось, может быть переведена следующим образом: -131 MEN OF THE NORTH HAVE OCCUPIED THIS COUNTRY-WITH THORFINN. Следует добавить, однако, что мистер Виттлси не признает существования ни одной алфавитной надписи в Соединенных Штатах. Однако мы не должны полагать, что мнение американского антиквара как-то влияет на подлинность саг, повествующих об истории Торфинна.

Я не могу здесь повторить все приключения Торварда и Фрейдисы, Ари Марсона, Бьорна Асбрандсона, Гудлейфа и Хервадора..., но должен заметить в отношении последних, что благодаря указаниям, содержащимся в "Саге о Скальхольте", американским ученым удалось найти на берегах Потомака могилу женщины, павшей от стрел Скрелингов в 1051 году.

VII. Колонии, основанные в Гренландии Эриком и его преемниками, быстро разрастались; были заселены и восточное, и западное побережья. Эти два центра носили названия *Остербюгд* и *Вестербюгд*. Из документов, с которыми ознакомился М. Ф. Лакруа, следует, что в первом был собор, одиннадцать церквей, три или четыре монастыря, два города под названием Гарда и Альба и 190 *гаардов*, или норвежских деревень; во втором - четыре церкви и 90 или 110 *гаардов*. Эти цифры явно указывают на значительную численность населения. Это еще более убедительно доказывает тот факт, что уже в 1121 году ирландец Эрик-Упси был назначен епископом Гренландии и имел восемнадцать преемников. Винланд находился в юрисдикции этой епархии. В четырнадцатом веке десятина этой страны входила в доходы церкви и выплачивалась натурой.

Это процветание и регулярные отношения между Европой, Гренландией и Винландом, похоже, продолжались до середины четырнадцатого века. Примерно в это время Скрелинги напали на Вестербюгд; помощь, посланная другими поселениями, пришла слишком поздно, и западная колония была уничтожена. Остербюгд просуществовал гораздо дольше. В 1418 году он все еще платил Святому Престолу в качестве десятины и петровских пенсов 3600 фунтов моржовых клыков. Однако еще до этой эпохи королева Маргарита, правительница скандинавских владений, руководствуясь разными мотивами, запретила всякую торговлю с гренландскими колониями. Вскоре после этого пиратские флотилии, появившиеся неизвестно откуда, обрушились на них и разграбили; температура воды на суше и на море постепенно понизилась; плавания становились все более трудными и, наконец, прекратились вовсе. Так, когда в 1721 году норвежский пастор Ханс Эггеде привел в эти замерзшие земли первую современную колонию, он не нашел ничего, кроме руин, и ни одного потомка Эрика и Торфинна. Что же с ними стало?

Письмо, адресованное папе Николаю V, которое цитирует М. Лакруа, проливает некоторый свет на их судьбу. Оно датировано 1448 годом и сообщает нам, что тридцать лет назад некие чужеземцы, *прибывшие с американских берегов*, разграбили колонию и перебили или увели в рабство большую часть жителей обоих полов. Однако многие из них вернулись в свои дома и попросили о помощи.

Вряд ли можно не отнести к последним белое население, высокое и светловолосое, которое капитан Граа встретил на восточном побережье Гренландии во время своей экспедиции в поисках Остербигда. Несмотря на то что они переняли язык эскимосов, они, безусловно, не принадлежали к их расе.

Но неужели все потомки смелых мореплавателей, открывших Америку, довольствовались тем, что жили, подобно Скрелингам, у руин, напоминавших об относительном величии их отцов? Эта гипотеза кажется мне неприемлемой. Мне кажется очевидным, что большая часть выживших должна была эмигрировать и искать убежища в Винланде, о существовании которого они знали. Возможно, они были отбиты смешанным населением скандинавов и эскимосов, которые, похоже, появились очень рано, и которые, возможно, были захватчиками, упомянутыми в письме, процитированном М. Лакруа; возможно, опять же, они столкнулись с воинственными и негостеприимными племенами, подобными тем, что упоминаются в "Саге о Гудлейфе". Но тогда норвежцы лишь продвигались дальше, пока не встретили гостеприимный берег, где могли бы поселиться.

VIII. Как бы то ни было, история скандинавских путешествий достаточна для того, чтобы объяснить появление белого типа, даже светлого, среди американского населения. Я без колебаний могу отнести к этой арийской группе белых эскимосов из Шарлевуа, светловолосых людей Пьера Мученика, светлых людей, о которых говорится в некоторых мексиканских традициях, вождя белых дикарей, с которым испанцы встретились во время экспедиции в Сиболу... и т. д.

Кроме того, открытие и неоднократные вторжения скандинавов на американские берега показывают, насколько высоко мы должны оценивать притворную невозможность заселения Америки. Здесь уже нет двойных *пирог* полинезийцев, вмещающих 150 воинов; именно на *лодках*, укомплектованных тридцатью или сорока мужчинами, Лейф и Торвальд прошли через гренландские моря, достигли Винланда и вернулись из него. Можем ли мы при наличии таких фактов считать наш усовершенствованный метод навигации *необходимым* для дальних морских путешествий?

Современная цивилизация вложила в наши руки огромную силу действия, неизвестную нашим предкам. Она позволяет нам совершать дела, которые, по их мнению, можно было ожидать только от сверхъестественных сил. Наука вложила в наши руки волшебное кольцо, и мы настолько привыкли использовать его для удовлетворения самых незначительных потребностей, что нам кажется невозможным обойтись без него. Мы слишком часто забываем о тех ресурсах, которыми человек обладает сам по себе и которые являются частью его изначальной природы. Таким образом, мы считаем менее развитые и *менее образованные* расы неспособными совершить то, что мы не осмелились бы предпринять без помощи, которую мы смогли создать для себя.

Мы только что видели, насколько история полинезийцев и скандинавов противоречит этим ложным представлениям, и как они оправдывают слова Лайелла: - "Предположим, что род человеческий исчез бы полностью, за исключением одного семейства, размещенного либо в океане Нового континента, либо в Австралии, либо на каком-нибудь коралловом острове Тихого океана, мы можем быть уверены, что его потомки в течение веков сумели бы захватить всю землю, хотя они, возможно, не достигли бы более высокой степени цивилизации, чем эскимосы или жители островов Южного моря."

КНИГА VI. АККЛИМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА XIX.

ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И РАСЫ.

I. Человеческий род, возникший первоначально из одного центра появления, в настоящее время распространен повсеместно. В своих бесчисленных путешествиях его представители сталкивались с самыми разными климатическими условиями и самыми противоположными условиями жизни, и сейчас они населяют как полярные, так и экваториальные регионы. Следовательно, он должен был обладать необходимыми способностями, чтобы приспособиться ко всем природным условиям существования; другими словами, он должен был обладать способностью *акклиматизироваться* и *натурализоваться* в каждом месте, где мы с ним встречаемся.

Возможность жизни и процветания человека в других регионах, кроме тех, в которых жили его отцы, отрицается в более или менее категоричной форме большим числом полигенистов. Не заходя так далеко, некоторые моногенисты утверждали, что человеческий род, будучи сформирован для данных условий жизни, является, так сказать, их пленником и не может изменить их, не лишившись жизни. Другие авторы придерживались прямо противоположного мнения и утверждали, что любая человеческая группа может сразу же акклиматизироваться в любом месте.

Во всех этих крайних доктринах есть свои преувеличения и ошибки.

II. Вопреки утверждениям Нокса, французы могут прекрасно жить на Корсике, при условии, что они избегают болот восточного побережья, которые сами островитяне не могут заселить. После отмены Нантского эдикта беглецы из Прованса и Лангедока основали деревни в долине Дуная, что заранее опровергает одно из утверждений английского доктора. Английские и французские эмигранты в Соединенных Штатах и Канаде не деградировали, несмотря на утверждения того же автора. Несмотря на изменения, часто весьма разительные, как мы увидим далее, *янки-сквоттеры* и канадские *жители глуши*, безусловно, не уступают первым колонистам, которые насаждали европейский стандарт среди краснокожих.

Нокс и антропологи, которые полностью или частично согласны с ним, приписывают только эмиграции сохранение и рост белого населения в Америке и других странах. По их мнению, европейский эмигрант через несколько поколений теряет способность к воспроизводству. Если остановить людской поток, который направляется из Европы в колонии, то, по их мнению, население быстро уменьшится, а местные расы вернут себе господство, Соединенные Штаты вернутся к краснокожим, а Мексика - к потомкам Монтесумы.

На это утверждение легко ответить несколькими статистическими данными. Они взяты из истории французских рас, которые со времен Парижского договора 1763 года, хотя и в незначительной степени, непосредственно способствовали заселению Канады. В этой стране было:

В 1814 г.	275,000	жителей французского происхождения.
В 1851 г.	695,945	" "
В 1861 году	1,037,770	" "

В штате Оттава было:

В 1851 году	Общее население	15,000
"	Французы	5,000
В 1863 году	Общая численность населения	25,000
"	Французы	15,000

История акадийцев содержит статистику, которая не менее убедительна. Из информации, полученной М. Рамо, следует, что все население происходило от сорока семи семей, насчитывавших 400 душ в 1671 году. В 1755 году их было 18 000. Разогнанные и изгнанные англичанами, они сократились до 8 000. В 1861 году их число возросло до 95 000 человек.

Если мы подсчитаем, исходя из предыдущих цифр, ежегодный прирост французского населения в Америке, то получим соотношение, равное или превосходящее то, которое дают самые благополучные европейские народы. Это доказывает, что французская раса не подает признаков исчезновения даже в стране, выбранной Ноксом в качестве примера.

Не вдаваясь в подробности, давайте вспомним, что французы жили и увеличивались в Констанции, недалеко от мыса, со времен отмены Нантского эдикта; что этот же регион был колонизирован голландцами, потомки которых, буры, переселились и теперь образуют республику Трансвааль; что их сменили на мысе англичане, которые постепенно захватили всю страну. Мы также должны помнить о быстром росте англо-австралийских колоний и т. д.; и, наконец, давайте не будем забывать о тех девяти семьях миссионеров, которые посетил М.

де Делапелен в Полинезии и которые в общей сложности насчитывали шестьдесят девять детей, то есть в среднем более семи с половиной на каждого, и мы будем вынуждены признать, что самые высокохарактерные европейские белые могут жить и увеличиваться в числе в обоих полушариях, на антиподах и в родных странах самых разных рас.

Более того, великая раса, к которой принадлежит он сам, изначально не была европейской. Вероятно, она возникла в горном районе Болор и Хинду-Кох, где мамы до сих пор представляют собой первоначальный фонд. В любом случае, "Зенд-Авеста" сообщает нам, что он появился в регионе, где лето длится всего два месяца, климат которого почти соответствует климату Финляндии. Шаг за шагом она продвигалась, с одной стороны до Гангского полуострова и Цейлона, с другой - до Исландии и Гренландии. Затем, когда началась эпоха великих открытий, она распространила свои колонии по всему миру, заселяя континенты и вытесняя коренные расы.

Рассмотрение только этих общих фактов и результатов этой непрерывной деятельности делает невозможным отрицание способности арийской расы к акклиматизации в самых разных условиях существования. Все утверждения Нокса и его более или менее явных учеников падают перед этими фактами.

То, что верно для арийской расы, в равной степени верно и для негров. Белые перевезли черных почти во все уголки земного шара, и в самых отдаленных местах черные живут бок о бок со своим хозяином. Наш опыт в отношении желтых рас еще невелик, но мы уже можем предвидеть, что результат будет таким же. Китайцы и кули перешли в Америку из Азии; возможно, скоро мы увидим их в Африке и в Европе.

Некоторые ветви, оторвавшиеся от великих этнических кладов, уже дают подобные свидетельства. Цыгане, арийцы, смешанные, возможно, с дравидийцами, переполнили всю Европу, и теперь их можно встретить повсюду. Что касается евреев, то мы знаем, что они действительно космополиты, и что почти везде, как в Пруссии, так и в Алжире, их плодovitость превосходит плодovitость местных рас.

III. Я не хочу этим сказать, что считаю арийцев или любую другую расу способной всегда и сразу акклиматизироваться в любой местности. Напротив, есть регионы, которые смертельно опасны для человека, к какой бы группе он ни принадлежал и как бы хорошо ни был подготовлен, чтобы противостоять их влиянию. Таково великое устье Габуна, где сам негр жить не может. Общая конституция жителей заметно слабеет; особенно страдают репродуктивные органы, и число женщин значительно превосходит число мужчин. Мы знаем, насколько опасен климат этой страны для европейца, и будет интересно посмотреть, поддадутся ли пауинцы пагубному влиянию этих берегов, к которым они постепенно приближаются.

За примерами далеко ходить не надо. Кому не известна репутация Мареммы и болот Корсики? Когда-то болота Домбе и устье Шаранты во Франции были едва ли менее опасны.

Даже там, где условия гораздо менее суровы, акклиматизация почти всегда требует многочисленных и меланхолических жертв, на которые некоторые антропологи зря обращают внимание. Факт вполне естественный. Раса, поселившаяся под влиянием определенных условий существования, не может изменить их, не подвергаясь модификации, а значит, и страданиям. Этот факт будет подробно рассмотрен в главе, посвященной формированию этих производных групп от вида. Здесь же я могу лишь указать на общий закон.

IV. Таким образом, каждая колонизация далекой страны должна рассматриваться в первую очередь как завоевание, предпринятое иммигрирующей расой. Независимо от того, с кем приходится сражаться - с человеком или с условиями жизни, - победа достигается только ценой человеческой жизни. Однако мы не должны преувеличивать масштабы неизбежных потерь и отрицать возможность акклиматизации. Мы должны четко ставить проблему и искать экспериментальные данные, из которых можно естественным образом вывести решение.

Каждый вопрос об акклиматизации включает в себя два термина, которые, так сказать, являются *составляющими результата*, который мы ищем или изучаем. Эти термины - *раса* и *условия жизни*. Мы уже знаем точное значение первого из этих двух слов, и сейчас мы рассмотрим в деталях, что мы должны понимать под вторым. Сейчас мы будем рассматривать его как простое обозначение всех условий существования, представленных в данном месте, и перейдем к описанию его влияния на акклиматизацию.

Мы видели, что некоторые условия жизни оказываются фатальными для всех рас. В подобных случаях мы должны различать, насколько эта неустойчивость обусловлена регионами, а насколько является результатом случайных обстоятельств, иногда спровоцированных самим человеком. Равнина Домб во Франции когда-то была столь же благоприятной, как и окружающая ее местность. В результате чрезмерного разведения болот она превратилась в эпидемический регион, где иностранному населению было так же смертельно опасно жить, как и в болотах Сенегала. В настоящее время санитарные меры направлены на то, чтобы вернуть его в прежнее состояние. Очевидно, что мы не можем упрекнуть Домбе в пагубном влиянии, которое, похоже, взялся развивать человеческий разум.

Даже когда он не вступает в действие, чтобы нарушить условия жизни, мы не можем обвинить страну в создании неблагоприятных условий для коренной или иностранной расы, когда эти условия могут быть объяснены небрежностью жителей или какими-то особыми причинами, которые человеческий разум мог бы изменить. Лишенная заботы, которая делала ее здоровой и пышной, Кампанья Рима превратилась в филиал Понтинских болот. С другой стороны, окрестности Рошфора стали здоровыми; Буфарик, некогда одно из самых опасных мест в Алжире, превратился в центр процветающего населения. Таким образом, не общие природные условия сделали эти места опасными, особенно для чужаков, а просто *случайность*. Как только причина устранена, акклиматизация становится не только возможной, но и легкой.

С этой точки зрения многие страны, которые сейчас, казалось бы, отбивают все попытки иммиграции, в будущем, возможно, окажутся особенно благоприятными для развития колониальных рас. Очевидно, что во всех случаях такого рода мы должны различать *нормальные* и *случайно нарушенные условия жизни*.

Я не могу вдаваться во все подробности, которые позволило бы это различие, и ограничусь приведением нескольких фактов.

Сам прогресс цивилизации иногда приводит к витализации определенных условий жизни. Это почти неизбежный результат скопления людей на относительно ограниченном пространстве. Это один из моментов, наиболее ярко продемонстрированных в статистических исследованиях М. Будена по сравнительной смертности в деревне и в казармах, например. Сравнение наших крупных городов и сельских районов приводит к тому же результату и указывает на особое воздействие на органы размножения. М. Буден не смог найти чистокровного парижанина, чья родословная прослеживалась бы более чем в трех

поколениях. В Безансоне городские семьи вымирают менее чем за столетие, а на их место приходят другие, из деревни. В Лондоне, как меня заверили, наблюдается аналогичное явление.

Разве корабли, на которых люди месяцами живут в тесной толпе в крайне неудовлетворительных санитарных условиях, не развивают пагубные принципы, к которым экипажи постепенно привыкают, но которые, тем не менее, способны вызвать самые серьезные заболевания среди окружающего населения, которое до этого момента находилось в процветающем состоянии. Есть ли здесь одно из тех явлений, которым, согласно Дарвину, мы должны приписать ужасную смертность и растущую стерильность полинезийских рас? Не следует ли отнести к болезням, завезенным европейскими морями, фтизис, который, как говорят, стал на этих островах не только наследственным, но и эпидемическим? Вероятность, как мне кажется, говорит в пользу утвердительного ответа. Ни земля, ни небо не изменились на этих архипелагах со времени их открытия, и все же полинезийцы исчезают с ужасающей быстротой, в то время как их смешанные расы и даже чистокровные европейцы демонстрируют удвоенную плодовитость - двойное противоречие, которое факты дают автохтонным доктринам.

При оценке более или менее пагубного действия тех или иных условий жизни не всегда легко определить, что следует отнести к нормальным условиям, а что является результатом случайного воздействия витализирующих элементов. Почва, холод, жара, сухость или влажность страны - это еще не все. Ярким примером является разница между двумя полушариями с точки зрения акклиматизации.

Жаркие регионы южного полушария, как правило, более доступны для белой расы, чем те, что находятся в аналогичных широтах северного полушария. От 30 до 35 градусов северной широты мы находим Алжир и особенно южную часть Соединенных Штатов, которые представляют серьезные трудности для нашей акклиматизации. На той же широте южного полушария находятся южная часть Капской провинции и Новый Южный Уэльс, где все европейские расы процветают почти сразу. Расчеты М. Будена дают точные данные о различиях. Он обнаружил, что средняя смертность французской и английской армий была примерно в одиннадцать раз выше в нашем полушарии, чем в южном.

Пораженный этим контрастом, М. Буден попытался выяснить его причину и обнаружил, что она кроется в большей или меньшей частоте и тяжести болотных лихорадок. К северу от экватора эти лихорадки можно проследить в Европе вплоть до 59-го градуса широты. На юге они редко пересекают тропики, а часто прекращаются на еще меньшем расстоянии. Таити, который находится всего в 18 градусах от географического экватора и почти под термическим экватором, свободен от них. В южном полушарии среднегодовое число случаев лихорадки в объединенных английских и французских колониях составляло 1-6 на 1000; в северном полушарии - 224-9 на 1000.

Таким образом, болотные лихорадки почти в 200 раз чаще встречаются к северу, чем к югу от экватора, хотя, например, в Южной Америке и Австралии огромные пространства покрыты стоячей водой под палящим солнцем. Кроме того, в южном полушарии они имеют гораздо менее серьезный характер. Огромные лагуны Корриентеса вызывают лишь легкие лихорадки. Мы знаем, как опасны, напротив, Понтийские болота, расположенные на гораздо большем расстоянии от экватора. Европейцу было бы гораздо труднее жить в Италии на берегах Карильяно, чем в Америке на берегах Параны.

Несмотря на ряд экспериментов и гениальных теорий, эти различия между местностями, представляющими, казалось бы, почти одинаковые общие физические условия, до сих пор

не объяснены. Исследования М. Будена, однако, оправдывают нас в том, что эти болотные миазмы, вероятно, являются самым большим, а часто и единственным препятствием для акклиматизации европейцев в большом количестве тех мест, куда их привел дух предпринимательства. В этом факте есть нечто очень обнадеживающее и поучительное. Мы знаем, при каком стечении обстоятельств возникают эти пагубные миазмы; мы знаем, как можно им противостоять. Значит, человек может, где бы он ни находился, бороться с природой и хотя бы в какой-то мере облегчить условия акклиматизации. До сих пор было невозможно сделать целую страну здоровой за короткий промежуток времени. Это была работа, которую, казалось, могло выполнить только время, причем зачастую ценой больших человеческих жертв. Кажется, что введение в культуру эвкалипта в значительной степени уменьшит эти жертвы.

Однако если дерево, привезенное из Австралии М. Рамелем, оправдает все наши надежды, мы увидим, что при выборе *участка* все же следует проявить некоторую осторожность. Я покажу, как в странах, которые кажутся наиболее опасными, есть ограниченные участки, где акклиматизация происходит почти сразу. Очевидно, что новичкам следует тщательно искать эти благоприятные места и ставить там палатки. Почти всегда было и остается наоборот. Они позволяют себе соблазниться красотой и плодородием аллювиальных земель, расположенных в устье какой-нибудь реки или на берегу какого-нибудь залива, удобного для торговли, не задумываясь об их вреде для здоровья. Они селятся и строят там, не беспокоясь о потерях, которые несут новоприбывшие; и таким образом заселяются такие пораженные мором места, как Батавия.

V. Я не могу здесь подробно рассматривать действие условий жизни на человеческие расы, не предвосхищая соображений, которые будут более уместны в другой главе. Я укажу лишь на один очень общий факт, представляющий большой интерес для проблемы акклиматизации.

Мы знаем, что животные и растительные расы одного вида, хотя в действительности и подвержены одним и тем же влияниям, имеют, тем не менее, свои особые склонности; и, более того, некоторые привязанности, которые очень распространены в одной, будут очень редки в другой. Точно так же обстоит дело и с человеческими расами.

Болотные лихорадки действуют одинаково на всех людей. Негр страдает и умирает от лихорадки на берегах Нигера, но в гораздо меньшей степени, чем белый. Более того, эти две расы, перенесенные в Индию, сохраняют в этом отношении почти одинаковые отношения. По сравнению с местными расами негр все еще сохраняет превосходство; он везде последним подвергается нападению малярийных эманаций. Родившись в стране, где он вынужден почти постоянно и повсеместно дышать ими, происходя от предков, которые с доисторических времен жили в этом отравленном воздухе, он акклиматизировался к нему больше, чем любая другая раса; только благодаря этому он способен процветать там, где белые долгое время страдали бы.

С другой стороны, у негра нежная грудная клетка, и ни одна раса так не подвержена чахотке, в то время как этот недуг гораздо реже становится смертельным для белых или малайцев.

Из крайних различий между белыми и неграми следует, что общие условия акклиматизации у этих двух рас противоположны. Умеренно теплый воздух, пропитанный малярийными эманациями, опасен для европейца. Для негра даже умеренный влажный холод будет смертельным.

Этих нескольких фактов достаточно, чтобы показать, что условия акклиматизации зависят от расы, что один и тот же климат не может оказывать одинаковое действие на разные расы и что полная акклиматизация, то есть *натурализация*, может наступить только при гармонии этих двух понятий - расы и условий жизни.

ГЛАВА XX.

УСЛОВИЯ АККЛИМАТИЗАЦИИ.

I. Возможность установления гармонии, о которой я говорил в предыдущей главе, отрицалась. Утверждалось, что она должна существовать заранее, и что вместо акклиматизации люди просто *привыкают* к данному месту. На примере животных и растений легко показать, что в их случае имеет место нечто большее, чем это, и что организация иногда изменяется в своих самых интимных отношениях, чтобы соответствовать требованиям условий жизни, которые по своей природе непреклонны.

Хризантема (*Pyretrum sinense*), украшающая наши сады, как известно, родом из Китая. Ввезенная во Францию в 1790 году, она процветала там и давала плоды, которые не успевали созревать, так что только торговля обеспечивала наши цветники необходимыми семенами в течение более чем шестидесяти лет. Попытки выращивать его в парниках и рамах не увенчались успехом. В 1852 году было замечено, что несколько растений зацвели и дали плоды раньше остальных; семена созрели, и теперь Франция производит все необходимые ей семена. Таким образом, небольшое количество случайно выведенных растений акклиматизировало этот прекрасный цветок.

История египетского гуся (*Anser egyptiacus*) еще более поразительна. Завезенный во Францию в 1801 году Жоффруа Сент-Илером, этот вид сначала откладывал яйца в декабре, как и на его родине. Он выводил свой выводок в глубине зимы, и, следовательно, в очень неблагоприятных условиях. Тем не менее, в Музее было выращено несколько поколений. Так, в 1844 году птицы отложили яйца в феврале, в следующем году - в марте, а в 1846 году - в апреле, то есть в то время, когда откладывает яйца наш обыкновенный гусь. Разве не ясно, что организация египетского гуся приспособилась к условиям, налагаемым нашим климатом?

Эта чудесная способность живых существ иногда даже неудобна. Французские лозы, перенесенные на остров Бурбон, дают виноград непрерывно, так что смешение гроздей на всех стадиях развития и зрелости стало серьезным препятствием при изготовлении вина. Аналогичным образом ведут себя и шелкопряды: они откладывают яйца и прядут коконы с полным безразличием к времени года и настолько нерегулярно, что заводчики вынуждены отказаться от их разведения.

Акклиматизация, то есть *физиологическая адаптация* к новым условиям жизни, - неоспоримый факт. Все наши отечественные расы, которые были завезены в Америку, процветают там. Когда условия существования были почти такими же, как на их родине, они мало изменились. Когда же новые условия слишком сильно отличались от старых, формировались местные расы; и таким образом, хотя, возможно, этому способствовала человеческая промышленность, *свиной с руном* можно встретить на холодных плато Кордильер, *овец с шерстью* - в теплых долинах Мадлен, а *безволосый скот* - на

раскаленных равнинах Марикита. Разве не ясно, что эти свиньи, овцы и волы, эти потомки наших рас в умеренном климате, установили гармонию между собой и условиями жизни?

II. Но, как я уже говорил, эта гармония едва ли достигается без борьбы и жертв. В этом отношении человек снова похож на растения и животных. Прежде всего, давайте посмотрим, что можно узнать по этому вопросу от этих существ низшей организации.

Известно, что земледельцы признают два вида пшеницы, один из которых сеют весной, а другой - осенью, и оба собирают примерно в одно и то же время. Очевидно, что условия развития в этих двух случаях сильно отличаются. Посеять яровую пшеницу осенью - значит, так сказать, изменить условия существования и, следовательно, провести эксперимент по акклиматизации. Так поступил знаменитый аббат Тессье. Сто семян осенней пшеницы были посеяны весной; все они взошли и дали молодые растения, которые прошли через обычные стадии вегетации. Однако только десять растений дали семена, которые созрели только на четырех растениях. Сто семян этого первого урожая дали пятьдесят плодовых растений. В третьем поколении сто семян дали урожай кукурузы. Обратный эксперимент дал аналогичные результаты.

Акклиматизация пшеницы в Сьерра-Леоне имеет еще больше поучительных особенностей. В первый год почти все семена взошли; колосьев было очень мало, и они были плохо наполнены. Семена этого первого урожая были высеяны, но многие из них не взошли вообще. Те, что выжили, были немного плодороднее. Однако потребовалось много терпения, и прошло много поколений, прежде чем были получены нормальные урожаи. Мы видим, что в эксперименте Тессье все семена пшеницы и их зародыши жили, но зерна не было, или оно было более или менее абортивным. Таким образом, произошла *потеря поколений*. То же самое произошло в Сьерра-Леоне. Более того, когда семена были посеяны во второй раз, некоторые из них вообще не взошли. Таким образом, к потере поколений добавилась потеря отдельных особей.

История нашей домашней птицы, которая была завезена в Америку, представляет собой не менее значимые факты. В Куско выводки такие же большие, как и в Европе. Однако Гарсилассо де ла Вега рассказывает, что в его время яиц было мало, а цыплят было трудно выращивать. С тех пор этот вид акклиматизировался.

Когда М. Рулен проводил свои наблюдения над гусями, завезенными в Боготу, прошло более двадцати лет с тех пор, как их впервые привезли на это высокое плато, и даже тогда они не достигли своей нормальной плодовитости. Однако они были далеки от этого, хотя поначалу яйца были очень редки. Вылуплялась максимум четверть яиц, а половина гусят погибала до конца первого месяца. Таким образом, с одной стороны, заводчик из Боготы получил не так много яиц, как в Европе, а с другой стороны, в конце периода, едва ли равного двухсотой части жизни гусыни, он получил из этих яиц едва ли одну восьмую того, что они могли бы дать в Европе.

История этих гусей из Боготы очень поучительна. С самого начала мы столкнулись со всеми обстоятельствами, которые, казалось бы, должны были оправдать предсказание неудачи. Бесплодие самок, о котором свидетельствует редкость яиц, и бесплодие самцов, проявляющееся в большом количестве добавочных яиц, указывает на серьезное физиологическое повреждение органов, только действие которых обеспечивает постоянство вида. Огромная смертность среди молодых птиц свидетельствует о не менее серьезных изменениях в компонентах индивидуальной жизни. Тем не менее, к моменту путешествия М. Рулена акклиматизация была почти завершена и, без сомнения, должна быть завершена.

Однако потребовалось более двадцати лет, чтобы организация этой европейской птицы установила гармонию между собой и условиями существования на высоких плоскогорьях Америки. Поэтому селекционеры были вынуждены нести многочисленные потери, затрагивающие как целые поколения, так и отдельных особей.

Мы видим, что произошло в случае с птицами и гусями, а также с пшеницей. Вскоре после их эмиграции климат уничтожил всех, кто не смог приспособиться к новым условиям. Некоторое число особей оказывало достаточное сопротивление, чтобы прожить почти столько же, сколько они прожили бы в естественных условиях существования; но их ослабленная организация была непригодна для генерации или могла производить только существ, которые сразу же погибали. Однако через все эти бедствия несколько привилегированных организаций с самого начала в большей или меньшей степени соответствовали новым условиям. С небольшими изменениями они передавали свои приобретения в сочетании с подходящими способностями своим потомкам, которые, в свою очередь, делали дальнейшие успехи в направлении, открытом их родителями; и из года в год адаптация была все более полной, акклиматизация все более реализованной.

Но очевидно, что годы здесь представляют собой поколения. Только от родителей к потомству, через наследственность и накопление, живое существо становится модифицированным и постепенно гармонирует с условиями жизни. Однако, когда мы изучаем уже не животное, растение или птицу, обладающую способностью к ежегодному размножению, а виды или расы с более поздним размножением, мы должны помнить, что считать нужно по поколениям, а не по годам.

III. Таковы данные, по которым мы можем судить о попытках акклиматизации, предпринятых самим человеком. Я не могу слишком часто повторять тот факт, что, как и все живые существа, мы подчиняемся всем общим законам, которые управляют жизнью и организацией животных и растений. Наш интеллект, несомненно, помогает нам в борьбе с природой, но, к сожалению, власть, которую мы черпаем от нее, ограничена, и ни в одном случае мы не оказываемся в более невыгодном положении, чем в усиливающейся борьбе, которую требует значительное изменение условий жизни. Самые изобретательные усилия не в состоянии избавить человека от превратностей, более или менее сходных с теми, которым подвергаются пшеница в Сьерра-Леоне, птицы в Куско и гуси в Боготе.

Поэтому мы почти всегда должны быть готовы к жертвам, масштабы и тяжесть которых будут пропорциональны различиям в условиях существования двух стран, и почти всегда должны ожидать потери определенного числа людей и поколений. Все зависит от того, насколько справедливо оценивать факты, не преувеличивать их значение и насколько они оправдывают надежду на успех, несмотря на видимость. Если потери всего лишь равны тем, о которых я только что говорил, или, что еще лучше, если их меньше, мы можем предсказать благоприятный результат; и, если победа стоит того, чтобы за нее заплатить, мы должны оставить остальное настойчивости и времени.

IV. События в Алжире подтверждают эти наблюдения. После завоевания повсеместно, как и во Франции, встал вопрос о возможности колонизации страны, отнятой у турок и арабов. Доктор Нокс категорически заявлял, что такая колонизация невозможна и что французы никогда не смогут ни увеличить, ни даже жить в Африке. Надо признать, что это мнение нашло многочисленных и сильных сторонников. После первых нескольких лет оккупации генералы, как и врачи, почти все придерживались того же мнения. Месье Буден с помощью удручающих статистических данных поддерживал взгляды своих коллег, маршала Буго и генералов Дювивье и Кавеньяка.

Опираясь на то, что, как мне известно, имело место в отношении птиц, я без колебаний атаковал эти неутешительные пророчества. Военная и гражданская смертность в 1845 году в Алжире, несомненно, была гораздо более значительной, чем во Франции, и число умерших должно было снова превысить число родившихся. Но эмиграция в то время была обильной и непрерывной. И если приток новых людей заполнял пустоты, вызванные изменением условий жизни, то в то же время он увеличивал смертность, постоянно пополняя ряды участников этой войны против условий жизни. Уровень смертности среди детей был почти вдвое выше, чем по данным французской статистики; но доля погибших все же была гораздо меньше, чем среди первых гусей в Боготе. Наконец, плодovitость женщин не только не ослабла, но и возросла; следовательно, источники жизни здесь пострадали гораздо меньше, чем на высоких плоскогорьях Америки.

Исходя из всех этих соображений, я с полным основанием заключил, что акклиматизация французов в Алжире может быть успешной и не потребует двадцати поколений. Мое мнение подтвердилось событиями гораздо раньше, чем я ожидал. Перепись 1870 года показала, что европейское население Алжира увеличилось на 25 000 человек, что почти полностью объясняется превосходством числа родившихся над числом умерших. Действие первого поколения, родившегося в стране, начало давать о себе знать, и с тех пор результат был еще более поразительным. Еще через два-три поколения французский креол будет жить в Алжире так же хорошо, как его предки жили во Франции.

Однако в отношении акклиматизации в Алжире необходимо провести различия между разными европейскими расами и даже между жителями севера и юга Франции. Статистика, предложенная ММ. Будена, Мартина и Фоли, ясно показывают, что испанцы и мальтийцы переносят алжирский климат гораздо лучше, чем англичане, бельгийцы или немцы. Жители севера Франции очень похожи на эти народы по расе и привычкам. В обоих этих отношениях жители южной Франции, напротив, связаны с жителями Мальты и Испании. Поэтому мы могли бы, не боясь ошибиться, предсказать, что последние имеют либо для себя, либо для своих потомков гораздо больше шансов выжить, чем французы эльзасского и фламандского происхождения. Опыт вновь полностью подтвердил эти теоретические выводы.

V. Информация, которую мы извлекаем из этих фактов, происходящих, так сказать, у наших дверей и среди рас, с которыми мы очень тесно связаны, может быть с полной справедливостью применена к условиям жизни, более сильно отличающимся по характеру, к расам, гораздо более отличным друг от друга, чем французы и бельгийцы. Тем не менее, полученный таким образом вывод будет иметь такую же ценность, как и вывод, сделанный на основе общей формулы, значение которой меняется в зависимости от данных. Когда речь идет об акклиматизации, эти данные всегда вытекают из двух вышеупомянутых элементов: условий расы и жизни. Если они меняются, пусть даже незначительно и в узких пределах, результат обязательно изменится, и часто весьма неожиданным образом. Каждый вопрос акклиматизации, в действительности, представляет собой отдельную проблему, которая, опять же, часто подразделяется на ряд конкретных случаев, каждый из которых требует особого решения. Не покидая французских колоний, мы можем привести еще один яркий пример на эту тему.

Антропологи, как и врачи, часто ставили под сомнение возможность акклиматизации европейцев на архипелагах большого Мексиканского залива, который, благодаря желтой лихорадке и тем влияниям, которые ее развивают, особенно смертелен для него. На первый взгляд, правда, ряд общих фактов не оставляет сомнений в том, что ответ должен быть

утвердительным. Со времени открытия Америки европейцы всегда занимали эти острова, и белая раса, прихватив с собой негров, повсеместно вытесняла карибскую. В ответ на это утверждение приводится аргумент, что эти острова - одна из самых излюбленных частей земного шара для эмиграции, и что только благодаря этому поддерживается население, которое, если бы было предоставлено само себе, вскоре бы исчезло. Расчеты противостоят расчетам, статистика - статистике, и если бы мы подошли к этому вопросу без анализа фактов, то вопрос показался бы самым неясным.

Чтобы решить его только в тех случаях, в которых заинтересована Франция, мы будем говорить только о Гваделупе и Мартинике. Мы знаем, что эти острова были колонизированы французами всего 235 лет назад. Даже если допустить весьма либеральное соотношение четырех поколений к столетию, то получается, что на этих островах, климат которых из всех прочих наиболее губителен для европейцев, прошло не более десяти поколений. Для акклиматизации гусей в Боготе потребовалось более двадцати поколений. Эксперимент, таким образом, не завершен. Тем не менее, учитывая факты долголетия и плодовитости, подтвержденные М. Симоно, мы без колебаний разделяем его мнение. Хотя французская раса, возможно, еще не акклиматизировалась на Мартинике и Гваделупе, мы можем быть уверены, что скоро это произойдет.

Не менее верно и то, что статистика свидетельствует о превышении числа умерших над числом родившихся. Однако информация, которую они предоставляют, представлена без различий. Старые и новые креолы, а также последние эмигранты были смешаны в общей оценке. Таким образом, были смешаны элементы, которые в основе своей очень разные. Для того чтобы работа такого рода имела реальную ценность, совершенно необходимо разделить население на классы, определяемые временем эмиграции, и оценить продолжительность самого времени по числу поколений. Действуя таким образом, мы, несомненно, установим в смертности групп поразительные различия, более или менее аналогичные тем, которые проявляются в поколениях растений и животных, завезенных в Африку или Америку.

Статистика, о которой идет речь, еще более искажена одним недостатком, который полностью раскрыт М. Вальтером в его работе о Гваделупе. Он также составил таблицы смертности, но вместо того, чтобы брать население *в целом*, он изучил каждый район отдельно. И тут обнаружились очень существенные различия. Если рассматривать население Гваделупы в целом, то ежегодное превышение числа умерших над числом родившихся составляет 0-46 человек, то есть почти полпроцента. При наличии этих фактов статистики, чьи взгляды я оспариваю, несомненно, пришли бы к выводу, что европеец не акклиматизировался в Гваделупе, и заявили бы, что через определенное время, которое можно легко вычислить, это колониальное население вымрет, если пустоты не будут постоянно заполняться новыми иммигрантами.

Однако, изучив таблицу смертности по округам, мы приходим к совершенно иным выводам. Этих округов тридцать один. При этом в пятнадцати число родившихся превышает число умерших. На маленьком острове Мари-Галанте это наблюдается в двух округах из трех. Таким образом, ужасающие расчеты средней смертности полностью объясняются преувеличением смертности в одних районах, в то время как в других европейцы уже акклиматизировались.

В таблицах смертности, составленных в Алжире М. Буденом, приводятся аналогичные факты. Из шестидесяти девяти населенных пунктов в пятидесяти пяти с 1857 года наблюдается превышение числа родившихся над числом умерших.

Общий результат, полученный М. Вальтером, можно объяснить следующим образом. Французская раса акклиматизирована в Гваделупе в пятнадцати населенных пунктах, но не в остальных шестнадцати. Из этих двух утверждений первое следует считать определенно доказанным; второе требует подтверждения, поскольку еще необходимо более тщательное изучение населения наиболее нездоровых районов и исследование их по классам.

Как бы то ни было, каждый непредвзятый человек признает, что мы больше не можем подвергать сомнению факт акклиматизации в *Гваделупе* в целом. Теперь речь должна идти только об акклиматизации на *Бас-Терре*, в *Пуэнт-а-Питре*, в *Пуэнт-Нуаре* и т. д.

VI. Французские Антильские острова, а также большинство родственных островов являются местом проведения ценных экспериментов по изучению способности различных человеческих рас переносить этот исключительный климат, который является одним из самых труднопреодолимых. Негры были завезены туда силой вскоре после захвата островов белыми и жили там в состоянии рабства до последних нескольких лет. Поскольку состояние родителей унаследовали дети, остается только сомневаться, что через некоторое время местного размножения негров хватило бы на все нужды сельского хозяйства и промышленности, если бы раса акклиматизировалась. Непрерывная деятельность работорговли, похоже, показывает, что количество смертей должно было значительно превышать количество рождений. Нет никаких сомнений в истинности этого факта для острова Куба или Ямайки. Генерал Туллок, пораженный смертностью негров на английских Антильских островах, без колебаний заявил, что если бы торговля была однажды подавлена, то вся раса исчезла бы на этих островах еще до конца столетия. Исследования М. Будена позволяют считать это утверждение преувеличением, по крайней мере, в отношении французских владений.

Однако ни английский, ни французский автор не приняли во внимание обстоятельство, важность которого невозможно отрицать. Я имею в виду условия, налагаемые на негра рабством. Очевидно, что характер и поведение хозяина играли важную роль в вероятности жизни или смерти раба. Не считая себя таковым и не будучи бесчеловечным, хозяин мог требовать от раба больше труда, чем могла выдержать его природа, или нарушать те инстинкты, свободное проявление которых необходимо для здоровья. Так, несомненно, было на Кубе, где общепринятой практикой было выжимать из рабов как можно больше, что создавало необходимость в более частом обновлении. Несомненно, здесь мы имеем дело с одной из тех причин, по которым смертность расы, лучше приспособленной, чем наша, к межтропическому климату, так неумеренно увеличивается. Факты, похоже, оправдывают эти предположения. "С момента отмены рабства", - говорит М. Элизе Реклю, - "негритянское население на английских островах увеличивается".

Каким бы необычным ни казался этот факт некоторым антропологам, он является лишь повторением того, что происходило в Бразилии. Там снова утверждали, что только работорговля поддерживает черное население, которому суждено уменьшиться и исчезнуть, как только эта принудительная иммиграция прекратится. Подлинные документы свидетельствуют об обратном. Работорговля была отменена задолго до появления рабства в этой великой империи. В течение многих лет владельцы, не имея возможности покупать новых рабов, заботились о тех, что были в их владении, и с тех пор негры размножились. Так, в период процветания миссионеров-иезуитов наблюдался необычайный рост той части черной расы, которой они интересовались, в то время как в богатых имениях, где за ней не ухаживали и не перетруждались, она уменьшалась.

Наряду с неграми-креолами, на Французских Антильских островах сейчас трудятся более или менее добровольно нанятые рабочие с тех же берегов Африки, представители семитской белой расы с Мадейры, китайцы желтой расы и индийские кули, которые почти все являются дравидами, а значит, представляют собой нечто среднее между черными и желтыми. В будущем будет интересно показать, какое сопротивление каждая из этих наций оказала ужасному климату, с которым они столкнулись. В настоящее время эксперимент только начат. Тем не менее М. Вальтер уже получил несколько интересных данных в Гваделупе. Среднегодовая смертность креолов составляет 3-28 на 100 человек, иммигрантов - 9-66, китайцев - 7-68, негров - 7-12, индусов - 5-80, уроженцев Мадейры - 5-80. К сожалению, эти статистические данные сомнительны и отличаются от тех, которые М. Дю Аилли привел для Мартиники. Тем не менее, они оба должны быть зарегистрированы в качестве отправной точки для новых исследований. Тем не менее, нет причин для отчаяния. Очевидно, например, что уроженцы Мадейры очень быстро акклиматизируются в Гваделупе, как это уже произошло на Кубе, а гораздо более серьезная смертность негров, китайцев и индусов не доказывает невозможности их заселения на этих островах.

VII. Условия жизни и характер расы - это еще не все в многочисленных проблемах, возникающих при акклиматизации. Человек, даже индивидуальный, привносит в нее свои особые элементы. Дикарь и современный европеец в силу социальных различий, разделяющих их, оказываются в условиях, часто противоположных, и не всегда в пользу последнего.

Даже чудеса современной промышленности, облегчая иммиграцию в далекие страны, делают ее более опасной. Железные дороги и пароходы свели самые длинные путешествия к нулю. Земли, на которые у наших предков уходили столетия, расстояния, которые наши отцы могли преодолеть лишь за несколько месяцев, мы преодолеваем за несколько дней. К многочисленным трудностям акклиматизации добавляется еще одна. В Париже часто приходится слышать, как люди жалуются на последствия простого путешествия из Алжира. Быстрота переезда вызывает шок в организации, хотя и стремится заменить ее в естественных условиях жизни. Потрясение неизбежно усиливается, когда путешествие совершается в обратном направлении, и мы идем против своих физических привычек, вместо того чтобы вернуться к ним. И когда после нескольких дней плавания вместо Алжира мы высаживаемся в Рио-де-Жанейро или на Антильских островах, потрясение должно быть действительно сильным.

Современная цивилизация также в значительной степени ответственна за потери, которые несет каждое поселение в климате, слишком сильно отличающемся от нашего собственного. В силу безопасности, которой она окружает как бедных, так и богатых, в силу хотя бы относительной легкости, которой пользуются все слои общества, мы мало подготовлены к борьбе за существование. Не забираясь так далеко в прошлое, к первобытным людям или арийцам, давайте просто вспомним Бальбао, Писарро, Кортеса, Сото, Монбарса и их грубых спутников; может ли нынешнее поколение оказать такое сопротивление, как они?

Однако не только своей роскошью цивилизация делает нас непригодными к тому, чтобы противостоять акклиматизации. Она также, и главным образом, пороками, которые слишком часто сопровождают ее. Месье Боло, руководивший несколькими людьми, занятыми на строительстве пирса в Гран-Бассаме, сказал капитану Валлону: "Воскресенье уложит в больницу больше моих людей, чем три дня работы под палящим солнцем". Это произошло потому, что воскресенье было отдано разврату.

И снова факт, образующий, так сказать, эксперимент, который мог бы представить себе физиолог. Остров Бурбон относится к тем губительным климатическим условиям, к которым европеец не может акклиматизироваться. Таблицы смертности, относящиеся ко всему населению, на самом деле показывают, что число умерших превышает число родившихся в огромной степени. Однако это еще один из тех ошеломляющих результатов, в которые мы должны вникнуть, если хотим понять их истинное значение.

Белые Бурбона в действительности образуют два класса, или, скорее, две расы, отличающиеся друг от друга нравами и обычаями. К первой относится население городов и крупных поселений, ведущее обычный образ жизни колонистов и особенно избегающее сельскохозяйственного труда, который креолы считают не только унижительным, но и смертельно опасным. Ко второму относятся *средние белые*, потомки первых колонистов, которые, будучи слишком бедными, чтобы покупать рабов, были вынуждены обрабатывать землю своими руками.

Так вот, из этих двух классов колонистов только первые обеспечивают смертность, на которую так часто обращают внимание. Средние белые живут так же, как жили их отцы; они населяют и обрабатывают менее плодородные районы острова. Их раса не ухудшилась, а улучшилась, и женщины, в частности, отличаются красотой форм и черт лица. Раса прекрасно сохраняется и, похоже, продолжает расти. Скрещивание, к тому же, не имеет никакого влияния на этот вопрос, так как средний белый, гордящийся чистотой крови, которая составляет его благородство, ни за какие деньги не пойдет на союз с негром или кули.

Таким образом, в Бурбоне праздность и связанные с ней привычки губят богатых и тех, кто пытается им подражать, а бедные акклиматизируются благодаря трезвости, чистоте нравов и умеренному труду. Из этого антропологи и весь мир могут извлечь урок огромной важности, одновременно научный и моральный.

VIII. Наконец, акклиматизация и натурализация столь же универсальны в истории, как и миграция, следствием которой они являются. Мы видим, как они ежедневно совершаются на наших глазах, причем у самых разных рас, хотя почти всегда ценой человеческой жизни. Во многих местах они покупаются очень дешево, настолько, что только изучение учит нас тому, что новые условия жизни ни в коем случае не теряют своих прав. В других, особенно в странах с экстремальным климатом, они связаны со значительными потерями. Но ничто не позволяет нам отрицать существование акклиматизации и натурализации. Напротив, все доказывает, что, если человек готов пойти на необходимые жертвы, все человеческие расы могут жить и процветать почти в любом климате, не испорченном случайными причинами.

IX. В данном случае, как и во многих других, настоящее объясняет прошлое, которое также вносит свою долю информации. Опираясь на собственный повседневный опыт и факты, почерпнутые из истории, мы можем составить общее представление о том, как был заселен мир.

История одной только арийской расы дает нам, так сказать, представление обо всем роде. Мы видим, как она берет начало от Болора и Хинду Кох, от Эриен Веджо, где лето длится всего два месяца, спускается в Бохару, преодолевает Персию и Кабул, прежде чем достичь бассейна Инда. Одиннадцать станций отмечают этот путь, пройденный арийцами, прежде чем они достигли Ганга. Там они снова медленно продвигаются вперед, хотя все время посылают вперед в качестве авангарда тех *благочестивых героев*, которые убили ракшасов и подготовили путь к завоеваниям. Сейчас эта раса обитает в тропиках Индии, за полярным кругом в Гренландии, где норвежцы и датчане сменили морских королей; она

распространяется по огромному региону с более или менее умеренным климатом и имеет колонии во всех частях света.

Человеческий род, должно быть, начинался подобно арийцам. Покинув центр творения, первобытные колонисты, предки всех существующих рас, медленными шагами отправились на завоевание необитаемого мира. Таким образом они привыкали к различным условиям существования, навязанным им севером, югом, востоком или западом, холодом или жарой, равнинами или горами. Расходясь во все стороны и встречаясь с разными условиями жизни, они постепенно устанавливали гармонию между собой и каждым из них. Таким образом, акклиматизация, продвигавшаяся с той же скоростью, что и географические завоевания, была менее фатальной. Однако борьба, хотя и смягченная медленностью продвижения, все же существовала, и многие первопроходцы должны были пасть на этом пути. Но оставшимся в живых пришлось противостоять только природе, и поэтому они добились успеха и заселили мир.

КНИГА VII. ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК - ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС.

ГЛАВА XXI.

ПРИМИТИВНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

I. Первобытный тип человеческого рода неизбежно должен был стереться и исчезнуть. Вынужденные миграции и воздействие климата сами по себе должны были привести к такому результату. Человек прошел через две геологические эпохи; возможно, центр его обитания уже не существует; во всяком случае, условия сильно отличаются от тех, что преобладали в начале существования человечества. Когда все вокруг менялось, человек не мог не измениться и сам. Скрещивание также, несомненно, сыграло свою роль в этой трансформации. Вскоре я вернусь к этим различным моментам, которые здесь только упоминаются.

Но, с другой стороны, мы увидим, что череп древнейшей четвертичной расы повторяется не только у некоторых австралийских племен, но и в Европе, причем у людей, которые играли важную роль среди своих соотечественников. Другие расы той же эпохи, судя по черепу, имеют много представителей среди нас. Тем не менее, они прошли через одну из двух геологических революций, которые отделяют нас от нашего первородного фонда. Поэтому не исключено, что последний мог передать определенному числу людей, возможно, разбросанных во времени и пространстве, хотя бы часть своих черт.

К сожалению, мы не знаем, где искать репродукции, имеющие большее или меньшее сходство с первобытным типом; а из-за недостатка информации мы не сможем распознать их как таковые, если встретим. Таким образом, наблюдение само по себе не может дать никаких данных. Но, когда ему помогает физиология, некоторые предположения становятся возможными.

II. Мы знаем, что среди животных атавизм часто вызывает повторное появление предковых признаков, даже если тщательный отбор действовал на протяжении сотен поколений. В качестве примера можно привести шелкопрядов из Севенн, которые дают белые коконы, и черных овец из Испании. У человека, где отбор отсутствует, вероятность появления подобных фактов была бы гораздо выше. Некоторые признаки наших предков должны были проявиться в единичных случаях или в совокупности во всех человеческих расах; возможно, есть и такие, которые сохранились в одной или нескольких группах. Следовательно, отыскав их и классифицировав те, что проявляются в более или менее неупорядоченной манере у самых несхожих во всех остальных отношениях рас, мы, вероятно, сможем сформировать частичное воспроизведение первобытного человеческого типа.

В этом отношении трудно не придать реального значения прогнатизму верхней челюсти. Эта анатомическая особенность очень ярко выражена почти у всех негритянских рас: она также сильно выражена у некоторых желтых рас. У белых она значительно уменьшена, но, тем не менее, временами проявляется почти так же сильно, как и у двух других групп: она существовала у человека четвертичного периода. Все указывает на то, что он должен был быть так же сильно развит у наших первых предков.

Явления атавизма, действующие на окраску, часто встречаются среди животных.

Они в равной степени распространены и среди людей. Это соображение заставляет меня придавать реальное значение мнению М. де Саллеса, который приписывает рыжие волосы самым ранним людям. На самом деле, среди всех человеческих рас были замечены особи, чьи волосы в большей или меньшей степени приближаются к этому оттенку.

Эксперименты Дарвина по изучению последствий скрещивания разных рас голубей привели к такому же выводу. Он обнаружил, что в результате скрещивания у дворян вновь появляются некоторые особенности окраски, которые были присущи исходному *виду* и исчезли у двух родительских рас. Теперь в наших колониях потомство мулатки и белого часто имеет рыжие волосы. В Европе М. Хэми также заметил, что дети рождаются с рыжими волосами, когда один из родителей решительно темный, а другой решительно светлый. Во всех подобных случаях мы должны сказать, что примитивный характер вновь проявляет себя, будучи случайно приобретенным путем взаимной нейтрализации противоположных этнических черт.

При рассмотрении под микроскопом кожный пигмент, придающий человеческому телу характерный цвет, несомненно, имеет различные оттенки, но желтый всегда присутствует в качестве красящего элемента. Если мы применим к человеку законы, которые Исидор Жеффруа вывел из своих наблюдений за животными, то придем к выводу, что этот цвет изначально преобладал. При скрещивании белого с негром желтый элемент окраски сразу же заявляет о себе и, как правило, преобладает. В колониях общим термином "*желтые*" иногда называют мулатов. Этот результат снова объясняется экспериментами Дарвина, и можно сделать вывод, что первоначальный цвет человека более или менее приближался к этому оттенку.

Некоторые факты, наблюдавшиеся среди негров, также подтверждают этот вывод. Среди наиболее ярко выраженных народов, принадлежащих к этому типу, было замечено появление особей более светлого цвета, иногда почти напоминающих белых в этом отношении, иногда более или менее склонных к желтизне, без каких-либо явлений тератологического альбинизма. Эти индивидуальные особенности цвета можно отнести к

атавизму. Ни среди одной белой или желтой расы не было замечено фактов, которые можно было бы рассматривать как обратные предыдущим.

Поэтому ничто не позволяет нам считать негритянскую расу предшествующей двум другим; напротив, контраст, на который я только что указал, приводит к выводу, что предки негров были расой гораздо более светлого цвета.

С другой стороны, мы знаем, что арийская раса - самая поздняя. Таким образом, вопрос о приоритете стоит между семитской, аллофилийской и группой желтых рас. То, что я говорил выше об основном цвете, присутствующем как элемент в цвете всех рас, и о феномене скрещивания, с некоторой вероятностью указывает в пользу последней.

Филология, кажется, подтверждает эту точку зрения. Моносиллабические языки, которые означают первые попытки человеческой речи, существуют только среди желтых рас. Все негритянские расы и аллофильные белые говорят на агглютинативных языках, которые отвечают второй форме, которую человек придал выражению своих мыслей. Арийцы и семиты имеют языки с флексиями.

Таким образом, филология, кажется, приводит к тому же выводу, что и физиология, и даже придает видимость большей вероятности этим предположениям, которые я привожу лишь постольку, поскольку они того стоят.

III. Мы ничего не знаем о первобытном человеке; мы признаем, что из-за недостатка информации было бы невозможно узнать его. Все, что позволяет нам сказать нынешнее состояние наших знаний, - это то, что, судя по всему, он должен был характеризоваться некоторой долей прогнатизма, не иметь ни черной кожи, ни шерсти. Также вполне вероятно, что его цвет кожи будет напоминать желтые расы, а волосы будут более или менее рыжими. Наконец, все склоняет к выводу, что язык наших древнейших предков был более или менее выраженным односложным.

Это всего лишь предположения, и они невелики, но и они основаны на экспериментах и наблюдениях.

IV. Мы также можем строить лишь очень смутные предположения степени интеллектуального развития, которое демонстрировал человек при своем рождении и в течение первых поколений. Во всяком случае, можно считать, что он не вышел на арену мира с врожденными знаниями и инстинктивными отраслями, присущими животным. Тем более он не появился в полностью цивилизованном состоянии, "зрелый телом и разумом", как считает граф Эвзеб де Саллес. Все традиции указывают на период, когда человеческие знания были очень малы, когда человек не знал об отраслях, на наш взгляд, очень элементарных, и которые, как мы видим, появляются последовательно. В этом вопросе Библия согласна с классической мифологией. У евреев есть свой Каин Тубал, а у греков - Триптолемос. Доисторические исследования подтверждают прогрессивное развитие Западной Европы по всем пунктам. Третичная индустрия предшествует четвертичной. Вся история рас, как мне кажется, по крайней мере частично отражает историю вида; и наши мысли почти неудержимо возвращаются к тому времени, когда человек оказался лицом к лицу с творением, вооруженный исключительно способностями, которым суждено было претерпеть столь чудесное развитие.

Благодаря этим способностям уже на раннем этапе он удовлетворял по крайней мере первые потребности существования. Миоценовый человек из Ла-Боса уже умел пользоваться огнем и обрабатывать кремь. Какими бы грубыми и примитивными ни были его орудия труда, он

уже тогда обладал промышленностью и, судя по всему, частично питался приготовленной пищей. Человек из Сен-Преста с его маленькими ромбовидными наконечниками стрел, обработанными только с одной стороны, с его грубыми топориками, несомненно, мог нападать и убивать крупных современных млекопитающих. У него были *скребки*, которыми он обрабатывал шкуры, и *шилья*, которые, возможно, служили иглами. Из этого далекого периода, на который наука пока бросает мало света, человек открывает свое существование двумя великими фактами и показывает свое превосходство над всем животным миром.

ГЛАВА XXII.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС ПОД ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ВЛИЯНИЕМ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И НАСЛЕДСТВЕННОСТИ.

I. Первые люди, населявшие центр человеческой внешности, должны были вначале отличаться друг от друга только индивидуальными чертами. В начале своего существования и в течение неопределенного времени человечество могло быть только однородным, как и каждый животный и растительный вид, ограниченный территорией небольшого размера.

В настоящее время мы видим, что человечество состоит из многочисленных групп, обладающих особыми чертами характера и составляющих множество различных рас. Как возникли эти расы, как они росли и размножались?

Дать однозначный ответ на эти вопросы, возвращаясь от последних следствий к первым причинам, пока невозможно, и, возможно, так будет всегда. Тем не менее уже сейчас наука может приблизиться к общим аспектам этой проблемы. Мы хорошо знакомы с обстоятельствами, при которых возникают разновидности и формируются расы среди растений и животных: мы установили, что в человеке происходит ряд явлений, которые в этом отношении идентичны или очень похожи на те, что демонстрируют два низших царства. Поэтому мы имеем полное право применять выводы, сделанные на их основе, к себе, связывая частные факты с общими. Это исследование поучительно во многих отношениях. К сожалению, мы не можем в полной мере рассмотреть его здесь; мы можем лишь выбрать некоторые факты из истории животных, чтобы обосновать наши выводы.

II. Проблема формирования человеческих рас представляет собой два совершенно разных случая. Сначала человек был подвержен исключительно действию *природных модификаторов*. Под этим влиянием формировались *чистые расы*. Когда эти расы вступили в контакт, произошло их *скрещивание*, что привело к образованию *смешанных рас*. Не будучи антагонистом природных сил, *скрещивание* модифицирует их своими особыми явлениями, а иногда и маскирует их проявления. Поэтому эти два случая требуют отдельного рассмотрения. Мы начнем с первого.

III. Каждый органический вид, рассматриваемый как единое целое, подвергается действию двух сил, одна из которых стремится сохранить, а другая - изменить его характер. К какой причине можно отнести это двойное действие? Этим вопросом задавались величайшие мыслители и выдающиеся физиологи, от Аристотеля и Гиппократов до Бурдаха и Й. Мюллера.

Философов смущает не *сходство*, существующее между представителями одного вида или одного семейства: все согласны отнести его к *наследственности*. Проблема заключается

скорее в *различиях*. Не только в значительных различиях, которые устанавливаются между расами; но, в особенности, в *оттенках*, составляющих *индивидуальные черты*, которые отличают отца от сына или брата от брата. В этом, собственно, и заключается основная трудность, и для ее решения было предложено множество гипотез. Проспер Лукас, обсудив их по отдельности, счел их все недостаточными и полагал, что наряду с *наследственностью*, которая поддерживает типы, мы должны признать особую силу, *врожденность* (*l'innéité*), которая их разнообразит.

Однако мы можем объяснить двойную тенденцию, проявляемую живыми существами, не прибегая к новой силе. Для этого достаточно продвинуть анализ явлений немного дальше, чем принято, и получить четкое представление о той роли, которую играют *условия жизни* (*среда*) и *наследственность*. Как правило, первым приписывается действие, которое везде и всегда является модифицирующим, а вторым - чисто консервативное действие. Теперь можно легко показать, что это не так, и что каждая из этих причин действует в зависимости от обстоятельств обратным образом.

IV. В силу законов наследственности отец и мать в равной степени стремятся передать своему потомству свой собственный характер. Как бы ни были они похожи, между ними всегда есть различия, и природа нового существа обязательно представляет собой компромисс между двумя различными тенденциями. Поэтому сын не может всегда в точности походить на своего отца. В нем легко преувеличиваются черты, *присущие* обоим родителям; *противоположные* черты нейтрализуются; а *различные* черты порождают *результат*, отличающийся от двух составляющих, как зеленый от желтого и синего. Таким образом, даже в силу своих собственных тенденций и вынужденного сотрудничества полов *прямая и непосредственная наследственность* становится, в некоторых отношениях, причиной вариаций.

Посредственная и косвенная наследственность, справедливо сравниваемая Бурдахом с генагенетическими явлениями, а также *атавизм*, который внезапно воспроизводит с большой точностью признаки предка, иногда через сотни поколений, несомненно, оказывают значительное влияние на вариативность отдельных признаков и на различия, отличающие родителей от их детей.

Их действие, дополненное действием прямой наследственности, достаточно, чтобы объяснить появление некоторых разновидностей, не апеллируя к *врожденности*.

V. Но наследственная сила, хотя она и проявляется из поколения в поколение или через несколько поколений, всегда находится под влиянием *условий жизни* (*milieu*), и это имеет, очевидно, большую силу.

Этот термин следует понимать в гораздо более общем смысле, чем это обычно бывает. Сам Бюффон принимал во внимание климат, различное количество пищи и тяготы подневольного труда только тогда, когда речь шла о домашних животных. Я понимаю под *условиями жизни* нечто гораздо более сложное. Они представляют собой совокупность всех условий, под воздействием которых растение, животное или человек формируются и растут как зародыш, эмбрион, юноша и взрослый. Выбор из этих условий, признание и учет некоторых из них, отклонение и исключение остальных, очевидно, является совершенно произвольной процедурой. Рассмотрение только определенного периода жизни, игнорирование всего интраовариального или внутриутробного периода заслуживает такого же упрека. С этой точки зрения, существование существа не может быть отделено, так же как и *условия жизни*, под управлением которых это существование осуществляется.

Ряд случаев устраняет все сомнения относительно действия *условий жизни* на зародыш или эмбрион, как бы сильно он ни был защищен оболочкой яйцеклетки или тканями матери. Два Жоффруа Сент-Илера четко доказали, что уродство возникает на самых ранних стадиях формирования существа, и в некоторых случаях указывают на внешние причины, которые его породили. Эксперименты М. Дареста необычным образом подтвердили и расширили эти первые выводы, придав им большую точность. Смешав мадеру с пищей самки млекопитающего, Флуренс добился красного цвета в костях плода. Поместив икринки лососевой форели в воды, питавшие только белую форель, Кост заметил, что икринки постепенно бледнеют и дают форель, утратившую характерный цвет своей расы. Для того чтобы увеличить рост наших превосходных маленьких лошадей породы "камарг", достаточно давать кобыле в период беременности более обильную пищу, чем та, к которой она привыкла в полудиком состоянии.

Таким образом, самым ясным образом и с помощью точных экспериментов установлено, что условия жизни, воздействуя на эмбрион во время внутриутробного или внутрияичникового периода его существования, способны вызывать либо серьезнейшие тератологические нарушения, либо простые и незначительные отклонения. Поэтому мы имеем полное основание приписывать одной и той же причине изменения, которые по степени важности находятся между этими крайностями. Ссылаться на *врожденность*, чтобы объяснить их появление, явно излишне. Поэтому с действиями такого рода мы будем связывать появление первой бесхребетной акации, о которой мы уже говорили, первой овцы Анкон в Массачусетсе в 1791 году, первой овцы Мошамп во Франции в 1828 году и т. д.

Расы Анкон и Мошамп распространяются только благодаря человеческой промышленности. Но эти внезапные отклонения от заданного типа могут и сами по себе расширять и умножать их численность. Хорошо известно, что южноамериканские быки происходят от рогатой испанской расы. Так, в 1770 году в Парагвае был выведен безрогий бык. Через несколько лет, по словам д'Азара, эта исключительная форма как бы захватила несколько провинций. Тем не менее, раса далеко не в фаворе, поскольку отсутствие рогов делает ее менее уязвимой для лассо, поэтому ее пытались уничтожить. Таким образом, очевидно, что она распространялась спонтанно.

Тот, кто хоть немного знаком с эмбриогенезом, без труда поймет, что условия жизни оказывают особое влияние на организмы в плане их формирования и эволюции. Однако их влияние на животное даже в зрелом возрасте иногда не менее заметно. Наши овцы, когда их перевозят в Америку, обычно акклиматизируются, не претерпевая больших изменений. В частности, у них сохраняется руно. Но на равнинах Меты оно сохраняется только при условии, что овец регулярно стригут. Если же они предоставлены сами себе, шерсть становится ворсистой, отделяется хлопьями и заменяется коротким, жестким и блестящим волосом. Под влиянием жгучего климата одна и та же особь становится поочередно шерстистым и волосатым животным. Итак, врожденность, как ее представляет себе Проспер Лукас, не может быть использована в случае изменений, происходящих с взрослым животным, в то время как действие условий жизни здесь неоспоримо.

VI. Мы только что указали, как наследственность и условия жизни могут породить *разнообразие*. Теперь особь, которая начала отклоняться от своего первоначального типа, становится, в свою очередь, *родителем*; она стремится передать своему потомству исключительные черты, которые ее отличают. Те же факты повторяются в его потомстве; и в каждом поколении действия условий жизни добавляются друг к другу. Таким образом, каждый раз наследственность передает сумму этих действий следующему поколению. Самые слабые изменения, передаваемые от отца к сыну, иногда приводят к самым заметным

переменам. Наши европейские быки на жарких равнинах Марикита и Нейба постепенно теряли шерсть, сначала становились *пелонами* и вскоре образовали бы совершенно голую расу, если бы *калонго* не убивали регулярно. Опять же, свиньи, одичавшие в Парамосе, приобрели вид шерсти под действием постоянного, но не чрезмерного холода. Гвинейская собака и собака эскимосов представляют собой аналогичный контраст между расами одного и того же вида.

В предыдущих примерах и во многих других, которые следует опустить, действия, о которых идет речь, изменяют организмы, чтобы привести их в гармонию с условиями жизни. Теперь понятно, что, достигнув максимума возможного эффекта, они могут лишь более полно зафиксировать полученный результат, но никогда не смогут определить изменение в противоположном направлении. Жара, которая постепенно лишила шерсти скот *калонго*, никогда не восстановит ее снова; а холод, который сделал наших свиней шерстяными, никогда не лишит их шерсти. Таким образом, здесь мы видим, что *условия жизни* действуют как агент сохранения и стабильности.

VII. В предыдущем отрывке мы упоминали о природных силах, предоставленных самим себе. Именно им обязаны своим формированием дикие расы всех видов, чей географический ареал очень обширен, таких как лиса, шакал, лев и т. д.

Эти расы иногда настолько различны, что их считали отдельными видами, пока не были известны промежуточные географические и зоологические термины. Фредерик Кювье сам допустил эту ошибку в случае с шакалами Индии и Сенегала. Однако дикие расы никогда не были столь многочисленны и не отличались друг от друга, как одомашненные.

Следует ли из этого, что человек осуществляет вокруг себя и от себя некое магнетическое воздействие, как это допускают некоторые авторы? Конечно же, нет. В действительности он воздействует на животное, приводя в действие, иногда намеренно, иногда ненамеренно, два агента, которые до сих пор встречались нам повсюду: условия жизни и наследственность. Одним фактом одомашнивания, лишением свободы, которое почти всегда является его результатом, он полностью меняет естественные условия существования. Ведя за собой животных, которых он поработил, он еще больше разнообразит влияние, которое на них действует. Стремясь ухватиться за любое средство сделать их наиболее полезными, он извлекает выгоду из самых незначительных модификаций, которые показывают наименьшее преимущество, доводит их до крайних пределов и производит *экстремальные расы*, столь любопытные примеры которых дают наши выставки гонок животных.

Главным средством, которое человек использует для достижения этих результатов, которые порой кажутся граничащими с чудесами, является *селекция*. С тех пор как он завладел домашними животными, он выделяет среди них особей, которые лучше других приспособлены к его намерениям. По какому-то инстинкту, или *бессознательно*, как говорит Дарвин, он выбирал их для размножения. Отбраковывая типы, которые он считал низшими, и используя только высшие типы для размножения, он направлял действие наследственности в определенное русло и с легкостью создавал расы. Человек действовал таким образом с тех времен, о которых говорится в Бытие и в книге Чоу-Кинга, то есть на протяжении тысяч лет. Стоит ли удивляться, что он размножил вокруг себя наследственные формы, более или менее отличные от примитивных типов?

Прогрессивный отбор, несомненно, привел бы к многочисленным и разнообразным результатам. Позволит ли он создать расы, чьи характеры почти достигают отшельничества? Ответ на этот вопрос по меньшей мере сомнителен. Но мы и не должны его задавать. Когда в результате одного из действий условий жизни, происхождение которых остается неясным,

возникает почти тератологическая форма животного, она вскоре исчезает при смешивании крови из разных источников, если оставить союзы на волю случая. Именно по этой причине аналогичные факты не наблюдаются у одичавших рас. Но если такая форма появляется у домашнего животного, если она отвечает какому-либо желанию или капризу, то в дело вмешивается отбор, сохраняет ее и размножает. Этим объясняется происхождение анконских овец, которые произошли от одного барана, о котором мы говорили выше; также объясняется способ, с помощью которого месье Грау де Мошамп вывел свою расу овец с шелковистой шерстью от одного барана. Эти два примера показывают, как были получены все те особые расы, которые по некоторым своим характеристикам, кажется, противоречат тому самому типу, от которого они были получены. Среди собачьих пород бигль соответствует анконской овце; *ниатский* скот, появившийся в Южной Америке после ее завоевания, соответствует бычьей собаке и т. д.

VIII. Расы, однажды сформировавшись под влиянием человека, закрепляются теми же причинами, которые их породили. Их характеры, которые вначале были полностью искусственными, становятся все более и более фиксированными, настолько, что даже очень значительные изменения в условиях существования никогда не стирают их полностью. *Приобретенная природа*, так сказать, приваривается к изначальной природе существа.

Этот факт не всегда признается натуралистами и антропологами, которые затрагивали эти вопросы. Например, считается доказанным, что домашние расы, вернувшись в одичавшее состояние, вновь приобретают все первоначальные признаки вида. Это ошибка. Дело в том, что и у животных, и у растений *сбежавшие расы* теряют определенное количество признаков, часто самых очевидных, которыми они обязаны одомашниванию; они вновь приобретают другие, которые они потеряли за время своего рабства, но первые чаще всего лишь уменьшаются и маскируются вторыми. Если бы фруктовые деревья, сбежавшие из наших садов, если бы наши лошади, собаки, крупный рогатый скот и свиньи, став дикими, действительно вернулись к первоначальному типу вида, они должны были бы представлять в каждой местности, которую они населяют, заметное единообразие, характерное для животных, которые никогда не были подчинены человеку. Этого не происходит. В частности, они не должны были бы сохранять никаких следов приобретенных качеств. Однако последние отчасти сохраняются. Ванс Монс нашел яблони и груши Бельгии в диком состоянии в лесу Арденн. Колючки снова появились, плоды снова стали мелкими и горькими, но основные культурные сорта все еще можно было распознать. Я установил аналогичный факт в отношении косточковых и свободнокосточковых персиковых деревьев в долине Севенн. Точно так же Мартен де Мусси признал в отрядах собак, одичавших в Америке, все основные расы, от которых они произошли, хотя они вновь приобрели общие черты дубленого типа.

IX. Из множества наблюдений, собранных среди растений и животных, из которых я могу отметить лишь небольшое число, легко понять появление и размножение человеческих рас, а также объяснить некоторые общие факты, некоторые из которых тесно связаны с нашей историей. Прежде всего отметим, что у человека, как и у животных, временами появлялись *разновидности*, которые можно отнести к отшельничеству. Отдельные люди, проявляющие с самого рождения исключительные черты характера, не менее здоровы, а иногда обладают весьма удивительной силой передачи. Эдвард Ламберт, родившийся в 1717 году от совершенно здоровых родителей, всю жизнь имел панцирь толщиной более дюйма и неравномерно изломанный, что дало ему название "*человек-дикообраз*". Все его дети, до шести человек, и двое внуков унаследовали эту странную модификацию кожи, хотя его жена и невестка не проявляли ни малейших признаков этого. В семье Колбернов четыре

поколения были отмечены полидактилией, которая досталась им от бабушки великого калькулятора. В четвертом поколении четверо детей из восьми все еще имели лишние пальцы, хотя в каждом поколении нормальная кровь смешивалась с тератологической.

Очевидно, что если бы с потомками Ламберта и Колберна обращались так же, как с потомками первых овец Анкон или Мошамп, то получились бы две человеческие расы, одна из которых характеризовалась бы кожным панцирем, а другая - наличием шести пальцев. Но здесь отбор отсутствовал, и исключительная кровь, разбавляясь при каждом новом браке, не преминула быстро истощиться.

X. Человек не подвергается отбору, который он с таким успехом применяет к животным и растениям. Поэтому в его роду нет тех экстремальных вариаций, которые наблюдаются в других местах. Таким образом, легко объяснить, почему пределы вариаций у человека не столь обширны, как у одомашненных или культурных рас. Но если по тем или иным причинам он применит к себе процесс селекции, результат не заставит себя долго ждать. Выдавая замуж самых высоких женщин за гигантов своей гвардии, Фридрих Вильгельм и Фридрих II создали в Потсдаме настоящую расу, отличающуюся высоким ростом. В Эльзасе герцог де Де-Понт, подражавший прусским государям, добился того же результата.

Есть еще одна причина, которая мощно способствует ограничению пределов вариаций в человеке, а именно: способность, которую дает ему его интеллект, частично ускользать от влияния условий жизни. Он всегда борется, насколько это в его силах, с внешними воздействиями, способными нарушить равновесие, составляющее его благополучие. В тропиках он использует приспособления, чтобы избежать жары; в полярных кругах он совершенствует свои средства обогрева; если он эмигрирует, он берет с собой, насколько может, свои нравы и обычаи, и с удвоенной тщательностью борется с новыми условиями жизни. Нет ничего странного в том, что ему удастся в определенной степени нейтрализовать изменяющее влияние внешнего мира.

XI. Тем не менее, условия жизни не отказываются от своих прав; хотя они и уменьшились, их действие не менее реальным. Это факт, который можно подтвердить тем, что происходит в наших великих западных колониях. Каждая великая европейская раса представлена там производными *подрасами*, которые варьируются в зависимости от местности. Острова в Мексиканском заливе, Северная и Южная Америка, а также сама Австралия, которая была так недавно колонизирована, имеют в это время свои собственные особые расы, некоторые из которых замечательно характерны.

Поскольку я не могу подробно рассмотреть все эти факты трансмутации, я остановлюсь лишь на некоторых из них, установленных в Соединенных Штатах. Мы знаем, что английская раса окончательно обосновалась там только во времена эмиграции пуритан, около 1620 года, и с момента прибытия Пенна в 1681 году. Два с половиной века, максимум двенадцать поколений, отделяют нас от этой эпохи, и, тем не менее, англо-американец, *янки*, больше не похож на своих предков. Этот факт настолько поразителен, что выдающийся зоолог Эндрю Мюррей, пытаясь объяснить процесс формирования рас животных, пришел к выводу, что ему ничего не остается делать, как обратиться к состоянию человечества в Соединенных Штатах.

Кроме того, эта тема не лишена точных деталей, за которые ручаются многие путешественники, натуралисты и врачи. Во втором поколении английский креол в Северной Америке демонстрирует в своих чертах изменения, приближающие его к туземным расам. Впоследствии кожа сохнет и теряет свой розовый цвет, железистая система сокращается до минимума, волосы темнеют и становятся блестящими, шея становится стройной, а размер головы уменьшается. На лице ярко выражены височные ямки, скуловые кости становятся

рельефными, глазницы полыми, а нижняя челюсть массивной. Кости конечностей удлинняются, а их полость уменьшается, причем настолько, что во Франции и Англии специально для Соединенных Штатов изготавливают перчатки с исключительно длинными пальцами. Наконец, у женщины таз по своим пропорциям приближается к мужскому.

Являются ли эти изменения признаками уже свершившегося вырождения и приближающегося вымирания, как утверждает Нокс ? Думаю, отвечать на это утверждение вряд ли нужно. Мы достаточно знакомы с американскими мужчинами и женщинами, чтобы знать, что, хотя физический тип и изменился, он не стал от этого ниже в шкале рас; а социальное величие Соединенных Штатов, чудеса, которые они совершили, энергия, с которой они проходят через самые грубые кризисы, доказывают, что с любой точки зрения раса янки сохранила свой ранг. Это просто новая раса, сформировавшаяся под влиянием американских условий жизни, но остающаяся достойной своих старших сестер в Европе и, возможно, когда-нибудь превзошедшая их.

Негры, завезенные в те же страны, также претерпели заметные изменения. Его цвет кожи побледнел, черты лица улучшились, а физиономия изменилась. "За 150 лет, - говорит М. Элизе Реклю, - они прошли добрую четверть расстояния, отделяющего их от белых, если говорить о внешнем облике". Мнение Лайелла почти такое же. Более того, при посещении двух негритянских церквей в Саванне он отметил, что запах, столь характерный для этой расы, едва ощутим. Долгий медицинский опыт в Новом Орлеане показал доктору Визинье, что кровь негров-креолов утратила ту избыточную пластичность, которой она обладала в Африке. Вместе с ММ. Рейсе, де Лисбоа и т.д., и даже Ноттом и Глиддоном, добавим, что, хотя физический тип претерпел изменения, интеллект улучшился, и мы должны признать, что в Соединенных Штатах сформировалась *субнегритянская раса*, производная от импортированной расы.

XII. Таким образом, и европейский белый, и африканский негр, попав под влияние новых условий жизни, претерпели изменения. Более того, оба, по мнению М. Реклю, чьи утверждения подтверждает М. аббат Брассер де Бонбур, приближаются к коренным расам. Оба этих автора, похоже, признают, что в конце определенного времени, независимо от их происхождения, все потомки белых или негров, иммигрировавших в Америку, станут краснокожими.

Когда два таких умных наблюдателя приходят к одинаковому и, конечно, совершенно неожиданному выводу по такому вопросу, факты должны быть весьма очевидны. Однако они навязывают свое значение, поскольку не учитывают в достаточной степени природу проблемы. То, что негр и белый должны заменить некоторые свои черты и характеры некоторыми чертами и характерами, принадлежащими коренным расам, вполне естественно. Подвергаясь действию условий жизни, сформировавших местные расы, они не могли не испытывать на себе их определенного влияния. Но от этого они никогда не спутаются ни с местными расами, ни друг с другом, так же как белый, завезенный в Африку, никогда не станет настоящим негром, или европейские потомки негров никогда не станут настоящими белыми.

Эта невозможность превращения одной расы в другую часто выдвигается в качестве возражения против моногенизма. Тем не менее это естественное следствие явлений, о которых я попытался кратко рассказать, и оно легко объяснимо. Каждая раса - это *результат*, *компонентами* которого являются, частично, сам вид, частично - сумма модифицирующих агентов, которые привели к отклонению от типа. Мы не можем разделить

эти два элемента, и дикие расы показывают нам, до какой степени может дойти слияние. Каждая закрепившаяся раса, попав в условия жизни, сформировавшие другую, несомненно, приблизится к последней; но частично она сохранит свой прежний отпечаток, как это сделали фруктовые деревья Ван Монса и дикие собаки Мартина де Мусси.

Так происходит даже среди первичных рас, непосредственно оторвавшихся от первобытного типа и подвергшихся действию только одного фиксированного условия жизни. Но в случае с неграми и белыми вопрос гораздо сложнее. Эти два крайних типа представляют собой последний продукт двух серий длительного действия, на разнообразие и многочисленность которых указывают сами географические пункты. Европа и тропическая Африка придали им, если можно использовать это выражение, *последние штрихи*; но их очертания были *набросаны* задолго до того, как они достигли своего нынешнего местообитания. Переноса их друг на друга, мы лишь частично подчиняем каждого из них тем влияниям, которые сформировали другого, и, следовательно, полный обмен характерами никогда не сможет состояться.

XIII. Не отрицая абсолютно влияния условий жизни на человека, большинство полигенистов отказываются признать, что они способны порождать новые расы. Чтобы подкрепить свои утверждения, они апеллируют к сохранению определенных типов в течение значительного промежутка времени и наиболее сильно настаивают на определенных фактах, полученных из Египта. В этом последнем вопросе я охотно с ними соглашаюсь. Совершенно верно, что картины и египетские скульптуры указывают на существование в долине Нила типа или, скорее, типов, которые удивительно однородны; и тот, кто посетил эти страны, несомненно, был поражен, как и я, большим сходством народов настоящего с народами прошлого.

Но по каким причинам жители долины Нила должны меняться? Какая причина, кроме скрещивания, могла бы вызвать какие-либо изменения в их физическом облике? В этом регионе, исключительном во многих отношениях, ничего не изменилось с исторических времен, ни земля, ни небо, ни река; привычки, обычаи и повседневная жизнь остались такими же, как во времена фараонов; египтянин даже в наши дни пользуется орудиями труда, которые в точности повторяют те, что использовались пятьдесят или шестьдесят веков назад его предками.

В Египте все условия существования, а следовательно, и действия условий жизни, в наши дни такие же, как и в те далекие времена, историю которых сохранили памятники. Далекие от тенденции изменить расу, которая уже закрепилась, они только помогли закрепить ее все больше и больше. В том порядке идей, который я поддерживаю, изменение египетского типа было бы немыслимо.

Сохранение типа, отнюдь не являясь возражением против того способа, которым я понимаю действие условий жизни, а именно: формирование и поддержание рас, является его подтверждением.

XIV. В заключение хочу сказать, что, подобно всем животным и растительным видам, человеческий вид может изменяться в определенных пределах; подобно растениям и животным, человек имеет свои *разновидности* и *расы*, которые появились и образовались под действием тех же самых причин.

В человеческом царстве, как и в двух других органических царствах, первыми причинами вариаций являются *условия жизни* и *наследственность*.

В явлениях такого рода условия жизни выступают в качестве верховного правителя. Если они меняются, то становятся модифицирующими агентами, если остаются неизменными - агентами стабилизации.

В обоих случаях их результатом является гармонизация организмов с условиями их существования.

Наследственность, которая по сути своей является сохраняющим агентом, становится агентом изменения, когда передает и накапливает изменяющие действия условий жизни.

XV. Теперь легко понять, в общем смысле, образование человеческих рас.

Вначале человек, несомненно, заселил центр своего появления и непосредственно прилегающие к нему страны. Затем он начал огромное и разнообразное расселение, которое датируется третичным периодом и продолжается до наших дней. Он прошел через две геологические эпохи и сейчас находится в третьей. Он видел, как мамонт и носорог процветали в Сибири среди богатой фауны; он видел, как они были вытеснены холодом в Европу; он способствовал их вымиранию. Позже он вновь овладел *бесплодными землями*; он продвинул свои колонии вплоть до окрестностей полюса, возможно, до самого полюса, в то же время он вторгся в леса и пустыни тропиков, достиг крайних точек двух великих континентов и заселил все архипелаги.

Таким образом, на протяжении многих тысяч лет человек подвергался действию всех внешних условий жизни, с которыми мы знакомы, и тех условий жизни, о которых мы можем составить лишь самое приблизительное представление. Различные виды жизни, которым он подвергался, и различные степени цивилизации, на которых он остановился или которых он достиг, еще больше разнообразили условия его существования. Возможно ли, чтобы он везде и всегда сохранял свой первоначальный характер?

Опыт и наблюдения приводят к совершенно противоположному выводу. Когда мы видим, как англосакс наших дней, хотя и защищенный всеми ресурсами развитой цивилизации, подвергается воздействию американских условий жизни и превращается в янки, мы должны признать, что на каждом из его великих этапов, когда человек подчиняется новым условиям существования, он должен гармонизировать себя с ними и при этом претерпевать изменения. Каждая из этих главных станций обязательно сопровождалась формированием соответствующей расы. Первоначальные черты характера, подвергаясь последовательному воздействию, становились все более и более измененными в силу длительности путешествия и различия условий. Когда они достигли конца своего пути, внуки первых эмигрантов, несомненно, сохранили бы лишь немногие черты характера своих предков.

Первоначальный человеческий тип, вероятно, в течение неопределенного времени проявлял свои оригинальные черты в племенах, которые оставались неподвижными в центре появления нашего вида. Когда началась ледниковая эпоха, которая, судя по всему, сделала самую раннюю страну человека непригодной для жизни, эти племена были вынуждены эмигрировать в свою очередь. С тех пор на Земле больше не было *автохтонов*, ее заселяли только *колонисты*. В то же время изменяющее действие условий жизни ощущалось и этими последними переселенцами, которые сами также претерпевали изменения.

С этого момента первоначальный тип человека был утрачен; *человеческий род* состоял лишь из *рас*, каждая из которых в большей или меньшей степени отличалась от первой модели.

ГЛАВА XXIII.

ФОРМИРОВАНИЕ СМЕШАННЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС.

I. Расы, которые развивались исключительно под действием условий жизни и наследственности, не оставались изолированными. Самые ранние эмигранты из центра возникновения, конечно, не прошли сразу до крайних пределов области, определенной их первыми стадиями. Они останавливались по пути; они образовывали вторичные центры, вокруг которых распространялись новые эмиграции. История ленни-ленапов, как и полинезийцев, доказывает, что так оно и было. Следовательно, во многих случаях впервые образовавшиеся расы должны были часто вступать в контакт. Затем, когда волны эмиграции следовали одна за другой, последние переселенцы встречались на своем пути с теми, кто их опередил. В дальнейшем будет доказано, что подобные факты имели место с четвертичного периода.

Будь то мирные или иные контакты, они приводили к взаимным проникновениям и, следовательно, к *пересечениям*.

Основатели антропологии, Бюффон, Блюменбах и даже Причард, очень мало обращали внимания на скрещивания между человеческими расами и пренебрегали их важностью. Вряд ли это можно считать серьезным упреком в их адрес. Двое первых не были знакомы со многими фактами, которыми мы располагаем в настоящее время. Причард не был ни натуралистом, ни физиологом. Более того, ничто не заставляло их обратить внимание на переходы, которые могли произойти в более или менее отдаленные времена или среди народов, еще недостаточно известных.

В настоящее время такое безразличие невозможно. С одной стороны, чем лучше известны различные народы, тем больше становится число тех, которые берут свое начало от скрещивания; с другой стороны, невозможно не обращать внимания на все, что происходит с человечеством вследствие импульса к расширению и смешению, который происходит со всех сторон. Наблюдая за явлениями, происходящими в настоящее время, мы, естественно, начинаем исследовать те, которые могли иметь место в прошлом.

II. Образуются ли *смешанные человеческие расы* в настоящее время? На фоне общих фактов, о которых я рассказывал в предыдущей главе, этот вопрос может показаться странным. Тем не менее, вопрос был задан, и на него был дан более или менее официальный отрицательный ответ. Поэтому необходимо сказать несколько слов на эту тему.

Мы можем считать, что эра современных скрещиваний берет свое начало с момента открытия нового мира. Тем не менее смешение кровей в больших масштабах произошло только в более поздний период, максимум после завоевания Индий в 1515 году, Мексики в 1520 году и Перу в 1534 году. От этой эпохи нас отделяет не более трех с половиной веков. И все же М. д'Омалиус, считая только продукты скрещивания белой европейской расы с различными цветными расами, оценивает количество полукровок в восемнадцать миллионов. Население земного шара оценивается в 1200 миллионов, продукт скрещивания уже составляет около ⁽¹⁾/65 тысяч.

Кроме того, мы знаем, насколько неравномерно распределение полукровок. Огромные территории страны не были затронуты. Но там, где народы находятся в тесном контакте, их

доля гораздо больше. В Мексике и Южной Америке полукровки составляют не менее одной пятой части населения.

Но, как утверждает Нокс и другие антропологи, более или менее явно придерживающиеся его взглядов, количество полукровок полностью поддерживается постоянными скрещиваниями. Если бы они были предоставлены сами себе и не имели доступа к чистым расам, они бы быстро исчезли. Я ограничусь тем, что приведу несколько фактов, опровергающих эти утверждения.

На мысе в результате скрещивания голландцев и готтентотов появились полукровки, называемые *бастерами*, которые вскоре стали достаточно многочисленными, чтобы внушать тревогу. Их изгнали за Оранжевую реку. Здесь они поселились под названием гриквас, и их численность быстро росла. Часть из них осталась в колонии и образовала деревни, среди которых была и деревня Нью-Платберг. Бастеры вступали в браки между собой, и путешественники свидетельствуют о плодovitости этих союзов.

Мартинс видел *кафусо* - результат скрещивания беглых негров с бразильскими аборигенами. Удалившись в леса, где они нашли убежище, они образовали там отдельную расу.

Адмирал Жюрьен де ла Гравьер сообщает нам, что в Манилье полукровки испанцев, китайцев и тагалов гораздо многочисленнее, чем исходное поголовье. На Минданао полукровки испанцев и тагалов составляют большинство жителей. "Слияние рас, - добавляет он, - произошло с удивительной легкостью в этом изолированном уголке земли".

Маркизские острова, как и другие полинезийские страны, были обезлюжены той загадочной болезнью, которая, похоже, способна уничтожить население океанов. М. Жуан сообщает нам, что они вновь заселены полукровками.

На всей прибрежной зоне Южной Америки, по словам М. Мартина де Монози, смешанные народы процветают и быстро растут.

Мы можем завершить это перечисление подробным рассказом об одном хорошо известном факте, который имеет всю ценность точного эксперимента.

В 1789 году, в результате мятежа, девять английских моряков отправились и обосновались на маленьком острове Питкэрн в Тихом океане, сопровождаемые шестью таитянскими мужчинами и пятнадцатью таитянскими женщинами. Вследствие того, что белые стали тиранить, началась расовая война. В 1793 году население острова сократилось до четырех белых и десяти таитянских женщин. Вскоре между четырьмя вождями колонии вновь вспыхнула война, и в живых остался только Адамс. Но браки оказались плодотворными; первые полукровки выросли, вступили в брак и обзавелись многочисленными детьми. В 1825 году капитан Бичи обнаружил на острове Питкэрн шестьдесят шесть особей. К концу 1830 года население насчитывало восемьдесят семь человек. Несмотря на плачевные условия начала, смешанная раса питкэрнцев за двадцать пять лет почти удвоилась, а за тридцать три года - почти утроилась. Сейчас Англия, самая благополучная в этом отношении страна Европы, удваивает свое население только за сорок девять лет. Таким образом, полукровки изгнанных англичан и полинезийцев имели на острове Питкэрн примерно вдвое больше потомства, чем чистые англосаксы, помещенные в привычные для них условия жизни.

Таким образом, белая раса, скрещиваясь с расами, наиболее отличающимися по характеру и привычкам, породила смешанные народы, которые продолжают увеличиваться с момента их появления. Не существует причин, по которым это движение к увеличению должно прекратиться или даже замедлиться.

III. Остается скрещивание белых и негров. Именно в связи с этим были приведены некоторые факты, доказывающие, что полукровки не могут размножаться между собой. Давайте быстро рассмотрим их.

Этвик и Лонг в своей "Истории Ямайки" утверждают, что мулаты перестают размножаться на этом острове после третьего поколения. Доктор Иван указал на аналогичный факт на Яве. Доктор Нотт установил, что в Южной Каролине мулаты отличаются низкой рождаемостью, что их жизнь короче, чем у других человеческих рас, и что они часто умирают в раннем возрасте. Не заходя так далеко, доктор Симоннот приписывает этим полукровкам некий этнологический нейтралитет, "который гарантирует им лишь эфемерную продолжительность жизни, как только они будут предоставлены самим себе".

Нет ничего проще, чем противопоставить вышесказанному противоположные факты. Я даже могу сослаться на свидетельства некоторых из тех же авторов, которых я только что процитировал. Нотт, в общих чертах сформулировав афоризмы, которые я только что привел, признает, что они применимы только к Южной Каролине, в то время как в Луизиане, Флориде и Алабаме мулаты крепкие, плодовитые и энергичные. Я обнаружил, что сам доктор Ивен утверждает, что его наблюдения касаются только Явы, и что он указал на этот факт как на исключительный.

С другой стороны, Хомброн заявляет, что в наших колониях "негры и белые демонстрируют умеренную плодовитость; мулатские женщины и белые чрезвычайно плодовиты, равно как и мулатские мужчины и женщины".

"Даже в таких условиях жизни, как в Мексиканском заливе, мулаты, - по словам М. Руфца, - хорошо развиты, сильны, бдительны, более приспособлены, чем негры, к промышленному применению и очень продуктивны". По словам М. Одена, в доминиканской республике Сан-Доминго "одну треть составляют негры, две трети - мулаты, и незначительная часть - белые". В течение долгого времени это население не подпитывалось никакими новыми прибытиями; его сохранение полностью обусловлено самим собой.

Дальнейшие цитаты, я думаю, бесполезны. Если добавить их к цифрам М. Мартина де Мусси, который не делает исключений в отношении мулатов, то их будет достаточно, чтобы продемонстрировать следующий общий факт, а именно: мулаты столь же энергичны и плодовиты, как и другие расы, по крайней мере, в очень большом большинстве тех частей земного шара, где сформировалось это смешанное население.

IV. Тем не менее, я не отрицаю фактов, выдвинутых Этвиком, Лонгом, Ноттом, Иваном и Симоннотом. Я принимаю их, даже не обсуждая. Но что они доказывают в присутствии остальных фактов, которые столь многочисленны и столь убедительны? В лучшем случае то, что развитие мулатской расы может быть благоприятным, замедленным или затрудненным *в зависимости от местных условий*. Другими словами, что оно зависит от влияния всех условий жизни (*среды*).

Таким образом, в образовании смешанных рас мы видим повторное появление этого элемента, действие которого играет столь большую роль в естественной истории человека, и ему следует уделить большое внимание.

В результате скрещивания негров и белых на Ямайке, Яве и т. д. его вмешательство можно было предугадать. Обе расы являются чужаками в этих странах, которые, как известно, очень губительны для иноземных рас. Вопрос о пересечении в этих случаях осложняется

явлениями и трудностями *акклиматизации*. Можно ли удивляться, что союзы, заключенные при таких условиях существования, представляют собой лишь шаткие гарантии на будущее?

Кроме того, мы должны принять во внимание элемент, которым постоянно пренебрегают, и важность которого в вопросах такого рода меня всегда сильно поражала. Я имею в виду *мораль*. Она, таким образом, образует *одно из условий жизни* (*milieu*). Теперь, если мы обратим внимание на немногочисленные, но весьма существенные подробности, приведенные некоторыми путешественниками о существовании европейцев в колониях, в частности на Ямайке; если мы сравним эти печальные факты с теми, что были получены в результате ежедневных наблюдений, то на вопросы *переселения* и *акклиматизации* будет брошен совершенно новый свет. Мы будем вынуждены признать, что смерть отцов и исчезновение потомков часто являются лишь следствием и наказанием за плачевные *моральные условия жизни*, в которых они жили.

V. Но и *физические условия жизни* оказывают своеобразное действие. В качестве доказательства можно привести следующий пример.

М. Симонно заметил уроженцев Сенегамбии, "которые сочетают совершенно черную кожу со всеми характерными формами мавра, даже в любом возрасте". По его словам, эти *чернокожие мавры* являются смешанной расой. Если это так, то, по крайней мере, следует признать, что белая кровь значительно преобладает, поскольку все формы принадлежат к этому типу. Для того чтобы *цвет кожи* негров оставался постоянным, несмотря это глубокое семитское влияние, *местное действие*, то есть *действие условий жизни*, должно было нейтрализовать обычные законы смешения рас и объединить *цвет* одной расы с *чертами и формами* другой.

Если этот вывод нуждается в подтверждении, то достаточно будет фактов, приведенных Проспером Лукасом. Он рассказывает о союзах между неграми и белыми, заключенных в Европе. В одной и той же семье мы видим, что черная кровь сначала преобладает, затем теряет свое влияние и постепенно почти полностью исчезает в детях последующих поколений. В одном из этих наблюдений мать принадлежала к черной расе, так что неверность не смогла внести никаких изменений в условия эксперимента. Именно условия жизни постепенно обесцветили этих полукровок, которые на границах Сенегала все были бы черными.

VI. Некоторые антропологи, признавая множественность и плодовитость скрещиваний между человеческими расами, видят в этом факте лишь *смешение кровей* и жалуются, что нигде не находят смешанной расы недавнего происхождения, которая была бы хорошо охарактеризована. Следовательно, они отрицают, что скрещивание может иметь какое-либо влияние на формирование рас со смешанными, но постоянными характеристиками, которые составляют часть населения земного шара.

Это возражение основано на игнорировании явлений, которые сопровождают формирование рас животных путем производства дворняжек. Всем селекционерам хорошо известно, что детерминированная и устоявшаяся раса не может быть сразу получена путем скрещивания. В этом случае конфликт и компромиссы, о которых я говорил выше, становятся более заметными по той самой причине, что нам приходится смешивать две несхожие в некоторых отношениях природы. Только *непосредственная и прямая наследственность* постоянно порождает явления *слияния* или *смешения*, или же вызывает появление новых черт, являющихся *результатом* двух различных характеров. *Опосредованная и косвенная наследственность*, а также *атавизм* постоянно вмешиваются и вызывают многочисленные отклонения в последующих поколениях. Чем больше расы отличаются друг от друга и *равны*

в отношении крови, тем более заметны и устойчивы эти отклонения. В 1800 году анконская раса все еще давала нерегулярную продукцию. Более двадцати лет М. Малингье не удается урегулировать свою расу шармуа, чтобы она сама могла служить для новых скрещиваний.

Умный селекционер, которого я только что упомянул, а также все другие селекционеры, достигли своей цели только благодаря тщательности в выборе животных, от которых они размножаются. Между человеческими расами не может быть и речи о *селекции*. Союзы всегда происходили случайно. Более того, в огромном большинстве случаев постоянное вмешательство особей чистой расы увеличивает и продлевает путаницу. Это отсутствие единообразия, которое удивляет полигенистов, легко объясняется теми, кто рассматривает человеческие группы только как *расы*. С общей точки зрения это очень поучительно; если скрещивание выявляет *разнообразие рас*, то оно свидетельствует о *специфическом единстве*. Не между видами скрещивание представляет подобные явления. Но, тем не менее, благодаря этому беспорядку, в смешанных популяциях наших колоний появляются общие черты, которые привлекают внимание путешественников и описываются.

Более того, когда, в силу каких-то обстоятельств, продукты этих скрещиваний изолированы и защищены от новых смешений, раса быстро приобретает характер. В качестве примера можно привести кафузо, бастеров и грику. Даже жители острова Питкэрн во время визита Бичи начали становиться однородными.

VII. При скрещивании неравных человеческих рас отец почти всегда принадлежит к высшей расе. Во всех случаях, особенно в мимолетных любовных связях, женщина отказывается опускаться себя; мужчина менее деликатен.

С точки зрения будущего смешанных рас, преобладающее действие одного пола над другим должно иметь тогда большое значение. Этот вопрос ставился с момента возникновения обществ, о чем свидетельствуют законы Ману; он неоднократно обсуждался мыслителями и физиологами. У каждого пола были свои защитники, и многочисленные факты приводились с обеих сторон. Учитывая все, мне кажется невозможным не принять решение в пользу *равенства действий*.

Тем не менее, это равенство чисто виртуальное, оно может существовать только при условии равной генеративной энергии у обоих родителей. Как только равновесие нарушается, сильный пол преобладает, и продукт демонстрирует это превосходство. Эксперименты Жиру де Бузаренга по изучению размножения полов показали мне наиболее решающими в этом отношении.

То, что верно в отношении всего организма, в равной степени верно и в отношении его различных частей, функций и энергий. При формировании нового существа действие наследственности делится на столько *случаев*, сколько существует передаваемых *признаков*. И отец, и мать стремятся воспроизвести себя в своем потомстве; следовательно, происходит борьба между обеими природами. Но эта борьба, если можно так выразиться, выливается в ряд одиночных схваток, в которых каждый из родителей может быть в свою очередь победителем или побежденным.

Это очень простое соображение, вытекающее из целого ряда фактов, объясняет многие результаты, вызывающие удивление у физиологов, антропологов и т. д. Приписав преобладающее влияние матери, Нотт с удивлением заявляет, что по уровню интеллекта мулат больше приближается к своему белому отцу. Но разве интеллектуальная энергия последнего не превосходит энергию матери? И разве не естественно, что она должна взять верх в борьбе двух наследственных сил? Мы знаем, как далеко может зайти эта победа и как

две природы могут, так сказать, разделить между собой продукт этого скрещивания. Ярким примером этого является Лизлет Жоффруа, полностью негритянка физически, хотя полностью белая по характеру, интеллекту и способностям.

Эта победа превосходящих сил вновь проявляется в другом весьма примечательном случае - в скрещивании белой и черной рас. Первая из всех рас наиболее чувствительна вредоносным влияниям, а вторая способна противостоять им. По этой причине она почти не болеет желтой лихорадкой. Мулаты унаследовали эту двойную силу сопротивления. Нотт уверяет нас, что четвертая часть черной крови является такой же надежной защитой от желтой лихорадки, как прививка от оспы.

Теперь мы можем понять, что при скрещивании разных рас полукровки обладают теми чертами, которые в каждой из них преобладают над соответствующими чертами другой. Если энергии находятся в равновесии, то, как правило, достигается компромисс. Негры и белые существенно различаются по цвету и структуре волос; цвет глаз варьируется почти так же сильно, как у одних, так и у других. У мулатов два первых признака почти всегда указывают на двойное происхождение человека; третий признак неясен.

Напротив, у полукровок белых и коренных американцев глаза и волосы почти всегда происходят от последних. Гумбольдт заметил, что эти два признака сохраняются даже через несколько поколений при одностороннем скрещивании с белыми. М. Фердинанд Дени распознал потомка касиков по глазам. С другой стороны, при тех же скрещиваниях белый окрас побеждает американский во втором, а иногда и в первом поколении.

Скрещивание славянина с буриатом дает аналогичные результаты. Полукровки неизменно имеют волосы и глаза вторых.

VIII. "В Бразилии, - говорит Мартин де Мусси, - смешанные расы любого происхождения увеличиваются и образуют новое население, которое с каждым днем становится все более *коренным*, если можно так выразиться, и всегда более похожим на белый тип, который, согласно тому, что происходит во всей Южной Америке, в конце концов поглотит все остальные". Аналогичный факт был отмечен в Буэнос-Айресе, в Парагвае и т. д.

Можно ли считать этот результат признаком восхождения белой расы? Я так не думаю. Я скорее считаю его следствием общей тенденции, о которой говорилось выше.

В странах, которые мы обсуждаем, негритянка или индианка охотно скрещивается с белой. Женщина, рожденная от этих союзов, гордящаяся кровью своего отца, будет считать себя униженной, если выйдет замуж за человека цветной расы, и оставляет все свои привилегии для тех, с кем она сблизилась в результате скрещивания. Квадрун рассуждает и действует таким же образом. В этих регионах, где цвет кожи определяет кастовую принадлежность, женщины всегда предпочитают выходить замуж за мужчин белой расы, особенно за чистокровных белых.

Следствием этого является то, что скрещивание, хотя и кажется случайным, на самом деле является *односторонним* и всегда направлено на представителей высшей расы. Оно происходит под влиянием настоящего *бессознательного отбора*, и преобладание белой крови является результатом этого отбора.

Рано или поздно это приведет и к исполнению предсказания Мартина де Мусси. Смешанные расы в значительной степени вернутся к высшей расе. Но, возвращаясь к белому типу таким круглым путем и через все эти степени скрещивания, они будут обладать одним очень

большим преимуществом перед своими европейскими собратьями: они будут акклиматизированы.

Обратные явления, по мнению Сквайрса, происходят в Перу. Здесь смешанное население стремится вернуться к коренному типу. Этот факт объясняется, по крайней мере частично, отношениями, которые с самого начала завоевания установились между завоевателями и покоренной расой.

Первые не могли испытывать безграничного презрения к покоренной расе, которая была столь же цивилизованной, как и они сами. Их вожди рано заключили союзы с семьями инков, и этому примеру последовали. Следовательно, цвет кожи не может иметь в Перу такого же влияния, как в Бразилии или Буэнос-Айресе. Численное преобладание местной расы и условия жизни имели тогда свободное поле, и их двойное влияние проявилось в результате, на который указал Сквайрс.

IX. Может ли скрещивание людей, столь распространенное в наши дни, быть новым явлением в истории человечества? Очевидно, что нет. Как в прошлом, так и в настоящем, каждый контакт между двумя расами, имеющий какую-либо продолжительность, каждая иммиграция и каждое завоевание приводили к образованию смешанной расы. Это одно из неизбежных следствий человеческих инстинктов и физиологических законов.

Вполне естественно, что полигенисты пренебрегали фактами такого рода. По их мнению, популяция со *смешанными* признаками - это такой же *вид*, как и любой другой, промежуточный между двумя заданными конкретными типами. Но безразличие или заблуждение моногенистов объяснить не так просто. Они, очевидно, не знают о феномене скрещивания между растениями и животными. Когда они встречают расу с неопределенным характером, которая представляет более или менее отдаленные аналогии с двумя различными типами, они обычно чувствуют себя смущенными и откладывают вопрос в сторону, или, в крайнем случае, ссылаются на действие условий жизни в туманной манере.

Совершенно верно, что последний способ, создавая сходство между иностранными расами и местной расой, приводит к результатам, аналогичным тем, которые возникают в результате скрещивания. Мы видели пример этого в Соединенных Штатах. Однако скрещивание имеет свои специфические явления, которые сохраняются даже через несколько поколений. Кроме того, к признакам, вытекающим из физических и физиологических особенностей, можно добавить и другие, заимствованные из фактов совершенно иного порядка, которые во многих случаях позволяют сделать вывод с поразительной уверенностью. Смешение верований, обычаев и нравов часто дает ценную информацию. Но сравнение языков, как правило, бросает неожиданный свет на самые сложные, казалось бы, проблемы. Время от времени легенды и история подтверждают выводы, сделанные на основе ряда фактов, которые я только что указал, и свидетельствуют о правильности взглядов, которые, на первый взгляд, могут показаться предположительными.

В качестве примера я приведу зулусских кафиров. Они являются одной из групп, из которых некоторые полигенисты выделяют отдельный вид. На самом деле они отличаются от других негритянских рас по нескольким признакам. Но по этим признакам они приближаются к белому типу. Более того, различные путешественники сообщают нам, что они отличаются большой изменчивостью черт. Миссионеры, жившие среди них, добавляют, что в одной и той же семье в условиях, делающих невозможным любое скрещивание, встречаются люди с

волосами и цветом кожи негра, и другие, чьи волосы гладкие, а цвет кожи коричневый. Только эти факты позволяют сделать вывод о том, что зулусы - смешанная раса.

Филология подтверждает этот вывод. Филологи сходятся во мнении, что каффирские языки относятся к группе зимбийских языков, грамматика и лексика которых в основе своей негритянские, но в них также присутствуют арабские, нилотские и малгачские элементы. Таким образом, язык, как и физические характеристики, указывает на смешение кровей.

Хроника, обнаруженная капитаном Гийеном, обосновывает эти выводы, рассказывая об истории арабских колоний от Килоа до Софалы. В ней рассказывается о войнах, которые велись за обладание золотыми рудниками; показано, как завоеватели изгоняли побежденных и заставляли их уходить на юг в поисках новой страны. Очевидно, что последние пересекли залив Делагоа, где оставили черную расу в состоянии ее изначальной неполноценности, и пошли дальше, чтобы вольно или невольно вступить в союз с племенами, чей тип таким образом поднялся.

На самом деле, зулусы - это далеко не *вид*, а *смешанная раса* негров и арабов, сформировавшаяся так недавно, что опосредованная наследственность и атавизм все еще выдают двойное происхождение, о котором свидетельствует и филология, но в котором негритянский элемент сохраняет очень большое превосходство.

Х. Исследование смешанных популяций, определение роли, которую играет каждый из элементов, которые помогли в их формировании, относятся к наиболее интересным вопросам антропологии. Это исследование не должно останавливаться на популяциях, в которых смешение характеров очевидно с первого взгляда. Оно должно коснуться и тех, которые обычно считаются совершенно чистыми. Тогда мы обнаружим, что смешение рас проникло туда, где о нем почти не подозревали.

В Китае и особенно в Японии белая аллофильная кровь смешана с желтой в различных пропорциях; белая семитская кровь проникла в сердце Африки; негритянский и узуанский типы взаимно проникли друг в друга и произвели все каффирские популяции, расположенные к западу от зулусов арабского происхождения; малайские расы являются результатом слияния, в различных пропорциях, белых, желтых и черных; собственно малайцы, отнюдь не составляя *вида*, как считают полигенисты, являются лишь одной *популяцией*, в которой, под влиянием исламизма, эти различные элементы были более полно сплавлены, и т.д.

Я привел несколько примеров, чтобы показать, как самые крайние типы человечества способствовали формированию определенного количества рас. Нужно ли настаивать на смешениях, которые произошли между вторичными типами, выведенными из первых? В Европе какое население может претендовать на чистоту крови? Сами баски, которые, казалось бы, должны быть хорошо защищены своей страной, институтами и языком от вторжения чужой крови, в некоторых местах, в самом сердце своих гор, демонстрируют явные следы соединения и слияния очень разных рас.

Что касается других народов, проживающих от Лапландии до Средиземноморья, то классическая история, хотя она и не простирается на большое расстояние во времени, является достаточным доказательством того, что пересечения являются неизбежным результатом вторжений, войн, политических и социальных событий. Азия, как мы знаем, представляет собой то же самое зрелище; а в самом сердце Африки ягасы, играя роль орды Чингиз-хана, смешали африканские племена от одного океана до другого.

XI. Мне нет необходимости упоминать здесь общие факты, которые следуют из подробной истории рас. Пусть и коротко, но это обращение к памяти читателя, я надеюсь, послужит достаточным основанием для следующих выводов.

Условия жизни и наследственность сформировали первые человеческие расы, некоторые из которых, благодаря своей изоляции, смогли сохранить на неопределенное время эту первую характеристику.

Возможно, именно в этот далекий период сформировались три великих типа: негры, желтые и белые.

Миграционные и завоевательные инстинкты человека привели к встрече этих первичных рас, а следовательно, и к их скрещиванию.

С момента появления смешанных рас само скрещивание происходило только под влиянием условий жизни и наследственности.

Великие движения народов происходили только через большие промежутки времени и как бы образовывали множество кризисов. В промежутках между этими кризисами расы, образовавшиеся в результате скрещивания, успевали расселиться и стать однородными.

Консолидация смешанных рас, относительное единообразие характеров, достигнутое в результате скрещивания, происходило очень медленно, вследствие абсолютного отсутствия отбора. Следовательно, каждая смешанная раса, ставшая однородной, также является очень древней.

Человеческие инстинкты привели к смешению смешанных рас, так же как и к смешению первичных рас.

Каждая смешанная раса, став однородной и оседлой, смогла сыграть роль первичной расы в новых скрещиваниях. Человечество в его нынешнем состоянии, таким образом, сформировалось, несомненно, в большей части, путем последовательного скрещивания ряда рас, которые в настоящее время не определены.

Самые древние расы, которые мы знаем, четвертичные расы, все еще представлены в наши дни либо популяциями, в целом немногочисленными, либо изолированными индивидами, в которых атавизм воспроизводит характеры наших далеких предков. Это факт, который будет доказан далее.

ГЛАВА XXIV.

ВЛИЯНИЕ СКРЕЩИВАНИЯ НА СМЕШАННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ.

I. Было ли и будет ли скрещивание человеческих рас выгодным или вредным для вида в целом? Последователи Мортон в Америке, а также М. М. де Гобино и Перье во Франции утверждают, что скрещивание людей имело или будет иметь в будущем катастрофические последствия. Есть ли у этого мнения основания? Давайте изучим факты.

М. Гобино обращается к истории и возвращается к самым ранним эпохам человечества. По его мнению, изначально сформировались три основные расы - черная, желтая и белая. Желтая раса занимала всю Америку, негритянская - все южные части старого континента вплоть до Каспийского моря, белая - локализовалась в Центральной Азии. Две первые, деградировавшие как с интеллектуальной и моральной, так и с физической точки зрения, и неспособные без посторонней помощи подняться над дикарским состоянием, существовали только в виде *племен*. Третья раса была единственной, которая соединила телесную красоту с воинственным духом, со способностью к инициативе, организации и прогрессу, что порождает общества и цивилизацию. Настал день, когда желтая раса ворвалась в Азию и, избежав центрального региона, занятого белыми, направилась к людям западных областей Старого Света. Затем эта волна, продолжая свой путь, затопила белую расу, которая, в свою очередь, начала эмигрировать; и, смешав свою кровь с кровью низших рас, породила все *народы*, сменявшие друг друга на земле. В начале этой новой эры белая кровь, будучи более чистой и более обильной, породила превосходные цивилизации. Становясь все более редкой при каждой новой эмиграции, она теряла свое влияние, и цивилизация уменьшалась во всех отношениях. Последним усилием этой обновляющейся расы стало германское нашествие, разрушившее римский мир. Теперь она исчерпана. Белая кровь, витаминизированная смесью, повсеместно утратила свою первую эффективность. Именно по этой причине человечество находится в полном упадке. Вскоре слияние будет завершено. В жилах каждого человека будет на одну треть белая кровь и на две трети цветная, и тогда мы неизбежно вернемся к варварству. Наконец, многократные скрещивания сделают человеческий вид бесплодным; тогда он вымрет и исчезнет".

Такова, в нескольких словах, теория М. де Гобино. Примем ее со всеми ее гипотезами, включая гипотезу о миграции из Америки в Азию, которая противоречит всем нашим знаниям в этой области. Следует ли из этого, что автор последователен? Чтобы быть таковым, он должен был бы указать на привилегированную расу, которая сама по себе основала хотя бы одно из тех великих обществ, одну из тех *цивилизаций*, которые, как называет их М. де Гобино, зафиксированы историей. Теперь автор не в состоянии указать ни одного примера и вынужден признать, что *исключительно белая цивилизация* существовала в Центральной Азии, не оставив никаких других следов, кроме *курганов*, которые долгое время приписывались скифам, чуди и т.д. Но всем известно состояние белых, когда они покинули свой азиатский центр. В Индии они были арийцами, еще полускотоводческой расой; в Европе - варварами, разрушившими римский мир. Была ли у кого-нибудь из них цивилизация, равная египетской или греческой?

М. де Гобино перечисляет десять цивилизаций: ассирийскую, индийскую, китайскую, египетскую, греческую, итальянскую, немецкую, аллеганскую, мексиканскую и перуанскую. Все они, по его мнению, возникли в результате смешения белых с цветными расами. Но если признать, что так и было, разве не очевидно, что это смешение повсеместно привело к огромному прогрессу. Руины Ниневии Фив, Афин, Рима и даже Паланки, несомненно, указывают на население, принадлежащее к цивилизации, отличной от той, что была у людей, поднявших курганы в Центральной Азии.

Чтобы вывести логические следствия из фактов, которые он допускает или предполагает, М. де Гобино должен рассматривать образование полукровок как самый мощный элемент прогресса. Как мы видели, он придерживается противоположного мнения. Он считает, что все эти цивилизации, которые были великолепны в случае с ассирийцами и египтянами, сходят на нет и уменьшаются, а то, что осталось в наши дни, заслуживает лишь презрения.

Не будучи ослепленными самодовольством, мы можем возразить против этого вывода. Несомненно, мы больше не возводим вавилонских башен и не строим пирамид. Гигантские работы, бесполезные или предпринятые для прославления одного человека, не принадлежат нашему времени. Но когда возникает какая-то общепользная работа, разве мы отшатываемся перед масштабами задачи? Время действительно выбрано неудачно, чтобы обвинить нас в слабости. Суэцкий канал был построен в масштабах, отличных от маленьких траншей фараонов, а прокладывая тоннель в Альпах для железной дороги, мы достигли того, о чем древность и мечтать не смела.

Правда, в массе своей мы менее артистичны, чем афиняне. Но, не выходя за рамки искусства, есть моменты, в которых мы превосходим их. Если судить по анекдотам, которые проливают свет на природу таланта их величайших художников, живопись и музыка у греков не дотягивали до уровня скульптуры. Если у нас нет своего Фидия, то у них не было своего Рафаэля, своего Михаила Анджело, своего Бетховена и своего Россини.

Но, обрекая нас на радикальную неполноценность, М. де Гобино особенно забывает о самой яркой черте современности. Он игнорирует *научное развитие*, которому нет примера или аналогии в прошлом, и которое придает абсолютно свежий вид нашей цивилизации. Мы, происходящие от рас, скрещивавшихся сотни раз, по крайней мере, равны нашим предкам, но больше не похожи на них. Уступая в одних отношениях, мы сполна компенсируем это в других. Мы проявляем человеческую силу в разных аспектах.

Каким бы высокоодаренным ни был человек, он не может сразу охватить все границы поля, открытого для его деятельности. По этой причине как во времени, так и в пространстве мы находим рядом с низшими народами и *расами* другие народы и *расы*, которые превосходят их, равные между собой, но разные. Такова реальная информация, получаемая при сравнении настоящего и прошлого состояния человечества.

II. М. Перье - полигенист и автохтонист; он использует выражение "*чистая раса*" как эквивалент термина "*вид*". Будучи врачом, причем ученым, он затрагивает анатомические и физиологические вопросы, ограниченную плодовитость и стерильность полукровок, а также воспроизводит некоторые мнения, которые я уже подвергал нападкам. Он уделяет особое внимание современным популяциям и пытается доказать превосходство тех, которые он считает чистыми. В частности, он цитирует арабов и восхваляет их древние и современные цивилизации. Но в этом вопросе я выдвигаю против него то же возражение, что и против месье де Гобино. Мы очень мало знаем о химьяритах и адитах. Коссен де Персеваль показывает, что в разное время они играли роль завоевателей; но это были завоеватели, которые были варварами, а их манеры были совершенно дикими. Когда они покинули свои пустыни под напором исламизма, появились ли они с признаками цивилизованных народов? Конечно же, нет. Только после их завоеваний и в результате пересечений, которые они пережили, мы видим великие арабские цивилизации, возникшие в Африке, Азии и Испании. Была ли цивилизация, которая развивалась на этом месте и о которой рассказал Пэлгрейв, равна цивилизации Альмохадов, Альморавидов или Аббасидов? Очевидно, что нет. Здесь, , снова обнаруживается, что скрещивание дало толчок самому поразительному прогрессу.

М. Перье делает особый акцент на физическом совершенстве, особенно женщин. Давайте примем этот критерий. Является ли чистота крови единственной причиной этой красоты? Если бы это было так, то в одной и той же стране самые чистые популяции должны были бы демонстрировать самых красивых женщин. Но во Франции, например, жители Оверни, уединенной среди своих гор, несомненно, более чистая раса, чем обитатели равнин на юге Франции, где так много различных рас вступают в контакт. Могут ли женщины Верхней

Оверни поспорить за приз с гризетками из Арля, Тулузы или Монпелье? Эти три женских типа очень отчетливы; они явно указывают на смешение кровей. Они не менее замечательны в плане красоты и, несомненно, превосходят женщин Оверни. На Сицилии, где все средиземноморские народы смешаны вместе, я наблюдал аналогичные факты в Таормине, Палермо, Трапани и т. д.

Что касается возможности встретить женщин, отличающихся личной привлекательностью, среди смешанных рас, даже если негр входит в их состав как элемент, то репутация цветных женщин, мулаток и квадронов, является достаточным доказательством. Все путешественники свидетельствуют об очаровании, которое они оказывают на европейцев. Тейлор наиболее подробно останавливается на этом вопросе, и свои наблюдения он проводит именно на Тристан-д'Акунья, далеком острове на полпути между Кейпом и Южной Америкой. В этом изолированном месте поселилось смешанное население, состоящее из белых и негров. Английский путешественник говорит следующее: "Все, кто рождается на острове, - мулаты, хотя и очень слабо выраженного типа, и очень прекрасных пропорций. Почти у всех европейский тип, гораздо больше, чем негритянский. Не припомню, чтобы я когда-либо видел такие великолепные головы и фигуры, как у их молодых девушек. И все же я знаю все побережья Земли: Бали с его малайцами, Гавану с ее креолами, Таити с его нимфами и Соединенные Штаты с их выдающимися женщинами". Очевидно, что здесь мы имеем самое беспристрастное суждение в пользу мулатов, высказанное опытным судьей.

Таким образом, женская красота встречается у некоторых смешанных рас и отсутствует у других рас, которые по праву считаются самыми чистыми, - босъесманов и эскимосов. Противники скрещивания людей не могут рассматривать это как аргумент в свою пользу.

III. Хотя современное скрещивание насчитывает всего три столетия, оно уже дало результаты, которые позволяют с уверенностью утверждать, что в результате скрещивания могут быть получены расы, замечательные с любой точки зрения. Паулисты Бразилии являются ярким примером этого факта. Провинция Святого Павла была заселена португальцами и жителями Азорских островов из Старого Света, которые заключили союзы с гайаназами, охотничьим и мирным племенем, и с карижос, воинственными и земледельческими. Из этих союзов, которые регулярно заключались, возникла раса, мужчины которой всегда отличались прекрасными пропорциями, физической силой, неукротимым мужеством и выносливостью к усталости. Что касается женщин, то их красота породила бразильскую поговорку, доказывающую их превосходство. Это население демонстрирует свое превосходство во всех отношениях. Если когда-то оно было примечательно экспедициями авантюристов в поисках золота или рабов, то в Бразилии первыми стали сажать сахарный тростник и разводить огромные стада крупного рогатого скота. "В наши дни, - говорит Ф. Дени, - самое высокое нравственное развитие, а также самые замечательные интеллектуальные движения, похоже, происходят из Сен-Поля".

Такие похвалы, воздаваемые населению, которое почти полностью является результатом смешения рас, проникательным наблюдателем, долгое время прожившим в Бразилии, контрастируют с упреками, которые бросает американским полукровкам подавляющее большинство путешественников. Как правило, они окрашены в самые черные цвета. Хотя и допускается, что они обладают физической красотой, а также, возможно, быстрым и готовым интеллектом, считается, что они почти полностью лишены нравственности. Допустим, что в этом отношении они так же сильно отличаются от паулистов, как было сказано: объяснение этому контрасту найти нетрудно.

В церкви Святого Павла самые ранние союзы с самого начала заключались регулярно, благодаря вмешательству отцов Нобреги и Анкиеты. В силу различных обстоятельств *мамалуко*, ставшие результатом этих браков, сразу же были приняты как равные чистым белым. Здесь скрещивание происходило в нормальных условиях, что, пожалуй, является уникальным фактом в истории наших колоний.

На самом деле смешение рас в других местах обязано своим происхождением худшим страстям; предрассудки крови привели к тому, что полукровок стали считать запятнанными пороком, которому они обязаны своим происхождением, изгоями *общества* или, можно сказать, *объявленными вне закона*. Какая же ветвь чистой белой расы, рожденная, растущая и процветающая в условиях презрения и угнетения, сохранит возвышенный и нравственный характер? Более того, будут ли белые отцы служить примером, способным повлиять в лучшую сторону на детей, которых они бросили? Очевидно, что дело обстоит с точностью до наоборот. Безудержное распутство с одной стороны и рабская покорность с другой - вот элементы, способные породить полукровную расу. Что может передать наследственность в виде моральных качеств продуктам таких союзов?

Если нас что-то и должно удивлять, так это то, что полукровки, произведенные в таких отвратительных условиях, уже должны были быть способны к самовоспитанию. Так и произошло, даже с мулатами, во всех случаях, когда расовые предрассудки были менее глубоко укоренены и уступали личным заслугам. В Бразилии большинство художников и музыкантов - мулаты, говорят ММ. Тройер и де Лисбоа. В подтверждение этого свидетельства М. Лагос добавил, что политические способности и научный инстинкт развиты у них едва ли меньше, чем художественные способности. Некоторые из них - врачи и медики высшей пробы. Наконец, М. Торрес Кайседо перечислил мне среди мулатов своей страны ораторов, поэтов, общественных деятелей, а также вице-президента Новой Гренады, который в то же время был выдающимся писателем.

Если в случае социального осуждения цветного человека дело обстоит иначе, то причина в том, что моральные и социальные условия жизни никогда не теряют своих прав в большей степени, чем физические. Но все вышесказанное, я думаю, будет достаточным доказательством того, что, будучи поставленным в нормальные условия, полукровка негра и европейца, несомненно, оправдает в любом месте слова старого путешественника Тевенота: "Мулат может делать все, что может делать белый человек; его интеллект равен нашему".

IV. Хотя я протестую против доктрин, которые стремятся обесценить смешанные расы, я далек от того, чтобы утверждать, что скрещивание всегда и во всем удачно. Несомненно, если союз произошел между низшими расами, продукт останется на уровне родителей. Но таких союзов очень мало. Даже в Южной Америке замбо встречается относительно редко. Негр, появляющийся повсюду в рабстве, презирается коренным населением, которое, несмотря на свое зависимое положение, сохраняет индивидуальную свободу и избегает союза с негром.

Именно белые, движимые неугомонной страстью, захватили весь мир и с каждым днем умножают свои завоевания и колонии. Именно он отыскал родину цветных рас и повсюду смешивает свою кровь с их кровью. Почти все полукровки признают его своим отцом, и это приводит к двойному результату. Эти расы сразу же возвышаются над материнской расой, и обе они сближаются, как если бы обладали общим элементом.

Дойдет ли эта связь до слияния, как признают Серрес и Мори? Заменит ли рано или поздно все наши нынешние расы одна гомогенная раса, повсеместно наделенная одинаковыми

способностями и управляемая общей цивилизацией? Я так не думаю; и то, что только что было сказано, оправдывает утверждение, что такое единообразие невозможно.

Несомненно, смешение рас, благоприятствуемое и умножаемое растущими возможностями коммуникации, как мне кажется, готовит новую эру. Расы будущего, меньше отличающиеся друг от друга по крови и объединенные железными дорогами и пароходами, будут иметь гораздо больше общих наклонностей, желаний и интересов. Отсюда следует, что положение вещей будет превосходить то, с которым мы знакомы, хотя наша цивилизация, как мне кажется, должна продолжать развиваться, несмотря на нынешние беды и приближающиеся бури. Мы знаем, как последовательно развивались греческий, римский и современный мир; современное будущее охватит весь земной шар.

Но, хотя эта цивилизация станет более общей и более широко распространенной, она не подавит определенных различий в условиях жизни. Пока существуют полюса и экватор, континенты и острова, горы и равнины, будут существовать расы, отличающиеся друг от друга характером, превосходящие или уступающие друг другу в физическом, интеллектуальном и моральном плане. Несмотря на пересечения, различия и неравенство будут сохраняться. Но в целом человечество будет совершенствоваться, оно будет расти, и цивилизации будущего, не заставляя забывать цивилизации прошлого, будут опережать их в каком-то пока неизвестном направлении, так же как наша опередила цивилизации наших предшественников.

V. Я только что закончил изложение наиболее общих вопросов, поднятых историей человеческой расы.

Главный вопрос, который необходимо решить, - это *единство* или *множественность вида*. Есть некоторые антропологи, даже высокопоставленные, которые считают этот вопрос почти праздным, всего лишь вопросом догмы или философии. Тем не менее, достаточно небольшого размышления, чтобы понять, что наука полностью меняется в зависимости от того, рассматривается ли она с точки зрения моногенизма или полигенизма. Я уже указывал на этот факт и прошу разрешения вернуться к нему в нескольких словах.

После фундаментального вопроса о единстве следует вопрос о *древности*. В обеих доктринах он ставится одинаково. Но для моногениста проблема проста и абсолютна, а для полигениста - множественна и относительна.

Вопрос о месте происхождения, который возникает далее, существует в реальности только для верующего в конкретное единство человеческих групп. Доктрина автохтонизма, хотя и значительно умножает этот вопрос, сводит его к очень простым терминам, поскольку она заявляет, что все население родилось на месте, чье иноземное происхождение она не устанавливает, а допускает только движения экспансии.

Для полигениста *общий вопрос о миграциях* не существует. В отдельных случаях все решает автохтонизм. Тот, кто считает, что полинезийцы появились на островах Тихого океана, не должен искать, откуда они могли прийти.

Вопрос об акклиматизации для полигениста сводится к небольшому числу фактов, почти исключительно современных; человеческие популяции, по его мнению, естественно сформированы для жизни в тех условиях, в которых они родились.

Вопрос о формировании рас полностью исчезает для полигениста, поскольку различные виды, признаваемые им, появились со всеми признаками, которые отличают различные человеческие группы. Максимум, что ему остается, - это рассматривать результаты некоторых современных скрещиваний, которые слишком очевидны, чтобы их отрицать.

Для полигениста вопрос о первобытном человеке не существует, поскольку он признает все свои виды с теми характеристиками, которые они имели с самого начала.

Думаю, никто не станет оспаривать истинность этих положений, которые заставляют сделать вывод, что антропология - совершенно разная наука для моногениста и полигениста.

Кажется, что полигенизм необычайно упрощает эту науку; можно сказать, что он подавляет самые очевидные трудности. На самом деле он лишь скрывает или отрицает их, что приводит к неточности. В то же время она порождает другие, которые, хотя и не так легко воспринимаются, тем не менее более важны, так как по сути своей имеют физиологическую природу и не могут быть решены с помощью общих законов физиологии.

Поначалу кажется, что моногенизм усложняет и умножает проблемы. На самом деле он лишь четко формулирует их. Тем самым он заставляет ощутить необходимость долгих и упорных исследований, которые время от времени вознаграждаются великими открытиями.

Потребовалось почти столетие и совместные усилия путешественников, географов, медиков, лингвистов и антропологов, чтобы установить происхождение полинезийцев, проследить их миграции и определить их дату. Но когда эта работа однажды встает на правильный путь, история человечества оказывается обогащенной великолепной страницей, которая дает еще одно свидетельство разумной деятельности человеческой расы и ее завоеваний над природой.

КНИГА VIII. ИСКОПАЕМЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ.

ГЛАВА XXV.

ОБЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ.

I. Третичный человек известен нам только по нескольким слабым следам его деятельности. О самом третичном человеке мы ничего не знаем. Время от времени части его скелета обнаруживались, как считалось, во Франции, Швейцарии и особенно в Италии. Однако более тщательное изучение всегда заставляло нас относить к сравнительно более позднему периоду эти человеческие останки, которые, на первый взгляд, считались третичными.

С четвертичным человеком все обстоит иначе. О нем мы имеем гораздо более полную и точную информацию, чем о многих существующих расах. Пещеры, в которых он обитал, пещеры, в которых он хоронил своих мертвецов, и аллювиальные отложения, образованные реками, которые уносили его трупы, сохранили множество костей для нашего изучения. В общей сложности в сорока различных местах, особенно в западной части Европы, наши музеи получили до сорока черепов, более или менее целых, и многочисленные фрагменты черепа и лица, которые наука смогла использовать, а также большое количество костей

туловища и конечностей, и даже несколько целых скелетов. Самый замечательный экземпляр, освобожденный от покрывавшей его земли, но все еще оставленный на своем месте, был привезен из Ментоны М. Ривьером и сейчас находится в Антропологической галерее Парижского музея.

Таково накопление фактов, уже весьма значительное, с которыми мы с М. Хэми советовались при составлении первой части нашей *Crania-Ethnica*. Важность черепа в антропологии хорошо известна. Он сам по себе достаточен для того, чтобы предоставить основные элементы различия человеческих рас. Изучение и сравнение четвертичных черепов позволяет нам, таким образом, сформировать достаточно определенное представление об этих древних популяциях, о главных связях и наиболее ярких различиях, которые, начиная с этого периода, отличали человеческие группы. Исследование костей туловища и конечностей, кроме того, подтверждает результаты, полученные при изучении черепа. Таким образом, мы считаем себя вправе выразить надежду, что будущее, завершив нашу работу во многих отношениях, изменив ее, возможно, в других, и заполнив пробелы в ней, по крайней мере, подтвердит основные выводы.

Очевидно, что здесь я говорю как от имени М. Хэми, так и от своего собственного. По правде говоря, то, что я собираюсь сказать по вопросу об ископаемом человеке, - это почти резюме не только нашей книги, но и многих других общих исследований и многих дискуссий. По сути, это в равной степени принадлежит как моему соавтору, так и мне самому.

II. Прежде всего, давайте вкратце опишем климат, в котором жили ископаемые человеческие расы.

Четвертичный или ледниковый период наложил на человека суровые условия существования. Существовавшая тогда Европа была со всех сторон окружена морем и подвергалась всем последствиям островного климата, то есть была очень влажной, с умеренно равномерной температурой, но охлажденной, по крайней мере в значительной степени, полярными льдами, которые простирались даже до Франции. Проливные дожди, частые во все времена года, выпадали в виде снега на высоких землях и поддерживали огромные ледники, следы которых до сих пор можно увидеть во всех наших горных цепях. Огромные водные потоки выдолбили долины в одних местах и отложили толстые пласты аллювия в других. Эта беспокойная и водная земля поддерживала фауну, состоящую, помимо существующих видов, из других, которые частично исчезли, частично эмигрировали в дальние страны. Так, с одной стороны, здесь обитали мамонт (*elephas primigenius*), шерстистый носорог (*rhinoceros tichorhinus*), гигантский ирландский лось (*megaceros hibernicus*), пещерный медведь (*ursus spelæus*), пещерная гиена (*hyæna spelæa*), пещерный тигр (*felis spelæa*), лошадь (*equus caballus*); С другой стороны, северный олень (*cervus tarandus*), лось (*cervus alces*), мускусная лисица (*ovibos moschatus*), зубр (*bison europæus*), бегемот (*hippopotamus amphibius*) и лев (*felis leo spelæa*).

Все эти животные жили бок о бок на протяжении большей части четвертичного периода. Затем они постепенно либо вымерли, либо разделились. В начале нынешнего периода во Франции, где в свое время обитали все эти животные, сохранилась только лошадь; и мы должны признать вместе с М. Туссеном, что наши тягловые и грузовые животные произошли от ископаемых видов, и это мнение далеко не универсально среди палеонтологов. Мы можем мимоходом заметить, что такая же неопределенность существует и в отношении пятнистой гиены и медведя гризли, которых некоторые палеонтологи считают *расами*, относящимися к пещерным видам.

В Европе человек был современником всех этих видов.

Явления, которые придали этим странам их последние черты, не всегда были одинаково сильными, не всегда резко начинались или заканчивались. В них были периоды покоя и относительной активности, пока континенты не приняли свои определенные пропорции, когда ледники впервые были заключены в свои нынешние пределы.

Изменения живых существ соответствуют этим колебаниям неорганического мира. Основные виды животных, по-видимому, преобладают поочередно; человеческие расы сменяют друг друга, увеличиваются и уменьшаются.

Во время отложения *нижнего аллювия* (*bas niveaux*) в наших долинах главную роль, по-видимому, играли мамонт, носорог и крупные плотоядные. Человек оспаривал у них землю и питался их плотью. Борьба с условиями жизни и дикими зверями древнего мира была ужасной. Расы этих первобытных времен в значительной степени несут на себе отпечаток этой дикой природы.

В период формирования *среднего нижнего аллювия* (*moyens niveaux inférieurs*) крупные виды животных еще населяли всю Европу. Однако число их представителей, по-видимому, сокращается; начинают размножаться менее грозные виды, в частности, лошадь, образующая, по крайней мере, местами, большие стада, которые служили обильным источником питания для человека. Последний был особенно представлен расой, наделенной удивительными способностями. Сначала мы видим, что она борется с такой же энергией, как и предыдущая, и почти в тех же условиях; но постепенно она совершенствует все свои методы действия и приспосабливает их к новым условиям, вводимым с течением времени.

Большое изменение в фауне соответствует отложению *среднего верхнего аллювия* (*moyens niveaux supérieurs*). Крупные плотоядные и мамонты становятся все более редкими, пока в конце концов не исчезают совсем; лошадь больше не преобладает; ее место занял северный олень, который бродит огромными стадами по землям, которые постепенно оседают. Человек извлек пользу из этих изменений. На нашей земле появляются новые расы, совершенно отличные от предыдущих. Представители предыдущей эпохи развиваются и достигают определенной степени цивилизации, о чем свидетельствуют настоящие произведения искусства.

В конце концов, дно океана поднимается, и Европа становится полной. Полярные льды ограничиваются в своих нынешних пределах, а островной климат сменяется континентальным, с его крайностями жары и холода. Ледники наших гор постепенно сокращаются и уходят в более высокие регионы. Животные, не находя больше на одной и той же широте подходящей для них температуры, эмигрируют, одни на юг, другие на север или в более высокие горы.

Человек обязательно должен был ощутить на себе последствия этих изменений. Когда животные, составлявшие основу его питания, исчезли, чтобы никогда не вернуться, часть населения, по крайней мере, должна была последовать за ними и эмигрировать в то же самое время. Возникшие общества, таким образом, были потрясены до основания, и в то время как некоторые племена разошлись в разные стороны, те, что остались, пережили упадок, следы которого мы можем наблюдать в произведениях, которые они оставили нам в наследство. Они были слишком легко поглощены высшими расами, которые принесли с собой домашних животных и заменили пастушескую жизнь охотничьей.

III. Человек четвертичного периода оставил здесь и там несколько своих костей рядом с теми животными, которые были его современниками. Кости человека, о которых идет речь, принадлежат, однако, почти исключительно Европе. Ископаемый человек из других частей света нам почти неизвестен. Говорят, что Лунд обнаружил его в некоторых пещерах Бразилии. Но, к сожалению, у нас нет других подробностей об этом открытии, кроме короткой заметки и двух рисунков небольших размеров, опубликованных совсем недавно ММ. Ласерта и Р. Пейшото. Многое было сказано о черепе, обнаруженном Уитни в Калифорнии. К сожалению, описание этого образца не появилось, поэтому неоднократно высказывались сомнения в существовании самой окаменелости. Недавнее свидетельство М. Пинарта устранило их, но в то же время породило самые серьезные сомнения в древности этого образца, который, судя по всему, был найден в нарушенном грунте.

Ограничение находок человеческих окаменелостей Европой вызывает большое сожаление. У нас нет никаких оснований считать Европу ни отправной точкой вида, ни местом формирования первобытных рас. Нам лучше искать их в Азии. Именно на склонах Гималаев, у основания огромной центральной массы, Фальконер надеялся найти человека третичного периода. Только упорные и настойчивые поиски могут подтвердить пророчества выдающегося палеонтолога. Эту задачу могли бы выполнить некоторые из ученых офицеров английской армии, некоторые из военных хирургов, посланных великими лондонскими институтами. Будем надеяться, что они возьмутся за работу; что они будут использовать для этой цели досуг, которым они наслаждаются во время отпуска в каком-нибудь санатории Гималаев или Нильгерии. Есть все основания надеяться, что они обогатят науку важными и великолепными открытиями.

IV. Несколько общих фактов, интерес которых сразу же станет очевидным, уже можно отделить от деталей, не покидая европейской земли. Прежде всего мы установим тот факт, что в четвертичные века человек не отличался тем единообразием характеров, которого можно было бы ожидать от его недавнего происхождения. *Вид* уже состоит из нескольких *рас*; эти расы появляются последовательно или одновременно; они живут бок о бок; и, возможно, как считает М. Дюпон, *война рас* может быть прослежена уже в этот период.

Присутствие этих четко охарактеризованных человеческих групп в четвертичном периоде является достаточным основанием для сильного предположения в пользу предыдущего существования человека. Только влиянием очень несхожих и длительных действий можно объяснить те различия, которые отделяют человека из Везера во Франции от человека из Лесса в Бельгии.

V. Несмотря на некоторые мнения, которые были выдвинуты в те времена, когда наука была менее развита, и когда не было условий для сравнения, мы можем утверждать, что ни один ископаемый череп не принадлежит к африканскому или меланезийскому типу негров. Настоящий негр не существовал в Европе в четвертичную эпоху.

Однако из этого не следует делать вывод, что тип должен был появиться позже и датироваться нынешним геологическим периодом. Только новые исследования, особенно в Азии и в странах, населенных чернокожими народами, могут решить этот вопрос с уверенностью. Тем не менее, до настоящего времени результаты наблюдений мало способствовали мнению некоторых антропологов, которые считали негритянские расы более древними, чем все остальные.

VI. Как в ископаемых, так и в современных черепях мы находим между расами и отдельными людьми колебания более или менее разительного характера. Однако важным фактом является то, что у известных ископаемых рас эти колебания часто менее выражены, чем у

существующих популяций. Я приведу лишь один пример. Цефалический индекс древнейшей европейской расы, взятый у неандертальца, у которого преувеличены черты лица, равен 72; у черепа из Ла-Трюшера, относящегося к последней части четвертичного периода, он равен 84-32, то есть разница составляет 12-32. В настоящее время средний цефалический индекс эскимосов составляет 69-30, а южных германцев - 86-20, разница в 16-90. Таким образом, между двумя крайними расами, разделенными большей частью ледникового периода, колебания цефалического индекса меньше, чем между двумя современными расами. Более того, последние колеблются между более широкими пределами, как выше, так и ниже среднего значения, чем две ископаемые расы. Этот факт, возможно, объясняется несколькими соображениями, которые я не могу здесь рассматривать.

Кроме того, я должен отметить, что череп из Лагоа-Санта, найденный Лундом и только что описанный ММ. Ласерта и Пейшото, в значительной степени стирает различия, на которые я только что указал. По данным бразильских ученых, его цефалический индекс составляет 69-72, опускаясь почти так же низко, как средний индекс эскимосов.

Интересно обнаружить, что эта меньшая изменчивость ископаемых рас установлена по одному из тех самых признаков, которые были главной причиной сравнений некоторых из наших низших существующих рас с обезьянами. Среди четвертичных черепов есть такие, которые можно рассматривать как представляющие среднюю степень ортогнатизма самих белых рас. В качестве примера можно привести череп Наги-Сап, № 1 из Тру-дю-Фронталь, одну из женщин из Гренель и т. д. Другие, такие как № 2 из Тру-дю-Фронталь, другая женщина из Гренель, старик из Кро-Маньона, несколько черепов из Солютре, являются более или менее прогнатическими. Есть и такие, которые равны или даже превосходят в этом отношении средние показатели наших негритянских рас. Тем не менее, нет ни одного, который достиг бы степени прогнатизма, равной той, которую представляют некоторые примеры низших австралийских типов или каффирской расы.

Другой ряд фактов, которые, не обладая такой важностью, как предыдущие, все же имеют реальную ценность, представляют аналогичные результаты. Я имею в виду рост и его вариации. М. Хэми определил его путем измерения бедра и плечевой кости. Из его исследований следует, что максимальный показатель, представленный скелетом Ментоне, составляет 1-85 м. (6-06 футов), а минимальный, взятый из одного из скелетов Фурфуза, - 1-50 м. (4-92 фута). Разница между этими двумя цифрами, 0-35 м. (1-14 футов), гораздо меньше, чем та, которая существует между крайними точками приведенной выше таблицы.

Среднее число, найденное М. Хэми, 1-764 м. (5-839 футов), ставит расу кроманьонцев очень близко к патагонцам Мустерса; но раса Фурфуз, со средним числом 1-530 м. (5-019 футов), стоит намного выше босджесманов и минкопов. Она занимает почти такое же положение, как и саамы.

Колебания происходили как во времени, так и в пространстве. Самая древняя раса не является самой высокой. Скелеты неандертальца и брукса дают среднее значение всего 1-705 м. (5-593 фута). Раса кроманьонцев, превосходящая по росту всех остальных, хронологически занимает промежуточное положение между ними.

Предшествующие обобщения, правда, опираются на ряд наблюдений, пока слишком ограниченных, чтобы считать их окончательными. Но они, по крайней мере, опровергают некоторые утверждения и способствуют рассеиванию более чем одного предрассудка.

VII. Долихоцефалический или брахицефалический, большой или маленький, ортогнатический или прогнатический, четвертичный человек всегда остается человеком в

полном понимании этого слова. Везде, где останков было достаточно для того, чтобы мы могли составить мнение, мы находили стопу и кисть, характерные для нашего вида, позвоночный столб демонстрировал двойную кривизну, которой Лоуренс придает такое большое значение и которую Серр сделал атрибутом человеческого царства, как он его понимал. Чем больше мы изучаем этот вопрос, тем больше убеждаемся, что каждая кость скелета, от самой массивной до самой маленькой, несет в себе, в своей форме и пропорциях, свидетельство о происхождении, которое невозможно перепутать.

В силу своей особой важности череп заслуживает того, чтобы рассмотреть его с этой точки зрения.

Прежде всего отметим, что все кости черепа современного человека встречаются в ископаемом черепе в тех же формах и в тех же соотношениях. Независимо от того, рассматриваем ли мы их по отдельности или в целом, они не могут не пробудить воспоминаний о том, что мы видим вокруг себя каждый день. Даже огромное развитие надбровных дуг у неандертальца не может замаскировать полностью человеческий характер этого исключительного черепа, о котором я сейчас расскажу подробнее.

Во всех ископаемых расах мы обнаруживаем преобладание черепа над лицом. У них, как и у нас, костный каркас, в котором находится мозг, становится то длиннее, то уже, то короче, одновременно увеличиваясь в размерах; он то возвышается, то уплощается, но всегда сохраняет объем, сравнимый с объемом черепа современного человека. В черепе неандертальца, который называют самым *грубым* из известных, объем черепа, рассчитанный людьми, которые, мы можем быть уверены, не хотели преувеличивать, составлял целых 1220 кубических сантиметров (74-420 куб. дюймов). Даже М. Шааффаузен считает его равным малайцам и превосходящим индусов небольшого роста. В бразильском черепе из Лагоа Санта он составляет 1388 кубических сантиметров (84-66 куб. дюймов).

Поэтому мы можем с полной уверенностью применить к ископаемому человеку, с которым мы знакомы, слова Хаксли: "Ни в четвертичные эпохи, ни в настоящее время ни одно промежуточное существо не заполняет промежуток, отделяющий человека от троглодита. Отрицать существование этого промежутка было бы столь же предосудительно, сколь и абсурдно".

Выдающийся натуралист, написавший это предложение, не преминул воспользоваться случаем, чтобы отметить в различных человеческих расах *черты* и *характеры*, которые называют *симианскими*. Есть ли тогда в Хаксли досадное противоречие? Очевидно, нет. В его случае, как и в случае всех истинных натуралистов, это лишь злоупотребление языком, против которого я уже протестовал. Принадлежа к белой расе, которую они, естественно, считают нормальным типом, ограничивая свое внимание весьма существенным анатомическим сходством, которое существует между человеком и обезьяной, они постоянно и исключительно сравнивают белых, с одной стороны, с антропоидными обезьянами - с другой. Они забывают, что *колебания морфологических признаков*, неизбежный результат формирования человеческих рас, обязательно должны иногда увеличивать, а иногда уменьшать, в сколь угодно малой степени, расстояние, разделяющее крайние термины; они позволяют себе использовать эти фигуральные выражения, и я бы позволил им пройти без комментариев, если бы иногда они не понимались буквально, вольно или невольно. Мы знаем, что английский натуралист сам был вынужден решительно протестовать против выводов, которые были сделаны из его слов или трудов.

Хаксли допускает, что колебания никогда не бывают настолько велики, чтобы вызвать путаницу. *Человеческий характер*, таким образом, не изменяется по своей природе; он не

становится *симулянтским*. Колебания, на которые я ссылаюсь, иногда можно наблюдать у одного и того же человека и даже в одной и той же кости. У кроманьонского старика, о котором я сейчас буду подробно говорить, бедренная кость самая широкая и толстая из всех, что когда-либо измерял М. Брока, и мы находили другие кости еще большего размера. А вот у шимпанзе эта же кость шире и гораздо тоньше. Так вправе ли мы утверждать, что бедренная кость Лез Эйзи отчасти *симская*, а отчасти *более чем человеческая*?

Наконец, что действительно было доказано, так это вывод Хаксли, который я только что процитировал. Верующие в *питекантропа* должны быть довольны тем, что ищут его где-то еще, а не в единственных ископаемых расах, с которыми мы знакомы, и прибегать к неизвестному. Возможно, найдутся те, кто будет роптать на эту необходимость и протестовать во имя *философии*. Пусть говорят, что хотят, мы довольствуемся тем, что на нашей стороне опыт и наблюдение.

VIII. Если рассматривать общее формирование черепа, то все ископаемые расы можно отнести к двум основным типам; один из них явно долихоцефалический, а другой продвигается по степеням от метацефалии к очень сильно выраженной брахицефалии.

Несколько лет назад велись оживленные дискуссии, чтобы решить, какой из этих двух типов предшествует другому. Этот вопрос опять же связан с рядом общих идей, которые можно обозначить как *монголоидную теорию*.

По завершении некоторых раскопок среди древних гробниц и нескольких дольменов Серр в 1854 году объявил, что жители Франции считают монголов своими предками. За некоторое время до этого некоторые скандинавские ученые, в том числе С. Нильссон, Ретциус, Эшрихт и другие, связывали с саамами, то есть с финской расой, круглоголовые скелеты, обнаруженные в неолитических гробницах и торфяных болотах Скании. М. Прунер-бей, объединив эти ранние представления с недавно полученными данными о древности человека, сформулировал постепенно законченную теорию, замечательную своей простотой и тем светом, который она бросает на всю прошлую историю населения Франции.

По мнению этого выдающегося антрополога, в настоящее время все еще существует обширная человеческая формация, которую он называет *монголоидной*, поскольку она, как ему кажется, связана в некоторых отношениях с монгольским типом, правильно называемым так, и в то же время сохраняет определенное количество черт, по которым она напоминает белые расы. Эта великая раса, как ее понимает М. Прунер-бей, занимает большую часть севера старого континента и простирается даже в Америку. Кроме того, в центре и на юге Европы она представлена несколькими более или менее изолированными группами, такими как баски. Некоторые исторические группы, например лигурийцы, принадлежали к ней. Есть все признаки того, что когда-то она занимала всю Европу. Сама же эта раса происходит от примитивной четвертичной расы, о чем нам известно по ископаемым черепам, найденным М. Дюпоном в Фурфузе в долине реки Лесс. О происхождении и родстве этих рас, по мнению М. Прунер-бея, свидетельствуют общая форма черепа и его пропорции, которые у всех этих рас более или менее брахицефалические.

Противники этих общих взглядов выдвигали существование черепов, найденных у неандертальцев в Пруссии, в пещере Энгис в Бельгии, в туфовых слоях Ла Дениз в Оверни, в лёссе Рейна в Эгисхайме в Эльзасе. Все эти головы долихоцефалические. Считалось, что они более древние, чем головы из Фурфуза. Но в это время возникли сомнения иного рода в отношении почти всех этих костей, которые могли бы показаться легитимными, и теория М. Прунер-бея приобрела таким образом много сильных сторонников. Когда в 1875 году я писал свой "Доклад о прогрессе антропологии", я чувствовал себя обязанным приписать

брахицефалическому типу передний род, хотя в то же время делал формальные оговорки, особенно в пользу черепа из Эгисхейма. Последовавшая вскоре за этим находка в Кро-Маньоне, в Перигоре, показала, насколько тщательно мы должны следить за тем, чтобы не делать слишком поспешных выводов. Было очевидно, что в присутствии этих великих долихоцефалии, бесспорно предшествовавших людям Лессе, монголоидная теория должна претерпеть серьезные изменения, которые я без колебаний признал.

С тех пор наука обогатилась новыми открытиями, и многие моменты были прояснены. Старые русла Сены, изученные с замечательным умом М. Бельграном, предоставили нам *относительный хронометр*, показания которого были полностью оценены М. Хэми. Работа, представленная им на Стокгольмском конгрессе, не оставляет места для сомнений. До настоящего времени долихоцефалический тип был найден только в *самых низких галечниках* равнины Гренель. Поэтому он представлен на сайте *канштадтской расой*. Она вновь появляется в виде *кроманьонской расы* в *аллювиальных слоях* на уровне и ниже эрратических блоков на глубине от 3 до 4 м. (10-13 футов). Черепа, более или менее приближающиеся к брахицефальному типу, встречаются только выше этого уровня на глубине от 2-50 м до 1-40 м (от 8 футов 2 дюйма до 4 футов 7 дюймов).

Здесь очевидна суперпозиция, а следовательно, и последовательность типов. Позволяет ли это нам считать, что долихоцефальный тип везде предшествовал брахицефальному? Возможно, мы должны еще сохранять некоторые сомнения на этот счет. Некоторые фрагменты, принадлежащие, вероятно, к последнему типу, были обнаружены в Клиши, немного выше черепного свода расы Канштадт, а прекрасный череп из Надь-Сапа в Венгрии был получен из хорошо охарактеризованного лёсса, возраст которого, однако, не был определен.

Возможно, когда появятся новые факты, способные развеять последние сомнения, мы обнаружим, что эти два типа появились почти в одно и то же время на землях, которые однажды станут Европой; но в настоящее время все говорит в пользу более раннего происхождения долихоцефалов. В Америке единственный известный ископаемый череп приводит к тому же выводу.

Однако, как бы то ни было, монголоидная теория больше не может быть принята как абсолютная. Человек кроманьонский и человек фурфуский не могут быть помещены в одну группу и считаться принадлежащими к одной расе. Идея М. Прунер-бея, тем не менее, отчасти верна, и нельзя отказать этому выдающемуся антропологу в чести связать живые и ископаемые популяции. Тем не менее, то, что он сказал об одной расе, должно быть применено и к остальным. Жители Западной Европы связаны с четвертичным периодом не одним корнем, а как минимум шестью, а возможно, и больше.

IX. Методичное распределение различных рас одного вида - задача не из легких. Эта трудность очень сильно ощущается при изучении живых человеческих рас; она еще больше возрастает при работе с ископаемыми расами. Даже если бы материалы были столь же обильны, как и редки, у нас больше нет идеального индивидуума, и мы не можем пытаться применить *естественный метод*; мы вынуждены довольствоваться *систематической классификацией*. Именно это мы с М. Хэми и вынуждены были сделать; не разделяя абсолютных мнений, которые когда-то выдвинул Ретциус, мы взяли общую форму черепа в качестве отправной точки для нашей классификации. При этом мы лишь подражали палеонтологам в их исследованиях ископаемых животных.

Мы уже видели, что соображения, вытекающие из этого метода, приводят к разделению ископаемого человека на две группы: долихоцефалическую и брахицефалическую. Череп из

Лагоа-Санта, который, судя по всему, должен представлять собой тип отдельной расы, очевидно, относится к первой. Однако сведения об этом ископаемом в настоящее время настолько неполны, что я не могу остановиться на его рассмотрении в таком кратком очерке, как этот.

В этих двух фундаментальных группах различия существуют бок о бок с общим характером. В первой группе эти различия очень велики и сильно выражены; во второй они, как правило, менее заметны. Таким образом, мы четко выделили два долихоцефальных типа, поместив в одну главу и как бы в одно семейство, по крайней мере, часть брахицефальных рас.

Против этой номенклатуры можно выдвинуть несколько возражений, которые нам хорошо известны. Мы прекрасно понимали, что череп Ла Трушера так же отличается от черепа Фурфуза, как череп неандертальца от черепа кроманьонца. Однако, с одной стороны, этот череп является крайним пределом градуированной серии, от которой, как нам казалось, его трудно отделить; с другой стороны, на момент написания работы эта окаменелость была совершенно уникальной. Даже в настоящее время она вновь встречается только в эпоху неолита. Таким образом, отведя ему место в нашей таблице, мы не хотели абсолютизировать отдельный случай.

Что касается других типов, которые мы поместили в эту же главу, то они образуют настоящую естественную группу, каждый из которых в одно и то же время имеет свои особые черты, которые при тщательном изучении мы можем распознать. Таким образом, расы могут быть четко определены. Гренельская раса, в особенности, всегда будет сильно отличаться от двух фурфузских рас. Тем не менее, здесь мы уже не встречаем решающих признаков, которые поражают нас с первого взгляда, а этническое родство становится все более тесным. Возможно, в будущем удастся проследить эти три ветви до общего источника, из которого они все произошли. Короче говоря, мы должны представлять современное состояние наших знаний, не вмешиваясь в права будущего. Наша номенклатура, как мы полагаем, удовлетворяет этому условию.

Мы признаем две долихоцефальные расы - канштадтскую и кроманьонскую. Более или менее брахицефальных рас четыре. Под названием "фурфуцкие расы" мы включили две расы, обнаруженные в этом знаменитом месте. Расы Гренель и Ла-Трушер также получили свои названия от мест, где они были найдены.

Давайте быстро рассмотрим все эти расы.

ГЛАВА XXVI.

КАНШТАДТСКАЯ РАСА.

I. Название этой расы происходит от названия деревни, возле которой была найдена первая человеческая окаменелость. В 1700 году герцог Эберхард Людвиг Вюртембергский раскопал римский оппидум в окрестностях Штутгарда. Среди множества костей животных была обнаружена часть черепной коробки человека. Однако геология и палеонтология были еще в зачаточном состоянии, и природа этого драгоценного фрагмента была неизвестна до тех пор, пока Егер в 1835 году не признал его ценность в качестве аргумента в пользу сосуществования человека с великими вымершими млекопитающими. После тщательного

изучения, благодаря любезности М. Фрааса, М. Хэми и я смогли без труда связать его со знаменитым черепом неандертальца.

II. Последний был обнаружен в 1857 году в небольшой пещере недалеко от Дюссельдорфа. Скелет был совершенен. К сожалению, рабочие, обнаружившие его, сломали и разбросали кости, часть из которых была спасена доктором Фюльроттом. Выставленные в том же году на Боннском конгрессе, они стали предметом длительного изучения и обсуждения. М. Шааффаузен, хотя и сам иногда выходил за рамки истины, с самого начала занял правильную позицию. Некоторые анатомы, однако, хотели рассматривать этот экземпляр как особый *вид* и даже новый *род*. В частности, его считали промежуточным между человеком и обезьянами, и кое-где еще можно найти следы этих мнений.

Единственной причиной этих преувеличений является особенность, поразительная, правда, которая представлена этим черепным сводом. У неандертальца лобные пазухи имеют исключительное развитие, а надглазничные гребни, почти потерянные в середине глабеллы, образуют самый странный выступ над орбитой. Эту конформацию не преминули сравнить с *костными гребнями*, которые имеются в том же месте у антропоморфных обезьян. Затем, отталкиваясь от этого факта, было сочтено необходимым найти в остальной части черепа признаки, гармонирующие с этой *симпатической особенностью*. Акцент был сделан на его небольшом возвышении, удлиненной форме, выступе затылочной части и т.д.

С некоторой долей предвзятости, сравнивая его только с современными черепами, которые считаются нормальными, из неандертальца сделали отдельный вид существ. Постепенно, однако, другие черепа, столь же ископаемые, были связаны с этим типом. Действительно, в некоторых частях Европы те признаки, которые слишком поспешно были объявлены уникальными, были обнаружены в дольменах, в менее древних захоронениях, у исторических личностей и даже у людей, живущих в настоящее время. Таким образом, не оставалось ничего другого, как заключить, что неандерталец принадлежал к формации, которая, несомненно, была человеческой, к *расе*, некоторые черты которой были просто преувеличены в его случае.

Эта раса не менее примечательна и прекрасно охарактеризована. У всех особей мужского пола мы находим большее или меньшее развитие надбровных выступов, которые так бросались в глаза у неандертальца. Низкий и узкий лоб кажется еще более покатым из-за этого контраста. Свод черепа значительно уплощен. Довольно правильный в двух передних третях, он поднимается к верхней части затылка и удлиняется назад. Весь череп относительно узкий, и мы уже видели, что цефалический индекс опускается до 72. Эти кости также отличаются своей толщиной, которая в черепе Эгисхейма достигает 11 миллиметров (0-43 дюйма). Некоторые из этих особенностей изменены в женском черепе. Надглазничные гребни почти полностью исчезают. Затылочный выступ, и особенно выступ его верхней части, выражены гораздо слабее. Цефалический индекс поднимается на одну-две единицы, но уплощение свода и другие признаки сохраняются.

Череп неандертальца и все те, которые также можно отнести к канштадтскому типу, являются неполными и лишены лица. Лишь один череп, возраст которого, к сожалению, точно не установлен, позволяет заполнить этот пробел. Это череп из каменоломни Форбс близ Гибралтара. В этом случае череп, и особенно лоб, в точности совпадают с описанием, приведенным выше для черепа неандертальца. Огромные и почти круглые орбиты, индекс которых поднимается почти до 68-83, хорошо согласуются с пережитками в черепе неандертальца и скрывают своей внешней границей височную область. Внизу скуловые кости спускаются почти вертикально, носовые кости выдаются вперед, носовые отверстия

очень широкие. Верхняя верхнечелюстная кость заметно прогнатизирована, и, наконец, зубная дуга имеет форму лошадиной подковы, сужающейся кзади. Все это грубо и массивно. Лицо, недавно обнаруженное М. Пьеттом в гроте Гурдан, которое вскоре будет описано М. Хэми, подтверждает связь, которую мы установили между черепом из карьера Форбс и останками канштадтской расы. Найденный в нижних слоях пещеры, среди кремней типа Мустье, этот экземпляр воспроизводит с некоторыми изменениями признаки, которые мы только что описали. Нижняя верхнечелюстная кость напоминает кость Арси.

Если объединить эти характеристики с теми, что представлены знаменитой верхнечелюстной костью Наулетта, то следует добавить, что подбородок у человека из Канштадта лишь слегка выдается вперед, и что нижняя часть лица в этом отношении иногда была более своеобразной, чем у большинства черепов негров из Гвинеи. Исследования М. Хэми, однако, показали, что необычная верхнечелюстная кость, обнаруженная М. Дюпоном, опять же была лишь преувеличенной реализацией типа, который встречается в других местах в значительных модификациях.

Короче говоря, череп и лицо человека из Канштадта, как правило, должны были представлять собой странный дикарский аспект.

Тело, похоже, гармонировало с головой. Немногочисленные кости конечностей, сохранившиеся в более или менее неповрежденном состоянии, указывают на рост всего лишь от 1 м.68 до 1 м.72 (от 5 футов 6 дюймов до 5 футов 8 дюймов); однако их пропорции атлетичны. Они очень толстые относительно своей длины, а выступы и впадины, служащие для крепления мускулов, замечательно развиты. Более того, берцовая кость, обнаруженная М. Бертраном в карьере в Клиши, имеет уплощенную форму, которая была названа *платикнемической*, а ребра скелета неандертальца были заметно более округлыми, чем это обычно бывает.

III. Насколько нам известно, канштадтская раса, несомненно, является древнейшей европейской расой. Она оспаривала первенство у великих вымерших млекопитающих - мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя и пещерной гиены. Таким образом, он относится к самым ранним периодам четвертичной эпохи. По мнению М. Шааффаузена, его можно отнести к еще более раннему периоду и отождествить с третичным человеком, пережившим последнюю геологическую революцию.

Натуралист, который так хорошо познакомил нас с неандертальцем, лишь ссылается в поддержку своего мнения на то, что он называет *типичной неполноценностью* этого человека и тех, кто с ним связан. Эта причина для многих была бы недостаточным мотивом для принятой им точки зрения. Но я уже отмечал выше, что мы вправе предположить, что человек последовал в Европу за крупными млекопитающими, которые были вытеснены холодом в более южные страны. Поэтому нет ничего странного в том, что раса, на которую все указывает как на самую древнюю на нашей земле, должна была также совершить миграцию. Но были ли Сен-Прест, Монте-Аперто и особенно Тенеи только ее первопроходцами? Только будущее может ответить на этот вопрос утвердительно или отрицательно.

Как бы то ни было, остатки человеческой промышленности свидетельствуют о хорошо заметном прогрессе с древнейших времен. Орудия труда и оружие становились все более многочисленными и совершенными. Оленьи рога и медвежьи челюстные кости превращаются в оружие и инструменты; в дополнение к скребкам и бурам, форма которых

становится все более заметной, мы находим ножи, долота и молотки, вделанные в рукоятки: топоры гораздо большего размера, иногда сравнительно тонкие, плоские с одной стороны, но ретушированные с другой, иногда толстые и грубо вырезанные с обеих сторон, с рукояткой или без нее, принадлежат к *мустьерскому* и *аквельскому* типам М. Де Мортилье; они принимают определенные формы, по которым мы можем распознать несколько модификаций, характерных для определенных местностей; стрела стала больше, а копье превратилось в грозное оружие. Среди самых низких четвертичных аллювиальных отложений мы встречаем небольшие кучки *coscinopora globularis* и других мелких меловых окаменелостей, пронзенных либо естественным, либо искусственным путем. Единственное возможное объяснение - рассматривать эти полипы и раковины как некогда составлявшие ожерелья или браслеты, нить которых исчезла. Таким образом, вкус к украшениям, так сильно развитый у современных дикарей, проявился уже в этот период.

Если мы сравним индустрию, все еще очень скромную, с современной, то сможем составить приблизительное представление о том, что представляла собой раса Канштадта, когда она занимала, возможно, почти всю Европу. Вместе с М. Ларте мы видим в обсидиановых копьях Новой Каледонии кремневые головки из нижнего аллювия Соммы; топор некоторых австралийцев напоминает нам, как и сэру Чарльзу Лайеллу, аббевильский топорик. Именно с последними и с босхесманами мне хотелось бы связать неандертальского человека и его собратьев. Как и они, он, похоже, чаще всего вел бродячий образ жизни. Но нам известны лишь немногие его жилища или места встреч, такие как пещера Наулетт. Ничто не указывает на то, что у него были места погребения, подобные тем, что мы находим позже. Более того, все указывает на то, что он жил исключительно как охотник, и нет ничего, что могло бы оправдать нас в предположении, что он был знаком с сельским хозяйством, которое доведено до такого замечательного уровня некоторыми меланезийскими неграми.

IV. Судя по геологическому распределению останков, которые встречаются до настоящего времени, канштадтская раса в четвертичный период в основном занимала бассейны Сены и Рейна и простиралась, возможно, до Стенгеняса в Бохуслане; несомненно, до Ольмо в центральной Италии; до Брюкса в Богемии; до Пиренеев во Франции, и, вероятно, до Гибралтара.

Эта раса не ограничена геологическим временем. Внимание, вызванное странными особенностями черепа неандертальца, послужило поводом для начала широкомасштабных исследований, которые быстро вывели этот образец из изоляции, в которой, как казалось вначале, он должен был находиться. Б. Дэвис, Буск, Тернер, Кинг, Картер Блейк, Прунер Бей, Фогт, Хаксли и Хэми были особенно успешны в этих исследованиях, и выявили отношения, которые теперь общеприняты.

Результат всех этих трудов заключается в том, что канштадтский тип, иногда удивительно чистый, а иногда снова более или менее измененный пересечениями, встречается в дольменах и на кладбищах галло-римского периода, в средневековье и в современных гробницах от Скандинавии до Испании, от Португалии до Италии, от Шотландии и Ирландии до долины Дуная, в Крыму, в Минске и до Оренбурга в России. Эта территория обитания охватывает, как мы видим, все время, прошедшее с четвертичного периода до наших дней, и всю Европу.

М. Хэми справедливо заметил, что в Индии, среди населения, вытесненного арийским нашествием, вероятно, существуют представители неандертальского типа. Тем не менее, чтобы найти их с какой-либо степенью уверенности, мы должны дойти до Австралии. Наши

исследования в этом вопросе подтвердили выводы Хаксли. Среди рас этого великого острова есть одна, распространенная, в частности, в провинции Виктория, в окрестностях Порт-Уэстерна, которая замечательным образом воспроизводит черты канштадтской расы.

Наконец, канштадтская раса имела своих представителей и в Америке. Один из рисунков, опубликованных ММ. Ласерта и Пейшото, не оставляет места для сомнений. На нем изображена почти вся верхняя часть черепной коробки, найденной в провинции Сеара, сходство которой с черепом Эгисхайма очень поразительно. К сожалению, бразильские натуралисты ничего не говорят о положении этого драгоценного фрагмента в момент его обнаружения, и мы не знаем, является ли данный череп ископаемым или же он относится к современной эпохе.

V. Все эти факты, которые я вынужден суммировать в нескольких строках, ставят важную проблему и приводят к интересному выводу.

Прежде всего, имеем ли мы основания этнологически связывать черепа более или менее неандертальского типа, обнаруженные как на Антиподах, так и в Европе, с расами, останки которых сохранил четвертичный аллювий? Не является ли воспроизведение этого типа чисто случайным? Не обязаны ли древнейшие черепа своим выдающимся характером какому-то патологическому состоянию, простому отклонению от нормального развития, в частности преждевременному соединению костей черепа?

Этих мнений придерживаются несколько, и последнее из них имеет своих приверженцев. В основном она опирается на состояние окостеневших швов черепа неандертальца. Но эти же швы можно наблюдать и в черепе Канштадта. М. Соваж обнаружил в почти младенческой лобной кости Ла Дениза все неандертальские признаки, хотя медиально-фронтальный шов пока существовал лишь частично. Он полностью открыт в черепе молодого человека, обнаруженного в опухоли Пуату, описанного М. Прюнер Беем, и который невозможно не связать с предыдущим.

Таким образом, мы не можем объяснить преждевременное окостенение швов формой черепа людей из Канштадта. По гораздо более веской причине, четко выраженные признаки лба и лица, которые остаются, не могут поддержать эту теорию, и мы должны допустить, что все это представляет собой истинный этнический тип.

Поскольку мы встречаемся с этим типом, распространенным во времени и пространстве, всегда в принципе одинаковым, а иногда вновь появляющимся во всей своей первобытной чистоте, мы вынуждены выбирать между двумя следующими интерпретациями: либо мы имеем здесь *пример атавизма*, важность которого подтверждается его всеобщностью, либо воспроизведение этих исключительных форм среди *самых разнообразных популяций* и при *самых разных условиях жизни* объясняется простой *случайностью*.

Законы, которые управляют формированием и поддержанием животных и растительных рас и от которых человек не может освободиться, не позволяют допустить последнего вывода. Именно поэтому мы с М. Хами рассматривали канштадтскую расу как один из элементов современных популяций. В Европе она смешалась с последующими расами, но подтверждает свое прошлое существование следами, которые она оставляет на некоторых редких особях даже в наши дни. В Австралии, возможно, у нее есть прямые потомки в племенах Северо-Запада.

VI. Эпитеты "*брутальный*" и "*симулянт*", слишком часто применяемые к черепу неандертальца и к тем, кто на него похож, предположения, сделанные в отношении индивидуума, которому они принадлежали, могли бы заставить нас думать, что определенная моральная и интеллектуальная неполноценность была естественным образом связана с этой формой черепа. Легко показать, что это заключение покоится на самом ничемном фундаменте.

На Парижском конгрессе М. Фогт привел пример одного из своих друзей, доктора Эммайера, чей череп в точности повторяет череп неандертальца, и который, тем не менее, является выдающимся врачом по лунатизму. Проходя через Копенгагенский музей, я был поражен неандертальскими чертами, представленными одной из черепных коробок в коллекции; это оказался череп Кая Ликке, датского джентльмена, который играл определенную роль в политических делах 17 века. М. Годрон опубликовал рисунок черепа святого Мансуя, епископа Туля в IV веке, и эта голова даже преувеличивает некоторые из наиболее ярких черт неандертальского черепа. Лоб еще более покатый, свод более впалый, а голова настолько длинная, что цефалический индекс составляет 69-41. Наконец, череп Брюса, шотландского героя, также является воспроизведением канштадтского типа.

При наличии этих фактов мы должны с уверенностью признать, что даже тот человек, чьи останки были найдены в пещере неандертальца, был способен обладать всеми моральными и интеллектуальными качествами, совместимыми с его низшим социальным положением.

ГЛАВА XXVII.

КРОМАНЬОНСКАЯ РАСА.

I. В 1858 году в долине реки Везер, неподалеку от деревни Лез-Эзи, уже ставшей знаменитой благодаря исследованиям старших М. Ларте и Кристи, рабочие обнаружили в скале-убежище кроманьонцев кости трех мужчин, женщины и ребенка, которые были сохранены для науки М. М. Бертон-Мейроном и М. Деллем. Бертон-Мейрон и Дельмарес. М. Луи Ларте, которому было поручено изучение этих отложений, определил их геологический возраст; М. М. Брока и Прунер-бей описали их со всей точностью, которую мы должны были ожидать от их знания предмета, а дискуссии, возникшие между этими двумя выдающимися антропологами, еще сильнее выдвинули основные моменты. Таким образом, кости кроманьонцев стали классическими почти в течение суток после их обнаружения; и мы с М. Хами не смогли сделать ничего лучше, чем сгруппировать вокруг них человеческие останки, которые на них похожи. Это послужило причиной выбора названия, которое мы дали нашей второй долихоцефальной расе.

Как и предыдущая, эта раса также имеет своего типичного представителя, который преувеличивает в некоторых отношениях характерные черты расы и, таким образом, представляет собой крайний термин для сравнения. Контраст становится еще более разительным. Единственный характер, общий для неандертальского человека и кроманьонского старика, заключается в пропорциях черепа. Цефалический индекс, составляющий здесь 73-76, отличается очень незначительно, как мы сразу видим из того, что мы уже говорили. Более того, в черепе той же расы, найденном в Солютре, он опускается до 70-05; в знаменитом черепе Engis он составляет 70-52. Именно это удлинение спереди

назад заставило Шмерлинга связать ископаемого человека, которого он только что обнаружил, скорее с эфиопом, чем с европейцем. Это, по крайней мере, отчасти объясняет теорию, согласно которой негр является отправной точкой нашей расы. М. Хэми, связав череп Энгиса с кроманьонским типом, добавил еще один факт к тем, которые расходятся с этой доктриной.

Во всех остальных отношениях голова кроманьонца и голова из Канштадта очень несхожи. Вместо низкого и отступающего лба над надбровными дугами, напоминающего об обезьяне, вместо уплощенного свода, как у черепа неандертальца и его сородичей, мы видим большой лоб, возвышающийся над лобными пазухами, но слегка выраженный, и свод, представляющий собой прекрасные пропорции. Лобная кость замечательно развита по направлению назад. Лобно-затылочный изгиб продолжается с поразительной регулярностью до небольшого расстояния над лямбдой. Там она изгибается так, что образует поверхность, которая продолжается на мозговую часть затылочной кости. Мозговая часть той же кости круто уходит вниз и представляет собой многочисленные сильные отпечатки мышечных вставок.

Этот череп, столь примечательный своими тонкими пропорциями, также отличается своими возможностями. По данным М. Брока, который мог работать только при соблюдении мер предосторожности, направленных на уменьшение объема, он равен по меньшей мере 1590 кубическим сантиметрам (96-99 кубических дюймов). Я уже отмечал, что это число намного превышает среднее значение, взятое у современных парижан; в равной степени это относится и к другим европейским расам.

Таким образом, у дикаря четвертичной эпохи, которому приходилось сражаться с мамонтом с каменными орудиями в качестве оружия, мы находим все те краниологические характеристики, которые обычно считаются признаком большого интеллектуального развития.

Черты лица не менее поразительны, чем черты черепа. В головах, которые М. Прунер Бей называет *гармоничными*, лицо, вытянутое сверху вниз, соответствует черепу, вытянутому сзади вперед. При несоответствии этих пропорций голова является *дисгармоничной*. Этот последний признак очень сильно выражен у кроманьонского старика. Бизигматический поперечный диаметр приобретает величину, редкую даже у гармоничных брахицефалов. В его случае лицевой индекс опускается до 63.

Это преувеличение ширины присутствует также во всех верхних и медиальных частях лица. Орбиты, почти прямолинейные в своих крайних точках, отличаются небольшим возвышением, будучи, с другой стороны, очень длинными. Орбитальный индекс опускается ниже, чем когда-либо знал М. Брока: он составляет всего 61.

Но эта тенденция к широте не распространяется ни на медиальные области, ни на нижнюю часть лица. Нос, кости которого смело выступают вперед и образуют сильно выраженный выступ, узкий; по индексу 45-09 он ставит кроманьонского старика в ряд с лепторхини М. Брока. Верхняя верхнечелюстная кость одинаково сужена по отношению к лицу, на котором она заканчивается, а альвеолярная дуга выступает наружу таким образом, что образуется очень выраженный прогнатизм. Нижняя верхнечелюстная кость особенно примечательна шириной своих восходящих ветвей, которые, согласно исследованиям М. Брока, превосходят в этом отношении все остальные известные челюстные кости человека. Длина, о которой идет речь, составляет 49 м.м. (1-93 дюйма). Слегка треугольный подбородок не исчезает и не отступает, как у канштадтской расы, а выступает вперед.

Цефалические признаки кроманьонского старика в большей или меньшей степени выражены у всех мужчин той же расы. У женщин они, как правило, изменены. Так, даже в том экземпляре, голова которого, к сожалению, неполная, была обнаружена неподалеку от головы старика, мы видим, что красивые линии черепа сохранились, а лоб даже поднялся немного выше. Но задняя поверхность менее выражена, дисгармония между черепом и лицом менее сильна. Последнее относительно длиннее, орбиты выше, нос шире, а прогнатизм изменен. Однако мы не можем отрицать этнического родства двух голов, которые были найдены вместе и которые, таким образом, представляют собой определенные условия сравнения для двух полов.

Кроманьонцы были высокими. Средний рост, выведенный на основании измерений, сделанных М. Хэми на скелете и отдельных костях пяти мужчин, составляет 1-78 м. (5 футов 10 дюймов). У кроманьонского старика он составлял около 1-82 м. (5 футов 11-6 дюймов), а у мужчины из Ментоны, чей скелет был найден М. Ривьером целиком и *in situ*, он составлял 1-85 м. (6 футов 0-8 дюймов). Кроманьонская женщина достигала 1-66 м. (5 футов 5-3 дюйма). Эти кости и все, что с ними связано, свидетельствуют о том, что раса была очень сильной. Они толстые и массивные. Во всех случаях очень сильно выражены мышечные отпечатки. У кроманьонского старика бедренные кости, как мы уже отмечали, самые широкие и толстые из всех, которые когда-либо измерял М. Брока. Линия бедра (*linea aspera*) также необычайно широка и толста и образует своего рода выдающуюся колонну или контрфорс.

Наконец, у кроманьонцев прекрасный открытый лоб, большой, узкий и аквилинный нос, должно быть, компенсировали любую странность, которую лицо могло приобрести из-за вероятного маленького размера глаз, очень сильных массметров и слегка ромбовидного контура. С этими чертами, тип которых ни в коем случае не является неприятным и допускает настоящую красоту, эта великолепная раса сочетала высокий рост, мощные мышцы и атлетическое телосложение. Кажется, что она была во всех отношениях приспособлена для борьбы с трудностями и опасностями дикарской жизни.

II. Мы уже видели, что кроманьонская раса была обнаружена непосредственно над Канштадтом в аллювиальных отложениях Гренель. Следовательно, она очень древняя и была современницей крупных млекопитающих, которые сейчас либо вымерли, либо эмигрировали. Более общительный, несомненно, и более оседлый, чем предыдущая раса, он обитал в пещерах, где оставил многочисленные образцы своей ручной работы; он хоронил своих мертвых под укрытиями, где их находят сейчас. Множество выдающихся исследователей изучали эти *научные каменоломни*. Я не могу перечислить их всех здесь, но есть одно имя, упущение которого было бы непростительно, а именно имя Эдуарда Ларте. Хорошо известно, с какой настойчивостью, то в одиночку, то в сопровождении своего друга Кристи, этот человек, столь же скромный, сколь и ученый, исследовал эти пещеры, какие сокровища он из них извлек, а также благоразумие и проницательность, которые он проявил в интерпретации своих великолепных открытий, и только справедливость была проявлена в отношении него при присвоении ему титула *основателя человеческой палеонтологии*.

Благодаря ему и тем, кто пошел по его стопам, мы обладаем основными элементами истории кроманьонской расы. Почти не покидая долину Везера, имя которой так высоко стоит в антропологии, мы можем, как это сделал М. Брока, следовать за ней шаг за шагом. В самом деле, от деревни Лез-Эзи до скалы-убежища Мустье на расстоянии семи-восьми миль мы встречаем не менее восьми человеческих поселений, каждое из которых стало более или менее знаменитым благодаря различным записям, которые они предоставили. Это пещера

Мустье, убежище Мустье, убежище Ла-Мадлен, убежище и захоронение кроманьонцев, убежище Ложери-От, убежище Ложери-Бассе, пещера Горж-д'Энфер и пещера Ле-Эзи.

Самая древняя, Мустье, связана по своей фауне с нижним аллювием (bas niveaux) Гренель и датируется, по крайней мере, концом эпохи медведя; пещеру Ла-Мадлен нельзя отнести намного раньше современной эпохи. Между этими двумя крайними точками находятся остальные шесть, и в целом они, так сказать, обозначают два последних периода четвертичной эпохи. И все же, чтобы получить четкое представление о социальном и интеллектуальном развитии расы, узнать, насколько она соответствовала изменениям климата, и какой прогресс или упадок наложили на нее эти изменения, мы должны ознакомиться со свидетельствами, которые она оставила во многих других местах, и особенно в пещерах и убежищах Брюникеля, в захоронениях Солютре, в пещерах Гурдан, Дюрути, Л'Омм-Морт и т.д.

Люди, которые часто посещали пещеру Мустье, похоже, не были намного выше канштадтской расы, с которой они, возможно, были связаны, и чьему производству они тщательно подражали. Условия их существования были почти такими же, как и в предшествующую эпоху. Они жили среди крупных млекопитающих, которые служили им пищей. Основными объектами их спорта были лошадь и аурох. Но они питались и мамонтом, и медведем, и даже львом и пещерной гиеной. Для борьбы с такими врагами они использовали разновидность наконечника копья и небольшое копье, гладкое с одной стороны, изрезанное с другой и острое по краям, что, несомненно, являлось грозным оружием. Эта особая форма характеризует *тип мустье* М. де Мортилье. Охотники этой эпохи вырезали свои стрелы по тому же образцу, но пользовались ими редко; похоже, они презирали птиц и мелкую дичь; остальные орудия остались почти такими же, как и в предыдущую эпоху.

В эпоху кроманьонцев прогресс очевиден. Наш прекрасный старик и его спутники имели оружие и орудия из кремня, которые были более многочисленными, более разнообразными и менее массивными. Судя по остаткам их кухни, они, должно быть, часто использовали лук, для добычи птиц и мелких млекопитающих, в то время как на крупных животных, особенно на лошадей, они по-прежнему нападали с помощью копья, наконечника копья и, возможно, кинжала.

В Ложери-От, на Везере, в Солютре, в Маконне, и других современных поселениях резка кремня достигла степени совершенства, которая была поистине чудесной. Иногда, несомненно, старые типы появлялись рядом с формами, измененными разумным опытом и совершенным мастерством. Но все же преобладание последних настолько заметно, что отчетливо характеризует эту эпоху. Острия копий и копьев сужаются более или менее в форме листа грецкого ореха, лавра или подорожника. Они очень заострены и становятся совершенно симметричными. Наконечники стрел - предмет особой заботы. М. де Ферри очень хорошо показал, что общая форма, вес, угол и т. д. были рассчитаны таким образом, чтобы быть приспособленными к различным расстояниям полета, к потребностям погони. Все эти инструменты, тонко вырезанные с обеих сторон, представляют собой, кроме того, гораздо более замечательную отделку, чем та, которую мы встречаем в любом из других орудий. Они достойны того, чтобы быть принятыми за одно из условий сравнения, признанных М. де Мортилье, и составляют его *тип Солютре*.

Будучи по сути охотниками и, безусловно, воинами, мужчины этого периода уделяли главное внимание своему оружию. Вероятно, они испытывали определенную гордость от обладания самым тонким или самым лучшим оружием; но относительное безразличие, которое они

проявляли в отношении других предметов, показывает нам, что их главной целью в завершении работы было сделать свое оружие более ужасным, увеличив его проникающую способность. Несколько фрагментов костей, обнаруженных в местах, удаленных друг от друга, и относящихся к нескольким периодам, доказывают, что это кремневое оружие, обработанное сильными руками, не оставляло желать ничего лучшего в этом отношении. Я упомяну лишь позвонок северного оленя, пробитый копьем или копьем, и человеческую берцовую кость, через головку которой прошла стрела рядом с коленной чашечкой. В обоих случаях остался обломок кремня, свидетельствующий о хорошем качестве оружия и о силе, с которой оно использовалось.

Во время отложения верхнего слоя речной гальки, когда преобладание оленей было наиболее заметным, индустрия людей кроманьонцев претерпела внезапные изменения. До этого момента кремнь, а в его отсутствие и другие твердые камни, служили как орудием труда, так и инструментом, созданным с помощью первого. Несомненно, с древнейших времен время от времени использовались кости и рога оленя или северного оленя, но они играли почти незначительную роль в изготовлении инструментов или оружия. В эпоху, о которой мы говорим, они приобрели все большее значение и вскоре стали почти единственным материалом для изготовления оружия. Кремнь теперь использовался только для изготовления орудий, а они, напротив, становились все более многочисленными и приспособленными для самых разных целей. Именно из кремня троглодиты из Лез-Эзи, Ложери-Бассе, Ла-Мадлен и множества других поселений выпиливали и вырезали рога своих оленей, чтобы сделать крепкие гарпуны, которые были заточены только с одной стороны. Именно из кремня они делали иглы, не намного длиннее наших, и протыкали ими глаз. У некоторых экземпляров он настолько мал, что его прокол оставался проблемой, пока Лартет не воспроизвел его собственной рукой, используя одно из открытых им орудий. Но самым характерным предметом *магдаленского* типа является наконечник стрелы, регулярно зазубренный с обеих сторон, зубцы которого содержат маленькие каналы, вероятно, предназначенные для вместилища какого-то ядовитого вещества.

Кроме того, последовательность отраслей, на которую я только что указал, отнюдь не неизменна. По мере увеличения числа исследований и открытий мы все больше убеждаемся в том, что несколько колоний рассматриваемой расы, подчиняясь местным потребностям или в силу случайностей своего развития, не представляют собой непонятного единообразия. Последние раскопки, проведенные в Солютре ММ. Арселен и аббат Дюкрост, показывают оружие и инструменты магдаленского типа, которые предшествуют солютрейским. В ту эпоху, как и в настоящее время, существовало определенное разнообразие, которое объясняет совпадение во времени различных промышленных типов среди этого населения схожего происхождения.

III. Более легкое, более надежное и более разнообразное оружие сообщает о переменах в жизни наших троглодитов. Они продолжают, правда, охотиться на крупную дичь, когда она попадает им на пути; несколько редких мамонтов, переживших климатические изменения, все еще попадают им под руку; лошадь также часто участвует в их трапезе. Однако олени в основном преобладали в *обломках* их кухни. Вместе с ними встречаются останки мелких млекопитающих, таких как заяц и белка. Птицы также стали в значительной степени использоваться в пищу. Из костей, обнаруженных в одном гроте Гурдана, так замечательно исследованном М. Пьеттом, М. Альф. Эдвардс смог выделить двадцать отдельных видов. Наконец, люди магдаленской эпохи также питались рыбой, но рыбалка для них снова была своего рода охотой. Они, очевидно, не использовали крючок и ловили гарпуном только более крупные виды рыб, лосося в Перигоре и щуку в Пиренеях.

Транспортировка крупных животных, попавших им под руку, к месту их обычного обитания была бы слишком тяжелой даже для таких выносливых охотников. Они разделяли их на месте, оставляя лишь скелет туловища. В пещерах мы редко находим больше, чем кости головы и конечностей, которые, опять же, почти всегда сломаны. Как и все дикари, троглодиты из Везера высоко ценили мозг и костный мозг. Длинные кости, в которые заключен последний, очевидно, были методично расколоты с целью сохранения содержимого. ММ. Лартет и Кристи даже считают, что для поедания этих деликатесов использовался специальный инструмент. Лопатка из рога северного оленя с конической, богато украшенной резьбой ручкой, пологой и округлой на конце, рассматривается ими как *ложка для костного мозга*.

Большое количество пепла и жженой древесины, найденное в отложениях Везера, не оставляет сомнений в том, что огонь использовался для приготовления пищи. Однако способ, которым он использовался, представляет собой довольно сложную задачу. Среди этих охотников не было найдено никаких следов керамики, и ничто не указывает на то, что они были знакомы с *печью* полинезийцев. Поэтому они должны были работать, как сибиряки, у которых в конце прошлого века были только кожаные или деревянные сосуды, но которые, тем не менее, могли кипятить воду в них, бросая в них раскаленные кремни.

У нас нет оснований думать, что кроманьонец был каннибалом. Среди *обломков* его кухни мы не находим ни одной длинной кости, сломанной для извлечения костного мозга, который не мог не быть смешан с костями крупных млекопитающих, если бы человеческая плоть хотя бы случайно составляла часть их трапезы. Тем не менее, М. Пьетт нашел в Гурдане несколько останков человеческих черепов, на которых видны следы кремневых ножей, а также следы ударов, которые, по-видимому, сломали их. Топоры и атланты в большом количестве, челюстные кости, сломанные или целые, сопровождают эти фрагменты черепного свода. Эти факты могут оправдать мнение М. Пьетта. Воины Гурдана, убив врага, несомненно, приносили его голову домой, снимали с нее скальп и, возможно, подмешивали мозг в какую-то похлебку, как это делают некоторые племена Филиппинских островов в наши дни. Но они не ели плоть побежденных, обезглавленные трупы которых, вероятно, оставались на поле боя.

IV. Иглы, подобные тем, о которых я говорил выше, не были бы сделаны, если бы не было что шить. Уже один этот факт наводит на мысль об одежде. Сырьем служила погоня. Искусство подготовки шкур, должно быть, было перенесено этими племенами так же далеко, как и краснокожими, если судить по количеству скребков и гладилок, найденных на их стоянках. Следы, оставленные кремневыми ножами в местах вставки длинных сухожилий, взятых из конечностей северного оленя, показывают, как добывалась нить. Сшитая одежда, должно быть, украшалась различными способами, как это делают дикари в наши дни. На скелете, обнаруженном в Ложери-Бассе М. Массенатом, было найдено двадцать проколотых раковин, расположенных попарно на разных частях тела. Это был не случай ожерелья или браслета, а украшение, расположенное почти симметрично на одежде. Скелет из Ментоны, обнаруженный М. Ривьером, имел схожий вид.

Таким образом, вкус к украшениям, столь поразительный в наши дни как у самых диких, так и у цивилизованных народов, существовал у троглодитических племен четвертичной эпохи. Более того, существует множество подтверждений этому факту. Фрагменты ожерелий, браслетов и т.д. были найдены во множестве станций. В большинстве случаев эти украшения составляли морские раковины, иногда ископаемые, добытые из третичных слоев. Но

кроманьонский человек соединял с ними зубы крупных плотоядных; с тем же намерением он вырезал пластины из слоновой кости, некоторые мягкие или твердые камни и даже делал бусы из глины, которые просто высушивал на солнце. Наконец, он наносил на себя татуировки или, по крайней мере, расписывал свое тело оксидами железа или марганца, небольшие запасы которых неоднократно находили на разных стоянках и которые оставили свой след на костях некоторых скелетов, например, на скелете Ментоне.

V. До сих пор кроманьонцы почти не демонстрировали превосходства над охотничьими племенами Америки, разве что в ловкости, которую они проявляли при рубке кремня. Но художественные инстинкты, которые они проявили почти с самого первого появления, и то, до чего они довели рисование и скульптуру в мадленскую эпоху, ставят их в исключительное положение среди тех народов, чья эволюция была остановлена на самой низкой стадии социальной жизни. Относительное облегчение климатических условий, сокращение численности крупных и свирепых животных, сопровождавшееся размножением полезных видов, особенно северного оленя, поставило в эту эпоху кроманьонца в условия благополучия, неизвестные его предшественникам. Он извлек из этого выгоду, развив самым неожиданным образом свои превосходные таланты.

Как правило, большее количество скульптур, изображающих животных, оставляет желать лучшего. Мы действительно можем узнать северного оленя, представленного в высоком рельефе; также не составит труда признать мамонтом небольшую резьбу, сделанную из рога северного оленя, обнаруженного в Монтастрюке. Тем не менее, эти образцы дают лишь слабое представление о магдаленском искусстве. Рукоятки кинжалов из слоновой кости, найденные М. Пеккадо де Л'Ислы у бока мамонта, к счастью, подтверждают это впечатление. На обоих олень изображен приседающим, ноги согнуты, голова вытянута, а рога лежат вдоль тела, чтобы не стеснять руку, которая должна их держать. Позы настолько естественны, а пропорции настолько точны, что современный скульптор-декоратор, работая над тем же сюжетом, вряд ли смог бы лучше скопировать своего античного предшественника.

Рисование или, скорее, гравирование было гораздо более распространенным занятием, чем скульптура. В ней также больше интересных моментов. Вооружившись кремневым острием, художники четвертичного периода поочередно гравируют кость и рога северного оленя, слоновую кость мамонта и камни разных видов. Иногда они пытались воспроизвести окружающие их растения или животных, а иногда, следуя собственной фантазии, создавали орнаменты, в которых мы встречаем почти все принципы, изобретенные много веков спустя. Многочисленность и разнообразие этого вида гравюры свидетельствуют о богатом воображении и настоящей изобретательской способности.

Способность к подражанию не менее ярко проявляется в рисунках, изображающих реальные объекты, в частности животных. Они часто отличаются твердостью штриха, демонстрируют прекрасное понимание целого и воспроизводят детали с такой точностью, что мы безошибочно узнаем не только группу, но даже вид, изображенный художником. Таким образом, мы находим последовательно быка, аурокса, лошадь, северного оленя, лося, оленя, штейнбока, китообразное, некоторых рыб и т. д. После этих достоверных изображений, модели которых нам известны, нет причин сомневаться в точности, с которой были нарисованы некоторые вымершие животные. Это очень простое соображение придает большой интерес рисунку пещерного медведя, найденного М. Гарригу на куске массатского сланца, и рисунку мамонта, обнаруженного М. Ларте в пещерах Перигорда. Благодаря последним и тому, что мы знаем о мамонтах, сохранившихся во льдах Сибири, художник наших дней может почти в точности воспроизвести портрет этого гиганта древнего мира, исчезнувшего так давно.

VI. Человек очень редко фигурирует на этих рисунках и скульптурах, а те изображения нашего вида, которые встречаются до сих пор, демонстрируют относительную неполноценность, что действительно очень странно. Небольшая статуэтка из слоновой кости, найденная месье де Вибрайе в Ложери-Бассе, едва ли свидетельствует даже о зачаточном состоянии этого искусства. Это женщина, пол которой мы можем определить по деталям, несомненно, преувеличенным, но длинная, жесткая и с очень странными выступами на нижней части поясицы. Скрюченная человеческая фигура, найденная аббатом Ландеском в том же месте, еще более неудачна. Рисунки мужчин и женщин едва ли лучше, а контраст, который иногда представляется на одном и том же образце между ними и рисунками животных, очень странен. *Женщина-олениха* аббата Ландеска гротескна, в то время как задние ноги животного, которые сохранились в единственном экземпляре, обладают всеми качествами, которые я отметил выше и которые можно заметить в великолепной голове лошади, выгравированной на другой стороне кости. В *человеке из аурахса*, изображенном М. Массена, животное отличается красотой форм и движений; человек же скован, лишен пропорций и правды.

Этот контраст слишком велик и постоянен, чтобы быть случайным. Он должен быть результатом причины, возникшей, возможно, из суеверных представлений, схожих с некоторыми современными суевериями. Когда Кэтлин закончил свой первый портрет краснокожего, некоторые из племени считали его опасным колдуном, который лишил модель части себя. Возможно, какая-то похожая идея мешала художникам Везера изучать человеческую фигуру, ведь при попытке воспроизвести ее их гравировальный инструмент всегда колеблется и теряет все свои хорошие качества.

Таким образом, эти несовершенные изображения ничего не говорят нам о внешнем виде или пропорциях расы. Самое большее, что мы можем сказать, если примем интерпретацию М. Л. Аббата Ландеска и Пьетта, это то, что она была очень волосатой. Но это мнение, основанное главным образом на рисунке *женщины-олени*, как мне кажется, опровергается рисунком *человека-европса*, чья маленькая остроконечная бородка едва ли доходит до угла челюстной кости. Горизонтальная штриховка на ногах и теле, как мне кажется, не может быть принята за волосы, поскольку она пересекает под прямым углом направление, которое должно было бы быть у последних. Я бы скорее счел их линиями росписи - вида декора, который, как мы знаем, высоко ценился среди этих племен.

VII. Какими бы плохими они ни были, рисунки, которые я только что описал, тем не менее, дают нам некоторые факты, касающиеся образа жизни этих охотников. Изображение *человека-европса* сообщает нам, что они преследовали самую крупную дичь голыми, как это часто бывает у краснокожих, их волосы были собраны в хохолок на макушке, а вооружены они были только копьем или копьями. *Человек-кит* также обнажен, и огромная рука, которую он протягивает до плавника рыбы, кажется, указывает на то, что он сражался и победил это чудовище, которое, несомненно, село на мель на каком-то берегу. Но уже из одного этого факта следует, что четвертичный человек Перигора должен был иногда покидать свои горы и путешествовать вплоть до морского побережья. Его современники в Пиренеях делали то же самое, о чем свидетельствуют рисунки тюленей, обнаруженные в гротах Гурдана и Дюрути.

Опять же, те месторождения, которые расположены на наибольшем расстоянии вглубь материка, часто давали предметы, которые можно было получить только на морском берегу. В Кро-Маньоне было найдено более трехсот раковин *Littorina littorea*, океанического вида. С другой стороны, *Cypræa rufa* и *C. lurida*, найденные на скелете из Ложери-Бассе, о которых я упоминал выше, несомненно, являются средиземноморскими. Иногда моллюски, характерные для двух регионов, были найдены в одном и том же месте. В гроте Гурдан, в

центре центральных Пиренеев, М. Пьетт нашел пять океанических видов, один средиземноморский и пять общих для обоих морей. Ископаемые раковины перигорских отложений обычно привозились из *фалуна* Турени, а гурданские, должно быть, были собраны частично в Ландах и в окрестностях Дакса, а частично в окрестностях Перпиньяна. В этом же гроте М. Пьетт обнаружил пемзовый камень, который использовался для полировки игл и, по его мнению, происходил из вулканической области Агд.

На основании этих и некоторых других аналогичных фактов М. Пьетт и М. де Мортилье считают, что есть достаточно оснований предполагать, что племена Везера не имели постоянного места жительства, а вели кочевой образ жизни, поочередно посещая берега двух морей, летом охотясь в горах на дичь, соответствующую сезону, а зиму проводя в более теплом климате. Мы не можем принять эту гипотезу. Постоянно увеличивающаяся фауна среди кухонных *обломков* свидетельствует о населении, которое, размножаясь во всех отношениях, все больше и больше использовало ресурсы страны. В этих же кучах Лартет нашел кости оленей всех возрастов, среди которых были и кости молодых оленят. Наш великий авторитет делает из этого факта вывод, что племя было неподвижно в течение всего года, и мы считаем его правым. Человек кроманьонцев, Ла Мадлен и Гурдан, несомненно, всегда находились в пределах досягаемости северных оленей, от которых они получали пищу, оружие и одежду. Но миграции этого животного под влиянием слабо меняющегося морского климата не могли быть очень обширными, и троглодитам из Перигорда или Пиренеев, если бы они хотели оставаться в пределах его ареала, не пришлось бы предпринимать такие экспедиции, как краснокожим в погоне за бизонами.

Такой полустационарный образ жизни не исключал путешествий по суше и даже по морю. Среди ископаемых раковин, найденных в Ложери-Бассе, есть такие, которые могли быть привезены только с острова Уайт. Теперь, в эпоху северных оленей, между Францией и Англией больше не было сухопутного сообщения. Как заметил М. Фишер, наличие этих раковин на континентальной станции доказывает существование навигации.

Но действительно ли человек из Везера мог отправиться на поиски этих предметов украшения на другой берег канала? Трудно поверить, что эти горные племена могли пересечь море. Гораздо вероятнее, что это путешествие совершили современники, у которых в результате долгого проживания на морском побережье развился навигационный инстинкт. Они, несомненно, привезли с английского острова раковины, считавшиеся драгоценными камнями, которые затем переходили в обмен из рук в руки, пока, наконец, не достигли долин Перигора. Подобный *трафик* может объяснить только существование устричной раковины из Красного моря в гроте Тейнген, исследованном М. К. Майером недалеко от Шаафхаузена. Более того, мы знаем, что раковины из Тихого океана в наши дни привозятся по совершенно аналогичной схеме вплоть до племен краснокожих, населяющих берега Атлантики.

VIII. История кроманьонской расы, основанная на промышленных остатках, которые она оставила нам в наследство, все еще представляет собой множество вопросов, на которые ученые самых разных взглядов отвечают по-разному. Я укажу на них лишь вскользь.

Ограничивались ли четвертичные племена охотой на те виды животных, которые подвластны нам и которыми они были тогда окружены. Неужели они никогда не одомашнивали лошадь или северного оленя?

М. Туссен ответил на первый вопрос утвердительно, а М. Жерве - на второй. Накопление костей этих животных, зачастую огромное, объясняется таким образом всеми. В Солютре своеобразная костяная пустота, образованная почти исключительно из костей лошади,

окружает, так сказать, пространство, занятое очагами и могилами. Она включает в себя останки не менее сорока тысяч лошадей, среди которых лишь изредка встречаются жеребята или старые животные. Подавляющее большинство было убито в возрасте от четырех до восьми лет. Такое странное скопление останков одного вида и выбор животных в расцвете сил, по мнению М. Туссена, являются необъяснимыми фактами, если только мы не признаем существование огромных стад, из которых человек мог черпать припасы по своему желанию. Аргументы, приводимые в пользу одомашнивания северного оленя, почти такого же характера. М. Пиетт, однако, признает, что последний, на которого долгое время охотились в диком состоянии, был одомашнен только к концу четвертичного периода. Его мнение основывается на пропорции костей северного оленя, количество которых почти внезапно увеличивается в верхних слоях грота Гурдан. М. Пьетт также обращает внимание на некоторые рисунки, на которых изображены олени, имеющие на шее подобие недоуздки.

На эти аргументы, явно не лишённые ценности, возражают, что человек вполне мог приручить некоторых особей, не обязательно одомашнивая вид; что размножение и использование определенных видов дичи в общих и более понятных условиях легко объясняет предпочтение, отдаваемое им в определенные периоды; и что опытный охотник без труда выберет из стада того, кого он хочет убить. Все факты, приведенные ММ. Жерве, Туссена и Пьетта в отношении Франции, объясняются таким образом без особого труда. Что касается стран, расположенных севернее, то факты, полученные М. Фраасом из гротов Суабии, и его филологические исследования, похоже, подтверждают мнение этих ученых. Очевидно, что проблема одомашнивания лошади и северного оленя человеком четвертичного периода требует дальнейшего изучения и может принять совершенно локальный характер.

Почти то же самое я должен сказать и о социальной организации. Мы не можем сомневаться в том, что племена Ла Мадлен и Брюникель признавали вождей, и что именно для них были вырезаны кинжалы из мамонтовой кости, о которых я говорил выше. Очевидно, это было государственное оружие. Но так ли было во всем мире? Существовала ли даже среди этих племен настоящая иерархия, каждая ступень которой была отмечена определенными знаками отличия? Некоторые крупные части оленьих рогов, имеющие довольно однородный вид, уменьшенные в размерах вручную и неизменно украшенные с особой тщательностью, как полагают, служат достаточным доказательством этих фактов. В одних случаях они целые, в других - проколоты с одной стороны от одного до четырех круглых отверстий, которые иногда выходят за пределы оригинального рисунка. Эти необычные предметы, безусловно, не являются оружием. Их считали *командирскими батонами*, и такая интерпретация кажется правдоподобной. Однако не заходит ли оно слишком далеко, когда количество отверстий рассматривается как указание на достоинство владельца, из чего следует, что эти племена признавали пять районных классов вождей?

Верил ли человек четвертичного возраста в другую жизнь? Была ли у него религия?

Ответ на первый из этих вопросов не вызывает сомнений. Забота о местах захоронения показывает, что охотники Ментоны, как и охотники Солютре и кроманьонцы, верили в то, что их мертвые нужны и за пределами могилы. Наше знакомство с обычаями многих диких народов современной эпохи не позволяет иначе интерпретировать погребение пищи, оружия и украшений вместе с телом.

Еще больше трудностей возникает при решении проблемы религии. Вполне вероятно, что человек этой эпохи имел верования, схожие с теми, которые, как мы знаем, существуют у народов, ведущих почти такой же образ жизни. Мы не можем не считать амулетами

множество маленьких предметов, проколотых таким образом, чтобы их можно было носить на шее, и не сомневаемся, что троглодиты Везера или Пиренеев приписывали им достоинства, аналогичные тем, которые и сейчас приписывают им многие дикие племена. М. Пьетт обнаружил один из этих амулетов, состоящий из пластины, проколотой в центре, от которой отходят расходящиеся линии; он нашел подобную эмблему, трижды повторенную на *батоне командира*. Он признает, что это множество изображений солнца, и я охотно принимаю эту интерпретацию. Но не выходит ли он за рамки законной индукции, когда на основании этого факта делает вывод, что человек из Гурдана поклонялся этому небесному телу и придумал *бога Солнца*, впоследствии открытого египтянами и галлами.

IX. Наконец, раса кроманьонцев не была обделена ни красотой, ни умом. Если брать ее интеллект в целом, то он, как мне кажется, имеет поразительное сходство с расой алгонкинов, как ее представляли самые ранние путешественники и особенно миссионеры, которые провели много времени среди этих краснокожих. У нее, несомненно, были как хорошие, так и плохие качества. На берегах Везера происходили сцены насилия, о чем свидетельствует топорная рубка в черепе кроманьонской женщины. С другой стороны, захоронения Солютре, хотя и содержат множество вдавленных мужских и женских голов, свидетельствуют о том, что старости уделялось особое внимание, и, следовательно, она почиталась среди этих племен. Эта раса верила в другую жизнь, и содержимое гробниц на берегах Везера и Соммы, кажется, доказывает, что здесь, как и на берегах Миссисипи, ожидали счастливой жизни в прериях.

Человек из Перигорда, как и алгонкин, не поднялся выше самой низкой ступени в социальной шкале; он оставался охотником, по крайней мере, до конца той эпохи, в течение которой он появился среди гор Франции. Поэтому было бы ошибкой использовать термин "*цивилизация*", говоря об этой расе. Тем не менее он был наделен интеллектом, податливым и способным к совершенствованию. Мы видели, что он самостоятельно добивался прогресса и изменений, чего не наблюдается у его американского представителя, так что в этом отношении он, несомненно, превосходил его. И, наконец, его художественные инстинкты и замечательные произведения, которые он оставил, занимают особое место среди диких рас всех времен.

X. В течение всей первой части оленьего века кроманьонская раса поддерживала себя в состоянии, основные черты которого я только что указал. Но с начала второй половины того же возраста, во время отложения красного дилuvia и верхнего лёсса, мы наблюдаем явный упадок, который становится все более и более поразительным по мере продвижения вперед. Обработка кости и оленьих рогов уменьшается и возвращается к своей прежней грубости; резка по кремню, напротив, становится все более популярной, а в некоторых местах, как в гроте, обнаруженном в Сен-Мартен-д'Эксидей М. Парро, приобретает самую замечательную отделку. Но само это совершенство, кажется, возвещает о наступлении новой эпохи и свидетельствует о влиянии странного элемента.

Дело в том, что в этот период происходило улучшение общих условий жизни. Европа наконец-то поднялась над волнами; на смену морскому климату пришел континентальный: погода стала более устойчивой; теплое лето сменялось более суровой, но менее дождливой зимой; ледники, соответственно, отступили и оказались заключенными в своих нынешних границах; и, соответственно, фауна снова разделилась. Животные, любящие холод и приспособленные к жизни в горах, такие как серна и букетин, были вынуждены эмигрировать *по высоте* и последовали за ледниками в их отступлении к нашим самым высоким горным вершинам. Северный олень, никак не приспособленный к альпинизму, был вынужден эмигрировать *по широте* и уходить все дальше на север. Его стада становились все более

редкими и в конце концов исчезли в наших странах, где, даже будучи одомашненным, он не смог бы долго существовать. Человеческое население, которое, несомненно, веками жило за счет этого животного и получало от него одежду, оружие и орудия труда, должно было остро ощутить перемены, потеряв вместе с оленями то, что мы можем назвать их жизненной опорой.

Что же произошло теперь? По мнению ММ. Картальхак, Форель и де Мортилье, человек исчез или эмигрировал вместе с животными, которые стали ему необходимы, и долины Перигора, Маконне и Пиренеев стали необитаемыми. Они считают, что после завершения эпохи оленей существует огромное пространство, большой промежуток, в течение которого фауна обновилась, и после которого внезапно появилась новая раса людей, которые полировали камень, а не рубили его, и окружили себя домашними животными.

Несмотря на неоспоримый авторитет дикарей, которых я только что назвал, их мнение, как мне кажется, нашло очень мало сторонников и горячо оспаривается. Действительно, возможно, и даже вероятно, что в течение рассматриваемого периода некоторое количество станций было покинуто, а их обитатели двинулись на север в поисках тех климатических условий и возможностей для охоты, к которым они привыкли. Но другие племена оставались на своих местах, подчиняясь новым потребностям, перенимая оружие и обычаи переселенцев и сливаясь с ними. Я не могу здесь вдаваться в геологические, зоологические и археологические соображения, которыми обосновывается эта точка зрения. Я ограничусь упоминанием некоторых фактов, которые особенно относятся к антропологии.

ММ. Луи Ларте и Шапелен Дюпарк обнаружили недалеко от Сорде, в департаменте Басс-Пиренеи, убежище, в нижнем слое которого после методичных раскопок были найдены человеческий череп и кости, а также ожерелье из зубов льва и медведя. Непосредственно над ними находился толстый слой древесного угля, из которого исследователи извлекли колющие стрелы магдаленского типа, а также многочисленные инструменты и орудия того же возраста. Кости лошади и быка были смешаны с этими продуктами человеческой промышленности. Не обошлось и без северного оленя, но этот вид *был более редким*, чем другие. Наконец, над древесным углем, частично смешиваясь с его верхней частью, они обнаружили слой, состоящий, так сказать, из человеческих костей. Здесь ученые исследователи получили несколько отщепов, похожих на предыдущие, а также нашли узкое, тонкое лезвие и треугольный кинжал, который по своей форме и характеру работы тесно связан с лучшими произведениями искусства полированного камня.

Верхнее захоронение содержало останки более тридцати человек. Эти кости были доставлены в музей, и М. Хэми без колебаний отнес их к кроманьонской расе. Мне оставалось только подтвердить это мнение, так как для сомнений не было никаких оснований. На костях конечностей, как и на черепках, были замечены все те признаки, которые стали классическими со времен великих работ М. М. Брока и Прунер-бея. Брока и Прунер-бея.

Таким образом, в этом любопытном гроте в Сорде мы находим наложение двух *археологических типов, тесаного камня (палеолит) и полированного камня (неолит)*; но существует только одна человеческая раса, кроманьонская. Разве не очевидно, что эта раса должна была знать как самые поздние времена эпохи оленей, так и самые ранние времена нынешней эпохи?

Приспосабливаясь к новым условиям существования и принимая индустрию более развитых, чем они сами, чужаков, маленькое племя Сорде, похоже, сохранило в неприкосновенности чистоту своей крови. Однако это не могло быть повсеместно, ведь

вторжение обязательно должно было привести к скрещиванию. И здесь факты полностью подтверждают все, на что указывает теория.

В пещере L'Homme-Mort, расположенной на высоком плато Лозера и так тщательно исследованной ММ. Брока и Пруньера, были найдены кости животных только нынешней эпохи; здесь не было ни северного оленя, ни лошади, ни быка, ни оленя. Более того, головка копья или копьеметалки была обработана с помощью фрагмента секиры из полированного камня. Таким образом, мы находимся здесь в присутствии населения, жившего намного позже четвертичного периода и, скорее всего, современного тому, которое воздвигло многочисленные дольмены по соседству.

Сейчас останки этой популяции в значительной степени сохраняют следы кроманьонского типа, измененного, возможно, под воздействием новых условий жизни, а также этнологических изменений. Рост заметно уменьшился; опустился до среднего значения 1-62 м. (5 футов 3-7 дюймов). Ширина верхней части лица менее заметна, а вся голова стала почти гармоничной. Но долихоцефалия сохранилась; линии черепа почти не изменились, орбиты всегда вытянуты, носовые отверстия узкие, подавляющее большинство костей конечностей особенно сохранили свои характерные черты. На малоберцовой кости наблюдаются те же желобки, что и у кроманьонцев; большеберцовая кость платикнемическая; на бедренной кости можно заметить необычайный выступ *linea aspera*, который представляет собой одну из самых любопытных особенностей расы; наконец, локтевая кость во всех случаях имеет сигмовидную впадину, изгиб, который так часто указывают как *симианский*. Но в то же время мы наблюдаем черту, пока еще чуждую чистой расе кроманьонцев. Олекрановая впадина плечевой кости перфорирована у ряда экземпляров в пропорции 26, а может быть, и 33 процента. Эта особенность, которую мы находим у других ископаемых рас, сама по себе является достаточным признаком скрещивания и подтверждает выводы, которые мы могли бы сделать на основании уменьшения роста, изменения лица и т.д.

Аналогичные факты доказывают два черепа и группа костей из Жеменоса, близ Марселя, которые были спасены от уничтожения М. Марионом.

Таким образом, и на Лозере, и в окрестностях Марселя кроманьонцы появляются в середине периода полированного камня, но со смешением характеров, что указывает на влияние нового элемента. Мы сталкиваемся с ней в верховьях Севенн и на берегах Средиземного моря как раз в то время, когда ее племена начинают смешиваться с теми, кто привнес в их среду первые элементы современной цивилизации. Мы не можем удивляться тому, что эти простые охотники были в той или иной степени поглощены более плотным населением, которое имело домашних животных и возводило дольмены.

XI. Однако о кроманьонцах, как и о канштадтской расе, можно сказать с такой же, и даже с большей правдой: , что она не исчезла. Ее можно проследить через промежуточные эпохи и снова встретить в некоторых популяциях современности.

В неолитических гробницах, расположенных рядом с четвертичными захоронениями в Солютре, старые охотники на лошадей представлены своими потомками, от которых были обнаружены более или менее измененные черепа. В погребальных гrotто на Марне, которые так грамотно и успешно исследовал М. Ж. де Байи, кроманьонский тип обнаружен вместе с представителями четырех других четвертичных рас и одной неолитической расы. В Германии, около Таунуса; в Бельгии, в пещерах Хамуар и Нивель; в окрестностях Парижа, в недавнем аллювии Гренель; в глинах Булонской гавани были найдены человеческие останки, относящиеся к той же эпохе и принадлежащие к той же расе. М. Пьетт обнаружил скелет кроманьонца в Эсне при раскопках галльского кладбища железного века. Даже в

Париже при раскопках отеля Дье, на бульваре Порт-Рояль и т.д. были обнаружены черепа представителей той же расы, вероятно, не позднее V века, а есть и более поздние. Наверняка найдутся и современные образцы. Я сам дважды наблюдал у женщин черты, которые могли соответствовать только черепным и лицевым костям обсуждаемой расы. У одной из них дисгармония между лицом и черепом была, по крайней мере, столь же разительной, как и у кроманьонского старика: глаз, вдавленный под свод орбиты, имел такой же тяжелый вид; нос был скорее прямой, чем дугообразный, губы несколько толстые, верхнечелюстные кости сильно развиты, цвет лица очень смуглый, волосы очень темные и низко растут на лбу. Толстая талия, слегка развитая грудь, руки и ноги сравнительно небольшого размера составляли единое целое, которое, не будучи привлекательным, ни в коем случае не отталкивало.

Труды М. Хэми расширили и расширили это поле исследований. Он снова встретил рассматриваемый тип среди коллекции баскских черепов Зарауса, собранных ММ. Брока и Веласко; он проследил его даже в Африке в мегалитических гробницах, исследованных в основном генералом Фейдербе, и у кабылов Бени-Массера и Джурджура. Однако именно на Канарских островах, в коллекции Барранко-Хундо из Тенериффе, он встретил черепа, этническое родство которых со стариком кроманьонцем не подлежит обсуждению. С другой стороны, некоторые моменты сравнения, к сожалению, очень немногочисленные, заставили его считать далекарлийцев связанными с тем же самым народом.

XII. Какими бы странными ни казались эти результаты, они являются лишь повторением в человеческой расе того, что уже было доказано в случае с животными. Прошло уже много времени с тех пор, как Лартет показал, что в конце четвертичного периода, когда виды, свойственные этой эпохе, окончательно исчезли, оставшиеся в живых разделились на три группы. Одни остались на месте, другие мигрировали на север, третьи - на юг. Возможно, последние сохранились только в Африке, откуда они отправили к нам своих представителей и где мы встречаемся с ними до сих пор, в то время как их колонии, которые в свое время процветали во Франции, погибли под влиянием зим нынешнего периода. И наконец, объясняя древнюю фауну и причины, приведшие к ее разделению, мы не можем не удивляться тому, что человеческие популяции представляют аналогичные факты.

В четвертичный период раса кроманьонцев имела свой главный европейский центр популяции на юго-западе Франции. Маленький бассейн реки Везер был, так сказать, ее столицей; ее колонии распространились в Италию, на север Франции, в долину реки Мёз и т. д., где они столкнулись с другими расами, к которым мы вскоре обратимся. Но сами они, возможно, были лишь ветвью африканского населения, эмигрировавшего во Францию вместе с гиеной, львом, бегемотом и т. д. В таком случае нетрудно объяснить его существование в настоящее время на северо-западе Африки и на островах, где он был бы защищен от пересечения. Некоторые из его племен, унесенные в погоню за оленями, сохранили в Скандинавских Альпах высокий рост, черные волосы и смуглый цвет лица, отличающий далекарлийцев от соседних народов; другие, смешиваясь со всеми расами, которые последовательно захватывали Францию, выдают свое древнее существование только явлениями атавизма, который накладывает на некоторых индивидов отпечаток старых охотников Перигора.

ГЛАВА XXVIII.

РАСЫ ФУРФУСА.

I. Давая название местности, справедливо прославленной в антропологии, этой группе рас, и применяя его особенно к двум первым, мы с М. Хами руководствовались главным образом желанием отдать должное долгим и добросовестным трудам, которые привели к открытию четвертичного человека в Бельгии. Нет необходимости напоминать моим читателям, что это заслуга, после Шмерлинга, М. Дюпона, который в течение семи лет, с 1864 по 1871 год, раскопал более шестидесяти пещер или скал-убежищ, из которых он получил, независимо от человеческих окаменелостей, около сорока тысяч костей животных и восемьдесят тысяч камней, отколотых рукой человека. *Раса Гренель* была обнаружена Эмилем Мартеном в 1867 году в гравийных карьерах, открытых в окрестностях Парижа, и впоследствии охарактеризована М. Хэми. *Раса Ла-Трюшер* была найдена М. Леграном де Мерси на берегу Сейла, недалеко от местности, по которой она носит название.

II. Если рассматривать общую форму черепа, то эти четыре типа располагаются почти равномерно. Цефалический индекс 79-31 относит первую расу Furfooz к мезатицефалам; вторая раса Furfooz становится суббрахицефальной по индексу 81-39; раса Grenelle, чей индекс поднимается до 83-53 у мужчин и 83-68 у женщин, очень близко подходит к брахицефалии, как ее правильно называют. Так же обстоит дело и с индексом Ла Трюшера, который составляет 84-32.

Давайте сразу же перейдем к рассмотрению этого последнего, который в настоящее время представлен в четвертичном периоде только головой, только по этой причине гораздо менее интересен, чем его товарищи. Череп и лицо здесь отличаются такой же поразительной дисгармонией, как и голова кроманьонца, но контраст обратный. Череп в данном случае широкий и короткий, а лицо длинное. Вид лица первого представляет собой очень заметный пятиугольник. Все кости сильно развиты в поперечном направлении, за исключением нижней половины венечной кости, которая быстро наклоняется внутрь, образуя узкий лоб. Все лицо относительно маленькое и узкое. Нос очень большой и длинный; массивные щечные кости слегка выдаются вперед, а верхние верхнечелюстные кости слегка прогнатичны.

Две расы Фурфуза, как и Гренель, имеют определенное семейное сходство, что не исключает существования отличительных признаков. Так, у мезатицефальной расы Фурфуз передне-задний свод черепа образует над небольшими, но хорошо выраженными надключичными гребнями очень покатый лоб и продолжается без дальнейшего перегиба, кроме небольшого углубления у швов. Лицо широкое, а указатель почти такой же, как у кроманьонцев. Из-за укорочения черепа голова, однако, *гармонична*, а не *дисгармонична*, как у троглодитов из Перигора. Слегка вогнутый, но достаточно выдающийся нос, квадратные орбиты, слегка выраженные клыковые ямки и почти ортогнатическая верхнечелюстная кость дополняют это лицо, костный каркас которого имеет несколько тонко оговоренный и нежный вид.

У этой суббрахицефалической расы из той же местности лоб поднимается по несколько перпендикулярной линии до уровня лобных выступов. Затем дуга внезапно уплощается до первой трети теменных костей, где кривая становится более изогнутой и продолжается с почти непрерывной регулярностью до foramen magnum затылочной кости. На лице мы встречаем почти тот же индекс; но орбиты и лицо длиннее, клыки fossae образуют глубокие углубления, верхняя верхнечелюстная кость выступает вперед, зубы следуют в том же направлении, а прогнатизм очень поразителен.

У расы Гренель очень выдающаяся глабелла и полные надключичные гребни придают основанию лба слегка косое направление. Но вскоре дуга поднимается и приобретает регулярное развитие, не выступая и не опускаясь. Череп, если смотреть на него с лица, кажется таким же хорошо пропорциональным, как и в профиль. Лицо гармонирует с ним. Щечные кости хорошо развиты и выдаются вперед; клыковые ямки высокие, но не глубокие; орбиты приближаются к квадратной форме; кости носа вогнуты и достаточно выдаются вперед. Наконец, верхнечелюстная кость и зубы одинаково прогнатичны, но в меньшей степени, чем у предыдущей расы.

III. Гренельские мужчины, а тем более фурфузские, отличались небольшим ростом. Первые достигали в среднем 1-62 м. (5 футов 3-8 дюймов), а вторые опускались до 1-53 м. (5 футов 0-2 дюйма), что почти точно соответствует среднему росту саамов. Однако такой низкий рост не исключает ни энергичности, ни ловкости, необходимых дикарям. Кости конечностей и туловища крепкие, а выступы и впадины на их поверхности свидетельствуют о весьма заметном развитии мускулатуры.

За исключением этого общего признака силы, превосходящего тот, который обычно встречается, скелет людей из Фурфуза и Гренель сильно напоминает скелет современных людей. В частности, голень принимает призматическую треугольную форму, которую мы привыкли наблюдать у них. Тем не менее, мы отмечаем появление характера, который мы до сих пор замечали только в пещере L'Homme-Mort, где мы считали его признаком скрещивания. Впадина на ключице часто перфорирована у рассматриваемых нами рас. В Бельгии М. Дюпон обнаружил эту предрасположенность у мужчин Лессе в пропорции 30 процентов. М. Хэми доводит ее до 28 процентов у ископаемого человека из Гренель, и до 4-66 процентов только у современных французов.

IV. Расы Фурфуза, появившиеся после тех, чью историю мы только что описали, должны были вступать в контакт, а иногда и образовывать с ними связи. Ярчайшим подтверждением этого факта является находка в Солютре, где рядом с черепами кроманьонцев были обнаружены две головы, принадлежащие расе Гренель. Интеллектуальное и социальное развитие должно было идти почти одинаково среди людей, объединенных в одно племя.

Однако у наших брахицефалов были свои особые центры расселения, где мы могли изучать их в домашних условиях. Исследования М. Дюпона были посвящены главным образом Бельгии и долине реки Лесс. Чтобы дать представление о том, какими были люди из Фурфуза, нам достаточно воспроизвести в сокращенном виде все, что сказал по этому поводу ученый исследователь этих пещер.

V. Люди Лессе, как и люди Везера, обитали в пещерах. Одна из их полных станций включала грот, где они жили, и погребальный грот. М. Дюпон обнаружил их почти впритык в Фурфузе, где *Тру-де-Нутон* демонстрировал все признаки человеческого жилища, а *Тру-дю-Фронталь* - места погребения. Только эти два места могли бы дать много материалов для истории этих древних популяций. Однако *Тру-де-Шале* превосходит их в этом отношении. В нем долгое время жил человек, оставивший после себя значительные запасы того мусора, который сегодня так хорошо используется наукой. Однажды крыша обрушилась, жители сбежали, оставив все, что было погребено в их жилище. Таким образом, когда эту груду мусора потревожили киркой, все было найдено в том виде, в каком оно было оставлено в момент катастрофы, и грот Шале с полным основанием называют маленькими четвертичными Помпеями.

Для удовлетворения своих потребностей человек в Шале использовал в основном кремний и олений рог. Первый использовался для большей части его орудий; но он не давал себе труда варьировать или совершенствовать их форму. Узкие продолговатые лезвия, вырезанные одним ударом с одной стороны и двумя или тремя с противоположной, называемые ножами, были образцом, по которому изготавливались все орудия. Зазубренные с одного края, они стали *пилами*; закругленные и обточенные с одной стороны, они превратились в *скребки*, хорошо приспособленные для соскабливания и снятия волос со шкур; суженные и обломанные до острия, они служили для *изготовления бородков*, пирсеров и т. д. Что касается оленьего рога, то его делили на куски длиной от 10 до 15 сантиметров (3-9-5-9 дюймов), а затем придавали им такую форму, чтобы они служили для копий или копьев. Возможно, иногда они получали острие из кремня. Но М. Дюпон уверяет нас, что нет никаких оснований предполагать, что лук и стрелы были в ходу у этих троглодитов.

Оружие племени шале в то время значительно уступало оружию везеров и солютре. Однако оно по-прежнему охотилось на крупную дичь, а также умело добывать мелкую. На месте его древнего обитания найдены останки множества лошадей, нескольких быков, нескольких северных оленей, шестнадцати лисиц, пяти кабанов, трех серн, трех вепрей, одного бурого медведя, одной антилопы саига и т. д.

Здесь также были найдены кости зайца, белки, водяной и норвежской крысы, останки нескольких птиц, в том числе куропатки, и останки пресноводных рыб. Фауна Тру-де-Нутон почти идентична, но соотношение видов иногда меняется на противоположное. Здесь было обнаружено гораздо меньше лошадей и гораздо больше кабанов. Здесь, как и на стоянках кроманьонцев, крупные виды представлены лишь костями головы и конечностей, а все те, что содержат костный мозг, были тщательно раздроблены.

Как и предыдущая раса, фурфузцы использовали шкуры убитых животных для одежды. Об этом свидетельствуют костяные иглы, найденные в Шале. Но здесь они гораздо грубее по форме, чем на Ла-Мадлен и других подобных стоянках. Короткие и толстые, они могли бы сойти за маленькие гильзы, если бы не ушко, которым они проколоты.

VI. Бельгийские троглодиты по многим параметрам значительно уступали троглодитам из Перигора и Маконне. Памятники их промышленности значительно уступают всему тому, что мы видели у их предшественников, и в них нет никаких признаков художественных способностей, столь заметных у человека из Везера. Однако они превосходят его в одном существенном аспекте: они изобрели или получили откуда-то искусство изготовления грубой керамики, остатки которой М. Дюпон нашел на всех исследованных им станциях, а в *Тру-дю-Фронталь* получил фрагменты в количестве, достаточном для восстановления вазы, частью которой они когда-то являлись.

Это и некоторые другие факты, которые было бы слишком долго обсуждать здесь, привели к тому, что некоторые из самых компетентных ученых, среди которых ММ. Картайлак и Казалис де Фондус, рассматривать Тру-дю-Фронталь и другие современные стоянки как относящиеся к неолитическому каменному периоду, а не к четвертичной эпохе.

Но характер фауны, обнаруженной в гротах Шале и Фурфуз, не позволяет, на наш взгляд, принять это мнение, которое опирается главным образом на археологические соображения. Отнести возраст полированного камня к эпохе, когда серна, букетин и антилопа сайга жили в Бельгии вместе с норвежской крысой и куропаткой, было бы очень отдаленно. Возможно, этот вопрос требует дальнейшего изучения, но соседство этих видов в окрестностях Динанта, на наш взгляд, является доказательством того, что четвертичный период тогда еще не завершился.

VII. Троглодиты Бельгии раскрашивали лицо и, возможно, тело, как и троглодиты Перигора. Украшения, использовавшиеся в Шале и Фурфузе, были почти такими же, как те, что мы нашли на юге Франции. Однако среди них мы не находим ни одного предмета, заимствованного из морской фауны. Это любопытный факт, поскольку человек Лесса путешествовал в поисках своих *драгоценностей*, а также грубого материала для своих орудий труда и оружия на гораздо большие расстояния, чем те, что отделяли его от моря.

На самом деле, главными украшениями людей Лессе были ископаемые раковины. Некоторые, правда, были получены из девонских пород в их окрестностях; но большая часть была привезена со значительного расстояния, в основном из Шампани и из Гриньона близ Версаля. Кремни, которые наши троглодиты использовали в таком большом количестве, были получены не из Хайно или провинции Льеж, а почти полностью из Шампани. Есть даже такие, которые могли быть собраны только в Турени, на берегах Луары. Судя по местонахождению этих различных объектов, можно заключить, что известный мир троглодитов Лесса простирался в северном направлении едва ли на 13-25 миль, в то время как к югу он простирался на расстояние 250-300 миль.

В этом факте есть что-то очень странное, чему, однако, М. Дюпон, похоже, дал, по крайней мере, очень правдоподобное объяснение. Он считает, что в четвертичном периоде в рассматриваемых странах соседствовали две популяции, возможно, две расы. Между ними должен был существовать один из тех многочисленных случаев, можно сказать, инстинктивной ненависти, подобной той, что преобладает между краснокожими и эскимосами. Окруженные с севера и востока своими врагами, которые занимали Иено, аборигены Лесса могли лишь продвигаться на юг и через Арденны сообщаться с бассейнами Сены и Луары.

Но разве они сами совершали эти долгие и трудные путешествия, только так они могли добывать раковины, которые использовали для украшений, и огромное количество кремня, который они обрабатывали в своих пещерах? Мы без колебаний утверждаем вместе с М. Дюпоном, что ничто не может быть менее вероятным. Напротив, все доказывает, что они получали свои запасы посредством настоящей торговли, организованной регулярным образом и в больших масштабах; будь то существование населения, занимающегося этой формой промышленности, примеров которой несколько, известных нам в наши дни; или раковины и кремль, переходящие из рук в руки через последовательные обмены и достигающие в конце концов берегов реки Лесс. Мы не можем иначе объяснить обилие иностранных кремней в Шале, Фурфузе и т.д., расточительность, с которой они использовались, и очевидную небрежность, проявленную при сохранении инструментов, которые были изготовлены из них.

VIII. В отличие от кроманьонцев, люди из Фурфуза, по-видимому, были очень миролюбивы. М. Дюпон не обнаружил ни в их гротах, ни в захоронениях никакого воинственного оружия, и он применяет к ним замечания Росса об эскимосах Баффинова залива, которые не понимали, что означает война.

В гроте Ле-Фронталь, где племя ле-нутонов хоронило своих мертвецов, было найдено несколько предметов, как и у кроманьонцев, доказывающих существование веры в другую жизнь. Они состояли из множества перфорированных раковин, украшений из шпата, плоских кусков песчаника с набросками, вазы, о которой мы упоминали выше, и нескольких отдельных кремневых орудий. Все эти предметы, кроме того, имеют ту же природу, что и предметы в Тру де Нуто. Очевидно, что они были положены в погребальный склеп с

расчетом на то, что будут служить для удовлетворения потребностей умерших в новой жизни, которая открывалась перед ними.

Еще один факт, на котором справедливо настаивает М. Дюпон, увеличивает вероятность того, что мы правы, приписывая этим четвероногим людям некую религию, более или менее схожую с фетишизмом. В Тру-де-Шале у очага на плите из песчаника лежала локтевая кость мамонта. Мамонт перестал существовать в Бельгии в конце эпохи северного оленя, и эта кость должна была быть найдена в аллювии предыдущей эпохи. Несомненно, она стала причиной ошибки, которую можно наблюдать даже в наши дни, и считалась принадлежащей гиганту. Почетное место, отведенное ему в жилище троглодитов, свидетельствует о том, что он стал объектом почитания.

IX. Очень мало останков двух рас - фурфузской и гренельской - было обнаружено в других четвертичных отложениях, кроме только что упомянутых. Первые, однако, представлены в бассейнах Соммы и Ауде; вторые встречаются в двух или трех местах в бассейне Сены. Мы видели, что он существовал в Солютре, и череп из Надь-Сапа в Венгрии, вероятно, должен быть отнесен к нему. Этих фактов достаточно, чтобы показать, что с ледниковой эпохи рассматриваемые расы занимали обширную территорию.

В неолитическую эпоху мы находим мезатицефалов Фурфуза на территории от Вар и Эро до Гибралтара; суббрахицефалы представлены от Вердена до Булонь-сюр-мер и до Камп-Лонга из Сен-Сезера; они смешивались с древними жителями Кабезу-д'Арруда в Португалии.

Однако наиболее отчетливые следы оставила брахицефалическая раса из Гренель. Она была обнаружена во Франции в нескольких дольменах, а также в Круглых курганах в Англии. В Дании она представляет собой брахицефалический тип Эшрихта, а в Швеции составляет дюжину черепов из общего числа найденных в дольменах Ретциусом и его последователями.

Вмешательство этих различных рас в формирование существующих рас столь же очевидно. Однако точная демонстрация этого факта зачастую затруднительна. Скрещивание, происходившее между группами, находившимися в столь тесном контакте друг с другом, в большей или меньшей степени спутало типы. Другие брахицефалические типы, в том числе кельтская раса, как она была описана М. Брока, добавили путаницы. Тем не менее, посетив долину реки Лесс, несколько членов Конгресса по доисторической антропологии отметили черепа и лица как несущие в себе наиболее четкие отличительные признаки местных ископаемых рас, и эти следы еще чаще встречаются у сельского населения, поставляющего товары на рынки Антверпена.

Именно раса Гренель вновь наиболее настойчиво проявляется в живом населении. Многочисленные черепа парижан, хранящиеся в Парижском музее, представляют собой несколько примеров этого факта. Однако этот тип очень редко встречается в чистом виде, что, вероятно, является результатом двух причин. С одной стороны, новые условия существования, навязанные четвертичным расам изменением климата, должны были привести к изменению некоторых их характеристик. С другой стороны, свежие элементы, незначительно отличающиеся от ископаемых, смешались с ними. Если сравнить черепа из Гренель, как это сделал М. Хэми, с черепами саамов, то мы обнаружим, что по протяженности горизонтальной дуги, длине передне-заднего и поперечного диаметров, а также по цефалическим индексам, первые должны быть расположены почти точно на полпути между двумя известными большими порядками черепов саамов. Мы действительно

наблюдаем определенные различия между ними. Например, черепной свод у саамов более уплощен, чем у человека из Гренель, но в целом аналогий гораздо больше, чем различий.

Старший Ретциус, Свен Нильссон, Эшрихт и другие, исследуя древние захоронения своей страны, уже признали значительное распространение древней брахицефальной расы, которую они отождествляли с истинными саамами. М. Шаафхаузен на последнем Стокгольмском конгрессе привел еще один пример в поддержку этого мнения.

Рассмотрев эти факты, мы с М. Хами пришли к выводу о существовании *саамского типа*, к которому, вместе с расой Гренель, можно отнести большое количество популяций, разбросанных во времени и охватывающих почти всю Европу. В частности, в Дофинских Альпах этот тип представлен в почти чистом виде. Любопытная коллекция черепов, хранящаяся у М. Хоэля, не оставляет никаких сомнений на этот счет. Таким образом, мы подтвердили, придав ему большую точность и отнеся его к более раннему периоду, один из тех общих взглядов, которыми антропология так обязана скандинавским ученым.

Х. Таким образом, расы Фурфуз и Гренель, появившиеся последними в четвертичную эпоху, вступили в контакт в ледниковые эпохи с предшествовавшими им долихоцефальными расами. В некоторых отношениях они слились с ними, в других - сохранили свою автономию и разделили одну и ту же судьбу. Они также пережили изменения почвы и климата, которые, как мы видели, причинили столько хлопот поднимающимся обществам кроманьонцев; они также стали свидетелями постепенного изменения условий существования; и результаты этих изменений повлияли на них так, как мы уже указывали.

Некоторые племена двинулись на север, следуя за оленями и другими видами животных, которых они привыкли считать необходимыми для своего существования; они эмигрировали в широтном направлении. Другие из тех же побуждений эмигрировали в высоту, сопровождая серн и букетин в горные цепи, освободившиеся в результате таяния ледников. Другие, опять же, оставались неподвижными. Две первые группы гораздо дольше оставались свободными от влияния этнического смешения. Племена, составляющие третью, вскоре оказались в присутствии брахицефалических и долихоцефалических иммигрантов периода полированного камня, и были легко покорены и поглощены ими.

XI. Прибыв в Европу, люди эпохи полированного камня встретились не только с теми расами, которые мы обсуждали. Они вступали в контакт со всеми четвертичными расами. Об этом свидетельствуют многие из уже упомянутых фактов, а также великолепная коллекция черепов и скелетов, собранная М. де Байи в гротах на Марне. За исключением канштадтского типа, все те, которые мы только что описали, похоже, собрались вместе в этом замечательном месте. Даже могила из Ла-Трюшера представлена головой с почти такими же ярко выраженными чертами, как и в Сейле. Однако основа этого неолитического населения все же принадлежала к недавно пришедшему типу. Вряд ли стоит добавлять, что, будь то древние или недавние, все эти расы смешивались, и что это смешение иногда проявляется в слиянии, а иногда в смешении характеристик.

Путем проникновения или завоевания новые расы смешивались с предыдущими еще до прихода арийцев. Последние распространились до западных пределов континента, оставив обширные области на севере и юге, где продолжали существовать их предшественники. Затем последовали исторические вторжения. Именно из смеси всех этих элементов, объединенных войной и скрепленных мирным опытом, сформировались наши европейские общества.

XII. Человек был единственным существенным агентом в формировании новых этнических групп. С самых ранних времен эпохи полированного камня земля и климат оставались неизменными в нашем западном мире. Европейский человек был волен подчиняться законам своей эволюции, создавать, изменять или разрушать свои ассоциации и общества, преодолевать века бронзы и железа, а также исторические времена, не вступая в борьбу с теми непобедимыми силами, которые, возможно, задержали развитие охотников кроманьонцев.

В какой степени антропологическое прошлое остального мира похоже на европейское? Наука когда-нибудь, несомненно, ответит на этот вопрос, но сейчас мы можем лишь строить предположения. Мудрее воздержаться, довольствуясь тем, что менее чем за полвека расшифровали почти целую главу той доисторической и палеонтологической истории человека, о существовании которой наши отцы даже не подозревали.

КНИГА IX. СОВРЕМЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ - ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

ГЛАВА XXIX.

ОБЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ.-ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ.

I. Я решил, что должен дать несколько подробный отчет о наших знаниях об ископаемых человеческих расах. Интерес и новизна предмета побудили меня сделать это, а его умеренный объем сделал это возможным. Но я не могу рассматривать историю нынешних рас таким же образом. Если бы я хотел изучить их по отдельности, то вряд ли смог бы посвятить каждой из них более нескольких строк. Даже если бы я сгруппировал их по *семействам*, я смог бы дать лишь неполный и расплывчатый отчет о них, если бы не вышел за рамки этой работы.

Тогда мне показалось предпочтительным перенять практику ботаников и зоологов, которые всегда начинают с общего описания природы и значения признаков той группы, которую они хотят обсудить. Эти понятия, когда они касаются всей группы, более того, всегда необходимы. Только они позволяют нам понять и осмыслить некоторые общие результаты. Они становятся еще более необходимыми, когда обсуждаются *расы, произошедшие* от одного и того же вида, потому что они выдвигают и делают очевидным единство специфического происхождения этих рас, так же как и прямые доказательства.

II. Если бы мы были знакомы с первобытным человеком, мы должны были бы рассматривать как характеризующее расы все, что отделяет их от этого типа. Из-за отсутствия этого естественного термина сравнения мы приняли *европейского белого* за нормального и сравниваем с ним остальные человеческие группы. Это приводит к тенденции, на которую следует сразу же обратить внимание.

Под влиянием определенных привычек мышления и легко объяснимого расового самолюбия многие антропологи решили, что они могут интерпретировать физические различия, которые

отличают людей друг от друга, и рассматривать простые характерные черты как знаки неполноценности или превосходства. Поскольку у европейца короткий каблук, а у некоторых негров - длинный, они хотели рассматривать последний как признак деградации. Замечания, которые с такой справедливостью сделал по этому поводу Десмулен, говоря о босжеманах, были забыты. Поскольку большее число цивилизаций возникло среди долихоцефальных народов, голова, вытянутая вперед и назад, считалась высшей формой. Было забыто, что негры и эскимосы в целом являются долихоцефалами наиболее выраженного типа и что европейские брахицефалы во всех случаях равны своим долихоцефальным собратьям.

Все аналогичные интерпретации абсолютно произвольны. На самом деле превосходство между человеческими группами зависит в основном от интеллектуального и социального развития; оно переходит от одних к другим. Китайцы и египтяне уже были цивилизованными, в то время как все европейцы были настоящими дикарями. Если бы последние судили о наших предках так, как мы слишком часто судим об иноземных расах, они нашли бы в них множество признаков неполноценности, начиная с белой кожи, которой мы так гордимся, и которые они могли бы рассматривать как свидетельство непоправимого вырождения.

Действительно ли фундаментальное превосходство одной расы проявляется внешне в виде какого-то материального признака? В этом вопросе мы все еще пребываем в неведении. Но при более внимательном рассмотрении мы приходим к мысли, что это не так. Высказываясь таким образом, я понимаю, что отделяю себя от общепринятых мнений и расхожусь с людьми, чьи работы я ценю очень высоко. Но в дальнейшем я надеюсь привести убедительные доказательства в свою пользу.

Между одной человеческой группой и другой все же существуют различия любого рода. Их нужно принимать за то, что они есть, за *расовые, этнические черты*. Долг антрополога - признать эти различия, использовать их для определения групп, а затем соединить или разделить, в соответствии с их родством, расы, охарактеризованные таким образом. Другими словами, его работа - это то же самое, что и работа ботаника или геолога, описывающего и классифицирующего растения и животных.

Люди нетерпеливые и смелые, возможно, упрекнул меня в том, что антропология слишком *описательна*. Я лишь частично защищусь от этого обвинения. При условии, что описание охватывает все существо, оно позволяет нам познакомиться с ним. Если мы встанем на эту точку зрения, мы останемся на почве позитивного знания и меньше рискуем запутаться в гипотезах.

Я по-прежнему считаю правом и почти обязанностью антрополога исследовать причины, которые могли привести к появлению черт, характеризующих расы. Изучение действия условий жизни иногда дает ценные указания на этот счет. Эволюция человека от его появления в эмбриональном состоянии до взрослого состояния особенно представляет факты, представляющие большой интерес. Простой *арест*, небольшое *превышение* в эволюционных явлениях, как мне кажется, являются причинами основных различий, которые разделяют расы, и особенно две крайности, негров и белых.

Я прекрасно понимаю, что возникает желание вернуться еще дальше назад. Под более или менее ощутимым влиянием доктрин трансмутационизма условия для сравнения в оценке этих различий слишком часто искали среди животных, и особенно среди обезьян. Выдающиеся люди, даже не принимая эти доктрины, часто используют выражения

"*симулянтский характер*", "*животный характер*". Зачем забывать об эмбрионе или человеческом плоде? Почему бы не вспомнить даже о младенце? Задайте вопрос об их истории. Она содержит все элементы *теории эволюции человека*, безусловно, гораздо более точной и правдивой, чем *теория симиан*. Это опять же результат, который, я надеюсь, станет ясен благодаря фактам, которые мне предстоит упомянуть.

Но независимо от того, смогу ли я объяснить появление признаков, отличающих расы друг от друга, и какое происхождение им можно приписать, я буду использовать слово "*характер*" только в том смысле, который придается ему в ботанике и зоологии.

III. Животный вид характеризуется не только особенностями, проявляющимися в его физическом организме. Ни одна история пчел или муравьев не упустит случая рассказать об их инстинктах или показать, как они различаются у разных видов. С гораздо большим основанием мы должны указывать в истории человеческих рас на характерные моменты в их интеллектуальных, моральных и религиозных проявлениях. Разумеется, подходя к этому порядку фактов, антрополог должен оставаться исключительно натуралистом.

Этого очень простого соображения достаточно, чтобы определить относительную ценность, которую следует приписывать в антропологии персонажам различных порядков. Здесь, как и в ботанике и зоологии, на первом месте должны стоять наиболее устойчивые признаки. Так, человек, племя или целая популяция могут за определенное количество лет изменить свое социальное положение, язык, религию и т. д. При этом они не изменяют свои внешние или анатомические физические характеристики. Поэтому именно последним антрополог придает наибольшее значение, в отличие от лингвиста, философа или теолога.

Тем не менее мы увидим, что в некоторых очень редких случаях лингвистические характеристики преобладают над физическими, в том смысле, что они дают более яркие указания на предмет определенного этнического родства. Если рассматривать человека с физической точки зрения, то он демонстрирует признаки, которые можно разделить на четыре отдельные категории, а именно: внешние признаки, анатомические признаки, физиологические признаки и патологические признаки.

IV. Внешние признаки - Рост. Все селекционеры рассматривают рост как характеристику расы среди животных. Это также один из признаков, который наиболее ярко проявляется у человека. Этот характер иногда показывает, что он очень явно зависит от условий существования. Укрытие и тщательное кормление кобыл из Ла-Камарга оказалось достаточным для увеличения роста этой превосходной породы лошадей. Что касается человека, то М. Дюран (де Грос), подтвердив наблюдение, уже принадлежавшее Эд. Ларте, показал, что в Авейроне население известняковых кантонов ощутимо выше, чем население гранитных или шистозных кантонов. Он согласился с утверждением доктора Албеспи, что известкование земель в незаболоченных частях этого района привело к увеличению высоты на два, три или даже четыре сантиметра (-78, 1-17, 1-57 дюймов) на землях, где эта практика существовала дольше всего.

Но, с другой стороны, бесспорно, что расы очень разного роста живут бок о бок, и до сих пор не было возможности указать причину этого разнообразия. Карликовые негры, акка и обонго, по-видимому, находятся в условиях, в точности сходных с теми, в которых живут гораздо более высокие соседние племена.

Выше я приводил данные о росте 163 человеческих рас. Я с достаточной силой настаивал на следствиях, которые из них вытекают; с точки зрения градации и скрещивания характеров. Но мы можем извлечь из этих цифр и другие, не менее интересные результаты.

Общее среднее значение, которое дают эти цифры, будет 1^м-635 (5 футов 4-37 дюймов). Я считаю его несколько завышенным, поскольку меры неверны скорее для низкорослых, чем для высокорослых. Тем не менее оно не может быть очень далеким от истины и может быть принято в предварительном порядке.

Из таблицы видно, что румыны и мадьяры, с этой точки зрения, представляют собой точно такой же средний рост.

Колебания среднего роста выше и ниже этого общего среднего значения, простираются в случае патагонцев до +0^м-115 (4-53 дюйма), а в случае босъесманов до -0^м-265 (10-43 дюйма). Индивидуальные колебания составляют +0^м-295 (11-71 дюйм) для жителей Тонгатабу и -0^м-495 (1 фут 7-49 дюймов) или -0^м-635 (2 фута 1 дюйм) для босъесманов.

Из таблицы видно, что колебания ниже общего среднего значения менее многочисленны, чем те, что выше него. Этот результат может быть связан с фактом, на который я только что указал. Тем не менее, мне кажется вероятным, что количество рас выше среднего роста больше, чем ниже. Разница в количестве компенсируется более чем двойным размахом колебаний ниже среднего.

Между самым высоким средним показателем, наблюдаемым среди южных патагонцев, и самым низким средним показателем среди босжесманов мы находим разницу в 0^м-554 (1 фунт 9-8 дюймов). Разница между отдельными людьми составит 0^м-930 (3 фута 0-6 дюймов). Но я считаю, что ее следует уменьшить до 0^м-790 (2 фута 7-1 дюйма), приняв за среднее значение рост 1^м-14 (3 фута 8-88 дюймов), приведенный Барроу в качестве роста босхесманской женщины, имевшей несколько детей. Таким образом, мы уверены, что не рассматриваем случай тератологической карликовости как возможное нормальное состояние.

Путешественники не часто измеряли рост мужчин и женщин отдельно. Объединяя факты такого рода, которые мне удалось собрать, мы находим 0^м-141 (5-57 дюймов) как среднюю разницу между ростом полов, и 0-973 как среднее соотношение, причем женщина везде короче мужчины. Среди саамов, по данным Кейпл Брука и Кэмпбелла, средняя разница достигает 0^м-278 (10-94 дюйма); в Австрии, по данным Лихарзика, она составляет 0^м-037 (145 дюймов).

V. Пропорция тела и конечностей. Во всех расах наших домашних животных относительное развитие различных частей тела, *пропорции*, имеют характерное значение, которое равно, а часто и превосходит значение роста. Никому не придет в голову отделять борзую от луня. Точно так же должно быть и с человеком. У животных расы образуются в результате отбора, более или менее открытого и проводимого с определенной целью. Пропорции различных частей тела, таким образом, приобретают фиксированность, которую невозможно найти в человеческих расах из-за отсутствия отбора.

Эта изменчивость обнаруживается даже в самых простых соотношениях, которые можно считать фундаментальными. Таково отношение высоты головы к общему росту. Герди, который специально занимался этим вопросом, обнаружил, что рост французов редко превышает 7½ голов, чаще всего чуть больше 8, а иногда и 9. Художественный идеал не более фиксирован, чем реальность, несмотря на математические правила, установленные от Витрувия до Лихарзика и Зильбермана. В таблице, составленной Одреном, показана вариация от 7^{(19)/48} голов (египетский Термес) до 7^{(43)/48} (фарнезский Геркулес). Разница между этими двумя крайними значениями составляет ровно полголовы. Художники допускают еще

большую вольность. Рафаэль дал некоторым своим фигурам высоту всего в 6 голов, а Микель Анджело - в 8 и более.

Пифийский Аполлон ($7^{(42)/48}$ голов), Лаокоон ($7^{(27)/48}$), тем не менее, являются *шеф-поварами*, и мы по праву отдаем равное количество восхищения двум итальянским мастерам. Причина та же, что и у остальных живых существ: организм человека не подчиняется ни абсолютным законам, ни жестко фиксированному развитию.

Несомненно, среди некоторых человеческих рас были замечены различия в пропорциях, в целом достаточно заметные, чтобы послужить характером. Но так же часто случается, что у некоторых особей порядок этих различий меняется на противоположный. Это еще один пример скрещивания.

Так, у африканского негра верхняя конечность, от плеча до запястья, как правило, относительно длиннее, чем у европейского белого, и мы еще вернемся к этому вопросу. Тем не менее, из измерений Кетеле следует, что у негра, хорошо известного в студиях, где он выступал в качестве модели, руки были гораздо короче, чем у солдат и бельгийской модели, которые были взяты для сравнения.

Более того, цифры, найденные Кетеле, располагают людей, на которых были сделаны его наблюдения, в следующем порядке: 1-е - среднее из десяти бельгийских солдат; 2-е - вождь оджиббевеев; 3-е - бельгийская модель и зулусский каффир; 4-е - каффир амапонда; 5-е - негритянская модель; 6-е - три молодых оджиббевеев; 7-е - Кентфилд, Геркулес из Соединенных Штатов. Здесь снова хорошо заметно скрещивание, и именно в белой расе брюссельский ученый обнаружил две крайности.

В общей характеристике негритянских рас мы часто находим упоминание о незначительном развитии и относительно высоком положении икры ноги. У меня нет точных сведений о последнем из этих признаков. Что касается первого, то он представляется слишком общим. Два негра, каффир Амапонда и негр, представленный в таблицах Кетеле, имеют максимальный 0^m-410 (16-14 дюймов), а минимальный 0^m-328 (12-92 дюйма) развития этой части. Их отделяют друг от друга бельгийцы, оджиббевее и Кентфилд.

Наконец, *средства*, взятые для различных частей тела, несомненно, дадут результаты, полезные для различения рас. Но при этом необходимо учитывать многие условия. Все охотничьи народы, включая австралийцев, по словам путешественников, побывавших среди них, могли бы послужить образцом для скульптора, и в целом отличаются симметрией и красотой пропорций. В этом отношении цивилизованное население, особенно жители наших больших городов, демонстрируют плачевную неполноценность. Деградирует ли наш *фундаментальный тип* в этом отношении? Конечно, нет. Но сама цивилизация, благодаря удобствам существования, которые она обеспечивает, порокам, которые она поощряет, слабым личностям, которые она сохраняет, вносит в расу элементы деградации. Здесь снова проявляется во всей полноте влияние условий жизни.

VI. *Окраска*. Вместе со всеми антропологами я признаю высокую ценность цвета кожи как характеристики. Тем не менее, не стоит преувеличивать его значение. Теперь мы знаем, что он не является результатом существования или исчезновения особых слоев. Черная или белая, кожа всегда состоит из белой *дермы*, пронизанной множеством капилляров, и *эпидермиса*, более или менее прозрачного и бесцветного. Между ними располагается

слизистый слой, в котором в действительности находится только *пигмент*, количество и цвет которого варьируется в зависимости от расы.

Все цвета человеческой кожи имеют два общих элемента: белый цвет дермы и красный цвет крови. Кроме того, каждый из них имеет свой собственный элемент, обусловленный окраской пигмента. Лучи, отраженные от различных тканей, объединяются в результирующее вещество, которое создает различные оттенки и проходит через эпидермис. Последний играет роль шероховатого стекла. Чем он нежнее и тоньше, тем заметнее цвет прилегающих частей.

Это объясняет, почему среди некоторых цветных рас, например, среди жителей Сандвичевых островов, высшие классы, которые не живут на открытом воздухе, часто демонстрируют цвет кожи в наиболее выраженной форме. Среди них *солнечный ожог* маскирует цвет пигмента, как у нас маскирует цвет дермы и ее сосудов.

Исходя из вышесказанного, мы также можем понять, почему только о белых можно сказать, что *они бледнеют* или *краснеют*. Причина в том, что у него пигмент позволяет заметить малейшие различия в притоке крови к дерме. У негра, как и у нас, кровь имеет свою долю в окраске, оттенок которой она углубляет или изменяет. Когда крови не хватает, негр становится серым от смешения белого цвета дермы с черным пигментом.

Хорошо известно, что с точки зрения окраски человеческие расы можно разделить на четыре основные группы: белая, желтая, черная и красная расы. Но мы должны остерегаться придавать этим выражениям абсолютный смысл. Любая группировка рас, основанная исключительно на цвете, нарушила бы тесные взаимоотношения и привела бы к сравнениям, которые явно расходились бы с суммой остальных характеристик. Тем не менее, эта систематическая точка зрения позволяет выявить некоторые интересные общие факты.

Расы белого цвета представляют собой достаточную однородность. По совокупности признаков они почти исключительно принадлежат к типу, который получил свое название от этого вида окраски. Более того, бесполезно настаивать на различиях в оттенках, которые демонстрируют последние, от англичанки или немки из высших слоев общества до португалки и особенно арабки. Тем не менее, в северных регионах и в Центральной Азии некоторые народности, например, чукчи, *по-видимому*, объединяют с белым цветом некоторые признаки, которые связывают их с желтыми.

В чистом белом цвете эпидермис легко теряет свою прозрачность, как только цвет становится глубже. Тогда подкожные вены можно распознать только по их набуханию. Только у тех, чья кожа очень тонкая и прозрачная, ход вен выделяется хорошо известным синеватым цветом. Если этот признак проявляется у какой-либо популяции, его можно с уверенностью отнести к белому типу. По этой причине я без колебаний отнес к аллофилам некоторые из самых диких племен северо-западного побережья Северной Америки, а также чукчей, о которых я только что говорил.

Население с черной кожей далеко не так однородно, как предыдущие. Все *чернокожие* - не *негры*; есть и такие, которые по совокупности своих важнейших качеств тесно связаны с белым населением. Таковы, например, бичары и другие негроидные народности на границах Красного моря, чья кожа гораздо чернее, чем у некоторых негров, но волосы и характер совершенно семитские.

Среди негров, правильно называемых так, оттенки кожи варьируются, пожалуй, гораздо больше, чем у белых. Не выходя за пределы Каира, можно увидеть людей, которые, не имея никаких следов смешения рас, имеют коричневый цвет с значительной примесью черного. Йолофы имеют голубовато-черный цвет, напоминающий крыло ворона, а Ливингстон говорит о некоторых племенах на Замбези, которые имеют цвет *кафе-а-лайт*. Но, возможно, смешение рас оказывает некоторое влияние на эту крайнюю модификацию цвета.

Популяции с желтой кожей демонстрируют факты, аналогичные предыдущим, но не столь многочисленные и не столь поразительные. Возможно, это различие объясняется лишь сложностью распознавания оттенков основного цвета. Тем не менее, более или менее выраженный желтый цвет одинаково характерен как для большой монгольской популяции, так и для расы узунгов или босжесманов, которую невозможно отделить от негров. С другой стороны, этот же оттенок настолько хорошо выражен у мулатов, что их часто называют *желтыми*, в отличие от негров и белых.

Из четырех групп, на которые можно разделить цвет человеческих рас, наименее характерной является красная. Его пытаются сделать атрибутом американцев. Это ошибка. С одной стороны, в Америке перуанцы, аутисты, арауканы и другие расы имеют более или менее насыщенный коричневый цвет, бразило-гуаранианцы - желтоватый цвет с легким оттенком красного и т. д. С другой стороны, на Формозе было найдено племя, такое же рыжее, как алгонкины, а более или менее медные оттенки встречаются среди корейцев, африканцев и т. д.

Более того, красный оттенок появляется исключительно в результате скрещивания между расами, ни одна из которых им не обладает. Фицрой сообщает нам, что в Новой Зеландии он часто характеризует полукровок англичан и маори. Этот факт также объясняет, почему его можно встретить среди многих популяций, упомянутых выше. У человека это один из тех фактов, которые показывают, как скрещивание может привести к появлению новых признаков.

Наконец, мы видим, что цвет кожи, хотя и является прекрасным вторичным признаком, не может быть принят за отправную точку в классификации человеческих рас. Для человека, как и для растений, мы должны вспомнить афоризм Линнея: "*nimum ne crede colori*".

То же самое можно еще более категорично сказать о цвете глаз. Несомненно, черный цвет обычно встречается у цветных рас, а небесно-голубой едва ли существует, разве что у светлокожих людей. Первый оттенок, по-видимому, сохраняется даже у желтокожих и некоторых аллофильных белых. Но даже среди негров мы часто встречаем карие, а иногда и серые глаза.

Как и цвет кожи, цвет глаз - это результат сочетания оттенков, отраженных от различных слоев радужной оболочки, усиленных цветом крови и видимых через прозрачную роговицу. Отсюда возникает трудность, с которой сталкиваются художники при передаче общего эффекта.

VII. *Кожа и ее основные придатки.* Кожа, покрывающая все тело, представляет собой реальный покров, состоящий из органов, которые анатомически и физиологически различны. Главным из них является *кожный орган* или *кожа*, как его *правильно называют*, к которому примыкают *органы, производящие ворсинки, потужные железы, кожные железы* и некоторые другие, которые нас не касаются.

В крайних случаях поверхность кожи бывает то сухой и грубой, то эластичной и похожей на атлас. Первая разновидность обычно встречается у арктических рас, вторая - у жителей жарких стран, таких как негры и полинезийцы.

Эти два факта легко объясняются исключительно действием температуры. Холод сжимает ткани, гонит кровь внутрь или сдерживает ее циркуляцию к поверхности тела.

Следовательно, он должен снижать функциональную активность так называемой кожи и частично уменьшать *потоотделение*. Тепло, напротив, вызывает приток крови к поверхности тела и делает функции кожи, и особенно потоотделение, более активными. Последний, благодаря постоянному испарению на поверхности тела, поддерживает эластичность эпидермического слоя и общую свежесть, из-за которой негритянок ищут в гаремах.

Из этого действия тепла и повышенной активности кожных органов, которая является его следствием, вытекают и другие результаты, объясняющие некоторые факты, замеченные путешественниками и антропологами.

Прунер Бей настойчиво подчеркивал толщину кожных покровов, особенно дермы у негров. Не является ли эта толщина естественным следствием притока питательных веществ, приносимых кровью, которая непрерывно приливает к поверхности тела для поддержания потоотделения?

Уже давно было замечено, что негры и другие расы, населяющие жаркие страны, потеют гораздо меньше, чем жители умеренного климата. Это объясняется предыдущими фактами. Кровь, которая постоянно поступает на поверхность и в кожные органы, не течет так обильно в потогонных железах, которые глубоко зарыты под жировой тканью. Между *транспирацией* и *потоотделением*, в связи с расположением органов, должно существовать настоящее равновесие.

Вероятно, одна из трудностей акклиматизации связана с тем, что пропорциональная активность этих двух функций должна быть изменена при переходе из умеренного климата в тропический или *наоборот*. Исследования Краузе показывают, что в теле европейца содержится более 2 281 000 полых желез. Общий объем всех этих маленьких органов составляет около 40 кубических дюймов. Поэтому внезапное изменение функций не может быть неважным. Более того, сальные железы, которые меньше по размеру, но многочисленнее, чем надпочечники, участвуют в этом изменении, которое может привести только к серьезному шоку для организма.

Ворсинки либо очень редки, либо совсем отсутствуют поверхности тела негра, за исключением некоторых частей, которые у человека всегда покрыты волосами. С другой стороны, железистый кожный покров у него сильно развит.

Оба эти факта могут быть отнесены к одной и той же причине и объясняются балансировкой связанных органов. Кровь, попадая на поверхность тела, покидает *луковицы волос*, которые посажены слишком глубоко; но по той же причине она приливает к сальным железам, которые расположены близко к поверхности. Из этого легко следует, что первые страдают от атрофии, а вторые переживают исключительное развитие.

Этим развитием и объясняется преувеличенный запах, свойственный неграм. Известно, что по этому запаху можно узнать рабовладельческий корабль. Но не только африканские народы характеризуются подобным образом. Гумбольдт сообщает нам, что перуанцы различают запахи туземца, белого и негра, называя их *posco*, *pezuna* и *graïo*. Среди нас

каждый человек имеет свой особый запах, который легко определяется тонким обонянием собаки.

VIII. *Волосы, борода, волосы.* Ворсинки у человека представляют собой волосы млекопитающих; но в то время как последние всегда покрыты, за исключением некоторых особых рас, таких как *турки*, скот *калонго* и т. д., человек обычно покрыт в заметной степени только в некоторых местах. У африканских негров и большинства представителей желтой расы она существует только на обычных частях тела. Тем не менее практика эпиляции, характерная для большого числа цветного населения, привела к преувеличению частоты и интенсивности этого признака. Эккевельдер изображает краснокожих воинов, в минуты досуга занятых вырыванием мельчайших волосков щипцами, специально изготовленными для этой цели.

Белые расы обычно более или менее волосаты, и давно известно, что у айнов эта черта развита в совершенно исключительной степени. Фотографии полковника Маршалла показывают, что тодасы в этом отношении равны им. У некоторых особей последних ворсинки образуют настоящий мех, особенно на нижних конечностях.

Из всех ворсинок человеческого тела наибольшее внимание справедливо привлекают те, что покрывают лицо и череп. Волосы есть у всех рас, но значительное число людей в Азии, Америке и Африке, как было замечено, полностью лишены бороды. Паллас, Гумбольдт, Брассер де Бурбур и Прунер-бей опровергли эти утверждения и показали, что отсутствие бороды полностью объясняется тщательной *эпиляцией*. Все человеческие расы в большей или меньшей степени снабжены бородой. Тем не менее известны большие различия даже между расами, принадлежащими к одному и тому же фундаментальному типу. Некоторые меланезийские негры представляют собой поразительный контраст в этом отношении со своими африканскими собратьями.

Волосы на голове гораздо более постоянны в отношении количества, чем волосы на бороде. Тем не менее у некоторых арктических рас, которые, к тому же, имеют более обильный пух, чем расы умеренного климата, он кажется ощутимо гуще. В этом отношении наблюдается полное согласие с известными фактами среди животных.

У некоторых негритянских рас, босжеманов Южной Африки, минкопи Андаманских островов, папуасов Меланезии и некоторых африканских племен волосы образуют на голове небольшие островки, разделенные совершенно гладкими пространствами. Отсюда и появляются головы с волосами *en grains de poivre*, замеченные разными путешественниками. Среди большинства африканских негров, а также среди желтых и белых распределение волос, напротив, равномерное.

Вариации цвета волос хорошо известны. Тем не менее из всех этих частных случаев можно извлечь некоторые общие факты. Я уже говорил, что во всех расах мы находим единичные случаи людей с волосами более или менее рыжеватого цвета. Светлые волосы долгое время считались уделом небольшого числа арийских групп. Тем не менее, согласно Прунер Бео, мы также иногда встречаем их среди азиатских семитов, и мы точно знаем, что они очень часты среди кабылов. Такие факты, как Пьер Мученик, П. Кес, Джеймс и т. д., замеченные среди париев, ли-пани, *киава* и т. д., несомненно, когда-нибудь будут объяснены миграциями и скрещиваниями. Мне, например, кажется почти очевидным, что скандинавы должны были привнести свои светлые волосы в некоторые племена американского побережья, и что факты, подмеченные Пьером Мучеником, являются одним из доказательств их распространения за пределы Мексиканского залива.

В форме волос, взятых в целом, также есть нечто характерное. Всем известна ложно называемая *шерстяная голова* негра, которая покрыта очень короткими и хрустящими волосами. Очень длинные и жесткие волосы желтых, американцев и других народностей разительно контрастируют с предыдущими. Волосы белой расы, которые часто выются, почти занимают среднее положение между этими двумя крайностями.

Этот общий аспект обычно соответствует различиям в структуре и общей форме волос. Браун уже доказал, что горизонтальный срез волос варьируется от вытянутого эллипса у негров до круга у краснокожих, а волосы англосаксов представляют собой нечто среднее между этими двумя формами. Прунер Бей возобновил это исследование и описал форму горизонтального среза волос у нескольких рас, принадлежащих к трем основным типам. Он доказал, что вытянутый эллипс характеризует негритянские расы в целом, а также хоттентотов-боснийцев; что овальные формы в основном принадлежат арийским популяциям; что более или менее правильные круглые формы характеризуют желтые, американские и другие расы, и что в этом отношении аллофильные белые расы (баски), похоже, напоминают предыдущие.

Кроме того, Браун и Прунер Бей согласны с утверждением, что на головах полукровок наблюдается смешение форм. Точно так же часто происходит при скрещивании мериноса с расами овец с грубой шерстью.

До сих пор я говорил только о характере, который придают борода и волосы, когда они растут свободно. Но хорошо известно, что любовь к украшениям, один из самых характерных инстинктов человека, стремится изменить природу в этих двух направлениях. В результате появляются персонажи, которые, несомненно, искусственны, но иногда имеют реальную ценность. Эта сторона вопроса часто подвергалась нападкам, и М. Э. Кортамбер сделал ее предметом своей работы, в которой он дал краткое изложение работ своих предшественников в дополнение к своим собственным.

IX. *Характерные черты черепа и лица.* С точки зрения описательной антропологии, а также с анатомической точки зрения, голова состоит в основном из двух областей - черепа и лица. Первая покрыта исключительно волосистой кожей, которая повторяет все ее контуры, и поэтому в действительности представляет собой лишь остеологические признаки. Общая форма, пропорции и т. д. у живого человека почти такие же, как и у скелета. Поэтому я более подробно останавлиюсь на этом вопросе при рассмотрении последнего. Здесь же отмечу лишь, что неравномерность кожного покрова и некоторых прилегающих мышечных волокон требует некоторых поправок при сравнении измерений, сделанных с живой головы и с черепа. Например, наличие височных мышц в достаточно ощутимой степени увеличивает поперечный максимальный диаметр. Следовательно, отношение последнего к передне-заднему диаметру становится повышенным. Это соотношение, составляющее *цефалический индекс*, является одним из наиболее часто используемых антропологами признаков, и важно было определить поправку, которую следует делать при сравнении. Брока показал, что она равна двум единицам, когда соотношение выражается способом, о котором я расскажу далее.

С лицом дело обстоит иначе. Здесь наложенные мягкие части играют роль, важность которой попеременно то преувеличивается, то игнорируется. Уильям Эдвардс считал, что расы должны определяться, как мы судим о людях, исключительно по чертам лица. Серрес, отталкиваясь того факта, что костный каркас определяет общую форму и пропорции лица, требовал, чтобы учитывались только остеологические признаки. Оба подхода были слишком эксклюзивными.

Несомненно, скелет важен для самых поверхностных характеристик лица. Но мышцы, клеточная и жировая ткань, хрящи гораздо более развиты на лице, чем на черепе; и от их большей или меньшей протяженности, от их различных отношений возникают различия в чертах, которые составляют так много характеров. К сожалению, часто бывает очень трудно определить последние. Самые подробные описания редко бывают достаточными, а самые точные измерения далеко не всегда дают представление о некоторых вариациях человеческой фигуры. Например, они не могут сделать понятным различие, которое, тем не менее, очень ощутимо для глаза, которое отличает нос гвинейского негра от носа нубийского негра.

Тем не менее нос - это одна из черт лица, которая лучше всего подходит для подобных исследований. Его длина определяется точкой прикрепления носовых костей к лобной кости и положением носового хребта; ширина у переносицы зависит от угла, образуемого носовыми костями; ширина у основания в большей или меньшей степени связана с передним отверстием носовых ямок. Но форма и развитие хрящей, а также толщина ноздрей на двух очень похожих черепах могут значительно изменить сам тип этого органа; и внешний носовой указатель не может дать никакого представления об этих вариациях. Исследование Топинара по этому вопросу, тем не менее, представляет реальный интерес; но с точки зрения характеристики рас, исследования Брока по носовому остеологическому указателю, которые мы рассмотрим далее, имеют гораздо более важное значение.

Однако наиболее важны те характеристики носа, которые наблюдаются на живом теле. Этот орган более или менее вдавленный, широкий и плоский почти у всех негров, большей части желтой расы, и некоторых аллофильных белых; он, напротив, узкий и выдающийся у светлых белых рас. Эти два общих типа, кроме того, имеют вариации, о которых могут дать представление только рисунки.

То же самое можно сказать и о рте. Тысячи различий в форме и размерах, которые он может демонстрировать, начиная с негра из Гвинеи с его огромными и как бы вывернутыми губами и заканчивая некоторыми арийскими или семитическими белыми, невозможно ни измерить, ни описать. Мы можем лишь отметить общие черты, когда они становятся очень выраженными. Можно, однако, отметить, что толщина губ очень заметна у всех негров, вследствие их выступа перед верхнечелюстными костями и зубами.

Рот негра имеет еще один характер, который, как мне кажется, обычно игнорируется и который всегда меня поражал. Это своего рода зажатость на внешней границе комиссур, которая, кажется, препятствует небольшим движениям угла рта, играющим такую важную роль в физиогномике. Вскрытия М. Хэми объяснили эти факты. Они показали, что у негров мышцы этой области одновременно более развиты и менее отчетливы, чем у белых.

Независимо от цвета радужной оболочки, глаз также демонстрирует различия, которые составляют так много символов, имеющих иногда реальное значение в развитии век и в размерах пальпебральной щели. Всем известны *китайские глаза*, наклоненные снизу вверх и изнутри наружу. Они считались характерными для желтой расы, как чистой, так и смешанной. Тем не менее эти косые глаза довольно часто встречаются в Европе, в основном у женщин, и сочетаются с почти исключительными по красоте и свежести цветом лица, а также с чертами, которые единодушно считаются самыми приятными.

Общая форма лица, а также некоторые другие особенности, вытекающие из выступа скуловых костей, из формы и выступа или отступления подбородка и т.д., способствуют некоторым соображениям, аналогичным предыдущим. Но и здесь внешним признакам не хватает той точности, которую мы найдем в остеологических характеристиках.

Х. *Характерные черты туловища и конечностей*. Говоря о пропорциях, я уже указывал на некоторые из этих признаков; я вернусь к ним, когда буду говорить о скелете. Здесь же я сделаю лишь несколько замечаний и отмечу две примечательные особенности.

Одной из особенностей, которые, на наш европейский взгляд, главным образом способствуют телесной красоте, является ширина груди, талии и бедер. Тело одинаковой ширины мы считаем некрасивым. Эта особенность встречается у некоторых желтых и американских рас. Сравнение этих размеров даст показатели, которые интересно сопоставить. Но мы взяли только грудную клетку, или, в более общем смысле, ее окружность. Если судить по цифрам, приводимым различными авторами, негры из Фернандо-По обладают наиболее развитой грудной клеткой. У них ее окружность составила бы 95-2 см (37-48 дюймов). Далее следуют англичане, а самый минимум наблюдается у тодасов, у которых окружность грудной клетки составляет всего 81-8 см (32-2 дюйма).

У хоттентотов, особенно у боснийских женщин, в высокой степени выражены две особенности, которые долгое время считались специфическими для них, но которые встречались и в других местах: Я имею в виду *стеатопигию* и *фартук хоттентота* (*tablier*). Первая заключается в странном развитии жировых складок на ягодицах, в результате чего образуется огромный выступ. Венера Хоттентотская, модель которой хранится в Парижском музее, дает хороший пример этого, но оказывается, что этот характер может быть еще более преувеличенным. Это воспроизведение в человеке черты, замеченной Палласом как характерная для некоторых рас овец Центральной Азии, у которых атрофия хвоста совпадает с появлением огромных жировых выступов.

Стеатопигия была замечена среди различных популяций негров и негроидов. Она была очень заметна у царицы Пун, изображенной на египетском храме, построенном М. Мариеттом для выставки 1867 года. Ливингстон уверял нас, что она начала проявляться у некоторых женщин буров, которые, тем не менее, принадлежат к совершенно чистой белой расе. Но нигде она не выражена так ярко, как у женщин босхов, и является одной из самых ярких особенностей этой расы.

Это не совсем то же самое, что "*tablier*", возникающее из-за преувеличенного развития малых половых губ, которые выступают из вульвы и свисают вниз перед бедрами. Эта особенность встречается в большей или меньшей степени у ряда рас и послужила причиной практики обрезания у женщин. В Европе, без сомнения, вряд ли найдется акушер, который не замечал бы ее по какому-то случаю у совершенно чистых белых. Тем не менее, кажется, что среди боснийских женщин оно иногда достигает такого развития, которое не замечается в других местах. У Венеры Хоттентотской, модель которой хранится в Парижском музее, длина справа достигает 55 миллиметров (2-16 дюймов), а слева - 61 миллиметра (2-4 дюйма); ширина справа - 34 миллиметра (1-33 дюйма), а слева - 32 миллиметра (1-26 дюймов). Толщина, которая является равномерной, составляет 15 миллиметров (-58 дюймов).

ГЛАВА XXX.

АНАТОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.

I. Не отрицая огромной ценности внешних признаков, я согласен почти со всеми антропологами в том, что в *большинстве случаев* они придают большее значение анатомическим признакам. К сожалению, сравнительная анатомия человеческих рас пока достигла незначительного прогресса. Дело в том, что только твердые части, скелет, обязательно были предметом серьезного изучения. Изучение брэнной части едва ли было начато. По этой и ряду других причин я буду различать эти два порядка фактов и обсуждать отдельно наши знания об *остеологических* и *органических признаках*.

Скелет, каркас тела, представляет собой те же области, что и последнее: мы можем выделить голову, туловище и конечности. Каждая из этих областей обладает особенностями, в большей или меньшей степени связанными с разнообразием человеческих групп. Наиболее изученной и, к счастью, наиболее важной является голова. В течение нескольких лет краниологические коллекции необычайно увеличивались, и во всей Европе к этому исследованию приступили с одинаковым рвением. Краниометрические методы и инструменты множатся, возможно, немного превышая реальную потребность. ММ. Фогт и Топинард сделали прекрасное резюме этой массы исследований. Я могу лишь сослаться на их публикации. Здесь я не могу даже воспроизвести все уже полученные результаты и должен ограничиться указанием на несколько основных из них.

II. *Характеры, полученные только по черепу.* С антропологической точки зрения, а также в анатомическом смысле, череп делится на две части - *череп* и *лицо*. Каждая из этих частей имеет свои особые признаки, а из их взаимных отношений возникают новые характеристики. Кратко рассмотрим их.

Общая форма черепа зависит, прежде всего, от соотношения между *длиной*, измеренной спереди назад, и *шириной*, взятой с одной стороны на другую. Честь оценить важность этого соотношения принадлежит Ретциусу. Он использовал его для установления различия между *долихоцефалами*, или длинноголовыми расами, и *брахицефалами*, или короткоголовыми расами.

Ретциус считал, что отношения 7 : 9 или 8 : 10 представляют собой предел, оставленный им неопределенным, долихоцефалии и брахицефалии. М. Брока предложил образовать третью группу, в которую должны были войти все черепа, длина и ширина которых представляли отношение, заключенное в этих пределах, и антропологи теперь признают вместе с ним *мезатицефалические* расы. Выразив эти отношения десятичными цифрами и создав термин "*горизонтальный цефалический индекс*", ныне общепринятый, М. Брока, кроме того, в необычайной степени облегчил изучение этого характера и идей, которые он может породить. Его деление двух крайних групп на две также в некоторых случаях было преимуществом. Однако он сам показал, что не стоит заходить слишком далеко в этом направлении.

Определения долихоцефалии, мезатицефалии и брахицефалии, как мне кажется, были несколько произвольными. Я делаю этот вывод на основании следующих таблиц, которые я заимствую у ММ. Брока и Прунер-бея. Они отражают способы, обнаруженные этими выдающимися исследователями. Я лишь заменил последовательный порядок на чисто

географическое распределение, принятое М. Прунером. Более того, я продолжил расчеты до второго десятичного знака, что сделало различия более тонкими, а общий результат - более поразительным.

ИНДЕКСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС ПО М. ПРУНЕРУ БЕЙ.

Расы.	Индексы.
Американцы из Пампасов, из Боготы и т. д.	0-93
Американцы из Вера-Паса	0-87
Немцы юга (мужчины)	} 0-86
Немцы юга (женщины)	}
Лаос	} 0-85
Аннамиты	}
Брахцефалические турки	}
Брахцефалические малайцы	} 0-84
Яванцы	}
Борнеи	}
Брахцефалические Перуанцы	}
Puelches	}
Лаппы	}
Древние брахцефалические европейцы	}
Кальмаки	} 0-83
Брахцефалические бретоны	}
Брахцефалические канаки	} 0-82
Аэты (женщины)	}
Древние европейцы (женщины)	}
Малайцы (женщины)	0-81
Брахцефалические новогвинейцы	} 0-80
Мексиканцы	}
Брахцефалические перуанцы (женщины)	}
Индокитайцы	}
Тагалы	} 0-79

Бельгийцы	}	
Голландцы	}	
Ховас	}	0-78
Папуасы с аквильным носом	}	
Краснокожие	}	
Китайцы (женщины)	}	
Белловаки (мужчины)	}	
Современные греки	}	
Кабылы (женщины)	}	0-77
Евреи (женщины)	}	
Куругли (мужчины и женщины)	}	
новогвинейцы	}	
Американцы-посредники	}	0-77
Арауканы (мужчины)	}	
Китайцы (мужчины)	}	0-77
Древние римляне	}	
Кабылы (мужчины)	}	0-76
Аэты (мужчины)	}	
Тасманийцы (женщины)	}	
Долихоцефалические кельты	}	
Скандинавы (мужчины)	}	
Долихоцефальные бретонцы	}	
Современные итальянцы (мужчины и женщины)	}	0-75
Аравийцы	}	
Сакалавы (мужчины)	}	
Новозеландцы	}	
Долихоцефалические канаки	}	
Микронезийцы	}	
Тасманийцы (мужчины)	}	0-75
Новогвинейцы (женщины)	}	
Долихоцефалические турки	}	
Этрусски	}	

Финикийцы	}
Скандинавы (женщины)	}

Таитяне	} 0-74
Американцы из Бразилии, Перу и т.д.	}
Арауканы (женщины)	}

Негры (женщины)	} 0-73
Кафиры	}
Семитские индусы	}
Древние кельты (мужчины и женщины)	}
Ирландцы	}

Негры (мужчины)	} 0-72
Сакалавы (женщины)	}
Австралийцы (женщины)	}
Брахманы	}
Дравиды	}
Персы	}
Белловаки (женщины)	}

Босхесманы	} 0-70
Хоттентоты (женщины)	}

Хоттентоты (мужчины)	} 0-69
Эскимосы	}

ИНДЕКСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС ПО М. БРОКУ.

Расы.	Индексы.
-------	----------

ИСТИННЫЕ БРАХИЦЕФАЛЫ.

Американцы (деформированные черепа)	{ 1-03
	{ 0-93

Сирийцы из Гебеля Шейха, слегка деформированные	} 0-85
Лапландцы	}

Бавария и Швабия	} 0-84
Овергнаты Сен-Нектера	}

Финны	} 0-83
-------	--------

Индо-Китай	}	
СУББРАХИЦЕФАЛЫ.		
Эльзас и Лотарингия	}	0-82
Европейская Россия	}	
Бретоны Кот-дю-Нор (галльские кантоны)	}	
Яванцы	}	0-81
Турки	}	
Разные монголы	}	0-81
Бретонцы Кот-дю-Нор (бретонские кантоны)	}	
Эстонцы	}	0-80
Французские баски	}	
МЕЗАТИЦЕФАЛИ.		
Североамериканцы, недеформированные	}	0-79
Южноамериканцы, недеформированные	}	
Неяванские малайцы	}	
Северные французы, бронзовый век	}	
Парижане XVI в.	}	
Парижане XII в.	}	
Парижане XIX в.	}	
Галло-римляне	}	0-78
Румыны	}	
Мексиканцы, недеформированные	}	
СУБДОЛИХОЦЕФАЛЫ.		
Испанские баски из Зарауса	}	0-77
Галлы железного века	}	
Malgaches	}	0-76
Китайский	}	
Копты	}	
Меровинги Французские	}	
Склавины Дуная	}	
Тасманийцы	}	
Полинезийцы	}	0-75
Древние египтяне	}	

Гуанчи	}	
Корсиканцы из Авапезы XVIII в.	}	
Богемцы из Румании	}	
Папуасы	}	
Северные французы эпохи полированного камня	}	
ИСТИННЫЕ ДОЛИХОЦЕФАЛЫ.		
Кабылы	}	0-74
Арабы	}	
Нубийцы из Элефантины	}	0-73
Южная Франция; эпоха неолита (пещера Хомм-Морт)	}	
Франция; палеолит	}	
Негры Западной Африки	}	
Бенгальцы	}	
Кафиры	}	0-72
Хоттентоты и босхесманы	}	
Австралийцы	}	0-71
Нью-Каледонцы	}	
Эскимосы	}	

Эти таблицы взаимно подтверждают и дополняют друг друга в общих результатах. Вторичные различия, которые их отличают, несомненно, вызваны, с одной стороны, количеством черепов, использованных двумя авторами для получения своих средств; с другой стороны, некоторым разнообразием в использовании этих материалов. М. Прунер Бей различает полы, которые объединяет М. Брока: последний поместил в одну группу готтентотов и босжеманов, разделенных М. Прунером, и т. д.

Из таблицы М. Брока следует, что среднее значение всех этих показателей, если не принимать во внимание деформированные черепа, составляет 0-78. С числовой точки зрения это соответствует истинной мезатицефалии. Средняя группа, как мне кажется, должна опускаться в той же степени, что и подниматься, и, следовательно, поглощать по крайней мере часть субдолихоцефалов М. Брока. На самом деле, при рассмотрении двух таблиц оказывается, что индексы выше 0-74 и ниже 0-79 включают в себя большее количество рас, принадлежащих к трем основным типам и взятых из всех частей света. Мне кажется, что истинная мезатицефалия должна быть включена в эти пределы. Однако я не предлагаю изменить принятые нормы.

Эти таблицы дают основания для многих других наблюдений, из которых я укажу только основные.

М. Прунер Бей довел свои вычисления до третьего знака десятичных дробей; М. Брока - до четвертого. Я не стал углубляться дальше второго, чтобы глаз легче привлекали ряды, образованные этими числами, столь важными при характеристике рас. Следует помнить, что большее количество средств взято из определенного числа черепов. Если бы для каждой

расы имелось достаточное число испытуемых и все показатели, взятые у каждого, были расположены в последовательном порядке, то расстояние от одного до другого, несомненно, было бы уже не 0-01, а уменьшилось бы до 0-001, или даже меньше. Неощутимые оттенки, наблюдаемые при переходе от одного индивидуума к другому, были бы здесь столь же примечательны, как и при сравнении роста.

Нет необходимости долго настаивать на взаимопересечении, которое так ярко проявляется в двух таблицах. Мы видим, что один и тот же индекс ставит рядом самые несхожие расы: южногерманца с аннамитом, бретонца с калмуком, бельгийца с тагалом, парижанина с малайцем, итальянца с маори и т. д., и что по нескольким индексам белые расы рассеяны почти по всем цветным расам. Мне нет необходимости возвращаться к следствиям, которые можно вывести из этих фактов с моногенистической точки зрения.

Желтые и черные расы не так широко разделены, как белые; первые либо брахицефалические, либо мезатицефалические, вторые все долихоцефалические, за исключением азотов. Я показал, что последние принадлежат к группе населения, простирающейся от Андаманских и Филиппинских островов до Торресова пролива в Меланезии, проникающей в Новую Гвинею и образующей особую *ветвь* среди меланезийского негритянского населения.

Похоже, что в Африке дело обстоит примерно так же. Этим открытием, полностью противоречащим общепринятым до сих пор представлениям, мы обязаны М. Хэми. Этот замечательный исследователь распознал брахицефалию в шести черепах, взятых из парижских коллекций и полученных с мыса Лопес или из устьев Фернан-Яз. Вскоре после этого М. Дюсайю привез из тех же районов девяносто три черепа, измерения которых были обнародованы англичанами, М. Хэми вычислил индексы и обнаружил, что двадцать семь из этих черепов были брахицефальными или мезатицефальными. Таким образом, есть все основания полагать, что негритянский *род* в Африке представляет собой особую *ветвь*, соответствующую негритосам. Этот результат подтверждает и Швайнфурт, который относит ниамов и некоторые соседние племена к брахицефалам.

Мы видим, что горизонтальный цефалический индекс не может служить отправной точкой в классификации человеческих рас, как это представлял себе Ретциус. Однако мы также видим, что вся ценность, которую приписывал ему автор, сохраняется при характеристике вторичных групп.

Крайние значения, приведенные в таблице М. Прунер Бея, были обнаружены у двух американских рас, эскимосов и жителей пампасов Боготы и т. д. Каковы бы ни были различия, разделяющие эти две расы, очевидно, что ни одна из них не принадлежит ни к черному, ни к белому типу. Наибольшее сходство они проявляют с желтым типом.

От одного крайнего среднего значения до другого разница между цефалическими индексами, по данным М. Прунера, составляет 0-246, а по данным М. Брока - всего 0-14552. Это различие основывается главным образом на том, что М. Брок отвергает как деформированные черепа, которые М. Прунер, по-видимому, принимает без наблюдения. Опять же, индивидуальные индексы представляют собой гораздо более широкий разброс, чем можно было бы ожидать на первый взгляд. Хаксли упоминает монгола, чей цефалический индекс поднимается до 0-977, и новозеландца, несомненно, меланезийского происхождения, у которого он опускается до 0-629. Разница, таким образом, составляет 0-348.

Общее соотношение длины и ширины черепа у представителей человеческих рас проявляется с рождения. Тем не менее, из исследований Гратиолета следует, что долихоцефалия обусловлена относительным развитием костей, которое меняется с возрастом. У младенца она в основном *затылочная*, у ребенка - *височная*, а у взрослого мужчины - *лобная*. У женщины удлинение черепа зависит в основном от длины височных отделов; в этом отношении женщина всю жизнь остается ребенком.

Отталкиваясь от этих первичных результатов, тот же наблюдатель сравнил долихоцефалов-белокожих с африканскими и меланезийскими неграми. Он обнаружил, что лобная долихоцефалия первых была заменена в двух черных расах затылочной долихоцефалией. М. Брока установил тот же факт при сравнении басков с парижанами. Таким образом, различие, предложенное М. Гратиолет, имеет второстепенный характер, который может быть полезен в некоторых случаях, но не имеет того значения, которое некоторые пытаются ему придать. Они рассматривают затылочную долихоцефалию как характер, который широко отделяет негров от белых; наблюдения М. Брока показывают, что это совсем не так, а из наблюдений М. Гратиолет следует, что мы имеем здесь только сохранение переднего состояния, общего для обоих. Негр и баск сохраняют на протяжении всей жизни цефалический характер младенца-парижанина, являя тем самым один из многочисленных примеров того прекращения эволюции, которое, как мы видим с каждым днем все отчетливее, играет значительную роль в характеристике человеческих рас.

Изучение горизонтального цефалического индекса может привести к множеству других замечаний. Я лишь напомним о результатах, полученных М. Диетричи. Из его расчетов следует, что при общей численности населения земного шара в 1288 миллионов человек, долихоцефалов насчитывается 1026 миллионов, а брахицефалов - всего 262 миллиона. Но берлинский ученый относит к первой категории китайцев, которые являются мезатицефалами, и только их число должно составлять 421 миллион. Учитывая все эти факты, мне кажется, что, исходя из таблиц ММ. Pruner Bey и Broca, а также других данных, полученных до настоящего времени, мезатицефалы гораздо более многочисленны, чем брахицефалы или долихоцефалы. Если мезатицефалы понимаются в том смысле, который был указан выше, то последние, в свою очередь, преобладают над брахицефалами, в основном за счет популяций африканских чернокожих, которые мы ежедневно учимся оценивать как гораздо более плотные, чем считалось ранее.

Ретциус сравнивал только передне-задний и поперечный максимальные диаметры. Более поздние исследователи искали связь между последними и высотой черепа. Так был получен *вертикальный цефалический индекс*, важность которого сразу же очевидна. Он играет не менее важную роль в таблице М. Прунер-Бей и вызывает соображения, аналогичные тем, которые только что обсуждались. Однако я не могу вдаваться во все эти подробности, не выходя за рамки данной книги. Из тех же соображений я не буду упоминать другие измерения черепа, максимальный и минимальный *лобные диаметры*, *общую окружность*, *передне-заднюю дугу* и другие.

Состав черепа может варьироваться только в очень узких пределах. Тем не менее, у негров, древних египтян и т.д. сквамозная часть височной кости иногда соединяется с лобной без частичной интерпозиции крыльев клиновидной кости. Это примечательный факт, прямо противоречащий *принципам связей*, которые Этьен Жоффруа справедливо считал одним из самых важных принципов сравнительной анатомии.

В предыдущем случае состав черепа изменяется из-за подавления нормального шва. Это также может быть вызвано появлением аномального шва, при котором из одной кости образуются две разные. Так бывает, когда затылочная кость как бы разделяется, оставляя свободной свою верхнюю часть. Тогда мы имеем то, что было названо *эпактальной костью*, или *костью инков*, потому что Риверс и Тшуди считали такую конформацию характерной для этой расы. М. Жаккар, однако, показал, что это всего лишь результат прекращения эволюции затылочной кости, примеры которой встречаются в самых разных человеческих расах. Именно аналогичным явлением объясняется сохранение медиально-фронтального шва. Он, опять же, несомненно, универсален, но гораздо чаще встречается у белой арийской расы, чем у цветных, и особенно у негров.

Эти факты связаны, кроме того, с группой наблюдений и идей, которые неоднократно выдвигал Гратиолет. По мнению этого гениального наблюдателя, передние швы первыми объединяются у низших рас, в то время как у высших рас облитерация начинается с задних швов. Опять же, швы в целом имеют тенденцию к быстрому исчезновению у диких рас, в то время как изоляция костей черепа сохраняется у цивилизованных рас, особенно у белых европейцев. Такая предрасположенность позволяет продолжать развитие мозга, хотя постепенно оно становится медленнее. Таким образом Гратиолет объясняет сохранение интеллектуальной силы, столь заметной у людей, постоянно упражнявших свой интеллект. Статистические исследования доктора Помероля, хотя и корректируют все абсолютное в этой теории, в некоторых аспектах, кажется, подтверждают ее.

Поскольку я не в состоянии рассмотреть все черепные характеристики, я пройду мимо тех, которые определяются на основании выступления различных костей, затылочных индексов Брока, цефало-спинальных Мантегацца и т. д. Я скажу лишь несколько слов о положении *foramen magnum* и сфеноидальном угле Велькера, но более подробно остановлюсь на *вместимости* черепа.

Д'Обентон в специальной работе показал, что у животных *foramen magnum* всегда располагается дальше назад, чем у человека. Эммеринг заметил, что у негров он, кажется, больше, чем у белых; и это мнение, которое, по-видимому, было подтверждено некоторыми измерениями, сразу же было принято рядом антропологов и рассматривалось ими как *симический характер*, но этот результат был достигнут путем рассмотрения положения отверстия относительно всей длины черепа, включая лицо. Теперь сразу становится очевидным, что развитие последнего вперед, в силу прогнатизма, увеличит видимое отставание первого.

Исследования М. Брока в области черепных проекций позволяют нам правильно сформулировать эту проблему и дать ее решение. М. Брока сравнил 60 европейцев с 35 неграми. Представив *общую проекцию* на 1000, он обнаружил, что у первых *передняя проекция* равна 475, а у вторых - 498. Таким образом, передняя граница *foramen magnum* удалена от альвеолярной границы у негров дальше, чем у белых, разница составляет 23. Но эта проекция включает в себя, вместе с *передней черепной проекцией*, *лицевую проекцию*, которая составляет 65 у европейца и 138 у негра. Если вычесть этот показатель из первого, то окажется, что белый стоит на первом месте *только по черепной проекции*, а разница составляет 50.

Из этих расчетов мы узнаем, что относительно черепа, к которому он принадлежит, *foramen magnum* у негра расположен более впереди, чем у белого, чего ни в коем случае нельзя сказать об обезьянах. Эти же расчеты демонстрируют реальное различие, которое отличает этих двух людей, а именно - удлинение лица вперед.

При проведении сравнений между людьми и обезьянами особый интерес представляет *сфеноидальный угол*, открытый М. Вирховым, изученный М. Велькером, который благодаря М. Брока можно измерить, не делая разреза черепа. Он представляет собой обратную эволюцию у человека, а также Квадрумана во время роста. Это видно из прилагаемых вычислений, заимствованных у М. Велькера: -

ЧЕЛОВЕК.

8 Младенцы	141°
10 Дети от 10 до 15 лет	137°
30 Взрослые немцы	134°
	--
Разница	-7°

АПЫ.

Саджу, при рождении	140°
"взрослый	174°
	--
Разница	+34°

Оранж, молодой	155°
"взрослый	172°
"старый	174°
	--
Разница	+19°

Я уже настаивал на том, что факты такого рода непримиримы с теми теориями, которые приписывают человеку более или менее питекантропного предка.

При обсуждении черепной полости наша цель - восполнить недостаток информации об объеме и весе мозга. С этой точки зрения мы можем легко впасть в ошибку. Костный корпус и его содержимое развиваются, по крайней мере, в определенной степени, независимо друг от друга. Это очень наглядно демонстрирует факт, который был замечен Гратиолеттом и о котором слишком часто забывают. Речь идет о младенце, у которого череп имел нормальное строение. Мозг, тем не менее, почти полностью отсутствовал. У хорошо сложенных мужчин синусы и оболочки мозга могут быть более или менее развиты в зависимости от индивидуума или расы и влиять на относительные размеры мозга.

Кроме того, точное измерение объема черепа сопряжено с трудностями, которые еще не полностью преодолены. Несмотря на усовершенствования, внесенные М. Брока в его метод измерения с помощью дроби, последовательные измерения одного и того же черепа одним и тем же наблюдателем будут значительно отличаться по результату.

Опять же, необходимо учитывать особенности, важность которых долгое время игнорировалась. Уже несколько лет мы знаем, что рост влияет на вес мозга. Он не может не влиять и на полость, в которую тот заключен. М. Брока показал, что пол сам по себе является

причиной вариаций. У женщины средний объем черепа всегда меньше , чем у мужчины, и эта разница варьируется между различными расами.

Тем не менее, при исследовании достаточного количества черепов причины ошибок могут уравновесить друг друга, и полученные результаты могут быть приняты как достаточно близкие к истине. Результаты, полученные одним и тем же наблюдателем, особенно благоприятны для сравнения, и на их основе можно получить определенные результаты. Таким образом, нет причин, по которым объем черепа не следует рассматривать как характеристику, достойную изучения. Но не следует преувеличивать его значение.

М. Брока пришел к следующему результату, рассматривая различия между экстремальными расами. Черепная емкость австралийца равна 100, африканского негра - 111-60, а представителей других европейских рас - 124-8.

Я заимствую у моего выдающегося коллеги следующую таблицу, опубликованную М. Топинаром в его "Антропологии". В этой таблице приводится средний объем черепа в кубических сантиметрах для определенного числа рас обоих полов. Я просто заменил порядковый номер мужчин на почти географическое деление автора и вычислил разницу между полами.

РАСЫ.	МУЖЧИНЫ.	ЖЕНЩИНЫ.	РАЗНИЦА.
Пещера Хом-Морт. Неолит	1616	1507	109
Галло-бретоны	1599	1426	173
Оверньяты	1598	1445	153
Испанские баски	1574	1356	218
Бас-Бретоны	1564	1366	198
Современные парижане	1558	1337	221
Гуанши	1557	1353	204
Корсиканцы	1552	1367	185
Эскимосы	1539	1428	111
Китайцы	1518	1383	135
Меровинги	1504	1361	143
Новые Каледонцы	1460	1330	130
Негры Западной Африки	1430	1281	179
Тасманийцы	1452	1201	251
Австралийцы	1347	1181	156
Нубийцы	1329	1298	31

Здесь мы наблюдаем факты скрещивания, аналогичные тем, на которые я так часто указывал. Меровинги, белая раса первого порядка, располагается между желтыми китайцами и новокаледонцами, меланезийскими неграми.

Но главная ценность этой таблицы заключается в том, чтобы показать, к каким серьезным ошибкам приведет нас оценка интеллектуального развития расы по ее черепной емкости. По такой оценке троглодиты из пещеры Л'Омм-Морт превосходили бы все расы, перечисленные в таблице, включая современных парижан, а китайцы шли бы после эскимосов. Французское население, правда, занимает верхнюю часть таблицы, а несколько негритянских рас - нижнюю. Но и здесь, когда мы видим, что нубийцы следуют вплотную за австралийцами, мы должны признать, что не может быть реальной связи между размерами черепной коробки и социальным развитием. Более того, мы сталкиваемся с аналогичными вопросами, когда обращаем внимание на мозг.

Следующая таблица, которую я заимствую у Мортонa, столь же поучительна, как и предыдущая. Она включает в себя большее количество рас. Более того, американский ученый указал не только средние значения, но и максимумы и минимумы, установленные его исследованиями. Его измерения даны в кубических дюймах. Поскольку они нужны только для сравнения с данными других наблюдателей, я не стал приводить их к кубическим сантиметрам. Я снова ограничился расположением средств в убывающем ряду и вычислением разницы между максимумами и минимумами.

РАСЫ.		СРЕДНЕЕ.	МАКС.	МИН.	ДИФФ.
Английский		96	105	91	14
Немцы	}	90	{ 114	70	44
Англо-американцы	}		{ 97	82	15
Арабы		89	98	84	14
Греко-египтяне из катакомб		88	} 97	74	23
Ирландский		87	}	78	19
Малайцы		86	}	68	29
Персы	}	84	} 94	75	19
Армяне	}		}		
Черкесы	}		}		
Ирокезы	}		} 104	70	34
Ленапы	}		}		
Чероки	}		}		
Шошоны	}		}		
Африканские негры	}	83	{ 99	65	34
Полинезийцы	}		{ 84	82	2

Китайский язык	}	82	{	91	70	21
Креольские негры Северной Америки	}		{	89	73	16
Индусы	}	80	{	91	77	14
Древние египтяне из катакомб	}		{	96	68	28
Fellahs	}		{	96	66	30
Мексиканцы		79		92	67	25
Перуанцы	}	75	{	101	58	47
Австралийцы	}		{	83	68	15
Хоттентоты	}		{	83	63	20

Эта таблица, заимствованная у одного из самых выдающихся сторонников полигенизма, должна, как мне кажется, вызвать размышления у всех, кто обращает хоть какое-то внимание на факты.

Мы видим, что китайцы по своему среднему черепному объему находятся ниже полинезийцев, африканских негров и диких племен Северной Америки. Действительно ли это то положение, которое отводит им цивилизация?

В таблице Мортон креольские негры Америки стоят ниже африканских негров за счет меньшего развития той же полости. Мейгс подтвердил этот любопытный факт несколькими способами и даже сделал разницу еще более значительной: 80-8 для первых и 83-7 для вторых. И все же общепризнанно, что негры, родившиеся в Америке, интеллектуально превосходят своих африканских собратьев. Даже Нотт признает, что это так. Таким образом, интеллект у них растет, а черепная коробка уменьшается.

Этот факт тем более необычен, что наблюдения М. Брока над парижскими черепами XIII-XIX веков показывают, что черепная емкость увеличивается по мере общего интеллектуального прогресса. Измерения, проведенные тем же наблюдателем на людях, принадлежащих к образованному и неграмотному классам, приводят к тому же выводу.

Тем не менее, мы не можем пренебречь расчетами Мортон и Мейгса; и этот *опыт*, проведенный на многочисленных популяциях одной и той же расы, кажется, устанавливает вне всякого сомнения факт, который уже ясно вытекает из сравнения различных рас, а именно, что развитие интеллектуальных способностей человека в значительной степени не зависит от вместимости черепа и объема мозга.

Здесь я должен ограничиться утверждением, что уменьшение черепа является в Северной Америке одним из *признаков креольской негритянской расы*, произошедшей от *африканской негритянской расы*.

Скрещивание рас вновь продемонстрировано в этой таблице на примере. Индусы и древние египтяне отделены от других белых рас - негров, китайцев, полинезийцев и краснокожих.

Но максимумы и минимумы еще более наглядно показывают, насколько далеко зайдет эта путаница, если сравнивать отдельных людей. Хоттентоты и австралийцы с их максимумом в 83 года будут стоять перед немцами и англо-американцами, чей минимум не так высок. С гораздо большим основанием их можно было бы поставить в один ряд со всеми другими расами, которые по своим показателям стоят выше их. Но и это еще не все. Между самым высоким и самым низким средним показателем, между англичанами и готтентотами, или австралийцами, разница в объеме черепа составляет всего двадцать один кубический дюйм. Точно такая же разница между максимальным и минимальным показателями у китайцев. И она гораздо больше у девяти других рас, будучи более чем вдвое больше у немцев и перуанцев.

Встречались ли мы с фактами, подобными тем, что вытекают из измерений Мортонa, *среди видов одного рода* растений и животных? Конечно, нет; и эта таблица сама по себе достаточна, чтобы доказать, что человеческие группы - это *расы*, которые имеют мало единообразия из-за отсутствия отбора, и ни в коем случае не *виды*.

III. *Характеристики, полученные только по лицу*. Выводы, аналогичные тем, что были сделаны при изучении черепа, можно сделать на основании изучения всего лица. Оно может быть широким или длинным; для различения этих двух форм с помощью специальных эпитетов мы можем использовать термины *euryopse*, *dolichopse* (офис, театральная маска).

Поскольку лицо имеет гораздо более неправильную форму, чем череп, оно дает повод для гораздо большего числа наблюдений. Каждая из его особенностей заслуживала бы нашего внимания, если бы мы писали подробный труд, и тем более, что такое пристальное изучение может просуществовать всего несколько лет. За неимением места, я ограничусь указанием на природу символов и комментариями к некоторым из основных результатов.

У живого человека длина лица оценивается от начала волос до кончика подбородка. Но подобные измерения трудно получить, когда речь идет об экзотических расах. Поэтому были изучены черепа. В последних очень часто отсутствует нижняя верхнечелюстная кость, и даже зубы в слишком многих случаях выпадают. Поэтому нижняя граница длины лица может быть проведена не далее альвеолярной границы верхней челюстной кости. Верхним пределом служит *сус-назальная точка* М. Брока. Интервал, заключенный в этих пределах, всегда меньше *ширины*, измеренной через скуловые дуги. Умножив на 100 длину лица и разделив ее на ширину, М. Брока получил *лицевой индекс*. Ниже приведены примеры, которые я позаимствовал у него вместе с М. Топинаром:

Эскимосы	73-4	новокаледонцы	66-2
Негры	68-6	Парижане	65-9
Галло-бретоны	68-5	Австралийцы	65-6
Оверньят	67-9	Тасманийцы	62-6

Несмотря на небольшое количество этих примеров, они могут привести к замечаниям, подобным тем, которые я уже неоднократно приводил и которые считаю излишним повторять.

Нос - одна из самых ярких черт человеческого лица. Его общая форма и размеры служат одними из наиболее характерных внешних признаков для различения рас. Но морфологические вариации этого органа, представляющие значительные трудности, долгое

время оставались без внимания. М. Топинард восполнил этот пробел и показал, что даже по следам можно проводить измерения, пригодные для индексов. Тем не менее, именно череп до сих пор давал наиболее четкие указания. Ширина носа, взятая по отверстию носовой ямки и умноженная на 100, в сравнении с длиной от позвоночника до носо-лобного сочленения, дала М. Брока условия соотношения, выраженного его *носовым индексом*, изучение которого привело его к важным результатам.

Измерения, проведенные на более чем 1200 черепах всех рас, позволили М. Броку назвать средний носовой индекс 50-00. Во всех расах этот показатель варьируется от 42-33 (эскимосы) до 58-38 (узуаны). Мы видим, что разброс составляет всего 16-05. Индивидуальные различия гораздо шире: от 72-22 (узуаны) до 35-71 (румыны), что дает максимальную вариацию в 36-51.

Разница между максимумом и минимумом в одной и той же расе также очень поразительна. Когда она превышает десять, М. Брок, похоже, приписывает ее почти исключительно скрещиванию. Он гениально применил эту идею в истории скрещивания франков с предшествующими им расами во Франции. Но мы вряд ли можем допустить, что это всегда так, когда видим, что разница возрастает до 21-98 у негров Западной Африки и до 25-05 у готтентотов и босжеманов. Мне кажется, что это лишь повторение факта, который мы уже доказали в отношении вместимости черепа.

М. Брок использовал свой носовой индекс, чтобы разделить все человеческие расы на три группы с этой точки зрения. В расах со средним носовым индексом, или *мезорхинских*, он варьируется от 48 до 53. Ниже располагаются расы с длинным узким носом, или *лепторхинцы*, а выше - расы с широким и более или менее плоским носом, *платихинцы*.

Полученные таким образом группы довольно однородны. В лепторхинскую группу входили бы только белые, если бы в нее неожиданно не вмешались эскимосы. Платихинская группа состоит исключительно из негров и включает все расы этого типа, изученные М. Броком, за исключением папуасов, которые, возможно, являются смешанной расой. Мезоринцы включают в себя все желтые расы, а также полинезийцев, всех американцев и папуасов, о которых я только что упомянул. Мы также находим в этой группе аллофильных белых, эстонцев и финнов, которые, таким образом, отделены от арийцев и семитов.

Короче говоря, если принимать во внимание только средства, то носовой указатель, взятый за основу при разделении рас, нарушает гораздо меньшее число природных связей, чем те признаки, которые мы до сих пор обсуждали. За исключением тех исключений, о которых я только что упомянул, скрещивание здесь проявляется только между расами, принадлежащими к одному типу. Но как только мы принимаем во внимание индивидуальные вариации, смешение, столь часто наблюдаемое, появляется вновь.

М. Брок изучал носовой указатель не только у взрослого человека, но и в состоянии эволюции. Он обнаружил, что у трехмесячного эмбриона этот показатель составляет 76-80; у совершенного плода - 62-18; у ребенка шести лет - 50-20; у современных парижан - 46-81. Таким образом, индекс постоянно уменьшается по мере того, как тело приближается к своей определенной форме. Из этого факта наш автор делает вывод, что вариации, наблюдаемые у одной и той же расы, часто могут быть связаны с остановкой развития или, скорее, с остановкой эволюции, и он, кажется, склонен связывать платиринизм негров с той же причиной. Таким образом, он принимает идею Серра об общем характере негра, которую мы рассмотрим далее. Я считаю это очень правильным объяснением происхождения одной из отличительных черт, которая наиболее четко выделяет черную расу. Однако этот факт применим не только к носовому указателю, как я уже доказал.

Орбитальный индекс, также изученный М. Брока, получается путем умножения вертикального диаметра орбиты на 100 и деления полученного результата на горизонтальный диаметр. Рассматриваемые с этой точки зрения, расы делятся на три группы, а именно: *мегасемы*, чей средний индекс поднимается до 89 и выше; *мезосемы*, чей индекс варьируется только от 83 до 89; и *микросемы*, чей индекс опускается ниже 83.

Самый высокий средний индекс, указанный М. Брока, обнаружен у аймара, у которых он поднимается до 98-8. Но мы знаем, что череп у этого народа искусственно деформирован, и эта практика может в какой-то степени влиять на форму орбиты. Максимум в нормальных черепах наблюдался у полинезийцев Гавайи, где он составлял 95-40. Минимум 77-01 представлен у гуанчей Тенерифе.

Средняя максимальная вариация составляет 18-30.

Но здесь, как и во всех других случаях, индивидуальные колебания гораздо более значительны. Даже не принимая во внимание аймара, чей индекс иногда превышает 109, М. Брок обнаружил 108-33 у китайца, 105 у китайца и краснокожего индийца, 100 у двух женщин Маркизских островов, перуанки, малайки, мексиканки, индокитайки, жительницы Древнего Египта, Оверни и Парижа. Нет необходимости настаивать на значении этих сходств.

Самый маленький орбитальный индекс, известный нам, - у кроманьонского старика, который, как мы видели, составляет 61-36. Над ним на небольшом расстоянии друг от друга могут находиться тасманиец, меровинг, человек из Ментоны (той же расы, что и кроманьонец), гуанч из Тенерифе, новокаледонец, австралиец, нубиец, каффир, испанский баск, овергнат и, наконец, женщина кроманьонца, чей индекс составляет 71-25.

Максимальная индивидуальная вариация составляет 46-87.

Изучив таблицу М. Брока, мы обнаруживаем, что белые расы представлены в трех группах. Голландцы из Заандама занимают место в мегасемье между аборигенами Мексики и северо-западной Америки. Галло-бретонцы находятся в той же группе, между чилийцами и индокитайцами. Белые составляют подавляющее большинство в группе мезосемей и являются самыми многочисленными в группе микросемей. Одна из их рас - уроженцы Тенерифе - завершает ряд, непосредственно предшествуя тасманийцам и австралийцам.

Таким образом, что касается белой расы, средний орбитальный индекс свидетельствует о скрещивании, сопоставимом со всем, что мы наблюдали до сих пор. С двумя другими фундаментальными типами дело обстоит иначе. Они четко разделены по этому признаку. Все желтые расы - мегасемы, так как, по моему мнению, саамы, которых М. Брок относит к ним, на самом деле являются аллофильными белыми. Все негритянские расы являются мезо- или микросеменами. Разница в 4-03 между аборигенами Бразилии, представляющими последние мегасемы, не подвергшиеся деформации, и папуасами острова Туд, у которых, среди всех негров, самый высокий орбитальный индекс.

Обычное скрещивание, несомненно, проявится вновь, если мы примем во внимание индивидуальные вариации. Разница 9-89, которая отделяет мужчину кроманьонца от женщины той же расы, является достаточным доказательством.

М. Брок изучал влияние пола и возраста на орбитальный индекс. Я не могу следовать за ним в этих деталях, какими бы интересными они ни были. Отмечу лишь, что, как и в случае с носовым указателем, он уменьшается с ходом эволюции и остается во всех расах больше у

женщин, чем у мужчин. Последний сохраняет, таким образом, на протяжении всей жизни некий инфантильный характер.

Это наблюдение в равной степени относится к расам, отличающимся размером орбитального указателя. Таким образом, желтые расы, включая китайцев, по сравнению с белыми расами, демонстрируют *задержку эволюции*. Тем не менее китайцы значительно превосходят все микро- и мезосемичные черные расы, особенно австралийцев и тасманийцев, за которыми следуют только жители Тенерифе, занимающие самые низкие места в таблице. Если принять белых за нормальный тип, то эти две популяции следует рассматривать как представляющие *избыток эволюции*; но этот избыток еще более заметен у гуанчей Тенериффа, которые по своему образу жизни значительно превосходят тасманийцев и австралийцев.

Из этих фактов следует общий вывод, а именно: признаки, возникающие в результате *остановки* или *избытка* эволюции, сами по себе не являются признаком превосходства или неполноценности.

М. Брока с большим основанием сравнивает орбитальный индекс обезьян и человека. Как и следовало ожидать, в высших группах обезьян действуют те же законы развития, что и у человека. Влияние пола и возраста так же заметно у гориллы, оранга и шимпанзе, как и у наших рас. У низших приматов оно кажется менее заметным.

Орбитальный индекс группирует приматов, как и человека, на мегасемы, мезосемы и микросемы. Но этот признак связывает антропоморфных обезьян с низшими типами, с цебидами и даже с лемуридами, которых мы теперь, исходя из их эмбриогенеза, связываем с жвачными или эдентатами. Роды симиатов делятся на три группы. Из этих фактов М. Брока делает первый вывод о том, что орбитальному указателю не может быть приписано никакого значения, характеризующего градации.

Хорошо известно, что у негров все лицо, и особенно его нижняя часть, выступает вперед. Эта черта называется *прогнатизмом*. У живых людей он усугубляется толщиной губ. Но он также заметен в черепе и является одним из самых ярких его отличий. М. Топинар изучал его особым образом и по собственному методу. Он справедливо отделил *лицевой прогнатизм*, который охватывает все лицо, от различных *верхнечелюстных* и *зубных прогнатизмов*, различия между которыми я предложил некоторое время назад. Индексом здесь служит отношение, существующее между высотой и горизонтальной проекцией рассматриваемой области. Но М. Топинард недавно заменил этот индекс углом, образованным *линиями профиля* с горизонтальной плоскостью. Это удачная модификация, поскольку она дает более точное представление.

Наиболее важным из нескольких прогнатизмов является тот, который возникает в части верхнечелюстной кости, расположенной под носом и включающей альвеолы резцов и клыков. Это *субназально-альвеолярный прогнатизм*, или *верхнечелюстной прогнатизм*. Именно эта черта негра противопоставляется *ортогнатизму* белого. Этот характер предполагает замечания, подобные тем, которые я уже так часто делал. Это очевидный результат следующего резюме, которое я почти дословно заимствую из работы М. Топинара.

Все расы и все люди в большей или меньшей степени прогнатичны. Как правило, у европейских рас она незначительна; она гораздо более выражена у желтой и полинезийской рас, и еще сильнее - у негритянской расы. Заметим, однако, что даже средние показатели ставят тасманийцев (76° - 28) выше финнов и эстонцев (75° - 53) и совсем рядом с меровингами (75° - 54).

Минимальный прогнатизм, или максимальный ортогнатизм, наблюдается у гуанчей (81°-34), а противоположная крайность - у намакуа и босьесманов (59°-88). Эти значения устанавливают границы между различными подразделениями большой фундаментальной расы. Индивидуальные вариации, однако, в данном случае, как и в других, стирают эти различия. Во всех расах есть исключения: негры, у которых прогнатизм выражен не больше, чем у белых, и белые, у которых он очень выражен. М. Топинард рассматривает эти исключительные случаи как примеры скрещивания, атавизма или как патологические явления. В этой точке зрения, безусловно, есть доля истины. Я давно отношу к атавизму прогнатизм, иногда столь любопытно выраженный у некоторых парижских женщин. Но мы также должны принимать во внимание эти *колебания характеров*, которые мы повсеместно встречаем в расах, не подвергавшихся селекции с какой-либо специальной целью.

В любом случае мы не можем рассматривать прекращение развития как объяснение существования наиболее яркого прогнатизма у некоторых индивидуумов бесспорно чистой белой расы. На самом деле, он не уменьшается с возрастом, как предыдущие признаки, а скорее увеличивается. Даже у европейцев ребенок явно более ортогнатичен, чем взрослый. Что касается негров, то, как заметил некоторое время назад Прунер Бей, да и я сам доказал, у ребенка почти нет следов этой черты, столь характерной для родителей. Только в период полового созревания она появляется и быстро развивается. Таким образом, выступание вперед верхнечелюстной кости у обеих рас является фактом нормальной эволюции, просто более выраженным у одной из них, чем у другой. Прогнатизм не является результатом *прекращения*, он свидетельствует об *избыточном* развитии.

Абсолютная теория Серра, рассматривающая негра просто как белого, подвергшегося остановке общего развития, здесь оказывается несостоятельной. Истина заключается в том, что в черной расе органическая эволюция в одних отношениях менее развита, чем в общем типе белой расы, а в других - более. Это факт, на котором я долго настаивал в своих лекциях в Музее, и который подтверждается, как мы теперь видим, более точными работами более поздних лет.

Мы видим также, что для объяснения различий, отделяющих негров от белых, вовсе не обязательно прибегать к явлениям атавизма, проявляющимся у животных. Для их объяснения достаточно простых колебаний, выше или ниже среднего уровня в нормальной эволюции человека. Поэтому я считаю себя еще более оправданным противопоставлять *теорию эволюции человека теории эволюции симов*.

Скуловые дуги, скуловая кость, верхняя и нижняя верхнечелюстные кости также дают антропологу несколько более или менее существенных признаков, которые иногда приобретают применительно к данной расе значение, превосходящее то, которое они имеют в других местах. Таково, например, небольшое возвышение *нёбного свода* у саамов. Но я не могу здесь вдаваться в эти подробности и отсылаю читателя к специальным книгам и мемуарам.

IV. *Характеры, выведенные на основе черепа, рассматриваемого как единое целое.* Когда, вместо того чтобы изучать только лицо или череп, мы рассматриваем их в их взаимных отношениях, мы видим, как появляются новые черты, дающие ряд признаков, некоторые из которых имеют реальное значение.

Прежде всего, отметим, что между этими двумя большими областями может быть либо *гармония*, либо *дисгармония*. Череп гармоничен у негра, у которого череп и лицо одинаково

длинные, и у монгола, который объединяет два противоположных характера; он дисгармоничен, как мы видели, у кроманьонского старика и у человека из Ла-Трушера, но по противоположным причинам.

Кювье попытался определить соотношение черепа и лица, сделав передне-задний разрез черепа и непосредственно измерив поверхности разреза. Он обнаружил, что у белых людей лицо составляет около 0-25 части черепа, у желтых - 0-30, а у черных - 0-40. Эти результаты полностью совпадают с данными, полученными при изучении прогнатизма.

Эта относительная разница в развитии лица привела Кампера к концепции его знаменитого лицевого угла. Пораженный тем, что художники изображают негров как белых, окрашенных в черный цвет, он изучил анатомические особенности черепа и назвал правильным угол, образованный двумя линиями: одна проходит от слухового прохода к корню носа, другая - по касательной ко лбу и носовой кости; обе они изображены на вертикальной проекции модели. Кампер использовал свой метод для различения продуктов греческого и римского искусства. Таким образом, он представил убывающую шкалу от произведений искусства в статуях к не взрослым обезьянам. Я воспроизвожу его не из-за его реальной ценности, а из-за важности, которую ему приписывают. Ниже приведены вариации лицевого угла, согласно Камперу:

Греческие статуи	100°	Желтая раса	75°
Римские статуи	95°	Черная раса	70°
Белая раса	80°	Молодые обезьяны (высший тип)	65°

Жоффруа Сент-Илер и Кювье, М. Жюль Клоке и Жаккар применяли различные методы определения лицевого угла. Мортон, Жаккар и М. Брока изобрели приборы для его непосредственного измерения. М. Топинар, изучив несколько методов, справедливо отдает предпочтение методу Клоке, который определяет верхнюю границу угла на границе альвеолы. М. Жаккард выбрал носовой отросток, отметив в то же время, что разница между двумя углами может быть полезна при расчете прогнатизма.

Кампер, а точнее те, кто последовал за ним, хотел рассматривать величину лицевого угла как признак превосходной интеллектуальной силы. Его *градуированная шкала*, очевидно, породила эту ложную идею. Патологических фактов должно было хватить, чтобы показать, насколько велика была ошибка. Работа Жаккара, кроме того, установила этот факт вне всяких сомнений. Этот автор доказал разницу более чем в 16° у образованных парижских белых, то есть на 6° больше, чем расстояние, установленное Кампером как отделяющее негра от белого. Жаккард также доказал существование у французской расы угла в 90°, угла, который, по мнению Кампера, относится только к идеальным представлениям человеческой формы. Это замечательное угловое превосходство отнюдь не сопровождалось исключительным интеллектом.

Если мы перейдем от психологического к анатомическому значению, то у меня будут аналогичные замечания. Было много дискуссий по поводу положения верхней границы лицевой линии, которая вместе с горизонтальной линией образует угол Кампера. Считалось, что желательно избегать лобных пазух и искать в лицевом угле указания на размеры энцефалона, а не какой-либо конкретной кости. Я же, напротив, считаю, что мы должны довольствоваться последним и не идти дальше. Очевидно, что размеры энцефалона не

зависят от положения лобной точки, и что он может быть более или менее вытянут вправо, влево или кзади от этой точки без какого-либо влияния на лицевой угол.

Однако точное определение *средств, определяющих* угол лица, все равно будет ценным, как и все те, которые можно вычислить на человеческом теле, при условии, что между этими средствами есть достаточное расстояние. Но М. Топинард показал, что это расстояние не превышает трех градусов. Не отказываясь полностью от идей Кампера, мы видим, что сейчас наука располагает символами, более предпочтительными, чем те, которые он открыл.

Более важным углом является *передне-теменной угол*, образованный с обеих сторон черепа двумя линиями, касательными к наиболее выдающейся точке скуловой дуги и к лобно-теменному шву. Принимая за вторую конечность наиболее выдающуюся точку теменных выступов, мы получаем *задний теменной угол*. Причард применил термин "*пирамидальный череп*" к тем, в которых эти линии сходятся. Я попытался измерить угол непосредственно с помощью прибора собственного изобретения, и мои первые исследования привели меня к результатам, которые я считаю интересными. Угол иногда широк, иногда узок, а при параллельности двух касательных может и вовсе отсутствовать. Таким образом, иногда он положительный, иногда отрицательный. Последнее наблюдается у плода и младенцев всех рас. Отрицательный угол встречается и у взрослых. Эта черта, судя по прекрасному портрету великого натуралиста в молодости, была очень заметна у Кювье. Я обнаружил, что он составляет -18° и -22° у двух живых людей, оба из которых отличались умом. Положительный максимум, который я наблюдал на черепе эскимоса, составлял $+14^{\circ}$. Я использовал этот показатель в своем курсе лекций, чтобы завершить характеристику большого количества рас, но никогда не публиковал никаких подробностей.

М. Топинард только что заполнил этот пробел в работе, которая подтверждает и в то же время завершает все мои первые результаты. Его исследования, касающиеся исключительно черепов, дали ему пределы индивидуальных вариаций, 5° и $+30^{\circ}$; пределы средних, $+2^{\circ}$ - 5° и $+20^{\circ}$ - 3° . Наиболее пирамидальные головы он обнаружил у жителей Новой Каледонии. Наконец, он наблюдал у детей в возрасте от четырех месяцев до шестнадцати лет, как угол уменьшается от -24° до 0° и увеличивается до 7° .

Таким образом, отрицательный теменной угол у взрослого человека - это не что иное, как стойкий фетальный или инфантильный характер. Очевидно, что он является результатом *прекращения развития*, или, скорее, *прекращения эволюции*. Мы только что видели, что такой характер может существовать у людей, наделенных интеллектом выше среднего, и даже у гениальных людей. *Прекращение эволюции*, стойкие следы фетального или инфантильного состояния, таким образом, не обязательно являются *признаком неполноценности* как отдельных людей, так и рас.

К рассматриваемому нами предмету относятся два общих вида черепа. Блюменбах рассматривал и изображал человеческий череп сверху. Это *норма вертикали*, очень ценная, поскольку позволяет оценить общую форму черепа и некоторые его отношения с выступами лица. Оуэн, так сказать, рассматривал его снизу и настаивал на различиях, которые низкая поверхность предлагает между человеком и высшими видами приматов. Эти два метода позволяют выявить множество деталей, которые я даже не могу здесь упомянуть.

В этом неизбежно очень неполном очерке я вынужден был обойти молчанием большое количество признаков, которые часто имеют весьма существенное значение. Большее их количество получено с помощью метода проекций, столь гениально усовершенствованного М. Брока, и с помощью инструментов, некоторые из которых уже существовали, например,

диаграф, а другие были изобретены различными учеными, среди которых мы должны, опять же, особо упомянуть М. Брока.

V. *Скелет ствола*. Я довольно подробно остановился на характеристиках, полученных из скелета головы; я буду более краток в обсуждении других областей. Они дают характеристики, возможно, не менее важные, но изучены гораздо меньше, и вина за это не полностью лежит на антропологах. Нелегко получить черепа представителей человеческих рас, даже если мы имеем дело с популяциями, живущими рядом с нами; трудность сбора определенного количества целых скелетов гораздо выше.

Грудная клетка представляет собой несколько интересных фактов, достаточно хорошо доказанных. Вследствие формы грудины, большей или меньшей кривизны ребер, она обычно широкая и уплощенная у белых, узкая и выдающаяся у негров и боснийцев. По мнению д'Орбиньи, она еще более выдается у некоторых американцев. Аналогичный факт был отмечен у некоторых народов Малой Азии.

Таз - это часть туловища, которая была наиболее тщательно изучена в связи с тем, что эти исследования могут быть применены в акушерстве. Как правило, сравнения ограничивались сравнением негров и белых. Вролик, Вебер, MM. Joulin, Pruner Beu и, совсем недавно, M. Verneau, пошли гораздо дальше. Последний, к сожалению, еще не опубликовал свои исследования относительно различия рас. Вролик настаивал на некоторых особенностях таза готтентотской Венеры и пытался установить определенные отношения между ней и обезьяной.

Вебер обнаружил, что у каждой из изученных им рас таз имеет преобладающую форму, которая только по этому признаку становится характерной. Он считал, что у белых таз в целом овальный и большого поперечного диаметра; у монголов - четырехугольный и большого поперечного диаметра; у американцев - круглый и одинакового диаметра; у негров - клиновидный и большого передне-заднего диаметра.

М. Жулен оспаривает почти все положения Вролика и Вебера и, похоже, не желает признавать за тазом какого-либо характерного значения. М. Прунер-Бей без труда показал сильное преувеличение этой точки зрения и определил признаки, отличающие, с этой точки зрения, белых от черных.

Работа М. Верно, гораздо более полная, чем работы его предшественников, но с анатомической частью которой мы в настоящее время только знакомы, несомненно, прольет свет на вопросы, поднятые в их спорах. В настоящее время, кроме того, работа М. Верно подтверждает утверждения большинства его предшественников о реальности расовых признаков, которые можно обнаружить в тазу.

Среди этих признаков есть и такие, которые были отмечены у негров *как признаки животности*. Даже М. Прунер-Бей, отступая в данном случае от своей общей практики, использует это выражение, хотя в то же время ограничивает его значение своими пояснениями. Мне кажется гораздо более естественным рассматривать его как след состояния, нормального в определенный период и более или менее устойчивого в зависимости от расы.

На самом деле, на вертикальности подвздошных костей и увеличении передне-заднего диаметра таза у негров в основном настаивали как на напоминании о признаках, которые можно наблюдать у млекопитающих в целом и особенно у обезьян. Но те же анатомические

характеристики ярко выражены даже в плоде и детях белых. Они, и особенно последняя особенность, сохраняются до семилетнего и более возраста. Значит, их наличие у негра - не более чем *относительное прекращение* эволюции этой области скелета. Это, опять же, *фетальный или инфантильный характер*, а не *характер анимализма*.

VI. *Скелет конечностей*. Говоря об ископаемых расах, я указывал на некоторые морфологические особенности костей конечностей, и среди прочих - на перфорацию олекраноновой впадины. Этот признак можно наблюдать у босхов, гуанчей, древних египтян и наших собственных рас. Похоже, что в Западной Европе он появился у четвертичных брахицефалических рас. М. Дюпон встречал ее в пропорции тридцать процентов среди мужчин Лесса; по мнению М. Хэми, эта пропорция составляет двадцать восемь процентов в ископаемой расе Гренель и только 4-66 процентов в современном населении.

Я уже отмечал, что верхняя конечность у негров немного длиннее, чем у белых. Существенной причиной этого различия является относительное удлинение предплечья. М. Брока, сравнив лучевую и плечевую кости двух рас, дает 79-43 для негра и 73-82 для европейца. М. Хэми, имевший в своем распоряжении более многочисленные материалы и использовавший несколько иной метод измерения, получил в результате 78-04 и 72-19.

Это удлинение радиуса, относительно большее у негров, чем у белых, является одним из признаков, к которым чаще всего применяют выражение "*симулянтский характер*". На самом деле мы знаем, что у антропоморфных обезьян неравенство между двумя отделами руки меньше, чем у человека, и что у оранга длина лучевой кости равна длине плечевой.

Исследования М. Хэми позволяют нам рассмотреть эту особенность негра с совершенно человеческой и более истинной точки зрения. Этот антрополог проследил эволюцию этой конечности с целью получить изменения, которые она влечет за собой в рассматриваемом отношении. В следующей таблице приведены результаты этих исследований:

Эмбрион 2½ месяцев	88-88	Младенцы 1-10 дней	76-20
Плод 3-4 месяцев	84-09	" " 11-20 дней	74-78
" " 4-5 месяцев	80-42	" " 21-30 дней	74-51
" " 5-7 месяцев	77-68	" " 2 месяца	73-03
" " 8-9 месяцев	77-37	" " От 6 месяцев до 2 лет	72-46
		" " От 5 месяцев до 13½ лет.	72-30

Мы видим, что в развитии верхней конечности у человека наблюдается постоянная тенденция к уменьшению рассматриваемого отношения. Мы также видим, что средний показатель негра почти такой же, как у белого пятимесячного плода. Поэтому в его случае удлинение лучевой кости можно вполне естественно объяснить остановкой эволюции, не давая повода сравнивать его с обезьянами. Под каким предлогом мы должны возвращаться к теории симов в связи с этим характером, после того как убедились, что она неприменима во многих других случаях?

Нижняя часть тела представляет аналогичные факты. Согласно расчетам, заимствованным М. Топинаром у М. Брока, голень при сравнении с бедром дает соотношение 81-33 у негра и 79-72 у белого.

Сложив цифры, выражающие длину лучевой и плечевой костей, мы получим общую длину всей руки, за исключением кисти; действуя таким же образом для бедренной и большеберцовой костей, мы получим длину нижней части тела, за исключением стопы.

Отношение первых ко вторым составляет 68-27 у негров и 69-73 у белых.

Ниже приводится таблица нескольких рас, составленная М. Топинаром на основе собственных исследований и данных ряда других авторов:

Расы.	Отношение инф. к надчлену.	Отношение бедренной кости к плечевой.	Отношение большеберцовой кости к бедренной.
Аннамиты	67-5	76-7	67-5
Тасманийцы	68-2	83-5	84-3
Аёнос	} 68-4	{ 75-2	76-8
Bosjesmans	}	{ 75-5	83-5
Андаманские острова	70-3	79-9	81-8
Австралийцы	70-7	75-6	76-9
Черные из Пондишери	71-7	82-9	84-4

Мы видим, что по этому признаку европейский белый занимает место между африканским негром и жителем Андаманских островов.

Я уже упоминал о некоторых примечательных морфологических изменениях, таких как выступание *linea aspera* на бедре, платикнемизм голеней и т. д. Мне нет необходимости повторять их. Ключица, стопа и кисть также предлагают множество деталей, которые я должен обойти молчанием. Замечу только, что в Абиссинии истинный негр характеризуется не цветом кожи и не волосами, а лишь относительно преувеличенным выступом пятки. Но этот признак, который утверждается как непогрешимый, отсутствует в некоторых негритянских расах, не только у йолов, чей нижний член похож на наш, но и у бамбарасов, у которых *плоская стопа*.

VII. Характерные черты, полученные из мягких частей тела; нервная система.

Рассмотрев внешние формы тела и скелет, мы должны взять органический аппарат по очереди и изучить его. К сожалению, собранные факты здесь еще более редки, в то время как наблюдения должны были бы быть в большем количестве, чтобы придать определенную ценность результатам. Это исследование, едва начатое, в действительности до сих пор касалось только двух наиболее отдаленных друг от друга видов человеческого рода: европейского белого и африканского негра. Уже одно это оправдывает мое весьма беглое изложение полученных результатов.

Нервная система, о которой Кювье сказал, что она представляет собой все животное, к счастью, является той частью, о которой мы располагаем, возможно, наибольшим количеством сравнительных данных. Прежде всего, мы сталкиваемся с общим фактом,

подмеченным Зиммерингом и несомненно подтвержденным великолепными препаратами Жаккара, выставленными в галереях Парижского музея. По сравнению с белыми, у негра заметно преобладание периферических нервных расширений. Стволы толще, а волокна многочисленнее, или, возможно, их просто легче выделить и сохранить только за счет их объема. С другой стороны, мозговые центры или, по крайней мере, головной мозг, по-видимому, уступают в развитии.

На самом деле, несмотря на то, что говорили по этому поводу Блюменбах и Тидманн, мозг негра, как правило, менее объемный, чем у белого. Этот факт, правда, в основном является результатом измерений вместимости черепа. Но определение веса подтверждает этот результат.

Семь мозгов негров, взвешенных М. Брока, дали в среднем 1316 грм. (46-42 унции). Однако, объединив вес европейских мозгов, я обнаружил, что средний вес составляет всего 1248 грм. (44-02 унции), что почти точно соответствует среднему весу белой женщины. Средний вес мозга взрослых европейцев составляет 1405-88 грм. (49-59 унций). Но в обеих расах индивидуальные колебания очень значительны. Один из черепов черной расы, исследованный М. Брока, весил 1500 грм. (52-91 унция); у Масканьи - 1587 грм. (55-94 унции), а другой - всего 738 грм. (26-03 унций).

Правда в том, что только европейский белый был серьезно изучен с точки зрения оценки развития головного мозга по весу. Заслуга в предоставлении элементов этого исследования неоспоримо принадлежит Руд. Вагнеру. Объединив гораздо более важные результаты своих собственных исследований с результатами Тидмана, Симса, Парчаппе, Лелюта, Хушке и Бергмана, этот ученый составил таблицу, содержащую вес 964 мозгов, полученных непосредственно после удаления оболочек; он расположил их в порядке, начиная с самых тяжелых и заканчивая самыми легкими. При этом он не учитывал пол, возраст, состояние здоровья, болезни и т. д. Поэтому полученные им результаты могли быть изменены и исправлены. М. Брока выполнил эту задачу. Он взял 347 случаев здорового мозга из таблицы Вагнера и полностью провел на них свои исследования.

Из всех этих исследований вытекает ряд общих положений, которые можно сформулировать следующим образом:

1. При одинаковых обстоятельствах и в других отношениях вес мозга изменяется пропорционально или почти пропорционально росту. По данным Парчаппе, средний вес мозга двух групп мужчин со средним ростом 1-74 метра (5-7 футов) и 1-63 метра (5-2 фута) составлял 1330 грм. (46-91 унция), и 1254 грм. (44-23 унции). В этом примере дифференциальное отношение, 6 процентов, абсолютно одинаково для роста тела и веса мозга. Это влияние роста позволяет нам интерпретировать и осмыслить факты, приведенные мистером Сэндфордом Хантом. Из расчетов этого анатома следует, что средний вес мозга англо-американских солдат превышает средний вес мозга европейцев, выведенный из таблиц Вагнера, от 19 до 14 грм. (от -67 до -49 унций), или от 1-33 до -99 процентов. Но американский анатом не принял во внимание разницу в росте, которую он, тем не менее, отмечает. Теперь из его расчетов следует, что американские солдаты имеют в этом отношении преимущество перед французскими и английскими на 3 процента. Таким образом, увеличение только кажущееся, а на самом деле скорее указывает на относительное уменьшение.

2. При схожих обстоятельствах в других отношениях женский мозг весит немного меньше мужского. М. Брока показал, что так происходит во все периоды жизни. Однако это различие, как мне кажется, обусловлено почти исключительно ростом тела. Взяв за основу

сравнения женщину и представив ее рост и вес ее мозга на 100, мы получим 109-43 и 109-34 для мужчины. Последнее соотношение дано Паршаппом. М. Брока нашел 109-63; таким образом, относительные высоты являются промежуточными.

3. Максимальный средний показатель для европейца наблюдается между тридцатым и сороковым годами. Тогда он составляет 1262 грм. (44-48 унций) у женщины и 1410-36 грм. (49-74 унции) у мужчины, или, в процентах, 100 и 111-7. Средний показатель за весь период зрелости, от 30 до 50 лет, составляет 1405-88 гр. (49-59 унций) у мужчин и 1261-5 грм. (44-5 унций) у самки.

4. За пределами этого максимума вес мозга, по-видимому, постоянно уменьшается, причем более или менее постоянным образом. Таков, по крайней мере, результат, вытекающий из расчетов, основанных на десятилетних интервалах, которые показывают постоянно уменьшающееся среднее значение у мужчин, так же как и у женщин. Вероятно, существует определенная связь между этим уменьшением и уменьшением горизонтальной окружности черепа и развитием лобных пазух, давно замеченным Кампером.

5. У европейского белого мозг, чтобы быть способным выполнять свои функции, должен весить не менее 975 грм. (34-39 унций) у самки и 1133 гр. (39-96 унций) у самца. Эти цифры - результат обсуждения таблицы Вагнера; они, однако, слишком высоки, если судить по некоторым расчетам Ханта. У боснийцев и австралийцев, а также, вероятно, и у многих других рас, вес мозга может опускаться до 907 грм. (31-99 унций), без разрушения интеллектуальных способностей.

Добавим, что этот орган может, более того, опуститься гораздо ниже этого веса, не вызывая прекращения жизни или даже абсолютного исчезновения интеллекта, как у некоторых микроцефалов. Самые маленькие мозги, которые когда-либо взвешивались, - это мозг Тейте, который, по словам Вагнера, весил 300 гр. (10-58 унций), а у женщины, ставшей предметом мемуаров Гора, - 283-75 гр. (10 унций). Эти мозги заметно уступают по весу мозгу гориллы и оранга.

6. У европейского белого максимальный вес здорового мозга, возможно, достигает 2231 грм. (78-69 унций) (*Кромвель*), или даже 2238 грм. (78-94 унции) (*Байрон*). Но в этих цифрах нет той уверенности, которую мы хотели бы получить. Вес мозга Кювье, однако, подтвержден посмертным исследованием, проведенным профессором Бераром; он составляет 1829-96 грм. (68-43 унции). Мистер Сэндфорд Хант приводит другую цифру - 1842 грамма. (65-32 унции). Мы можем рассматривать эти цифры как указание на высший предел, который может быть достигнут мозгом белой расы без ущерба для общего состояния здоровья.

Цифры, полученные мистером Хантом на основе расчетов, сделанных несколькими авторами для 278 мозгов белых европейцев, достаточно хорошо согласуются с приведенными выше. Среднее значение первых составляет 1403 грм. (49-55 унций). Максимальный показатель, приведенный выше, - 1842 гр. (64-97 унций); минимальный - 963 гр. (33-97 унций), что очень примечательно с точки зрения его легкости, будучи ниже того, что в таблице Вагнера, кажется, подразумевает идиотизм. Результаты, полученные мистером Хантом на своих черных и белых соотечественниках, представляют особый интерес в плане сравнения. Мозг двадцати четырех белых американских солдат дал средний вес 1424 гр. (43-2 унции) в круглых цифрах. Максимальный вес составил 1814 грм. (63-98 унций); минимальный - 1247 грм. (43-98 унций). Мозг 141 негра дал в среднем 1331 гр. (46-98 унций), что превышает результаты исследований, проведенных в Европе. Максимальный показатель составил 1507 грм. (53-15 унций); минимальный - 1013 грм. (35-73 унции).

Наблюдения мистера Ханта за 240 скрещиваниями белой и негритянской пород приводят к интересным выводам:

				грм.	унция.
В скрещиваниях, имеющих	$\frac{3}{4}$ белой крови,	средний вес мозга составляет		1390	49-03
" "	$\frac{1}{2}$ "	"		1334	47-05
" "	$\frac{1}{4}$ "	"		1319	46-52
" "	$\frac{1}{8}$ "	"		1308	46-13
" "	$(\frac{1}{16})$ "	"		1280	44-79

Мы видим, что вес мозга уменьшается пропорционально количеству белой крови. Но особенно любопытно наблюдать, что у кроссов, обладающих довольно сильной долей высшей крови, вес мозга падает ниже, чем у чистых негров. Среднее значение было взято от двадцати двух особей, а разница, 86 гр. (3-03 унции), слишком велика, чтобы не принимать ее во внимание. Следует сказать, что это явление идентично тому, которое проявляется в окрасе. Определенные кроссы, в которых преобладает черная кровь, имеют более темный оттенок, чем исходная негритянская раса.

Чтобы исчерпать то немного, что мы знаем об экзотических расах, мне остается добавить, что у готтентота, исследованного Вайманом, мозг весил 1417 гр. (49-96 унций). Этот вес, превышающий средний вес европейцев, служит еще одним доказательством того скрещивания, на которое я так часто обращал внимание и которое в данном случае, возможно, имеет более глубокий смысл, чем в других случаях.

После публикации замечательной работы Гратиолета "Sur les plis cérébraux de l'homme et des primates" изучение *мозговых извилин* приобрело большое значение в антропологии, хотя оно и было несколько преувеличено. Исследования ММ. Даресте и Байярже показали, что развитие этих извилин в значительной степени зависит от развития самого энцефалона, а влияние роста сразу же объясняет некоторые факты, которые раньше вызывали некоторое смущение. При одинаковых в других отношениях условиях мозг представителей *мелких рас* будет менее свернутым, чем мозг представителей *крупных рас*.

Но, помимо этого влияния, представляется достоверным фактом, что у диких рас количество и сложность мозговых извилин меньше, чем у разумных и цивилизованных. Интеллектуальная культура, по-видимому, оказывает совершенно особое действие на корковые слои и способствует их развитию.

Известные на сегодняшний день крайности рассматриваемого характера представлены готтентотской Венерой и Кювье. Мозг первой - самый простой из всех, что когда-либо наблюдались у разумного человека. Он напоминает мозг идиота. Мозг Кювье, который, к сожалению, не был ни смоделирован, ни нарисован, отличался, как нам рассказывают видевшие его выдающиеся анатомы, необычайным усложнением извилин и глубиной сульков. Более того, каждый сверток был как бы удвоен за счет своеобразного округлого гребня. Несмотря на эти исключительные случаи, никому, конечно, не придет в голову отнести великого натуралиста к какому-либо другому *виду*, кроме того, к которому принадлежат его современники. Мы также не можем рассматривать упрощение мозга Венеры Хоттентотской как специфический признак.

Когда сравнительные наблюдения достаточно умножатся, мы, несомненно, обнаружим более или менее поразительные особенности в относительных пропорциях определенных областей мозга. Например, если наблюдение доктора Нотта верно, мозжечок у краснокожих выходит за пределы головного мозга, в то время как последний, как известно, выходит за пределы мозжечка у белых и негров. Этот же орган длиннее у негров и шире у белых.

Натуралисты, путешественники и анатомы давно объявили, что мозг негра отличается от мозга белого своим черноватым цветом. Эксперимент, проведенный в Париже под руководством М. Райера, о котором я уже сделал несколько мимолетных замечаний, подтверждает этот факт. Я уже отмечал, как М. Гублер, которым он был подготовлен, хотел выяснить, не существует ли средних терминов. Он исследовал окраску мозга, полученного от людей, принадлежащих к белой расе, но имеющих разный цвет лица, и доказал, что внутренняя окраска находится в прямой зависимости от внешней. У светлокожих людей с голубыми глазами и розово-белой кожей пигмент, казалось, полностью отсутствовал. У людей со смуглой кожей, черными волосами и очень темной радужкой "не только мозг, покрытый оболочками, приобретает более глубокий оттенок, но и слой черной материи, во всех отношениях сравнимый с негритянским, покрывает протуберанец, шишковидную железу и некоторые другие точки нервных центров".

Таким образом, внутренняя, как и внешняя, окраска тканей представляет собой тот градуированный ряд, на который я так часто обращал внимание. Таким образом, устраняется абсолютный характер, который приписывался особенности, на которой так часто настаивали, отделяя негра от белого, вплоть до выделения его в отдельный вид.

VIII. Сосудистая и дыхательная системы. Если рассматривать сосудистую систему негров и белых в целом, то можно отметить факты, схожие с теми, которые мы наблюдали в нервной системе. По мнению Прунер-бея, венозная система у черных заметно преобладает над артериальной; и здесь, опять же, восхитительные препараты Жаккара служат существенным доказательством правильности наблюдений только что процитированного мною ученого. Это преобладание, по-видимому, распространяется и на правые полости сердца.

Легкие у негров развиты меньше, чем у белых. М. Прунер Бей наблюдал случаи, когда они, казалось, были придавлены брюшной полостью. Характерные особенности крови негра, отмеченные в предыдущей главе, возможно, в будущем будут связаны с этой группой анатомических условий.

Мы уже видели, что система кожных желез у негров развита сильнее, чем у белых. Исследования М. Прунер-Бея показывают, что тот же факт проявляется по всей длине кишечного канала, на поверхности которого повсеместно выделяются секреторные органы, особенно в желудке и толстой кишке. Крупные железы, связанные с пищеварительным каналом, также замечательно развиты, особенно печень. То же самое происходит и с надпочечниковыми капсулами. Все эти органы находятся в состоянии постоянной венозной гиперемии. Наконец, слизистые оболочки кишечника очень толстые и имеют вид жировой ткани. Факты аналогичного характера, возможно, наблюдаются у большего числа межтропических рас. Мы уже знаем, что у яванцев печень развита так же полно, как и у негров.

ГЛАВА XXXI.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

I. Специальная история человеческих рас представляет значительное число интересных физиологических фактов, которые достаточно разнообразны и хорошо выражены, чтобы служить *отличительными признаками*. В тропиках мы находим народы, отличающиеся удивительной воздержанностью и живущие исключительно на овощах, причем их организм не подвергается вредному воздействию; в полярных областях есть и такие, которые едят жир в количествах, отвергаемых нашими пищеварительными органами; существуют также некоторые незначительные различия между дыханием, кровообращением, температурой тела, выделениями и т. д. белого человека и негра; мускульная энергия и способ ее использования иногда значительно отличаются у разных рас; общая чувствительность, а следовательно, и способность чувствовать боль, развиты очень неодинаково. Одна и та же хирургическая операция не причинит китайцу столько же боли, сколько европейцу.

Но большее число этих признаков обусловлено особенностями, которые не относятся к общим соображениям. Многие из них являются *результатом предшествующих фактов* и связаны с условиями жизни, привычками и т. д., иногда даже с верованиями и институтами. Даже если бы мы ограничились простым наброском, нам пришлось бы вдаваться в детали, несовместимые с планом этой книги, если бы мы захотели обсудить все эти вопросы. Поэтому здесь я ограничусь указанием на некоторые общие явления, подтверждающие вышеприведенные утверждения.

II. Прежде всего, я скажу несколько слов о некоторых фактах и идеях, которые часто становились поводом для оживленных дискуссий на сайте. Я имею в виду степень связи, допустимой между развитием интеллекта и развитием мозга. На первый взгляд может показаться, что этот вопрос почти полностью относится к изучению отдельного человека. Но благодаря тому, что он был применен для оценки интеллектуальных способностей рас, он приобрел реальный интерес в общей антропологии.

Пожалуй, ни в одном случае этот вопрос не рассматривался более тщательно и более компетентными судьями, чем в Парижском антропологическом обществе во время большой дискуссии 1861 года. В ней приняли участие многие ораторы, но двумя главными поборниками противоборствующих доктрин были Гратиолет, с одной стороны, и М. Брока - с другой. Некоторые из их высказываний, если воспринимать их буквально, заставили бы нас представить, что между ними лежит непроходимая пропасть. Однако, если мы перечитаем их снова, после того как пройдет волнение момента, то из резюме, которое они сами составили, мы увидим, что это отнюдь не так, и что, если они не расходятся в принципе, то достичь взаимопонимания между ними не составит труда.

Гратиолет считает "ту силу, которая заключена в мозгу и которую можно оценить только по ее проявлениям", гораздо более важной, чем вес или форма. Но он далек от того, чтобы полностью отказаться от признания влияния развития мозга; он допускает, что ниже определенного предела человеческий мозг уже не выполняет свои функции нормальным образом. Этот предел он определяет в 900 гр. (31-74 унций) у женщин.

М. Брока поднимает эту цифру до 907 гр. (31-99 унций), и добавляет, что для мужчины предел составляет 1049 гр. (37 унций). Он придает большое значение объему мозга, оцениваемому либо непосредственно, либо по весу, либо по вместимости черепа. Но в ряде случаев он решительно протестует против намерения, которое может быть ему вменено, -

желания установить абсолютную зависимость между развитием интеллекта и объемом или весом мозга. "Ни один хорошо образованный человек, - говорит он, - никогда бы не подумал об оценке интеллекта путем измерения энцефалона".

Две следующие таблицы, заимствованные у М. Брока, достаточно покажут истинность этих слов:

СРЕДНИЙ ВЕС МОЗГА У ЧЕЛОВЕКА.

	грм.	унция.
От 1 года до 10 лет	985-15	(34-75).
От 11 до 20 лет	1465-27	(51-68).
От 21 до 30 лет	1341-53	(47-67).
От 31 до 40 лет	1410-36	(49-74).
От 41 до 50 лет	1391-41	(49-07).
От 51 до 60 лет	1341-19	(47-30).
От 61 года и выше	1326-21	(46-77).

ВЕС МОЗГА У НЕКОТОРЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ.

ИМЯ.	ВОЗРАСТ.	ПРОФЕССИЯ.	ВЕС МОЗГА.	
			грм.	унция.
1. Кювье	63 года	натуралист	1829-96	(64-54).
2. Байрон	36 лет	поэт	1807-00	(63-73).
27. Лежен-Дирихле	64 года	математик	1520-00	(53-61).
34. Фукс	52 года	патологоанатом	1499-00	(52-87).
43. Гаусс	78 лет	математик	1492-00	(52-62).
52. Дюпюитрен	58 лет	хирург	1436-00	(50-65).
92. Герман	51 год	филолог	1358-00	(47-90).
158. Хаусман	77 лет	минералог	1226-00	(43-24).

Цифры, поставленные перед именем каждого человека, указывают на место, занимаемое им в списке из 347 случаев здорового мозга, взятом М. Брока из общей таблицы Вагнера. Мы видим, что знаменитый минералог Гауссманн стоит почти в середине списка, и что его отделяет от его выдающихся коллег значительное количество неизвестных примеров. Опять же, мы замечаем, что вес его мозга на 100 гр. (3-5 унций) ниже среднего веса мужчин его возраста. С другой стороны, во всех остальных случаях вес мозга был выше среднего.

Исключение, представленное Хаусманом, и то, как все эти выдающиеся люди разбросаны среди своих обычных собратьев, должно быть достаточным, чтобы заставить нас отказаться от преувеличенной связи между величиной интеллекта и величиной мозга. Этот результат становится еще более поразительным, если мы сгруппируем эти же числа, как это сделал Гратиолет, вычислив среднее значение смежных весов. Таким образом, мы получаем для первой группы (Кювье, Байрон) средний вес 1818-48 грм. (64-14 унций); для второй (Дирихле, Фукс, Гаусс, Дюпюитрен) - 1487 грм. (52-44 унции); для третьего (Герман, Гауссман) - 1292 грм.

(45-57 унций). Последний показатель ниже среднего веса немецких мозгов, то есть соотечественников двух выдающихся людей, о которых идет речь.

Это замечание очень важно. В обсуждаемом вопросе не стоит отдельно сравнивать знаменитостей, которые фигурируют в таблице Вагнера; мы должны объединить их с остальным человечеством, с больными, а также с другими мозгами. Иначе можно подумать, что мы хотели избежать трудностей, не обратив внимания на то, что сразу после мозга Байрона и задолго до мозга Гаусса находится мозг сумасшедшего. Так находятся ли гений и безумие в столь тесной взаимосвязи? Действительно ли объем, вес и особенности мозга Кювье обусловлены гипертрофией, которая остановилась в нужный момент, как считал Гратиолет?

III. Каким бы сокращенным и урезанным ни было это изложение фактов, оно кажется мне достаточным, чтобы оправдать наши выводы, одинаково применимые как к отдельным людям, так и к расам.

Нас, конечно, не обвинят в преувеличенном нематериализме, если мы оценим действие мозга так же, как мы оцениваем действие мышцы. Опыт и наблюдения ежедневно свидетельствуют, что в последнем случае объем и форма - это еще не все. Функциональная энергия часто с лихвой компенсирует недостаток массы. Подобные факты, хорошо известные всем врачам и физиологам, можно найти и во многих других органических системах. Утверждать, что с мозгом дело обстоит иначе, было бы, даже в отсутствие всех прямых наблюдений, чисто беспричинной гипотезой, а при наличии таблиц Вагнера - противоречием доказательствам. При своем маленьком мозге Хауссманн, корреспондент Французского института, очевидно, превзошел в интеллектуальном отношении почти всех своих большеголовых современников.

Но, с другой стороны, после определенной стадии уменьшения мышечный аппарат становится неспособным к усилиям. Мы можем легко понять, что так должно быть и с мозгом. Поэтому вполне естественно, что, когда его объем и вес становятся меньше определенного, он постепенно переходит от слабости к бессилию. Даже М. де Бональд не считал странным, что *интеллект*, снабженный лишь *несовершенными или почти бесполезными органами*, должен проявлять себя лишь неполноценно.

Таким образом, независимо от всех догматических или философских идей, мы приходим к выводу, что существует определенная связь между развитием интеллекта и объемом и весом мозга. Но в то же время мы должны признать, что материальный элемент, ощутимый нашими чувствами, - не единственный, который мы должны принимать во внимание, поскольку за ним скрывается *неизвестная величина*, *икс*, в настоящее время не определенная и распознаваемая только по ее эффектам.

IV. Таким образом, только из этого факта следует, что мы не можем действовать слишком осторожно, формируя оценку расы на основе размеров ее черепа и относительного развития костей, из которых он состоит. Гратиолет предложил различать *лобную, теменную и затылочную расы*, характеризующиеся преобладанием передней, средней и задней частей черепа и мозга. Если мы примем слово "характер" в том смысле, как его понимают натуралисты, то у нас не будет возражений против этих обозначений. Но выходить за эти рамки, приписывая той или иной расе какое-либо превосходство в силу того или иного характера, было бы просто гипотезой. На самом деле баски с их затылочной долихоцефалией ни в чем не уступают лобным долихоцефалам Парижа.

V. В тех явлениях, среди которых *априори* мы должны были бы искать этнологические признаки, на первое место следует поставить *органическую эволюцию* в различные периоды жизни. Изучение фактов позволяет установить важный факт, что в этом отношении все человеческие расы представляют собой удивительное единообразие. Когда же проявляются некоторые незначительные различия, то они настолько совпадают с действием условий жизни, что нельзя не признать связи причины и следствия, и только этот факт произвел самое значительное скрещивание между народами, явно одинаковыми по происхождению. Таким образом, вся масса физиологических явлений, рассматриваемых как признаки, дает еще одно доказательство в пользу моногенистической теории. Достаточно привести несколько примеров, чтобы обосновать эти утверждения.

VI. Сначала докажем, что продолжительность беременности одинакова у всех человеческих рас. Важность этого факта легко понять.

Общеизвестно, что внутриутробная жизнь представляет собой заметное различие в одной и той же зоологической группе, а иногда и в почти родственных видах. Если бы люди составляли *род*, то было бы очень странно, если бы они были освобождены от этого закона, и чтобы между группами не наблюдалось никаких различий, которые, несомненно, были бы. Эти различия действительно могут существовать в определенной степени, не доходя до конкретного характера, поскольку они наблюдаются у наших рас домашних животных, где они, по-видимому, имеют некоторое отношение к росту. У крупных собак беременность длится шестьдесят три дня, у мелких - от пятидесяти девяти до шестидесяти трех. Именно такой срок отмечается в зверинцах для беременности шакала, дикой породы собаки. Но у волка, как бы близко он ни был морфологически связан с некоторыми собачьими расами, он составляет более ста дней.

Период лактации очень вариативен по продолжительности у разных человеческих народов. Даже не выходя за пределы Франции, мы без труда приведем примеры таких различий, в которых максимум почти вдвое превышает минимум. Очевидно, что в этом случае воспитание, обычаи и т.д. играют самую важную роль, а вопрос расы почти не затрагивается. У негров лактация длится, как правило, два года, и столько же - у всех восточных популяций. В Китае она длится пять лет. Но, как говорит нам М. Мораш, китайская мать продлевает его только для того, чтобы задержать возобновление месячных, за которыми у этой плодovитой расы быстро следует новая беременность. В возможности такой длительной лактации нет ничего удивительного. Общеизвестно, что секреция молока поддерживается его употреблением. Среди нас, по свидетельству Дезормо, одна кормилица иногда сосет трех или четырех младенцев подряд.

VII. За периодом сосания следует период детства - состояние, весьма отличное от тех, которые в свою очередь последуют за ним. Человеческое существо еще не является ни мужчиной, ни женщиной. Первое проявление пола - одна из важнейших эпох жизни, и интересно отметить, что наступление этой эпохи колеблется в очень широких пределах.

Самка, в силу явлений, которым она подвержена и которые допускают возможность непосредственного наблюдения, в данном случае особенно приспособлена для исследований антрополога. Теперь, взяв крайние цифры, полученные разными наблюдателями у нескольких народов земного шара, мы обнаружим, что минимальный возраст, в котором женщина становится половозрелой, составляет восемь-девять лет, как наблюдал Олдфилд у эбоев, а максимальный - восемнадцать-двадцать лет, как заметил Раш у некоторых племен Северной Америки. Если отбросить эти исключительные цифры, то в

качестве общих крайних значений мы находим десять-одиннадцать лет, с одной стороны, и пятнадцать-шестнадцать - с другой.

Наблюдаемая нами вариативность велика, и мы, естественно, задаемся вопросом, является ли она вообще постоянной в человеческих группах. Многочисленные статистические данные, собранные по этому вопросу, как будто оправдывают нас, давая абсолютно отрицательный ответ на него.

И, во-первых, несомненно, что здесь важную роль играют *условия жизни*. Из исследований месье Бриер де Буамона следует, что в одной и той же местности более высокое или более низкое социальное положение и, как следствие, разница в образе жизни дают среднюю вариацию в четырнадцать месяцев. В Париже женщины низших классов становятся половозрелыми в четырнадцать лет и десять месяцев, женщины среднего класса - в четырнадцать лет и пять месяцев, женщины высшего класса - в тринадцать лет и восемь месяцев.

Образа жизни достаточно для того, чтобы вызвать очень заметные различия в возрасте, когда женщина становится способной к зачатию. В Страсбурге, как и в Париже, деревенская девушка отстает от городской. Разница составляет около 8½ месяцев для Страсбурга и 4½ для Парижа. В Эльзасе, как и на берегах Сены, тяготы полевого труда делают функции индивидуальной жизни более активными за счет тех, что связаны с половой.

Опять же, мы не можем сомневаться во влиянии, которое, безусловно, оказывает температура. М. Рациборский, добавив к своим собственным исследованиям исследования большого числа других медиков, даже счел себя вправе сделать вывод, что возраст полового созревания наступает или задерживается чуть более чем на месяц на каждый градус широты, в зависимости от того, как мы рассчитываем от экватора или полюса, с тем лишь условием, что температура повышается или понижается с широтой.

Действие трех причин, о которых я только что говорил, наиболее очевидно. Но, как мы уже отмечали, пища, температура и даже образ жизни не только формируют *условия жизни*. Кроме них на организм действуют и многие другие влияния. Большее или меньшее количество света и актиничных лучей не может не оказывать влияния.

Все эти влияния объясняют, почему возраст полового созревания варьируется в зависимости от привычек в одной и той же расе; почему женщины, принадлежащие к одной и той же ветви белой арийской расы, могут представлять крайности, о которых я говорил выше. Среди последних шведы и норвежцы достигают половой зрелости в 15-16 лет, англичане - в 13-14, а английские креолы Ямайки - в 10-11 лет. На Антигоа негритянки и белые женщины, перенесенные в одни и те же общие условия жизни, уже не имеют никаких различий в этом отношении. Мы также видим, что женщины, принадлежащие к самым разным народам и расам, - шведки, дакоты, корфиоты, потоватоми, англичанки и китайки - становятся половозрелыми в одном и том же возрасте.

Так неужели раса не играет абсолютно никакой роли в рассматриваемых физиологических явлениях?

Некоторые факты, кажется, позволяют нам придерживаться противоположного мнения. Женщины эскимосов на Лабрадоре в этом отношении столь же передовые, как и негритянки наших колоний. У алгонкинов (Potowatomies) и дакотов (Sioux) разница в появлении первых признаков полового созревания, по-видимому, составляет в среднем год. Можно привести еще несколько наблюдений такого же характера, сделанных разными путешественниками.

Однако в этих фактах нет ничего удивительного. Они являются лишь воспроизведением в человеческом роде того, что мы ежедневно наблюдаем у наших домашних животных и культурных растений, среди которых есть как передовые, так и отсталые расы.

М. Лагно изучал этот вопрос, в частности, во Франции. Он пришел к выводу, что условия жизни недостаточны для объяснения различий, которые были доказаны его исследованиями, и что возраст полового созревания, зависящий от быстроты развития организма, незначительно варьируется в зависимости от расы. Это мнение, которое, казалось бы, можно принять в тех пределах, которые он сам установил, М. Лагно излагает с большой осторожностью.

Эти пределы очень узки. Они варьируются от четырнадцати лет и пяти дней до шестнадцати лет, одного месяца и двадцати четырех дней. Минимальный возраст представлен женским населением Тулона, максимальный - Страсбурга. Но между этими двумя населенными пунктами существует разница примерно в три градуса широты и пять градусов средней температуры. В Тулоне очень ровный климат, а в Страсбурге, наоборот, *чрезмерный*; в Тулоне солнечно, а в Страсбурге много облаков; *тулонец* живет на открытом воздухе и дышит стимулирующим воздухом моря, а *страсбуржец* живет в доме и дышит сырым воздухом; первый пьет вино, второй - пиво. Все эти условия, стимулирующие, с одной стороны, и ослабляющие - с другой, должны оказывать определенное влияние. Приняв во внимание все эти обстоятельства, мы видим, что, по крайней мере во Франции, влияние расы едва ли превышает то, которое оказывают на население одного и того же города различия в социальном положении.

Исследования М. Лагно также касаются времени, когда репродуктивные способности угасают как у мужчин, так и у женщин. Доказательства здесь не столь многочисленны и не столь определены. Тем не менее, из того немногочисленного, что нам известно по этому вопросу, следует вывод, аналогичный тем, о которых мы говорили выше.

VIII. Нас легко могут заставить думать, что опережение или отставание в органическом развитии, определяемое возрастом, в котором наступает половое созревание, должно влечь за собой пропорционально большую или меньшую продолжительность человеческой жизни. Точные наблюдения далеко не так многочисленны и полны, чтобы решить эту важную проблему с какой-либо степенью уверенности. Однако большее количество фактов, с которыми мы знакомы, вряд ли подтверждает теоретические выводы, сделанные некоторыми антропологами, в том числе Виреем. Напротив, все указывает на то, что пределы жизни почти одинаковы для всех человеческих рас, *если* они поставлены в условия существования, которые *относительно* одинаково благоприятны. На самом деле очевидно, что эти условия оказывают самое заметное влияние на продолжительность жизни организмов. Когда речь идет о жизни, мы не отрицаем *действие условий жизни*.

И здесь снова проявляется множественный характер этих условий. Из статистических исследований Будена мы узнаем, что за шестьдесят семь лет, с 1776 по 1843 год, средняя жизнь человека во Франции увеличилась на одиннадцать лет. Таким образом, он прибавил шестьдесят дней в году; он достиг почти самого высокого предела, достигнутого в этом отношении европейскими народами (34-45 лет). Температура не изменилась, климат не улучшился. Но общие условия существования изменились, и результат проявляется в этих весьма значительных цифрах.

Средняя продолжительность жизни белых европейцев, единственных народов, о которых мы располагаем достаточно точными данными, колеблется между 28-18 годами (*Пруссия*) и 39-8 годами (*Шлезвиг-Гольштейн, Лауэнбург*); разница составляет более одиннадцати лет.

Таблицы средней продолжительности жизни, собранные Буденом и заимствованные у Хейна и Бернуилли, неопровержимо доказывают, что, по крайней мере, среди наших европейских народов средняя продолжительность жизни зависит от расы в очень незначительной степени, если вообще зависит. В германских государствах средняя продолжительность жизни составляет от 28-18 лет (*Пруссия*) до 36-8 лет (*Ганновер*).

Температура, по крайней мере, если рассматривать ее отдельно, кажется, не оказывает заметного влияния, Неаполь стоит почти посередине между предыдущими цифрами (31-65 лет).

Эти факты, полученные среди наиболее известных народов, дают нам основание полагать, что при *прочих равных* условиях продолжительность жизни должна быть почти повсеместно одинаковой. Понятно, что о строгом сравнении здесь не может быть и речи за неимением статистических документов, так сказать. Тем не менее, ряд фактов, полученных различными путешественниками среди народов, принадлежащих к совершенно разным расам и, в некоторых случаях, находящихся в противоположных условиях существования, кажется, оправдывает этот вывод.

Все путешественники, которые были в состоянии судить сами, говорили о саамах, что они обычно живут до глубокой старости; среди них нередко мужчины от семидесяти до девяноста лет.

По свидетельствам путешественников с самой высокой репутацией, кажется, что большинство американских народов также достигают преклонного возраста, причем зачастую без каких-либо внешних признаков дряхлости. Каким бы грубым и зачастую шатким ни был их образ жизни, представители этих рас ни в чем не уступают европейцам по продолжительности жизни.

Так ли все обстоит в случае с неграми, как считал Вирей? Кажется, все свидетельствует об обратном. Даже будучи удаленным с родной земли и поставленным в условия, которые, как мы убедились, весьма неблагоприятны для него, негр живет так же долго, как и европеец. Этот результат следует из реестра рабов, с которым Причард ознакомился в Вест-Индии. Этот антрополог на примерах, взятых из разных источников, показал, что среди представителей этой расы, рассеянных по разным частям Америки, столетние люди были далеко не редкостью. Из документов, которые он цитирует, следует, что в штате Нью-Джерси официальная перепись дала чуть больше одного негритянского столетника на тысячу, но только одного белого столетника на сто пятьдесят тысяч.

Тем не менее Адансон, Уинтерботтом и другие утверждают, что негры Сенегала и Гвинеи стареют рано, а последний добавляет, что представители этой расы редко достигают преклонного возраста. Доктор Олдфилд, участник великой английской экспедиции по Нигеру, делает такое же замечание относительно той части страны, которая примыкает к реке Нанн, - болотистой местности, покрытой пышной растительностью, поддерживаемой наводнениями. Но выше по реке, в стране, открытой Ниффе, он, напротив, встретил большое количество стариков, которым, должно быть, было за восемьдесят, и посетил старого вождя, которому, по его словам, было 115 лет.

В этих фактах нет ничего противоречивого. Они лишь показывают нам, что негр подчиняется законам, общим для всех остальных людей. Напрасно он приспособляется к условиям существования, в которых белым так трудно жить; когда эти условия усугубляются и превышают определенный предел, он страдает, и жизнь его укорачивается. Уроженец берегов Нанна, *будучи негром*, поставлен в условия существования, аналогичные тем,

которым в прежние времена подвергались *белые жители* Домбе во Франции, и в обоих случаях результат был один и тот же.

Но за пределами этих исключительных местностей, когда условия одинаково благоприятны, продолжительность жизни кажется одинаковой у двух типичных рас, которые наиболее широко разделены среди всех представителей человеческого рода. Во всяком случае, для негров и белых были доказаны одни и те же крайние пределы.

ГЛАВА XXXII.

ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ.

I. Патологическое, как и физиологическое, состояние в различных человеческих группах представляет собой особенности, которые можно рассматривать как *характеры*. Эти характеры иногда даже более четко определены, потому что болезненные явления часто очень сильно выражены. Этот вопрос представляет большой интерес; но для того, чтобы рассмотреть его в деталях, которых он заслуживает, потребуется больше времени и места, чем можно уделить здесь. Поэтому я ограничусь тем, что напомним несколько общих фактов, которые уже известны, и приведу несколько примеров, которые помогут определить природу и значение патологических фактов, рассматриваемых с антропологической точки зрения.

II. Рассматривая условия жизни, мы до сих пор едва ли рассматривали нечто большее, чем их *модифицирующее действие*, в то время как общеизвестно, что они также оказывают *нарушающее действие*. Действия такого рода в большинстве случаев являются основной причиной болезней.

Поэтому здесь мы снова приходим к соображениям, подобным тем, с которыми мы так часто сталкивались. Поэтому в нескольких словах напомним общие результаты предыдущих исследований.

1. *Фундаментальная природа* всех людей одинакова.
2. Образование отдельных рас было единственной причиной изменений в этой фундаментальной природе всех человеческих групп.
3. Несколько характеров и особых способностей, составляющих своего рода *приобретенную природу*, развились в каждой из групп под влиянием условий жизни.

Очевидно, что когда *нарушающее действие*, являющееся причиной болезни, действует на *основной элемент*, одни и те же причины приводят к *принципиально одинаковым последствиям*; когда же, напротив, это действие осуществляется на *приобретенный и особый элемент* каждой расы, одни и те же причины приводят к *различным последствиям*. Иными словами, *единство вида* и *множественность рас* предполагают подверженность всех людей общим болезням, которые, в крайнем случае, будут различаться по сопутствующим явлениям, но также допускают существование болезней, более или менее свойственных определенным группам людей.

Тем не менее, подавляющее большинство болезней будут общими для всех людей, а в разных группах они будут лишь видоизменяться. Например, одна раса может быть либо более восприимчивой к определенным заболеваниям, либо более невосприимчивой к ним, чем другая.

Позвольте мне мимоходом заметить, не настаивая на фактах, известных всем агрономам и всем селекционерам, что аналогичные явления наблюдаются у *рас* растительных *видов*, которые давно культивируются, и у *видов* животных, веками подвергавшихся одомашниванию.

Предложения, которые я только что выдвинул, являются естественным результатом фактов, на которые я уже обратил внимание, и принципов, принятых в начале этой книги. Они находятся в удивительном соответствии с результатами экспериментов и наблюдений.

III. Из исследований, число которых ежедневно растет, становится все более очевидным, что все человеческие расы подвержены почти всем болезням.

Негры и белые часто сравнивались с точки зрения патологии, и утверждалось, что местности, в которых болеют последние, не являются нездоровыми для первых. Говорят, что болотные лихорадки, дизентерия и абсцесс печени, которых так боятся европейцы, не поражают жителей побережья Гвинеи, берегов Сенегала и Габуна. Это преувеличенные утверждения, которые были сведены к истинному значению благодаря наблюдениям Уинтерботтома, Олдфилда и других. Более поздние работы подтверждают эти ранние наблюдения во всех отношениях: "Негритянская раса, - говорит М. Бершон, - страдает от дизентерии и абсцесса печени, как и белая раса..... Смертельные лихорадки, которые вместе с двумя только что упомянутыми болезнями составляют патогномоничную трилогию сенегальской патологии, в первую очередь поражают европейцев; но негры ни в коем случае не освобождаются от них".

Последнее замечание подтверждается весьма примечательным образом цифрами, приведенными в прилагаемой таблице, которую я позаимствовал у М. Будена. Он приводит сводку английских официальных документов о ежегодной смертности в тысячу человек в Сьерра-Леоне с 1829 по 1836 год.

БОЛЕЗНИ.	БЕЛЫЕ.	НЕГРЫ.
Болотные лихорадки	410-2	2-4
Эруптивные лихорадки	0-0	6-9
Болезни легких	4-9	6-3
Болезни печени	6-0	1-1
Заболевания желудочно-кишечного тракта	41-3	5-3
Заболевания нервной системы	4-3	1-6
Водянка	4-3	0-3
Другие болезни	12-0	6-2

Сьерра-Леоне - одна из самых нездоровых станций для белой расы, в то время как для негров она, напротив, является одним из мест, где уровень смертности самый низкий. Соотношение, показывающее эту разницу, действительно очень тревожное (483-0 к 30-1). И все же нозологическая таблица одинакова для обеих рас, поскольку, хотя в ней не указаны вспышечные лихорадки у английских солдат, мы прекрасно знаем, что белые расы отнюдь не свободны от них.

Другие таблицы, составленные М. Буденом с помощью тех же документов, еще сильнее подчеркивают фундаментальный факт, который мы сейчас рассматриваем. В одной из них мы узнаем сравнительную смертность негров и чернокожих от болотной лихорадки в семнадцати населенных пунктах, взятых почти из всех частей земного шара, от Гибралтара до Гвианы и от Ямайки до Цейлона. Число смертей всегда значительно больше у европейцев, но они почти всегда растут или падают одновременно и в одном и том же месте у обеих рас, когда обе являются иммигрантами.

Почти нет необходимости повторять, что все великие эпидемии являются общими для всех рас, и что желтая лихорадка безразлично поражает белую, желтую или черную расу. Желтая лихорадка настолько далека от своего особого характера и настолько подчинена действию условий жизни, что мексиканцы из более холодных регионов так же подвержены ей, как и европейцы; а на островах Мексиканского залива белые креолы легко противостоят тем влияниям, которые так фатальны для иммигрантов.

IV. Вспыльчивые болезни, и особенно оспа, похоже, были неизвестны в Америке до тех пор, пока их не завезли на континент европейцы. С другой стороны, последние передали им некоторые из самых серьезных форм сифилиса, которые характеризовали ужасную эпидемию пятнадцатого века. В этом смертельном обмене характер обеих болезней значительно усугублялся при переходе от одной расы к другой, так что население, впервые подвергшееся нападению этих болезней, страдало гораздо сильнее, чем те, кто передавал их. В Америке целые народы исчезали от вспышек лихорадки, иногда с ужасающей быстротой. Знаменитое племя манданов, когда его блокировали сиу и оно не смогло избежать этого бедствия, было полностью уничтожено за несколько дней, за исключением нескольких отсутствующих людей. Кэтлин, которому мы обязаны этими подробностями и который получил их от белых, защищенных прививкой, добавляет, что те, кто подвергся нападению оспы, умирали через два-три часа. С другой стороны, мы знаем, какие последствия имела в Европе эта инфекция, которая и в наши дни слишком часто отравляет самые источники жизни.

Таким образом, человеческая раса может быть незнакома с одной или несколькими болезнями, или с определенными болезненными формами, но в то же время слишком склонна к ним. Однажды атакованная, она может даже развить новую для нее болезнь в более жестокой форме, чем все известные до сих пор.

V. Есть болезни, которые, хотя и являются общими для всех человеческих рас, поражают одни из них в большей степени, чем другие. Тогда последние обладают, по сравнению с первыми, *относительным иммунитетом*. Это неизбежно вытекает из того, что мы уже видели. Добавим, что эти различия в действии одной и той же патогенной причины очевидны в случаях эпидемий. Когда Гваделупа подверглась нападению холеры в 1865 и 1866 годах, уровень смертности составил 2-70 процентов для китайцев, 3-86 для индусов, 4-31 для белых, 6-32 для мулатов и 9-44 для негров. Эти цифры тем интереснее, что все эти расы были иммигрантами.

Иногда кажется, что две причины смерти поддерживают некое равновесие и взаимовыручку между двумя расами. Говоря об акклиматизации, я уже указывал на контраст, который с этой точки зрения представляют собой негр и белый. Из всех человеческих рас белая наиболее чувствительна к болотным лихорадкам, а черная - наименее. С другой стороны, негритянская раса больше других страдает от фтизиатра, в то время как белая раса в этом отношении может быть почти приравнена к другим группам, например, к малайцам.

Но, опять же, существуют иммунитеты, более полные, чем у негров, от болотных заболеваний; и, кроме того, эти иммунитеты могут быть утрачены либо в случае целой группы населения, либо в случае отдельных индивидуумов. Здесь я приведу два ярких примера из работы М. Будена.

Элефантиаз, заболевание, при котором некоторые части тела иногда деформируются столь странным образом, встречается в Индии и на Барбадосе. На последнем острове до 1704 года этой отвратительной болезнью страдали только негры. В том же году от нее впервые пострадал *один белый*. Но болезнь продвигалась вперед, и в 1760 году она распространилась на *креольское* население. Белые *европейского происхождения* пока избежали этого.

Индийский слоновость встречается на Цейлоне. Но и там он поражает только туземцев, креолов и лиц смешанной крови. Индусы и европейцы, чужаки на острове, от него свободны. Скотт, которого цитирует М. Буден, утверждает, что *только один случай* этой болезни наблюдался у белого европейца. Но этот человек прожил на острове тридцать лет; акклиматизация в его случае зашла так далеко, что он потерял свой *этнологический иммунитет*.

С другой стороны, говоря об акклиматизации, мы видели, что креолы легко живут и процветают в некоторых местностях, наиболее опасных для иммигрантов. Таким образом, ценой жертв, принесенных предыдущими поколениями, они приобрели относительный иммунитет, которым не пользуется большинство европейцев.

Приобретая один из этих иммунитетов, раса может потерять другой. В связи с холерой, о которой я только что упоминал, белые и негры-креолы подверглись нападению в значительно большей степени, чем белые и негры, которые недавно иммигрировали и, следовательно, еще не акклиматизировались. Таким образом, условия жизни на Гваделупе и других мексиканских островах, похоже, оказывают двойное действие. С одной стороны, они в значительной степени снижают склонность к заболеванию желтой лихорадкой, с другой - делают человеческий организм заметно более доступным для воздействия холеры.

VI. Столь значимые факты, как эти, не требуют комментариев. Очевидно, что перед нами те *относительные иммунитеты*, которые некоторые полигенисты хотели рассматривать как *специфические признаки*. Не обладая ничем, приближающимся к тому значению, которое с этой точки зрения имеют физиологические явления, они в равной степени делают очевидной принципиально идентичную природу всех человеческих групп. Благодаря своему особому элементу, обусловленному в основном *приобретенной природой*, они демонстрируют различие рас гораздо отчетливее, чем физиологические явления. Однако и те, и другие в равной степени *функциональны*; и функции, действующие обязательно под непосредственным влиянием условий жизни, демонстрируют почти в одинаковой степени преобладающее влияние последних.

VII. Мы не можем коснуться вопросов этнологической патологии, не сказав несколько слов о странном и фатальном влиянии, которое белая раса, похоже, оказывает на некоторые низшие расы, чьи территории она захватила.

Нигде это меланхоличное явление не проявляется так ярко, как в Полинезии. Цифры здесь говорят с трогательным красноречием.

На Сандвичевых островах, по подсчетам Кука, проживало 300 000 человек. В 1861 году их было всего 67 084, около 22 процентов от первоначального населения.

В Новой Зеландии Кук насчитал 400 000 маори. В 1858 году там оставалось всего 56 049 человек, 14 процентов от прежнего населения. Депопуляция продолжалась с того времени. С 1855 по 1864 год убыль составила 22 процента для провинции Роторуа, Озер и Макетоу; за два года, с 1859 по 1861, на Чатемских островах она составила 19 процентов.

На Маркизских островах в 1813 году, по подсчетам Портера, насчитывалось 19 000 воинов, что дает население от 70 000 до 80 000 человек. В 1858 году М. Жуан обнаружил 2 500 или 3 000 воинов и около 11 000 жителей, что на 86 процентов меньше.

Из сравнения оценок Кука и Форстера следует, что население Таити должно было составлять не менее 240 000 человек. В 1857 году официальная перепись дала только 7 212 человек, то есть чуть более 3 процентов от первоначального населения.

Эти факты были бы не менее странными, если бы они носили чисто местный характер. Но они носят всеобщий характер, проявляясь даже на самых изолированных островах, на Бассовых островах, которые образуют крайнюю границу Полинезии на юго-востоке. В начале века Дэвис насчитал здесь 2 000 жителей; в 1874 году Моеренхаут обнаружил только 300 человек, что составляет 15 процентов от прежнего населения.

Все предыдущие расчеты были сделаны на примере Восточной Полинезии, которая, как мы знаем, первой привлекла европейцев. Однако несколько лет назад западные архипелаги были в свою очередь захвачены, и население уже ощутимо сокращается на островах Тонга, Вавау, Тонгатабу и др. Похоже, что на Фиджи дела обстоят так же.

У этой несчастной полинезийской расы не только растет уровень смертности, но и сокращается число рождений. Этот факт уже давно был замечен в общих чертах. Приведенные ниже цифры придают ему странную точность. На Маркизском архипелаге, в Тайо-Хаз, М. Жуан наблюдал, как за три года население сократилось с 400 до 250 человек, и за это время было зарегистрировано всего три или четыре рождения. На Сандвичевых островах из 80 женщин, состоящих в законном браке, М. Делапелин обнаружил, что только 39 имеют детей. В двадцати главных семьях вождей было всего 19 детей. Наконец, в 1849 году официальная статистика, приведенная М. Реми, дает данные о 4520 смертях и только 1422 рождениях. Аналогичная ситуация наблюдается и на другой оконечности Полинезии. В Новой Зеландии, отмечает М. Коленсо, браки редко бывают плодотворными. Семь главных вождей Ахурири не имеют детей, за исключением Те-Хапуку; но из четырех женатых сыновей последнего трое еще не обзавелись семьей. Девять из одиннадцати браков здесь оказались бесплодными.

Для объяснения этих меланхолических явлений было предложено множество причин. Поочередно предлагались войны, голод и эпидемии, но эти бедствия имеют лишь локальные последствия. Некоторые упоминали сифилис, но забывали, что мать *Œdidée* умерла от этой болезни еще до того, как Уоллис отправился в путешествие. Вину за это возлагают на пьянство, введенное, как утверждает, европейцами; но до ввоза наших спиртных напитков полинезийцы вполне могли опьянить себя своей *кавой*, более страшной, чем наш бренди. Что касается разврата, то мы знаем, до какой степени он был распространен у туземцев, которым в этом отношении нечему было учиться у европейцев.

Может ли быть так, что более высокая цивилизация несет в себе нечто, несовместимое с существованием низших рас? Неужели господство чужака, захват земли, насилие над религией и обычаями внушают этим людям, некогда столь свободным и гордым, такое отчаяние, что они отказываются иметь потомство? Мы можем допустить, что эти моральные

причины в какой-то мере учитываются в явлениях, которые происходят на Таити, Сандвичевых островах и Новой Зеландии. Но как можно применить это объяснение к тем архипелагам, где местная раса остается доминирующей и где, сохраняя древний образ жизни, она сохранила все традиции своих предков? Так было на Маркизских островах в то время, когда там жили М. Жуан и П. Матиас; европейские жители все еще редки на островах Самоа и Тонган.

Два морских хирурга, ММ. Бургарель и Брульферт смогли пролить свет на эту печальную проблему. Первый обнаружил, что бугорки *неизменно* присутствуют в легких трупов, поступивших на вскрытие. Второй говорит нам, что почти все полинезийцы страдают от упорного кашля и что в восьми случаях из десяти туберкулез следует за катаром бронхов. Фтизис не фигурирует в списке болезней, составленном старыми мореплавателями. Так неужели мы завезли его на эти острова? Развиваясь в новом регионе, у расы, которой он ранее был неизвестен, эта болезнь приняла более ужасную форму, с примерами которой мы знакомы? Будучи уже наследственной в нашем случае, стала ли она эндемической или эпидемической в Полинезии? Если это так, то можно сказать, что с полинезийской расой все кончено. Еще через полвека или, самое большее, через столетие она исчезнет, по крайней мере, как чистая раса; ее заменит кросс, который на Маркизских островах уже начал увеличивать население.

КНИГА X. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

ГЛАВА XXXIII.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.

I. В этой книге я предполагаю дать под общим названием сжатое рассмотрение характеров, обусловленных *интеллектом, моралью и религией*. При этом меня, возможно, упрекнут в том, что я слишком тесно связал явления, которые в других местах я приписывал различным причинам, и, следовательно, по крайней мере, очевидно, противоречил сам себе. Но, с одной стороны, после того, что я сказал по этому поводу в первой главе, не может быть никаких сомнений в том, как я отношусь к этому вопросу; а с другой стороны, интеллектуальные явления получают в человеке такое развитие, что иногда они почти возвышаются до достоинства атрибутов, и поэтому заслуживают того, чтобы быть поставленными в один ряд с явлениями, которые являются полностью человеческими.

II. В предыдущих главах мы рассмотрели физического человека. Но человек - это не просто определенная часть организованной и живой материи, как растение. Помимо этого, в человеке *есть нечто, что чувствует, судит, рассуждает и волит*. Это *нечто*, происхождение и природу которого не входит в обязанности натуралиста, проявляется в действиях и фактах. Эти факты различны в разных человеческих расах. Их можно и нужно рассматривать как *характерные черты*, в равной степени как действия наших животных, таких как *пойнтер, борзая, терьер или колли*.

Мы увидим, что, хотя приближение к земле обычно рассматривается как принадлежащее по праву к философии, антропология не проявляет от этого меньшего уважения к области последней. Философ занимается установлением различия между разумом и материей и обнаружением таинственной связи, объединяющей физическое и интеллектуальное существо; антрополог - исследованием нескольких проявлений, вытекающих из этой связи, и распознаванием отличительных признаков групп, которые он изучает. Первый возвращается к причинам, второй ограничивается следствиями, а потому не выходит за рамки естественных наук.

По этой самой причине, рассматривая человека, мы сталкиваемся с трудностями, на которые уже указывали в начале. Приступая к изучению психологических фактов, наука должна изучить не больше деталей, чем при изучении физиологических особенностей. Здесь, как и везде, *условия жизни* играют значительную роль. Если они оказывают влияние на проявления органической жизни, то почти в такой же степени они влияют и на те действия, которые интерпретируют действующий и реагирующий элемент в нас. И наш интеллект не только соответствует существующим условиям, но и бесконечно умножает их влияние, накапливая и комбинируя все предшествующие факты посредством памяти, и навязывает себе новые условия, из которых непрерывно вытекают новые явления.

Поэтому изучение интеллектуальных особенностей должно по большей части осуществляться путем детального изучения рас. Тем не менее, мы можем мимоходом отметить наиболее общие черты некоторых рас, хотя бы для того, чтобы более полно объяснить истинность только что сделанных утверждений.

III. *Язык*. "Животные обладают голосом, только человек имеет речь". Эта истина, провозглашенная Аристотелем, в наши дни получила всеобщее признание. Все признают, что речь - один из высших атрибутов человеческого рода. *Языки*, то есть различные формы, которые принимает речь у различных человеческих рас и их подразделений, имеют, в связи с этим, отдельное значение как дифференциальные характерные факты.

Не будучи лингвистом, антрополог вполне может воспользоваться результатами, полученными филологией, и сравнить их с теми, что были получены при изучении физических характеристик. Если двумя столь разными методами мы приходим к одинаковым выводам, то, очевидно, с большой долей вероятности мы правы.

Излагая подробную историю различных рас в своем курсе лекций в Парижском музее, я часто был вынужден значительно расширять сравнение, о котором я только что говорил. Я почти неизменно находил самое поразительное сходство между описательной филологией и антропологией. Когда, как исключение из этого правила, мы обнаруживаем отсутствие сходства или, лучше сказать, контраст, как, например, между физическими характеристиками и языком басков по сравнению с соседним населением, проблема всегда, как и в их случае, представляет особые трудности, с какой бы точки зрения к ней ни подходили.

Особенно среди смешанных рас проявляется то общее согласие, о котором я говорил. Язык часто сразу выдает смешение рас, их преемственность и характер влияния различных элементов, способствовавших их формированию. Приведу яркий пример.

Все полигенисты рассматривали малайцев как один из *видов человечества*; многие моногенисты считали их одной из основных рас. Я уже давно показал, что в действительности они представляют собой лишь смешанную расу, в которой сочетаются белые, черные и желтые элементы, и что они тесно связаны с полинезийцами. Эти факты

становятся все более поразительными с каждым днем, по мере того как мы узнаем больше об этих двух семействах, которые произошли от общего источника. И далее, по мере более тщательного изучения истории этих стран, мы обнаруживаем, что отношения между островными и континентальными регионами должны были быть гораздо более тесными, чем считалось ранее. К таким результатам пришла антропология.

С другой стороны, филологи смогли сформировать только одну *языковую семью* из всех малайских и полинезийских языков, если рассматривать их с *грамматической* точки зрения. Что касается словарного запаса, то Риттер приводит следующие результаты.

В малайском языке на каждые 100 слов приходится

50 полинезийских слов, все они относятся к очень низкому социальному положению, обозначая только искусства и предметы, для которых во всех языках есть названия (небо, земля, луна, гора, рука, глаз и т.д.).

27 малайских слов, свидетельствующих о более развитой цивилизации и существовании искусств, уже достигших совершенства (kriss).

16 санскритских слов, выражающих религиозные идеи и абстрактные понятия (время, причина, мудрость и т. д.).

5 арабских слов, относящихся к мифологии, поэзии и т. д.

2 яванских, дравидийских, персидских, португальских, голландских или английских слова, относящихся к торговле.

Таким образом, мы видим, что язык малайцев объясняет, так сказать, в другой форме, те же факты, что и их физические характеристики.

IV. Хотя я натуралист и, следовательно, привычно склонен приписывать характерам, взятым от физического человека, преобладающее значение, я не могу допустить, что это превосходство абсолютно постоянно. Есть некоторые факты, которые говорят об этом слишком убедительно. Если бы не их особый язык, никто бы не колебался считать басков принадлежащими к той же семье, что и другие южные европейцы. Если бы была обнаружена их особая долихоцефалия, как это сделал М. Брока, никому бы не пришло в голову сделать их *аллофильными белыми*. То же самое с народами Кавказа, которые долгое время считались, исключительно из-за их физических характеристик, чистым фондом белого европейского населения. Поэтому мы должны признать, что в некоторых случаях язык имеет характерное значение, превосходящее значение внешних признаков и анатомических фактов, или, по крайней мере, что он дает более понятные указания.

Такое *чередование ценности* некоторых признаков не вызовет удивления у натуралистов, знакомых с результатами современной зоологии. Они знают, что так же обстоит дело и с видами животных. У позвоночных органы дыхания представляют собой признаки первого порядка, которые являются *доминирующими*: у аннелид и вторичных типов, у которых эта функция локализована менее строго, у семейств, совершенно сходных в других отношениях, бранхии развиты очень сильно или вообще отсутствуют. В их случае признаки, полученные от органов дыхания, очевидно, вторичны и *подчинены*. Если так обстоит дело между *различными видами и группами*, мы не должны удивляться, если, с еще большим основанием, так будет и между *различными расами*.

V. В антропологических приложениях науки о языке каждый согласится с тем, что грамматике следует придавать гораздо большее значение, чем словарному запасу; ясно, что иначе и быть не может. Но не слишком ли мы в некоторых случаях пренебрегаем информацией, которую можно получить из последнего? Результаты, к которым пришел Юнг в результате подсчета вероятностей, можно, как мне кажется, очень удачно процитировать здесь. Задача прославленного автора состояла в том, чтобы выяснить, сколько одинаковых слов в двух разных языках необходимо для того, чтобы мы могли считать эти слова принадлежащими одному языку. Из этих расчетов следует, что общее владение одним словом не имеет никакого значения. Но вероятность единства происхождения уже три к одному, когда есть два слова, общих для обоих, и более десяти к одному, когда их три. Когда количество общих для обоих слов равно шести, вероятность составляет более 1 700, а при восьми - почти 100 000.

Таким образом, почти наверняка восемь слов, общих для двух разных языков, изначально принадлежали одному и тому же языку и, оказавшись среди языков, к которым они не принадлежат, должны рассматриваться как *импортированные*. Эти выводы ученого англичанина имеют огромное значение. Они заставляют антропологов рассматривать отношения между различными народами не так, как привыкли многие антропологи, и вынуждают нас признать существование коммуникаций, в которых в противном случае мы были бы склонны сомневаться.

VI. Полностью признавая несомненную важность лингвистических характеристик, мы не должны полностью доверять им как проводникам в оценке этнологических отношений. Язык может вымереть и смениться на том же месте. Тогда простой лингвист предположит уничтожение расы или популяции, которая в действительности процветала. Так произошло с жителями Канарских островов. Потомки гуанчей, перейдя на испанский язык, считали, что их больше не существует, пока М. Бертелло не показал, что на самом деле они составляют основу населения всего архипелага.

VII. Моногенизм и полигенизм боролись и продолжают бороться как на лингвистической, так и на органографической почве. Таким образом, очень часто случалось, что научный вопрос заслонялся соображениями, совершенно чуждыми науке; и не без оснований, поскольку противоположные доктрины имеют на самом деле меньше связи с этим предметом, чем принято считать.

С лингвистической точки зрения проблема может быть сформулирована следующим образом: существовал ли в прошлом единый примитивный язык, от которого произошли все языки, живые или мертвые? Или, скорее, существовали ли и существуют ли до сих пор языки, которые не могут быть отнесены к общему происхождению?

Мы сразу поймем ответ полигенистического филолога. Аргументируя различия, по которым разделяются определенные семьи языков, они объявляют их *несводимыми*, и вместе с Кроуфордом, М. Ховелакком и другими заявляют о своей вере "в изначальную множественность рас, которые были сформированы с их помощью". С другой стороны, эту несводимость отрицает Макс Мюллер, который, не утверждая пока существования первобытного языка, позволяет нам увидеть, что, по его мнению, все филологические исследования направлены на демонстрацию этого факта.

Будучи совершенно незнакомым с исследованиями такого рода, я не могу высказать свое мнение по специальным вопросам. Я ограничусь изложением некоторых общих фактов и укажу на то, в каком смысле они, как мне кажется, требуют наибольшего внимания.

Эта несводимость, на которую опираются филологи-полигенисты, напоминает аргумент, основанный на физических характеристиках и заключающийся в противопоставлении негра и белого. Этот аргумент долгое время имел определенную видимость силы, которую он терял по мере того, как между этими двумя крайностями обнаруживались все более многочисленные промежуточные звенья. Мне кажется, что общий прогресс филологии стремится к тому же результату. Все лингвисты теперь ставят рядом языки, которые в начале века считались бы несводимыми.

Определенное количество языков может оставаться изолированным, и этот факт не является свидетельством против специфического единства человека. Во всех филологических школах признается, что языки изменчивы и скоропортящиеся. Сейчас мы не знаем всех *мертвых* языков, и если в цепи не хватает какого-то звена, то сразу становится ясно, что существовавшие ранее связи навсегда потеряны для нас.

Кроме того, пусть кто-нибудь обратится к наблюдениям Лаббока над корнями, и он сразу же признает, что определенное их количество вряд ли может быть общим для всех языков. Те, кто считает, что язык не имеет божественного происхождения, а является человеческим изобретением и творением, не могут не согласиться с выводами ученого англичанина по этому вопросу. Итак, какими бы незначительными ни были эти радикальные различия, они обязательно влекут за собой неустранимость, которая, однако, не может служить аргументом против моногенизма.

В поддержку этого вывода мне повезло, что я могу апеллировать к свидетельству судьи, как компетентного, так и заслуживающего доверия. Уитни в своей работе "Жизнь языка" рассмотрел тот же вопрос. Вместе с Кроуфурдом и М. Ховелаком американский лингвист признает, что существуют языковые семьи, которые нельзя отнести к общему происхождению. Однако он не останавливается на этом факте; он демонстрирует и обсуждает причины этого. Затем он в следующих выражениях приводит общий вывод из этой дискуссии: "Некомпетентность филологической науки в решении вопроса о единстве или разнообразии человеческих рас, похоже, полностью и бесповоротно доказана".

Как бы то ни было, полученные таким образом результаты высвечивают факт, важность которого, как мне кажется, не следует упускать из виду. Принимая за руководство работу человека, чья компетентность не вызывает сомнений, составляя таблицы языковых семейств, признанных М. Мори, и изображая *линиями* отношения, указанные этим ученым писателем, мы видим, что между одним языком и другим существует *взаимопересечение символов*, чрезвычайно похожее на то, на что я так часто указывал в человеческих группах. Никто не поддерживал гипотезу о множественном происхождении языков более решительно, чем Агассис. В мемуарах, которые я атаковал с географической точки зрения, он очень четко высказался по этому поводу. С тех пор он развивал те же идеи. Я уже говорил, что, по его мнению, человечество было создано *народами*, что каждый из них получил, с его физическими особенностями, свой особый язык, развитый во всех направлениях и столь же характерный, как голос какого-либо вида животных. Я считаю необходимым настоять на этом моменте и процитировать сам текст: "Пусть кто-нибудь нанесет на карту, - говорит Агассис, - географическое распространение медведя, кошачьих, жвачных, галок или любого другого семейства: Мы можем доказать, с таким же количеством доказательств, как и филологические исследования человеческих языков, что рычание камчатского медведя сходно с рычанием медведя Тибета, Ост-Индии, островов Сонда, Непала, Сирии, Европы, Сибири, Соединенных Штатов, Скалистых гор и Анд. Однако все эти медведи считаются отдельными видами, ни в коей мере не унаследовавшими друг от друга голос. Не унаследовали его и различные человеческие расы. Все это в равной степени относится и к

вороньему крику галок, и к кряканью уток, и к песне дроздов, которые все издают свои веселые и гармоничные ноты, каждый на своем собственном диалекте, который не является ни унаследованным, ни производным от другого, хотя все поют на *языке дроздов*. Пусть филологи изучат эти факты, и если они не абсолютно слепы к значению аналогий в природе, они сами придут к сомнению в возможности доверять филологическим аргументам, используемым для доказательства генетической деривации".

Агассис логичен, и он исчерпывает последствия своей теории. Но он забывает об одном важном факте, который может быть противопоставлен всем тем, кто полностью или частично принимает этот порядок идей.

Ни один вид животных никогда не менял свой *голос* на голос почти родственного ему вида. Жеребенок, воспитанный кобылой и оказавшийся в окружении лошадей, никогда не забудет своего ржания и не научится выть. Напротив, хорошо известно, что белый, если его в самом раннем младенчестве поместить в среду китайцев или австралийцев, будет говорить только на их языке. Обратное также верно.

Причина этого заключается в том, что *голос животных* - это фундаментальный характер, явно присущий природе существа, подверженный незначительным изменениям, но не способный исчезнуть или передаться в целом; это *специфический характер*.

Человеческий язык совершенно иной. Он по сути своей изменчив и подвержен модификации из поколения в поколение, он подвержен трансформации, он заимствует и теряет, он может быть заменен другим, он явно подчинен интеллекту и условиям жизни. Поэтому мы можем рассматривать его только как вторичный характер; *характер расы*.

С лингвистической точки зрения, специфическим атрибутом человека является не *особый язык*, которым он пользуется, а *способность к артикуляции*, *речь*, которая дала ему возможность создать примитивный язык и бесконечно варьировать его с помощью своего интеллекта и воли, более или менее подверженной влиянию бесчисленных обстоятельств.

И здесь мне снова повезло, что я могу подкрепить мнения, которых я давно придерживаюсь, выводами Уитни по этому вопросу. "Теперь, - говорит этот ученый лингвист, - чтобы объяснить разнообразие языков, нужно сделать вид, что сила выражения была практически различной у разных рас, что один язык с самого своего происхождения и в своих примитивных материалах содержал формирующий принцип, которого нет в других; что элементы, используемые для формального использования, были формальными по своей природе, и так далее, - все это чистая мифология".

VIII. *Общие отношения между языками и человеческими расами*. Общепризнанно, что человеческие языки можно разделить на три основные группы: первая - монослоговые, или изолирующие, языки; вторая - агглютинативные, или суффиксальные, языки; третья - инфлективные языки. Таким образом, существует три лингвистических типа, как и три физических типа. Небезынтересно будет выяснить, какие отношения демонстрируют символы, взятые из этих двух порядков.

Моносиллабические языки представляют собой наиболее рудиментарное состояние человеческого языка, который, к тому же, пришел к словообразованию только после прохождения периода агглютинации. С этой точки зрения, языки достигли совершенства постепенно, и вполне естественно задаться вопросом, соответствует ли общая степень возвышения рас степени развития языка.

Из сравнения результатов филологических и физических исследований сразу же становится ясно, что это не случай. На китайском, самом моносложном языке, говорит один из самых ранних цивилизованных народов, в основе своей принадлежащий к желтому типу. Племена, занимающие низшее место, происходящие от негритянского типа, говорят, напротив, на агглютинативных языках, то есть достигли второй стадии. Я уже указывал на этот факт и настаивал на следствиях, которые вытекают из него в отношении относительной древности человеческих групп.

Тем не менее, мы должны отметить, что большее число белых говорит на языках, достигших наивысшей степени совершенства - инфлексивных языках. Только аллофильные белые все еще находятся на агглютинативной стадии.

Если, ознакомившись с информацией, которую дают филологи о распределении рас, мы посмотрим на карту, то снова встретимся с некоторыми очень интересными общими фактами.

Моносиллабические языки встречаются только в Азии, как бы локализуясь, и занимая лишь очень ограниченное пространство. Когда-то они даже были ограничены своего рода островом, ограниченным с востока морем, а со всех остальных сторон - агглютинативными языками. Только благодаря арийскому завоеванию они оказались в контакте с флексивными языками.

Последние, ныне повсеместно распространенные, долгое время были ограничены старым континентом, большую часть которого они, к тому же, занимали далеко не всегда. Их распространение датируется великими современными открытиями.

Языки промежуточного развития, агглютинативные языки, занимали до этой эпохи, как и сейчас, большую часть поверхности земного шара. Мы не знаем, в какой период они уступили свои позиции в Европе, но уже можем практически утверждать как факт, что они преобладали там в прежние времена. Вероятно, они занимали всю эту часть света до арийского вторжения или проникновения. Возможно, на них говорил человек четвертичного периода. Как бы то ни было, до великой и совсем недавней эмиграции европейских рас агглютинативные языки господствовали на большей части Азии, почти во всей Африке, во всей Америке и Океании.

Указывая приблизительно площади, занимаемые тремя основными группами языков, мы обнаруживаем, что только агглютинативные языки занимали не так давно около ⁽²²⁾ /₂₅ поверхности Земли, инфлексивные языки ⁽³⁾ /₁₅, а монослоговые языки ⁽¹⁾ /₂₅; или почти ⁽⁷⁴⁾ /₁₀₀, ⁽²⁰⁾ /₁₀₀ и ⁽⁶⁾ /₁₀₀.

Агглютинативные языки, опять же, имеют преимущество перед остальными по количеству. Наконец, число наций, народов или племен, говорящих на этих языках, также превосходит число групп, говорящих на монослогах или на языках с изменяющимся наречием.

Однако хорошо известно, насколько мала связь между численностью населения страны, ее протяженностью или количеством человеческих групп, которыми она населена. Чтобы получить представление о значении или роли, которую играет на поверхности земного шара один или группа языков, мы должны подсчитать количество людей, которые ими пользуются. Сравнивая статистические и лингвистические данные, за которые мы обязаны М. М. д'Омалиусу и Мори, мы обнаруживаем, что на языках с изменяющимся ударением говорят 536 900 000 человек, на монослогах - 449 000 000, а на агглютинативных языках - только 216 550 000.

IX. *Письменность*. Письменность, так сказать, является для речи тем же, чем речь является для мысли. Тем не менее, по своей природе она дает антропологу очень мало точных данных. Изобретенная в очень ограниченном числе мест, она передавалась из места в место, причем путем инициации. При переходе от одного народа к другому графические изображения языков часто претерпевают заметные изменения, и с этой точки зрения они, несомненно, могут оказать реальную помощь этнологии. Но нет никакой реальной связи между различными формами, которые они принимают, и человеческими группами, в которых они используются.

Мы вряд ли можем связать с письмом различные аранжировки историй, которые использовались мексиканскими неофитами, чтобы вспомнить свои молитвы, или чисто мнемотехнический процесс, наблюдаемый различными путешественниками, например, *вампу* краснокожих. Но последние, и особенно китайские, тибетские и перуанские *кви́по*, были чем-то большим, чем это. Здесь цвет и способ соединения соломинок, раковин или дерева, узелки и цвет нитей имели условное значение, позволяя выражать идеи, большие и множественные числа и т. д. В Перу, похоже, таким образом *писали* настоящие книги. К сожалению, как отмечает М. Мори, расшифровать эти необычные произведения сейчас невозможно.

Пиктография, даже в такой рудиментарной форме, как та, что существовала и до сих пор существует у краснокожих, где Шолкрафт изучил ее очень тщательно, была, вероятно, универсальной отправной точкой для письма, называемого так правильно. Хорошо известно, что пиктография имеет сильное сходство с нашим *ребусом*, и что она имеет свои памятники, которые были обнаружены несколькими путешественниками в Сибири, Северной Америке, бассейне реки Ориноко и даже в Патагонии.

Когда символика была введена в пиктографию, казалось бы, шаг действительно был сделан, хотя в результате такого способа изображения событий могут возникнуть серьезные ошибки, когда забывается смысл символа. Виргинцы представляли европейцев, их корабли и оружие в виде *белого лебедя, извергающего огонь*. Очевидно, что здесь был зародыш какой-то легенды. Только это наблюдение позволяет нам понять и истолковать некоторые из сказочных по форме, но имеющих под собой основу правды преданий, которые были собраны в связи с прошлой историей некоторых американских племен. Тем не менее, преимущество символизма заключается в том, что он приучает разум отстраняться от материального воспроизведения объектов. Затем легко перейти к графической редукции символа, а затем и к *идиографическому знаку*. В конце концов, подстегиваемый стимулом необходимости, достигается *фонетический знак*.

Даже когда изображение слога достигнуто, письменность достигла огромного прогресса. Создается впечатление, что некоторые расы, несмотря на контакты с более развитыми народами и на то, что у них перед глазами есть примеры алфавитного письма, никогда не смогут выйти за его пределы. Так, по крайней мере, обстоит дело в настоящее время с чероки во Флориде и веи на побережье Африки. Секвойя и Доала Букара, пытаясь подражать янки и арабам, изобрели лишь орфографические справочники. И все же на бумагах, напечатанных первым из них, рядом с текстом на языке чероки помещался английский алфавитный перевод.

Нет необходимости настаивать на огромном превосходстве алфавитного письма. Это средство фиксации речи, одновременно такое простое и такое полное, всегда представлялось чудесным для тех, кто не был с ним знаком; и древние, пораженные его полезностью и не зная, что человек овладел этим искусством медленными шагами, без

колебаний считали его божественным изобретением. Сам Цицерон, похоже, склонен разделять это мнение. Теперь мы знаем, что честь этого великого открытия действительно принадлежит финикийцам.

Но финикийцы сделали это открытие не сразу и не своими силами. ММ. Вуттке и Ленорманд справедливо приписывают честь подготовки пути к открытию и почти полного его осуществления египтянам. Египетское письмо с его образными, идиографическими и фонетическими знаками демонстрирует весь путь, пройденный человеческим разумом при восхождении от простой пиктографии к алфавиту. К сожалению, египтяне, скованные совокупным влиянием своего прошлого, а также массой идей и фактов, представленных в их сложном письме, особенно, возможно, их религиозными традициями, не смогли освободиться от громоздкого элемента в своей системе письма. Только чужой народ, свободный от этих ограничений, мог, как заметил М. Мори, сделать этот шаг.

После открытия финикийский алфавит быстро распространился. Однако в то же время он неизбежно претерпевал изменения в соответствии с требованиями, иногда действительно необходимыми, иногда просто удобными или капризными. М. Ленорманд выделяет пять больших семейств письменности, представляющих это родство. Это семитская, греко-итальянская, западная, или иберийская, и северная, или индо-гомерическая. Последняя, возможно, обязана своим происхождением йеменскому алфавиту, который, попав в Индию примерно в третьем или четвертом веке нашей эры, породил почти все восточные алфавиты.

Египет и Финикия были не единственными центрами, в которых зародилось искусство письма. В Старом Свете оно появилось также в Месопотамии и Китае, а в Новом Свете - в Мексике. Иероглифическое письмо, возникшее на основе пиктографии, стало универсальной отправной точкой, но в каждом случае на разных этапах письменность останавливалась.

Клинопись не достигла алфавита и, по-видимому, состоит из смеси идиографических и слоговых знаков. В Китае письменность осталась идиографической. Однако под влиянием буддийских миссионеров, распространивших алфавит дэванагари на крайнем Востоке, японцы и корейцы, после подневольного подражания китайцам, первыми достигли слогового письма, а вторыми - настоящего алфавита.

В Мексике письменность состояла из смеси, все еще очень запутанной, символических, идиографических и фонетических знаков, последние представляли собой в одних случаях слоги, в других - простые буквы. Открытия, сделанные аббатом Брассером де Бурбуром, похоже, указывают на то, что в Юкатане был достигнут большой прогресс, и что надписи Паланке действительно являются алфавитными. Приходится сожалеть, что до настоящего времени эти важные факты, которыми мы обязаны престарелому куратору Рабиналю, не были использованы. Чтение надписей Центральной Америки имело бы совсем другой интерес, чем расшифровка еще нескольких египетских табличек. Как бы то ни было, очевидно, что множественность, разнообразие алфавитов и даже их родство дают антропологу символы огромной важности, специально предназначенные для установления древних отношений между человеческими группами, в некоторых случаях сильно разделенными.

Х. Социальное состояние. Человек по своей сути является социальным существом. "Если бы кто-то один поднялся на небо и в одиночестве слушал гармонию сфер, он не смог бы насладиться этими чудесами", - сказал один греческий философ. Таким образом, мы видим, что человеческий род повсеместно собран в более или менее многочисленные общества. В исключительных случаях, которые обычно объясняются насильственным рассеянием, эти

общества всегда состоят из более или менее значительного числа семей и заслуживают, по крайней мере, *названия народов*.

Какими бы ограниченными или многочисленными ни были народы, племена или нации, существование трех элементарных социальных условий давно признано фактом, каждое из которых связано с удовлетворением первой и самой насущной из всех потребностей, а именно потребности в питании. Более того, в этих условиях можно проследить определенную градацию. Сначала человек добывал себе пропитание только ежедневным трудом: он охотился либо на наземных, либо на водных животных: он становился охотником или рыбаком. Затем он подчинил своей власти травоядных животных и нашел неизменную опору в своих стадах: он стал пастухом. Наконец, он обращал свое внимание на землю, размножал и культивировал определенные растения, которые узнавал на собственном опыте, и становился земледельцем. В последнем случае его рацион будет состоять в основном из овощей, а в двух первых основой его пищи будет плоть.

Понятно, что эти несколько видов существования ставят человека в совершенно разные условия жизни и навязывают ему определенные потребности, требуя развития физических и интеллектуальных способностей, которые иногда имеют лишь очень слабое сходство друг с другом. Таким образом, зарождаются определенные физические и интеллектуальные особенности, которые, развиваясь под воздействием упражнений и наследственности, в конце концов становятся характерными чертами рас.

Охотник и рыбак имеют некоторое сходство в своем образе жизни. И тот, и другой должны поочередно, а иногда и в один и тот же момент, в зависимости от преследуемого животного, проявлять огромное терпение и мужество; они никогда не должны быть в затруднительном положении. И те, и другие, даже находясь в самых благоприятных условиях, попеременно переходят от крайней активности к почти полному покою. Но поле деятельности рыбака в целом менее обширно, чем у охотника, и он, подобно последнему, не вынужден использовать все свои физические способности. Он, вероятно, никогда не будет обладать таким же тонким слухом или такой же ловкостью. Более того, ни один из них не находится в условиях, благоприятных для интеллектуального развития, как его правильно называть.

Пастух гораздо более независим в некоторых отношениях, но в то же время он подчиняется большей регулярности. Он всегда уверен в завтрашнем дне. Выполнив свои ежедневные обязанности, он может предаться размышлениям и отдыху, так что у его интеллектуальных способностей есть все возможности для развития.

Еще более ярко это проявляется у земледельца. Время посева и сбора урожая для него - это время неизбежной физической активности. Между ними он может отдохнуть и применить способности, которыми он наделен, к чему-то совершенно иному.

Эти три элементарных способа существования человеческого общества влекут за собой немедленные последствия.

Дичи, в истинном понимании этого термина, нигде не бывает так много, чтобы обеспечить неограниченное количество пищи для населения, каким бы маленьким оно ни было, скопившегося на одном месте. Охотнику абсолютно необходима большая территория, поэтому он может образовывать лишь очень ограниченные сообщества. Как только они увеличиваются в размерах, они вынуждены отделяться. Рыбаки могут образовывать более крупные общины, особенно на берегу продуктивного моря. Однако даже в их случае численность населения неизбежно ограничивается довольно узкими рамками.

Пастушеское состояние позволяет формировать более многочисленные общества, но оно также предполагает наличие огромных территорий, полностью отданных под выпас скота. Как и погоня, оно, хотя и в меньшей степени, принуждает к делению на группы.

Культура почвы позволяет развивать население одновременно плотное и непрерывное.

Охотник, как естественное следствие его воинственных привычек, неизбежно является воином; война, по сути, есть не что иное, как "охота на человека". Любая дискуссия о *месте охоты* может легко привести к войне, поскольку речь идет о пропитании охотника. Война будет вестись без пощады, ведь каждый пленник будет не только бесполезен, но и станет обузой для завоевателя: еще один рот, который нужно кормить. Охотник убьет его, и как бы мало ни было причин для страсти, с одной стороны, и гордости - с другой, он предаст его смерти с мучениями, перенесенными с героической стойкостью.

Пастух также часто будет вовлечен в вооруженные конфликты, ведь он должен защищать свои пастбища и стада. Но в его случае война будет менее ожесточенной: пленник может быть ему полезен. Его можно заставить ухаживать за стадом, а взамен накормить, не требуя никаких жертв: он может быть рабом.

Если бы не необходимость взаимного уничтожения, которая, кажется, врождена человеку и которую цивилизация до сих пор не смогла искоренить, у земледельческих племен не было бы причин воевать друг с другом; более того, их интересам гораздо больше отвечало бы избегать этого. Однако можно лишь сказать, что в их случае она становится все менее жестокой. Здесь снова можно использовать пленника. Сначала он попадает в рабство. Затем становится очевидным, что определенная свобода может быть выгодна хозяину, и он переходит из состояния раба в состояние крепостного.

Три состояния, которые я только что описал, все еще существуют на земном шаре; и в каждом из трех великих типов человечества можно найти примеры и в наши дни. Белые племена северо-западного побережья Америки занимаются рыболовством; некоторые арабские племена все еще находятся в пастушеском состоянии, через которое прошли арийцы, прародители нынешних индейцев, которые по своей сути являются земледельцами. Среди желтых тунгусы Даурии, возможно, представляют собой наиболее совершенный тип охотничьего народа, как орды Центральной Азии - пастушеского народа, а китайцы - земледельческого. Наконец, среди негров тасманийцы были исключительно охотниками и рыболовами, каффиры, по сути, являются пастухами, а уроженцы Гвинеи - земледельцами.

Таким образом, фундаментальная природа социального состояния не является расовым признаком. Три физических типа представляют собой три социальных типа.

Уже из одного этого факта можно сделать вывод, что между тремя человеческими типами, рассматриваемыми с точки зрения цивилизации, нет тех радикальных различий, которые *априори* допускаются некоторыми авторами.

Этот вывод может быть четко продемонстрирован только при детальном изучении рас. Здесь я могу лишь высказать его, настаивая на том, что, несмотря на утверждения М. де Гобино об обратном, *белые* все еще существуют в явно *дикарском* состоянии. Достаточно прочитать подробности, приведенные Куком, Ла Перозом, Меаресом, Маршандом, Диксоном, доктором Скоулером и другими, о некоторых колусах, и мы будем вынуждены признать этих *рыбаков*, чьи женщины мажут себя жиром и сажей и носят пояс, как *настоящих белых* и

настоящих дикарей, которые во многих отношениях должны стоять ниже негра из Ардры или Джуиды.

С другой стороны, сами имена, которые я только что упомянул, особенно имена Ганата, Сонрхай и Мелле, с которыми нас познакомил Барт, достаточно доказывают, что наиболее ярко выраженный негр, *типичный негр*, способен подняться до значительно более высокого социального уровня. Говорят, что, не будучи *дикарем*, он остался *варваром*, как это было с нашими германскими или галльскими предками. Такая точка зрения несправедлива; негр поднялся гораздо выше. Летописи Амед Баба показывают, что в средние века в бассейне Нигера существовали империи, мало уступавшие по многим параметрам европейским королевствам той же эпохи.

Что касается желтых рас, то достаточно вспомнить, что вся арийская раса погрузилась в варварство в то время, когда Китай был знаком с календарем, определил форму земли и признал сплющивание полюсов, ткал материалы из шелка и обладал монетной чеканкой.

XI. Следует ли из этих и многих аналогичных фактов, которые я не могу привести, заключить, что между человеческими расами существует полное равенство, что все они обладают одинаковыми способностями и могут подняться во всех отношениях до одной и той же степени интеллектуального развития? Нет, ибо это было бы отклонением от истины и явным преувеличением. И здесь мы снова должны вернуться к сравнению человека с животными. Следует ли из этого, что, поскольку все расы собак принадлежат к одному и тому же виду, все они обладают одинаковыми способностями? Будет ли охотник безразлично выбирать сеттера или кровяную гончую для использования в качестве пойнера или в погоне? Будет ли он считать, что стрит-кур имеет равную ценность с любой из этих *чистых пород*? Очевидно, что нет. Не стоит забывать, что, превосходя животных и отличаясь от них во многих отношениях, человек в равной степени подчиняется всем общим законам животной природы. Закон наследственности - один из тех, от которых он не может освободиться, и именно он под влиянием условий жизни формирует расы и делает их такими, какие они есть.

Когда над группой людей проходят века, когда из поколения в поколение, под влиянием определенных физических, интеллектуальных и моральных условий, все существо приобретает определенные привычки, мы не можем составить определенного представления о том, какой срок и какие новые обстоятельства необходимы, чтобы стереть это впечатление и сформировать расу заново. В любом случае, она может развиваться только путем модификаций, и только этот факт приводит к появлению новой или производной расы.

Результатом всех условий, в которых формировались расы, стало установление между ними *нынешнего* неравенства, которое невозможно отрицать. Таково, однако, преувеличение, в которое впали *негрофилы* по профессии, когда они утверждают, что негр в прежние века и в своем *нынешнем состоянии* равен белому. Один факт станет для них достаточным ответом.

Открытия Барта поставили под сомнение существование *политической истории* у негров, которая ранее вызывала сомнения. Но сам этот факт лишь еще сильнее подчеркивает отсутствие той *интеллектуальной истории*, о которой свидетельствует общее поступательное движение, литературные, архитектурные и художественные памятники. Негритянская раса, предоставленная сама себе, не произвела ничего подобного. Чтобы замаскировать эту слишком явную неполноценность, была сделана попытка отнести к

негритянской расе те народы с черным цветом кожи, о которых можно сказать, что они связаны с ней только через крест, в котором преобладает высшая кровь.

XII. Должны ли мы, таким образом, впасть в противоположную крайность и признать, что существуют расы, радикально неспособные подняться над тем социальным состоянием, в котором жили их предки? Этот вопрос часто предлагался, и на него давались два разных ответа.

С помощью ряда фактов, взятых из Америки и Океании, а также из Африки, была предпринята попытка показать, что некоторые человеческие популяции были безвозвратно обречены на дикарское состояние. Сторонники этого мнения приводят в пример, прежде всего, коренных жителей Северной Америки и Австралии. Однако тот, кто рассмотрит этот вопрос с непредвзятой точки зрения, сразу же увидит, иногда в самих фактах, приводимых теми, кто их обесценивает, явное доказательство того, что, будучи *поставленными в благоприятные условия*, эти расы смогли бы поднять себя намного выше того состояния, в котором мы их обнаружили, и, по крайней мере, в некоторых отношениях очень быстро достигли бы нашего уровня.

Что касается краснокожих и родственных им групп, то все сомнения были развеяны благодаря огромной работе Школкрафта и нескольким опубликованным с тех пор *отчетам*.

В настоящее время на берегах Каттараугуса проживает сельскохозяйственное и трудолюбивое население, сформировавшееся из остатков ирокезов, которое имеет свои школы, свои типографии и журналы. Бесполезно настаивать на том, во что превратились креки, чероки и чоктау. Мы знаем, что эти народы Юга по собственной воле встали на путь оседлой цивилизации, что они выращивали и экспортировали хлопок, издавали журналы, написанные на их родном языке и напечатанные шрифтом, придуманным одним из представителей их собственной нации. Правительство Вашингтона изгнало их со своих земель и перевезло в бассейн реки Арканзас. Там они снова принялись за работу, и путешественники рассказывают, что некоторые из их ферм даже соперничают с фермами янки.

Но в ответ на это можно возразить, что алгонкины и дакоты сопротивлялись всем попыткам ассимилировать их с белыми и приобщить к цивилизации. Это ошибка, вернее, лишь половина правды, и именно по этой причине она дает важную информацию тем, кто склонен ее воспринять. Алгонкины (*истинные краснокожие*) и дакоты (*сиу*) разделились. Одни отказались от своего древнего образа жизни и подражали чероки, другие придерживались его; как же изменчив этот предполагаемый неизменный характер, как полностью подчинен тысяче незначительных местных обстоятельств!

По сути, в отношении американских аборигенов не произошло ничего такого, чего нельзя было бы наблюдать среди белых. Бок о бок с арабом из города живет араб из пустыни и палатки. Точно так же и аборигены Северной Америки, будучи предоставлены сами себе, расходились во мнениях по некоторым вопросам. В бассейне Рио-дель-Норте и за его пределами бок о бок с городскими и сельскохозяйственными жителями *луэбл* жили племена кочевников и охотников. Последние иногда грабили первых, но не менее признавали существующее между ними родство.

То, что здесь происходило стихийно, до сих пор происходит под давлением белых. Есть ли в этом что-то странное? В каждом случае, когда половина нации преобразует свое социальное состояние, мы не можем делать вывод из отсталости другой половины и говорить, что она не

способна сделать это в целом. С таким же основанием мы могли бы утверждать, что огромное количество европейцев неспособно научиться читать.

Остаются австралийцы.

Я подхожу к этой теме с большой неохотой. Ни в одной точке земного шара белый не проявлял себя столь безжалостно по отношению к низшим расам, как в Австралии; нигде он так дерзко не клеветал на тех, кого грабил и истреблял. По его мнению, австралийцы - это даже не *люди*. Они - существа, "в которых сочетаются все худшие черты, какие только может представить человечество, и многие из которых, обезьяны, их сородичи, покраснели бы". (Благородные умы, несомненно, протестовали против этих ужасных слов, обращенных к каторжникам, которые собирались искать свою судьбу в Австралии; но чего можно было ожидать от них, когда каждая злая страсть была вызвана и подкреплена подобными аргументами, которые, опять же, опирались на утверждения, выдаваемые за научные? Результат этих опытов в Австралии и Тасмании хорошо известен, и тем, кто хочет получить дополнительную информацию, достаточно обратиться к путешественникам всех стран, как к Дарвину, так и к Пти-Туарсу.

Утверждать сегодня, что австралийцы такие, какими их пытались доказать Бори де Сен-Венсан и антропологи той школы, значит отрицать неоспоримые факты, установленные путешественниками всех мастей. Эта раса проявила себя как абсолютный дикарь не больше, чем любая другая человеческая раса. Она организовала семью и разделила племя и народ на настоящие *кланы*, сведения о которых до сих пор сохранились. Австралийцы, более продвинутые в этом вопросе, чем таитяне, понимали, как делить землю между собой, и согласованные границы соблюдались религиозно, за исключением времени войны. Об их религиозных и моральных качествах я расскажу в другой раз. Здесь мы должны рассмотреть только их интеллектуальные качества, и я лишь добавлю, что эти дикари имели деревни с населением от 800 до 1000 человек, что они умели выдолбить каноэ и делали сети для охоты и рыбалки, которые иногда были 80 футов длиной и достаточно прочными, чтобы выдержать борьбу кенгуру.

Однако на это можно возразить, что все это не является развитым социальным состоянием. Согласитесь, но неужели австралийцы не способны, как об этом часто говорили и продолжают утверждать, подняться выше этого состояния?

Достаточно ознакомиться с трудами Доусона, который сделал из этих дикарей своего рода фермеров, Сальвадо, который нашел в них преданных и полезных работников, Блоссевилля, заявлявшего, что ему повезло, что он смог обратиться к ним, когда *золотая лихорадка* лишила его европейских рук, и мы убедимся в ошибочности утверждений о радикальной неспособности австралийцев. Наконец, если у нас все еще остаются сомнения, достаточно оглянуться на те племена, которые были заселены и *цивилизованы* Уильямом Бакли, дезертиром, и мы будем вынуждены признать, что способность поднимать себя над своим прошлым состоянием существует у австралийцев, как и у других человеческих популяций.

XIII. Есть две причины, которые склонны вводить нас в заблуждение, когда мы занимаемся вопросом оценки социального состояния рас.

Первая вытекает из того, как мы рассматриваем в целом население, к которому принадлежим. Будучи потомством образованных и цивилизованных классов, мы забываем о той части нации, которую мы оставили так далеко позади, которая, несомненно, извлекает выгоду из работы интеллигентных классов, но не следует за ними вовсе или очень мало на пути прогресса. В Европе нет ни одной страны, где бы не встречались факты,

оправдывающие то, что я кратко изложил здесь. Если бы Лаббок обратил больше внимания на окружающие его факты, он наверняка изменил бы многие выводы в своей книге.

Другая причина проистекает из нашей расовой гордости, из предрассудков нашего воспитания, которые совершенно не позволяют нам докопаться до сути дела и распознать крайние сходства, почти тождества, если они в наименьшей степени затушеваны малейшим различием форм или слов. Прошло немало времени, прежде чем было замечено сходство между организацией маори и древних шотландцев. И все же, если мы вычтем из антропофагии одного народа, а из другого - все то, что он заимствовал у соседних народов, мы будем вынуждены признать, что в период, когда Кук посетил новозеландцев, последние имели странное сходство с горцами Роб Роя и Мак Ивора. Что же касается *Детей тумана*, родственных другим шотландским кланам, то были ли они намного выше австралийских племен?

Таким образом, мы должны заключить, что цивилизация, с улучшениями и обучением всех видов, является исключительным фактом даже среди самого привилегированного народа, и что на их собственной территории были и остаются их дикарские представители. Добавим, что этот факт в разной степени проявляется среди желтых и черных племен. Наконец, размышляя над нашей прошлой историей, мы должны избегать отрицания способностей других рас, которые веками оставались скрытыми в наших предках, прежде чем они были развиты, и которые все еще находятся в том же состоянии в слишком многих наших соотечественниках и наших современниках.

XIV. В своей замечательной работе "Истоки цивилизации" сэр Джон Лаббок признает, что "первобытное состояние человека было состоянием *абсолютного варварства*". Но он не говорит, что подразумевает под этим выражением. Действительно ли существовали люди, веками жившие в состоянии, изображенном в китайских традициях, люди, не признающие никаких законов, лишенные промышленности, не знающие огня, бросающие своих мертвых без погребения, живущие на деревьях...? Есть все основания сомневаться в этом, ведь все установленные факты протестуют против такого вывода.

Везде, где удавалось хоть немного узнать о жизни диких племен, обнаруживалось, что они подчиняются законам, которые, хотя и не написаны, но все же неукоснительно соблюдаются. Этот факт провозглашает сам Лаббок. Правда, эти законы часто кажутся нам беззаконными или варварскими, но иногда даже в их суровости по отношению к некоторым слоям населения прослеживаются самые справедливые и достойные похвалы чувства. Мы не можем одобрить *австралийский кодекс* в части постановлений, которые делают из женщины жалкую рабыню; привилегии, которыми он наделяет вождей, возможно, чрезмерны; но как мы можем не поразиться, когда видим, что он предоставляет возрасту те же преимущества, что и рангу. Уважение к старости - черта в нравах спартанцев, вызывавшая восхищение афинян; мы вполне можем признать ее ценность у австралийцев.

Иногда упоминаются расы или народности, *живущие на деревьях*, такие как оранг-кубу, некоторые негры Новой Гвинеи и т.д. Их описывали как людей, устраивающих свои жилища на деревьях на манер обезьян. Эрл свел эти преувеличения к их истинному значению. Он показал, что на некоторых побережьях, окаймленных поясом мангровых зарослей, легче идти по тесным, переплетенным ветвям, чем пробираться по сети азральных корней, погружаясь в ил. Он несколько раз видел, как европейские моряки с мушкетами наперевес переходили через подобные болота в одиночку, точно так же, как и индейцы. Таким образом, мы видим, что для передвижения подобным образом вовсе не обязательно быть абсолютным дикарем и почти родственным обезьянам.

Тасманийцы, как хороший пример кочевого народа, который можно привести, строили только временные убежища, но при этом сжигали своих мертвых и возводили для них мавзолеи из веток и коры, которые были описаны и изображены Пероном. Я только что отметил, что у австралийцев были свои институты и свои отрасли промышленности. Несомненно, на Тасмании и в Австралии человек представлен с наименьшей степенью человеческого развития. И все же мы нигде не наблюдаем того *абсолютного варварства*, которое, по-видимому, признает ученый англичанин.

Как бы далеко мы ни забирались в прошлое, мы встретимся с подобными фактами. То немногое, что мы знаем о человеке третичного периода, говорит о том, что он владел огнем и искусством обтесывания кремня. У него уже есть свои производства, и только этот факт доказывает, что его образ жизни отличался от животного.

Иначе и быть не могло. Какими бы ни были причины, определившие появление человека на поверхности земного шара, он с самого начала всегда обладал своей особой природой. Он с самого начала обладал интеллектом и способностями, которые, хотя в то время и находились в дремотном состоянии, были готовы вступить в жизнь под воздействием необходимости. Чтобы добывать пищу и защищаться от внешнего мира, он мог прибегать только к ним, и малейшие проявления этих высших способностей с самого начала должны были провести демаркационную линию между ним и животным.

XV. Интеллект и способности человека проявились в тысяче способов, которые можно объединить под общим названием *отраслей*. Тихоокеанские или воинственные, относящиеся к отдельному человеку или ко всему населению, они очень часто различаются в разных расах, в разных народах, иногда почти в разных племенах. Следовательно, их количество можно рассматривать как множество *признаков*, по которым можно различать различные группы человеческого рода. Однако сразу станет ясно, что вопросы такого рода можно обсуждать только в подробной истории, и здесь я должен ограничиться изложением одного из тех общих фактов, которые сами по себе достаточны, чтобы отделить человека от животных.

У последних есть только физические потребности, которые они удовлетворяют настолько полно, насколько это возможно. Но, достигнув этой цели, они не идут дальше. Животное, когда оно предоставлено самому себе, не знает или почти не подозревает о лишнем. Поэтому его потребности всегда одинаковы.

Человек, напротив, независимо от того, идет ли речь о разуме или теле, всегда ищет лишнее, часто за счет полезности, иногда в ущерб необходимому. В результате его желания растут изо дня в день. Роскошь вечера становится необходимостью завтрашнего дня.

Этот факт в равной степени относится как к дикарям, так и к цивилизованным народам. Поэтому мы должны рассматривать его как одну из тех особенностей, которые заложены в самой природе существ. Если рассматривать человека с этой точки зрения, то его можно определить как *животное, требующее лишнего*, с таким же основанием, с каким его называют *разумным животным*.

Моралисты во все времена сурово порицали эту тенденцию и осуждали те ненасытные аппетиты, которые всегда требуют большего и того, чем они не обладают. Я не могу разделить эту точку зрения. Отнюдь не порицая в принципе то, что по сути своей является лишь *стремлением к лучшему*, я не могу не видеть в нем одно из самых благородных качеств человека. В действительности эта *способность* является одной из важнейших причин его величия. Когда люди однажды будут полностью удовлетворены и у них больше не останется

желаний, они остановятся, и *прогресс*, этот великий и священный закон человечества, также остановится.

В действительности, именно потребность в излишнем развила все наши отрасли промышленности, породила искусства и науки, без которых прекрасно существуют многие расы и нации, и даже среди нас самих целые народы. Поэтому мы должны, со всеми оговорками относительно неправильного применения, принять его, во-первых, как факт, во-вторых, как благо.

ГЛАВА XXXIV.

НРАВСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

I. Несмотря на все исключительное и возвышенное в интеллектуальных явлениях, проявляемых человеком, они, если рассматривать их как характер, не отличают нас от животных. Иначе обстоит дело с моральными и религиозными явлениями. Последние, как мы видели, принадлежат, по сути, к человеческому царству; они являются атрибутами нашего вида. Давайте рассмотрим их быстро и, в то же время, неизменно с этой точки зрения.

Строго ограничиваясь областью фактов и тщательно избегая территории философии и теологии, мы можем без колебаний утверждать, что нет ни одного человеческого общества или даже ассоциации, в которых идея *добра* и *зла* не была бы представлена определенными действиями, рассматриваемыми членами этого общества или ассоциации как морально *хорошие* или морально *плохие*. Даже среди разбойников и пиратов воровство рассматривается как проступок, иногда как преступление, и сурово наказывается, а предательство клеймится позором; факты, подмеченные Уоллесом среди курубаров и санталов, показывают, что сознание морального добра и истины предшествует *опыту* и не зависит от вопросов *пользы*.

Тем не менее, сэр Джон Лаббок в работе, с которой, несомненно, знакомы все мои читатели, утверждает, что моральное *чувство* отсутствует у дикарей. В поддержку этого мнения он приводит несколько расплывчатых и общих утверждений, касающихся, в частности, австралийцев, таитян, краснокожих и т. д. Утверждения выдающегося натуралиста так часто повторялись, что мне остается лишь рассмотреть их в нескольких словах.

Прежде всего, я мог бы привести множество цитат того же характера в противовес этим утверждениям. Я лишь напомним слова Уоллеса, говорящего о племенах, среди которых ему довелось жить. "Каждый человек, - говорит он, - неукоснительно соблюдает права своего соседа, и эти права нарушаются крайне редко". Можно ли допустить, что это *уважение* не основывается на чем-то аналогичном тому, что мы называем моралью. Более того, я сейчас покажу, что это действительно так.

Опять же, Лаббок, кажется, противоречит сам себе, когда указывает в своей книге на небольшое количество реальной свободы, которой пользуются дикари. Он правильно представляет их как рабов множества обычаев, имеющих значение законов, которые управляют всеми их действиями. Среди этих обычаев есть множество таких, которые противоречат самым естественным страстям, таким как инстинкт размножения, выбор пищи

и т. д. За нарушение этих законов следует наказание, зачастую ужасное. Разве не очевидно, что в основе большинства из них может лежать только более или менее отчетливая идея добра и зла?

Но эта идея похожа на математическую формулу. Результат решения общего уравнения меняется в зависимости от данных: и в зависимости от последних может быть представлен иногда знаком *плюс*, иногда знаком *минус*. Так и мораль меняется в своих проявлениях в силу бесчисленных обстоятельств, которые, опять же, проистекают из множества причин. Одни и те же поступки часто считаются хорошими, плохими или безразличными в соответствии с особой организацией, религией или традициями общества, в котором они произошли.

Эти поступки не перестают от этого принадлежать к способностям, присущим человеку; и, будь то сами по себе или в силу идей, с которыми они связаны в различных человеческих группах, они предоставляют *натуралисту характеры*, столь же истинные, как и те, что принадлежат интеллекту.

Это еще более очевидно, когда *институты* порождаются таким порядком фактов и идей. Иногда они имеют столь характерный вид, что на первый взгляд кажутся изолирующими народ или расу, и необходимо поразмыслить, чтобы обнаружить истинные отношения, объединяющие группу, с помощью которой эта особенность представляется другим народам и расам. *Табу* полинезийцев долгое время рассматривалось многими писателями как нечто совершенно особенное, в то время как в действительности мы встречаемся с *гражданским табу* в каждом европейском народе, а закон Моисея во всем является *кодексом табу*, основанным на религии.

Чтобы прийти к истине в этом исследовании, мы должны подойти к нему с совершенной беспристрастностью, со всей душевной свободой, которую зоолог привносит в изучение физических особенностей млекопитающих или птиц. Мы не должны судить о чужих народах - цивилизованных, варварских или диких - по нашим собственным фиксированным представлениям. Если мы будем поступать иначе, то лишь подвергнем себя риску ошибок и несправедливости. Кратковременное возвращение к нашему собственному случаю, к истории нашей расы и наших наиболее развитых популяций, часто бывает полезным для того, чтобы мы справедливо оценили моральные качества племен и народов, которые мы слишком любим представлять себе как занимающие положение гораздо ниже нашего собственного.

II. Применяя эту предосторожность и придерживаясь общих фактов, мы не можем не поразиться тому близкому сходству, которое нравственные проявления устанавливают между всеми людьми, как в добре, так и в зле; и, как ни печально это заключение, особенно, пожалуй, в последнем отношении. Например, часто упоминаются позорные развраты полинезийских ареоидов, отвратительные пороки некоторых американских народов. Но давайте не будем забывать об оргиях Греции и Рима, о некоторых притонах в наших собственных больших городах и об ужасных разоблачениях, которые время от времени происходят в полицейских судах наших самых гордых столиц.

По сути, белый человек, даже если он цивилизован, с моральной точки зрения едва ли лучше негра, и слишком часто своим поведением среди низших рас оправдывает аргумент, выдвинутый мальгашем против миссионера: "Ваши солдаты соблазняют всех наших женщин, вы приходите, чтобы отнять у нас землю, разграбить страну и вести против нас войну, и вы хотите навязать нам своего Бога, говоря, что Он запрещает грабежи, разбои и

войны! Идите, вы белые с одной стороны и черные с другой; и если бы мы переплыли реку, кайманы взяли бы не нас".

Такова критика *дикаря*; ниже приводится критика европейца, М. Роуза, который высказывает свое мнение о своих соотечественниках: "Люди просты и доверчивы, когда мы приезжаем, и вероломны, когда мы их покидаем. Когда-то трезвые, храбрые и честные, мы делаем их пьяницами, лентяями и, наконец, ворами. Прививая им наши пороки, мы используем эти самые пороки как аргумент для их уничтожения".

Какими бы суровыми ни казались эти выводы, они, к сожалению, верны, и история отношений европейцев с населением, с которым они столкнулись в Америке, на мысе и в Океании, оправдывает их слишком полно. Что касается Африки, то мне кажется, что двух слов - *торговля* и *рабство* - вполне достаточно, чтобы не позволить европейцу слишком громко хвастаться нравственностью своей расы.

Можно, однако, возразить, что эти преступления были совершены давным-давно и никогда не повторятся, что рабство в наших колониях было отменено, чтобы никогда больше не появиться. Ответ очень прост и, я уверен, будет подтвержден воспоминаниями не одного из моих читателей. В каждом случае это утверждение относится только к белым *арийцам*. *Семитские* белые сохранили рабство, и рассказы всех путешественников, особенно Барта, Ливингстона, Нахтигала и Швайнфурта, слишком ясно показывают нам, что оно все еще является ремеслом Центральной Африки. Но свободен ли сам *арийский белый* от всякой вины в этом вопросе? В качестве ответа на этот вопрос я ограничусь упоминанием некоторых фактов, которые произошли, так сказать, только на днях. Каким бы меланхоличным ни было это повествование, оно, по крайней мере, послужит доказательством того, что *дикарский элемент* все еще существует в самых *цивилизованных странах*. Я позаимствовал их у А. Х. Маркхэма, командира судна "*Росарио*", которое было послано английским правительством в плавание среди архипелагов Санта-Крус и Новые Гебриды с целью положить конец подобной практике. Истинность и точность этого свидетельства, которое было дано в 1873 году, к сожалению, неоспоримы.

Сорок лет назад торговля сандаловым деревом достигла такого развития, которое объясняется высокой ценностью, придаваемой этой древесине китайцами. Спекулянты снаряжали корабли и вырубали леса на Меланезийских островах. Туземцы, естественно, сопротивлялись этому разорению: им отвечала винтовка. В 1842 году экипажи двух английских судов высадились на острове Сэндвич, одном из самых роскошных в архипелаге Новые Гебриды. Островитяне, сопротивляясь уничтожению своих лесов, были атакованы белыми, которые убили двадцать шесть человек, а многих загнали в пещеру и душили дымом, пока не осталось ни одного.

Зверства, совершенные грабителями сандалового дерева, были превзойдены зверствами пиратов, посвятивших себя *рабочему движению*, или *торговле рабочей силой*, возникшей и возросшей вместе с хлопковыми плантациями, которые Гражданская война в США умножила в английских колониях, не только в Австралии, но даже на островах Фиджи и вплоть до некоторых Новых Гебридских островов.

Ощущая нехватку рабочих рук, капитану Таунсу пришла в голову идея прибегнуть к помощи коренных негров Южного моря, предложив им заработную плату. Предприятие увенчалось успехом, и вскоре у капитана появились подражатели. Первоначальный план заключался в том, чтобы нанять островитян на определенное время с пониманием того, что затем они должны быть отправлены домой. Но полученная таким образом значительная прибыль возбудила корыстолюбие, и *работоторговцы* стали похищать папуасов, чтобы переправить их

на плантации, где их ждало настоящее рабство. Эта *торговля* стала настолько обширной, что приобрела название, которое также было присвоено *похищению детей*. Оно называется "*похищение*" - выражение, которое было разрешено официальными документами.

Похитителям были доступны все средства, чтобы безвозмездно получить свой человеческий груз. Здесь я мог бы позаимствовать у Маркхэма множество ужасных подробностей, но приведу лишь одну. Бриг только что бросил якорь на небольшом расстоянии от побережья Флориды, одного из Соломоновых островов. Каное, наполненное туземцами, идущее рядом, было повреждено в результате маневра, по-видимому, случайного. Шлюпки были немедленно спущены на воду, чтобы оказать помощь потерпевшим кораблекрушение туземцам. Но зрители на скалах или в других каное увидели, как европейские моряки схватили несчастных и длинным ножом отрезали им головы на кильватере лодки. Сделав это, моряки возвращались на бриг, который тут же отплывал. Полученные таким образом головы предназначались для оплаты найма определенного количества рабочих. На многих меланезийских островах победоносный воин обезглавливает и уносит с собой голову поверженного врага, и уважение, которое он завоевывает, растет с увеличением количества этих трофеев в его владении. Теперь между некоторыми вождями и капитанами судов была достигнута договоренность, что последние должны добывать головы, а в обмен получать определенное количество живых людей, нанятых на один или два года.

Стоит ли говорить, что по истечении срока договора несчастные папуасы не возвращали себе свободу. В 1867 году, например, есть доказательства того, что из 382 островитян, которые должны были быть отправлены домой, только 78 было разрешено уехать.

Легко понять, что эти корабли, нагруженные несчастными существами, унесенными силой или хитростью, обязательно становились театром ужасных сцен. И здесь командир "*Росарио*" снова приводит множество фактов. Я лишь заимствую рассказ о том, что произошло на борту "*Карла*", поскольку история этого невольничьего судна, как мне кажется, представляет собой резюме всех жестокостей *похищения*.

Судно "*Карл*" вышло из Мельбурна в 1871 году с явным намерением нанять чернокожих рабочих. Вместе с ним под видом пассажира отправился некий доктор Джеймс Патрик Мюррей, который был заинтересован в этом предприятии и, похоже, играл роль лидера. Прибыв на Новые Гебриды, похитители, по-видимому, предприняли неэффективные попытки получить рабочих законным путем. Вскоре они прибегли к помощи других. На острове Палмер один из них переоделся в миссионера, надеясь таким образом привлечь на борт островитян, которые, к счастью, обнаружили ловушку. С этого момента работорговцы стали прибегать только к насилию. Они подплывали к каное, управляемым папуасами, и уничтожали или опрокидывали их, бросая в них несколько больших железных брусьев, которые используются в качестве балласта. Затем экипажи легко захватывались в плен.

Таким образом было собрано восемьдесят негров. Днем им разрешалось выходить на палубу, а вечером их загоняли в трюм. В ночь на 12 сентября пленники подняли шум. Их заставили замолчать, выстрелив над их головами из пистолета. На следующую ночь шум повторился, и для его прекращения были использованы те же средства. Но чернокожие принялись за работу, чтобы разбить походные кровати, и, вооружившись, напали на люк. Тогда вся команда, матросы и пассажиры, начала стрелять в толпу. Обстрел продолжался восемь часов. Она прекращалась, может быть, на несколько мгновений, но начиналась снова при малейшем шуме.

Наступил день, и все стихло; люки были широко открыты, и тех, кто мог, пригласили подняться наверх. Их было *пятеро*; все остальные были либо мертвы, либо ранены. Трупы были поспешно сброшены в море, а заодно и *шесть живых*, которые были тяжело ранены.

Можно ли найти среди дикарей более позорное *занятие*, чем похищение, более зверские поступки, чем те, в которых были виновны доктор Мюррей и его сообщники?

Поспешим отдать должное местным законодательным органам и английскому парламенту, которые издали суровые законы и правила для предотвращения и наказания преступлений, связанных с похищением людей. К сожалению, колонисты, более или менее заинтересованные в приобретении рабочей силы по дешевке, проявляют необычайную снисходительность к тем, чей бизнес заключается в предоставлении им *кули*. Некоторые офицеры английского флота научились этому на собственном опыте. Капитан Монтгомери, командир корабля "*Бланш*", захватил и отправил в Сидней шхуну "*Челлендж*" в качестве невольничьего судна. Было доказано, что дважды "*Челлендж*" заключал в своем трюме негров, которых обманом заманили на судно; что двое из них под угрозой насилия были доставлены на Фиджи; что остальные были освобождены только потому, что в отчаянии принялись за работу по заделыванию течи в борту судна топором; и, наконец, что эти несчастные были вынуждены плыть обратно на свой остров, от которого "*Челлендж*" уже находился на расстоянии около $6\frac{3}{4}$ мили. Несмотря на эти серьезные факты, "*Челлендж*" был оправдан. С другой стороны, капитан Монтгомери был приговорен к выплате 900 фунтов стерлингов ущерба и процентов владельцам судна.

III. Если нам легко обнаружить среди себя злые поступки дикарей, то, к счастью, легко указать среди этих людей, которых мы так готовы обвинять и презирать, на чувства, на которых основаны наши собственные общества, на добро, которое в целом преобладает в них, и на добродетели, которые мы больше всего чтим. Мои читатели, однако, поймут, что я не могу здесь вдаваться в подробности, несовместимые с характером этой работы. Мы должны ограничиться беглым взглядом на мнения, которых придерживаются люди в целом о *собственности, уважении к человеческой жизни и самоуважении*, и сравнить то, что путешественники рассказали нам о некоторых из самых низких рас, с тем, что мы знаем о наших собственных и о себе.

Говоря о некоторых расах и народах, часто утверждают, что у них нет понятия о собственности. Те, кто изучит этот вопрос немного ближе, увидят, что это ошибка. Среди племен воинов, охотников или рыболовов, какое бы низкое положение они ни занимали в шкале человечества, оружие и инструменты рассматриваются как личная собственность, и свидетельства путешественников, которые мало интересовались этим вопросом, весьма однозначны в этом вопросе. В парижском музее хранится бумеранг, на котором грубо вырезаны какие-то знаки. Мсье Тозе, даритель, показывал его по какому-то случаю австралийцу, живущему по соседству, и тот сразу же понял по знакам, кому он принадлежал. Но есть и другая форма, которую принимает собственность среди диких или варварских народов. Если речь идет о земле, то часто оказывается, что она находится под юрисдикцией клана, племени или народа. *Охотничьи угодья* краснокожих встречаются во всех местах, где цивилизация остановилась на том уровне, который они представляли собой в эпоху своего открытия. Этот вид собственности существует в Новой Голландии среди народов, которые некоторые считают *выродившимися обезьянами*, и право, которое им управляет, настолько жесткое, что австралиец никогда не заходит на территорию соседнего племени без специального разрешения. Поступить иначе равносильно объявлению войны. Наши общие земли и ежегодные конфликты, которые происходили раньше и, возможно, происходят до сих пор, несмотря на официальные соглашения, между французскими и испанскими

пастухами, дадут некоторое представление о таком положении вещей. Среди некоторых австралийских племен территориальная собственность еще более разделена и определена; у каждой семьи есть свои охотничьи угодья, которые наследуют сыновья, исключая дочерей.

Среди самых диких народов, когда нам удастся получить точные сведения об их нравах, мы обнаруживаем, что воровство рассматривается как нечто дурное и наказывается. Среди австралийцев браконьерство карается смертью.

Но воровство является преступлением только тогда, когда оно совершается при определенных обстоятельствах. При других обстоятельствах она, напротив, считается достойной. Лишить врага его лошадей или скота - похвальный акт хитрости. Это уже не воровство, а враждебный акт. Для дикаря чужак - почти всегда враг. Так обстоит дело у многих арийских и семитских народов. Разве не так было у классических народов, от которых мы ведем свою цивилизацию?

Нет ничего более обычного, чем слышать, как путешественники обвиняют целые расы в неисправимой склонности к воровству. В этом упрекают, в частности, островное население Южных морей. Эти люди, как возмущенно утверждается, воровали даже гвозди для кораблей! Но эти гвозди были *железными*, а на этих островах, лишенных металла, немного железа с полным основанием считалось сокровищем. Теперь я спрошу любого из моих читателей: если предположить, что корабль с *обшивкой* и *болтами* из золота, а гвоздями из алмазов и рубинов зайдет в любой европейский порт, будет ли его обшивка или гвозди в безопасности? И не найдется ли множество людей, готовых рассуждать подобно неграм, которые не гнушаются грабить белых? "Ты такой богатый", - говорят они, когда их упрекают в подобном проступке.

Однако те же самые негры очень уважают собственность между собой. Воровство у них встречается не чаще, чем у нас, европейцев, и вор на побережье Гвинеи наказывается точно так же, как и в Европе.

Возможно, к идее собственности следует отнести и то, как прелюбодеяние рассматривается у некоторых народов. В странах, где женщину можно купить, это, очевидно, является нарушением прав собственника. Тем не менее, даже среди самых диких племен можно доказать более возвышенное чувство, связанное с моральными или социальными идеями, как мы их понимаем, и часто самым ясным образом. Тяжесть наказания, постигшего преступника, едва ли позволяет сомневаться в том, что это так. Австралиец, не испорченный близостью белых и бренди, никогда не простит того, кто разрушил чистоту его жены, и убьет его при первом же случае. У готтентотов наказанием за прелюбодеяние снова является смерть. У негров Золотого Берега принято, чтобы виновный, как правило, договаривался с пострадавшей стороной, если речь идет о женщине третьего порядка, которая является просто наложницей. Но если речь идет о *великой жене* или *жене-фетише*, то для возмездия достаточно смерти или, по крайней мере, разорения виновного.

И все же негритянки - не Пенелопы. Я ни на минуту не думаю оспаривать единодушное свидетельство путешественников на этот счет, а мужа, как мы только что отметили, не всегда ссылаются на строгость местного кодекса. Что мы можем с полным правом заключить из этого факта? Только то, что обычаи и законы этих рас расходятся. Но разве не так же часто происходит и между нами. Разве прелюбодеяние безнаказанно практикуется только среди негров? А покладистые мужа существуют только среди австралийцев?

IV. Уважение к человеческой жизни является всеобщим. Убийца везде наказывается. Но среди нас убийство предполагает определенные условия. Вопреки закону, тот, кто убивает своего противника на честной дуэли, никем не считается убийцей; тот, кто убивает или становится причиной смерти большого числа врагов в сражении, - герой.

Для дикаря формула еще более эластична. Как я только что отметил, он почти во всех случаях рассматривает незнакомца как врага, и убить его - не преступление, а зачастую почетное звание. Более того, среди большинства диких или варварских народов кровь требует крови, и для того, чтобы месть была полной, не обязательно, чтобы истинный виновник был пойман. Каждый представитель одной семьи, племени или нации *может и должен* заплатить за свое преступление, если представится случай. Когда Такури *вероломно* расправился с капитаном Марион дю Френ и шестнадцатью его матросами, он лишь подчинился законам своей страны. Он мстил за своего родственника Наги Нуи, *вероломно* убитого три года назад Сюрвилем, который хотел наказать его за кражу каноэ. Таким образом, многие европейцы стали жертвами злодеяний своих соотечественников, а некоторые народы приобрели незаслуженную репутацию свирепых.

Но давайте вспомним, что шотландцы и корсиканцы в своей вендетте почти не отличались друг от друга. У них, как и у краснокожих, маори и фиджийцев, кровь каждого члена семьи или клана могла искупить кровь, пролитую другим. Кроме того, то, что мы сегодня называем *преднамеренным убийством*, европеец считал актом трусости или измены не больше, чем дикарь. Вспомним, что в Средние века вожди, занимавшие самые высокие посты в европейском обществе, без колебаний действовали подобным образом; вспомним, что командиры наших кораблей, наказывая дикарей за какое-нибудь нападение, бомбардируют и сжигают первые попавшиеся деревни без всякого стеснения, хотя могут быть почти уверены, что за виновных заплатят многие невинные; и, возможно, мы будем менее суровы.

Что касается неуважения к человеческой жизни, то белая европейская раса не может упрекнуть самых варваров. Давайте оглянемся на нашу собственную историю и вспомним некоторые из этих войн, эти страницы, написанные кровавыми буквами в наших собственных анналах. Не будем, прежде всего, забывать о нашем поведении по отношению к братьям нашим меньшим; о депопуляции, которой отмечен каждый шаг по миру; о резне, совершаемой хладнокровно и часто ради развлечения; об охоте на людей, организованной по примеру охоты на оленей; об истреблении всего населения, чтобы освободить место для европейских колоний, и мы будем вынуждены признать, что если уважение к человеческой жизни является моральным и универсальным законом, то ни одна раса не нарушала его чаще или более ужасным образом, чем наша собственная.

V. Скромность и чувство чести, несомненно, являются двумя главными проявлениями самоуважения. Ни одно, ни другое не является недостатком среди диких народов. Но первое, в особенности, часто проявляется в обычаях и практиках, широко противоположных нашим, или не имеющих с ними никакого сходства. Это породило множество заблуждений, как, например, то, что среди некоторых полинезийцев считается утонченной нескромной чувственностью, которая, по их мнению, является лишь актом элементарной скромности.

Я мог бы привести множество примеров такого рода, но для чего? Разве не то же самое происходит в вопросах вежливости? Мы встаем и обнажаем голову перед незнакомцем или начальником; в аналогичном случае турок остается покрытым, а полинезиец садится. Хотя они так сильно отличаются по форме, разве они не вдохновлены одними и теми же чувствами? Разве способность, с помощью которой они приводятся в действие, не одна и та же?

Так же обстоит дело и с чувством чести. Однако здесь, как ни в каком другом случае, мы встречаемся с представлениями, удивительно совпадающими с нашими собственными. История диких народов изобилует чертами воинственного героизма, и нет ничего более обычного, чем видеть, как дикари предпочитают пытки и смерть позору. Алгонкины и ирокезы вызывают своих палачей, чтобы те изобрели новые пытки. Вождь кафиров просит в качестве милости бросить его на съедение крокодилам, чем потерять перо, которое для него олицетворяет эполет, и служить простым солдатом после того, как он стал офицером. Поединок австралийцев более логичен, чем наш, и всегда серьезен.

То, что мы называем рыцарским великодушием, говоря о европейцах, отнюдь не присуще дикарям. В боях на Таити несколько офицеров были обязаны жизнью этому чувству. После заключения мира адмирал Бруат спросил таитянского вождя, под огнем которого он находился в течение часа, пока купался, почему он не выстрелил: "Я был бы опозорен в глазах своего народа, если бы убил такого вождя, как ты, голым и врасплох", - ответил дикарь. Мог ли самый цивилизованный человек поступить или сказать лучше?

Мы могли бы привести различные поступки краснокожих и австралийцев, вызванные подобными чувствами.

VI. В заключение следует сказать, что если печально признавать *моральное зло* в расах и нациях, доведших социальную цивилизацию до высшей степени совершенства, то утешительно признавать *добро* в самых отсталых племенах и находить его там в наиболее возвышенной и утонченной форме. Фундаментальная идентичность человеческой природы нигде не проявляется в более яркой форме.

Следует ли из этого утверждения, что все человеческие группы находятся на одном и том же моральном уровне? Ни в коем случае. С этой, как и с интеллектуальной точки зрения, они могут занимать более высокое или более низкое положение на шкале, но ни одна из них не опускается до нуля. Именно это моральное неравенство имеет для антрополога интерес одновременно научный и практический. Само развитие этой способности, поступки, на которые она вдохновляет, институты, основой которых она является, представляют достаточно большие различия, чтобы можно было обнаружить характеры в этом порядке фактов.

ГЛАВА XXXV.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

I. Если научная беспристрастность и спокойное суждение необходимы при изучении моральных явлений, то они гораздо более незаменимы, когда нам приходится учитывать факты, зависящие от религиозного чувства. К сожалению, это условие выполняется слишком редко. Страсть, с прискорбной легкостью, вовлекается в любой вопрос, напоминающий религиозный. Многие другие причины, которые легко упомянуть, присоединяются к страсти, чтобы сбить нас с пути, и нетрудно объяснить, как под этими несколькими влияниями стало возможным честно игнорировать проявления религии в более или менее важных подразделениях человечества.

Наиболее частая причина ошибки, на которую я считаю себя обязанным обратить внимание, кроется в высоком мнении европейца о себе, в привычном презрении, которое является наиболее яркой чертой его отношения к другим народам, и особенно к тем, к которым он с большим или меньшим основанием относится как к варварам или дикарям. Например, путешественник, который, как правило, очень плохо говорит на языке страны, расспрашивает нескольких человек по деликатным вопросам о божестве, будущей жизни и т. д., и его собеседники, не понимая его, делают несколько знаков сомнения или отрицания, которые не имеют никакого отношения к заданным вопросам. Европейец, в свою очередь, заблуждается относительно их смысла. Вначале сочтя их просто существами самого низкого типа, неспособными ни на какие представления, пусть даже самые незначительные, он без колебаний делает вывод, что эти народы не имеют представления ни о Боге, ни о другой жизни; и его утверждение, вскоре повторенное, сразу же принимается за истину читателями, разделяющими его мнение о народах, не знакомых с нашей цивилизацией. История путешествий предоставит нам множество примеров этого факта. О кафирах, готтентотах и т. д. часто говорили как об атеистах, хотя теперь мы знаем, что это отнюдь не так.

Более того, если путешественник с легкостью говорит на языке страны, он все равно может впасть в заблуждение. Религиозная вера является частью самых потаенных глубин нашей природы; дикарь не захочет обнажить свое сердце перед чужаком, которого он боится, чье превосходство он чувствует, и которого он часто видел готовым игнорировать или высмеивать то, что он всегда считал наиболее достойным почитания. Трудности, с которыми парижанин сталкивается во Франции при понимании суеверий баскского моряка или крестьянина из Бас-Бретона, должны заставить его оценить те, которые он обнаружит при объяснении аналогичных вопросов в связи с кафирами или австралийцами. Кэмпбелл с большим трудом добился от Макума признания того, что босхесман признает существование бога-мужчины и бога-женщины, добра и зла. Он оставил многие другие и гораздо более важные открытия, которые должны были сделать ММ. Арбуссе и Даума. Уоллис, после месячной близости с таитянами, заявил, что у них нет никакой формы культа, хотя он, так сказать, входит в их самые банальные действия. Он не видел ничего, кроме кладбища в Мораи, этих почитаемых храмов, где ни одна женщина не может даже прикоснуться к священной земле.

Живая вера миссионера, опять же, часто становится причиной ошибок. К какой бы христианской общине он ни принадлежал, он, как правило, прибывает в среду людей, которых хочет обратить, с ненавистью к их предметам веры, которые кажутся ему делами дьявола. Слишком часто он не стремится ни объяснить их, ни даже познакомиться с ними; его единственная цель - уничтожить их. Я мог бы упомянуть здесь одного из этих слишком ревностных апостолов, который не видит в браминской религии ничего, кроме крайнего варварства, соединенного с крайним абсурдом. Понятно, что гораздо более примитивная вера кафира или австралийца не может быть *религией* по мнению такого судьи, как этот. Он высказывает и публикует свои идеи, и к списку атеистического населения добавляется еще одно имя.

К счастью, среди светских европейцев есть те, кто, постоянно проживая среди этого населения, посвящается в его обычаи и нравы, чтобы понять их и проникнуть в тайны, которые другие бы обошли стороной из-за оскорбительных или любопытных форм. Среди миссионеров есть и такие, кто, будучи более снисходительными, поскольку они более просвещены, могут распознать религиозную концепцию, какой бы слабой она ни была, или как бы она ни была преобразована. Мало-помалу свет появился, и в результате австралийцы,

меланезийцы, босжесманы, готтентоты, кафиры и бечуаны, в свою очередь, были исключены из списка атеистических народов и признаны *религиозными*.

II. Можно ли отрицать справедливость этого вывода? Может ли кто-нибудь отказать этим народам в религии, правильно названной религией, признать истинными божествами существ, которые получают дань привязанности или ужаса, почтение и молитвы со стороны населения, которое либо боится, либо верит в них? Это возможно. И здесь наша европейская гордыня, как мне кажется, часто приводит к ложным выводам. Верующие или неверующие, вольнодумцы или ревностные христиане, ученые и философы слишком сильно поддались влиянию идеи Божества, как ее представляют себе наши наиболее культурные слои. Часто, когда эта идея хотя бы немного деградирует или изменяется, они больше не признают ее существования; когда выводы, сделанные на ее основе о происхождении, природе и судьбе человека или вселенной, хоть немного отличаются от тех, которые они признают сами или привыкли слышать, они отказываются называть их *религией*.

Я могу только объяснить таким образом суждение, вынесенное о весьма значительной части человечества рядом савантов и выдающихся мыслителей, среди которых мы должны считать прославленного востоковеда Бурнуфа. По его мнению, буддизм - это истинный атеизм. В работе, которая пользуется заслуженным успехом, месье Бартеlemi Сент-Илер поддержал эту точку зрения с неоспоримым талантом и образованностью. Более того, он поставил на один уровень с буддийскими верованиями, а возможно, даже ниже их, те, которые предшествовали им у монголов, китайцев и японцев. Таким образом, по мнению этого выдающегося писателя, почти все представители желтой расы, то есть гораздо больше трети человечества, являются *атеистами*.

Но, формулируя этот вывод, ученый автор "*Будды*" руководствовался главным образом собственным разумом и представлениями. "Буддисты, - говорит он, - могут без всякой несправедливости считаться атеистами. Я не имею в виду, что они исповедуют атеизм, что они превозносят свое недоверие с тем хвастовством, которое можно привести не один пример среди нас; я только имею в виду, что эти народы не смогли подняться в своих самых благородных мыслях до концепции Бога".

В этих нескольких строках ясно видна идея книги и причина разногласий, разделяющих меня и мсье Бартеlemi Сент-Илера. Буддисты, которые везде отводят место *богам* в своих легендах, которые везде воздвигают храмы, посвященные этим божествам, которые боятся и поклоняются им, которые сделали молитву институтом, которые признают догмат о будущей жизни и о вознаграждении, не сформировали той идеи *Бога*, которой мы все более или менее достигли; поэтому они атеисты. Таково, очевидно, предубеждение, под влиянием которого была написана эта работа, которую, однако, должны прочитать все, кто желает получить правильные впечатления относительно некоторых серьезных вопросов, столь горячо оспариваемых в настоящее время.

Ученый, считающий буддизм атеизмом, с еще большим основанием дал бы такую же оценку древним верованиям Японии, Китая и Монголии. Тем не менее, и в этом случае существовала вера в многочисленные божества, всегда подчиненные одному верховному, несотворенному и творящему Богу. В Японии, по словам Зибольта, насчитывалось не менее семи небесных богов и восемь миллионов kami, или духов, из которых 492 были высшими богами. Низшие kami, числом 2640, были обожествленными людьми. В Китае целью реформ Лао-цзеу и Кхун-цзеу было, отчасти, уничтожение идолопоклонства, а идолопоклонство - это не атеизм. Население Северной и Центральной Азии почти во всех случаях обвинялось путешественниками прежде всего в суеверии, а не в атеизме. У них тоже есть свои идолы.

Аналогичная ситуация наблюдается со всеми северными народами. На священном острове Вайгац, расположенном недалеко от одноименного пролива, миссионеры в 1827 году сожгли 420 изображений, собранных только на мысе Хайе-Сале. На всей этой огромной территории жители верили или до сих пор верят в *духов*, обитающих в скалах, деревьях, горах или небесных телах, и оказывали им заинтересованное почтение.

Однако все же существовала всеобщая вера в *Верховного Бога*, который создал этих самых духов и был Хранителем всего живого. У саамов и самодийцев в этом вопросе были или до сих пор есть те же представления, что и у древних китайцев. Их *Джубмель* и *Нум* в точности соответствуют *Чанг-ти* самого Кхунг-Цеу, а народные идиомы показывают, что они считают его первым подателем всех благ. В языке самодийцев часто встречаются выражения "*нум тад*" (пусть Нум даст) и "*нум арка*" (спасибо Нуму). Эта вера в верховного бога и второстепенных духов, огромное количество, но все же представляющих собой некую иерархию, является очень древней в Китае, поскольку мы находим императора Чуня за 2225 лет до нашей эры "приносящим жертвы Верховному Владыке Неба и совершающим обычные церемонии шести великим духам, как те, что обычно приносятся горам, потокам и духам вообще".

Обладая подобными убеждениями, подтвержденными и санкционированными публичными актами, можно ли считать их атеистами? Если да, то мы должны, по крайней мере, признать, что это совсем иной атеизм, чем тот, который исповедовали и продолжают исповедовать некоторые европейские философские школы.

III. Я мог бы сделать аналогичные замечания по поводу мнений, опубликованных сэром Джоном Лаббоком в двух работах, которые принесли ему в антропологии репутацию, равную той, которой он уже пользовался как натуралист. "Трудно, - говорит он, - предположить, что дикари, настолько грубые, что не могут сосчитать свои пальцы, должны были приобрести интеллектуальные представления, достаточно развитые, чтобы обладать системой верований, достойной названия религии".

Если оставить в стороне то, что автор говорит здесь о нумерации, которая, как мне кажется, основывается на ложной предпосылке, то разве эти слова "достойные названия религии" не показывают нам, что, подобно М. Б. Сент-Илеру, сэр Джон Лаббок принимает свои собственные представления в религиозных вопросах за критерий представлений дикарей?

По мнению сэра Джона Лаббока, атеизм - это не "отрицание существования Бога, а отсутствие определенных идей по этому поводу". Здесь, как и месье Бартеlemi Сент-Илер, английский ученый придает слову "*атеизм*" совершенно иной смысл, чем тот, который он вкладывал в него до сих пор. Более того, он цитирует в других местах без комментариев несколько отрывков, смысл которых явно подразумевает отрицание всякой божественности, а иногда и сам использует выражения, которые, кажется, доказывают, что таково его убеждение, по крайней мере в отношении некоторых дикарей. Таким образом, свидетельства, которые он использует, и его собственные слова часто используются в поддержку мнения, которое отрицает любую религию для определенных групп людей.

Кроме того, выбор цитат, о которых идет речь, кажется мне серьезным возражением. Когда авторам, против которых я сейчас спорю, приходится выбирать между двумя свидетельствами, одно из которых подтверждает, а другое отрицает существование религиозной веры в той или иной популяции, они всегда считают, что следует принять

именно последнее. Чаще всего они даже не упоминают о противоположных свидетельствах, какими бы определенными и достоверными они ни были.

Очевидно, что гораздо *легче не видеть*, чем *обнаружить* то, что во многих отношениях может оказаться не приметным наших глаз. Когда путешественник заявляет, что он доказал существование религиозных чувств у населения, которое, по мнению других, было лишено их, когда он приводит точные данные по такому деликатному вопросу, он, несомненно, имеет, по крайней мере, вероятность в свою пользу. Я не вижу ничего, что могло бы оправдать этот отказ от *положительных доказательств* и безоговорочное принятие *отрицательных*. Однако так происходит слишком часто.

Я мог бы обосновать это обвинение, взяв один за другим почти все примеры так называемых атеистических популяций, на которые указывают разные авторы. Я ограничусь лишь некоторыми наиболее яркими.

В отношении американцев приводится цитата Робертсона, который утверждает, что в Америке было обнаружено несколько племен, не имеющих представления о Высшем Существе и не совершающих религиозных обрядов. Не упоминается информация, за которую мы обязаны д'Орбини, хотя она очень точная. Автор *l'Homme Américain* заслуживает этого пренебрежения тем меньше, что он прямо противоречит мнениям, высказанным по этому вопросу несколькими писателями и самим Робертсоном. "Хотя некоторые авторы, - говорит он, - отрицают всякую религию у некоторых американцев, по нашему мнению, очевидно, что все народы, даже самые варварские, обладали ею в той или иной степени". Д'Орбини развивает это мнение, подробно описывая догмы, принятые всеми расами Южной Америки, и доказывает, что все они верили в другую жизнь, о чем свидетельствуют их погребальные обряды. Разве это не важнее, чем простое отрицательное утверждение, позаимствованное у путешественника?

Можно возразить, что д'Орбини говорил только о племенах Южной Америки и что атеистическое население следует искать в северной части этого континента. Калифорнийцы, действительно, цитируются по авторитету П. Бегерта, как не имеющие ни правительства, ни религии, ни идолов, ни храмов, ни формы поклонения. Но ничего не говорится о фактах, подмеченных М. де Мофрасом, которые прямо противоречат этому утверждению. Калифорнийцы, рассказывает этот путешественник, верят в высшего Бога. "У этого Бога не было ни отца, ни матери. Его происхождение совершенно неизвестно; они верят, что Он вездесущ; что Он видит все, даже в середине самой темной ночи; что Он невидим для всех глаз; что Он - Друг добрых и наказывает злых". Калифорнийцы строят овальные *храмы*, или, скорее, *часовни*, диаметром от 10 до 12 футов, которые считаются убежищем даже в случае убийства. Очевидно, что калифорнийцев следует вычеркнуть из списка атеистического населения, поскольку представление, которое они сформировали о своем высшем Боге, напротив, является удивительно возвышенным. В этом отношении эти бедные дикари значительно превзошли греков и римлян.

Калифорнийцы относятся к тем человеческим племенам, которые занимают наименьшее положение в социальной шкале; но есть и такие, которые, как считается, стоят гораздо ниже их, например, минкопы. Некоторые авторы, придерживаясь идей Муата, считают их атеистами. Они не упоминают свидетельства майора Майкла Саймса и мистера Дэя. Первый рассказывает о сведениях, полученных им от капитана Стоккера, который несколько лет прожил среди этих островитян; второй - о том, что он видел. Из их совместных свидетельств следует, что минкопы поклоняются солнцу как первоисточнику всех благ; луне - как второстепенной силе; джиннам лесов, рек и гор - как агентам первых божеств. Они верят, что

злобный дух вызывает бури, и иногда пытаются утихомирить его песнями, иногда угрожают ему стрелами. Минкопи верят в другую жизнь и поддерживают огонь под платформой, на которой лежит труп вождя, чтобы умиротворить его *могущественный дух*.

Свидетельство Ле Вайяна принимается в отношении отсутствия всякой религии у хоттентотов. Не принимается во внимание противоположное мнение Колбена, точность и истинность которого, хотя раньше и вызывали сомнения, теперь поставлены под сомнение исследованием, начатым Валькенаером. Более того, Колбен лишь подтвердил утверждения своих предшественников Саара, Тахарда и Боевинга. Его преимущество в том, что он изучал аборигенов до того, как они были покорены и рассеяны европейцами. Колбен рассказывает, что хоттентоты верили в Бога, создателя всего сущего, не причиняющего никому вреда и живущего за пределами Луны. Они называли его *Гоунья Тиккуа*, то есть Бог богов. Они также признавали злое божество, которое называли *Тукуа*. Луна, по их мнению, была низшим гунджа. Кроме того, они верили в другую жизнь, так как боялись призраков, и оказывали своеобразное поклонение своим великим людям, посвящая им поля, горы или реки, которым они мимоходом оказывали знаки уважения. Эти подробности, рассказанные старым прусским путешественником, совпадают с теми, которые Кэмпбелл получил из уст вождя хоттентотов.

Берчелл, как утверждается, не смог обнаружить у бачапинских кафиров никакой религии. Тем не менее, и Лаббок допускает это в другом месте, мы находим в записях этого путешественника, что бачапинцы верят в злобное существо по имени *Мулимо*, которому они приписывают все неприятное, что с ними случается. Чтобы защититься от него, они покрывают себя амулетами и придерживаются многих других суеверий. Очевидно, что Бурчелл не был знаком со всем, во что верят бачапины, либо потому, что не придавал большого значения исследованию, либо потому, что ему помешали трудности, о которых упоминал Колбен и на которые я указывал выше.

Таким образом, бачапинцы верят в высшее, но злое существо, в некое *подобие дьявола*. Было бы очень необычно, если бы они не верили в некое *подобие Бога*. Швайнфурт считает, что обнаружил нечто подобное у бонго; но сам он несколько раз настаивает на том, что в подобных вопросах трудно определить, во что именно верить. Допустим, однако, что в случае с этими неграми, как и в случае с бачапинами, это может быть правдой. Мы можем только рассматривать это как случайное и локальное явление, но никак не как расовый признак. К неграм я вернусь позже, а сейчас добавлю лишь несколько слов о бачапинах.

Это население - лишь часть расы бечуанов-кафиров. Теперь, благодаря Ливингстону, М. Казалису и другим, у нас есть сведения о религиозных верованиях этих племен в целом, очень подробные и неоспоримо достоверные. У басуто есть свои легенды, космогония и рудиментарная мифология. Они признают существование существа, *разрушающего громом*, дают ему имя *Морена*, буквально, *Разумное Существо, которое находится выше*; у них также есть *Молимос*, своего рода домашние боги, которым они возносят молитвы и приносят жертвы, и в честь которых они очищают себя; они верят в другую жизнь, в другой мир, расположенный в центре земли, который они называют *бездной, которая никогда не заполняется*. Бечуаны так сильно верят в призраков, что свирепый Динган не смеет выйти вечером на улицу, боясь встретить призрак Чаки, которого он убил.

IV. Результат моих исследований прямо противоположен тому, к которому пришли сэр Джон Лаббок и мсье Сент-Илер. Будучи обязанным в рамках своего курса обучения рассмотреть все человеческие расы, я искал атеизм как в низших, так и в высших. Я нигде не встретил его, кроме как у отдельных людей или в более или менее ограниченных школах, подобных тем,

которые существовали в Европе в прошлом веке или которые можно наблюдать и в настоящее время.

Может ли быть так, что аналогичные факты имели место в других местах и что некоторые американские племена, некоторые полинезийцы или меланезийцы, некоторые орды бедуинов полностью утратили представление о божественной и иной жизни? Конечно, возможно, что это так. Но бок о бок с этими племенами живут другие племена, другие популяции, *точно такой же расы*, которые все еще обладают религиозной верой. Именно таков результат примеров, приведенных Лаббоком.

В этом и заключается великий смысл. Мы нигде не встречаемся с атеизмом, кроме как в *неустойчивом состоянии*. В любом месте и во все времена масса населения избегала его; мы нигде не находим ни большой человеческой расы, ни даже подразделения, пусть даже незначительного, исповедующего атеизм.

Таков результат исследования, которое я с полным основанием могу назвать добросовестным и которое началось еще до того, как я занял должность профессора антропологии. Правда, в этих исследованиях я исходил и формировал свои выводы не как мыслитель, верующий или философ, которые все в большей или меньшей степени находятся под влиянием идеала, который они принимают или против которого выступают, а исключительно как *натуралист*, чьей главной целью является поиск и констатация *фактов*.

В научном изучении религий мы должны избегать поведения физиолога, который, экспериментируя только с позвоночными, отказывался признавать характерные функции животной жизни у низших животных, потому что в этих случаях они были более простыми и непонятными. Здесь, возможно, больше, чем где-либо еще, мы должны подражать современным натуралистам, которые проследили фундаментальные функции даже у самых низших моллюсков и зоофитов, где часто отсутствует всякая специальная организация.

Физиолог не отрицает существование явления, потому что оно происходит в другом месте и другими методами, нежели те, к которым он привык. Почти у всех животных, вплоть до самых низших, химификация происходит во внутренних частях тела. У физалий тот же физиологический акт осуществляется снаружи, с помощью многочисленных придатков, которые служат и руками, и ртом этим необычным зоофитам. Несмотря на странность процесса, функция не исчезла и не изменила своей природы в глазах научного человека.

Натуралист, изучающий историю человека, то есть антрополог, не должен ни действовать, ни судить иначе. Какой бы простой или неполной, какой бы наивной и детской, какой бы абсурдной она ни была, вера не должна потерять в его глазах свой характер, если она имеет хоть какое-то отношение к тому элементу, который является общим и существенным для всех религий.

Итак, каковы бы ни были догмы и доктрины последних, мы можем принять в качестве общей формулы, охватывающей их все, два следующих пункта: веру в существа, превосходящие человека и способные оказывать доброе или злое влияние на его судьбу; и убеждение, что существование человека не ограничивается настоящей жизнью, но что для него остается будущее за могилой.

Каждый народ, каждый человек, веря в эти две вещи, *религиозен*, и наблюдение с каждым днем все яснее показывает универсальность этого характера.

Как интеллект и нравственность, религиозное чувство имеет, кроме того, несколько степеней и проявлений. Поиск этих проявлений, определение их характера и интенсивности в различных человеческих группах должно стать задачей антрополога. Чтобы быть верным современному методу, он не должен пренебрегать ничем. Иногда самая рудиментарная религия будет представлять для него больший интерес, чем полностью развитая, потому что она более четко раскрывает первичные религиозные элементы. В их прогрессивном развитии, в гармонии или диссонансе, существующем между этим развитием и развитием интеллекта или морали, он найдет множество характерных черт, пригодных для различения рас, а иногда и их подразделений.

V. Точка зрения, занятая натуралистом, в некоторых отношениях отличается от той, которую до сих пор принимали многие выдающиеся люди, пытавшиеся создать *науку о религиях*. Даже мсье Эмиль Бурнуф, который так четко охарактеризовал эту новую науку, который так замечательно показал, в чем ее отличие от теологии, который так справедливо настаивал на необходимости расширить область исследований такого рода и больше не ограничиваться верованиями древних и современных европейцев, как мне кажется, поддался предрассудкам, которым он противостоит.

По сути, этот автор делит религии на *великие* и *малые*. К первым, по его мнению, относятся: христианство, иудаизм, магометанство, брахманизм и буддизм. Только им он уделяет свое внимание, оставляя все остальные на втором плане. М. Бурнуф может, правда, рассуждать, исходя из относительного числа приверженцев.

На самом деле, согласно последним исследованиям М. Хюбнера, общая религиозная статистика земного шара выглядит следующим образом.

Христиане, 400 миллионов.	{ католиков	200	миллионов.
	{ протестантов	110	"
	{ Греки	80	"
	{ Различные секты	10	"
Нехристиане, 992½ млн.	{ Буддисты	500	"
	{ браминисты	150	"
	{ Магометане	80	"
	{ израильтяне	6½	"
	{ Известные разные религии	240	"
	{ Неизвестные религии	16	"

Всего		1392½	"

Тот же автор называет около тысячи религий или сект, на которые делится человечество. Большинство, несомненно, находится на стороне малых религий, которые представляют, по крайней мере в некоторых отношениях, разнообразие концепций, равное, если не превосходящее, все то, что наблюдается в больших. М. Бурнуф поступает, таким образом, как натуралист, который формирует свое суждение о животном царстве на основе одних

только позвоночных и пренебрегает всем остальным, то есть тремя четвертями основных и очень значительным числом вторичных типов.

Даже не упоминая о христианстве, великие религии М. Бурнуфа, несомненно, представляют для нас интерес во многих отношениях, из-за отношений, которые многие из них представляют с верованиями почти всех европейцев, а также из-за исторического, социального и политического значения народов, которые их исповедуют. Но соображения такого рода - далеко не все в науке. Млекопитающие гораздо полезнее для нас, чем черви или зоофиты: однако зоолог проявляет к последним не меньший интерес, чем к первым; и с каждым днем становится все очевиднее, насколько полезно, а зачастую и необходимо изучение этих упрощенных организмов для лучшего понимания более сложных организмов высших животных.

Изучение *малых религий* окажет аналогичную услугу науке о *великих* религиях. Возможно, именно среди первых мы будем вынуждены искать происхождение тех верований, которые сегодня охватывают столько миллионов людей; в той или иной форме или другой, мы, несомненно, часто будем встречать их следы рядом или даже посреди наиболее развитых религий и тех, которые, очевидно, наиболее широко от них отделены. По этим двум пунктам наши мнения, я думаю, не будут расходиться с мнением М. Бурнуфа и сэра Джона Лаббока.

VI. Последний в своей книге "Истоки цивилизации", по сути, попытался проследить постепенное развитие религии в низших человеческих расах. К сожалению, мне кажется, что он, как правило, недооценивает большее количество этих концепций и игнорирует удивительно возвышенный характер, который демонстрируют многие из них. Только это, возможно, заставило его считать религию пропорциональной цивилизации и развивающейся только вместе с последней. Я не могу разделить эту точку зрения; и разногласия между мной и Лаббоком в значительной степени объясняются тем значением, которое я придаю некоторым свидетельствам, которые, по-видимому, ускользнули от внимания английского ученого. Несколько примеров подтвердят эти наблюдения.

Из всех народов, о верованиях которых мы располагаем почти достаточным количеством информации, австралийцы, безусловно, занимают первое место. В этом вопросе я полностью согласен с сэром Джоном Лаббоком. Но я не могу согласиться с ним в том, что эти народы не верят ни в какого бога, что они никогда не возносят молитв, что у них вообще нет никакой формы поклонения.

В поддержку своего мнения мой выдающийся коллега цитирует Эйра, Коллинза и Макгилливрея; но он забывает о Каннингеме, Доусоне, Уилксе, Сальвадо и Стэнбридже. Сравнивая информацию, полученную этими путешественниками в разных частях Новой Голландии, мы везде наблюдаем схожие основы верований, которые вполне заслуживают того, чтобы называться *религиозными*.

Австралийцы признают существование доброго начала, называемого в зависимости от местности *Койаном*, *Мотогоном*, *Пупперимбулом*, о котором они иногда говорят как о некоем великане, а иногда как о некоем духе. Койан благосклонен и считает возвращение потерянных детей чуть ли не своей особой обязанностью. Чтобы добиться его благосклонности, ему подносят дротики. Если ребенок не найден, считается, что он разгневан. В Нью-Нурси Мотогон является создателем. Ему стоило только крикнуть: Земля, появись! Вода, появись!" и дышать, чтобы родить все сущее. Не будучи столь точными, аборигены озера Тиррил приписывают создание солнца Пупперимбулу, который принадлежал к классу существ, похожих на людей, но был перенесен на небо до появления нынешней расы. На юго-востоке Австралии Койан следит за *злым принципом*, называемым

Потоян, Вандонг, Чиенга, который бродит по ночам и пожирает людей и детей, и от которого они защищаются огнем. Луна, по мнению австралийцев, также является злобным существом, чьему дурному влиянию противостоит солнце. Несколько добрых и злых джинов, *балумбалов* и *вангулов*, дополняют эту рудиментарную мифологию, в которой также есть свои сказочные чудовища, огромные змеи, спрятанные в глубоких реках, и т.д. Австралийцы верят, кроме того, в некое бессмертие души, которая последовательно переходит из одного тела в другое. Но прежде чем обрести новую обитель, духи умерших некоторое время бродят по лесам, и туземцы очень часто утверждают, что видели или слышали их.

Правда, это не очень благородные верования. Однако здесь есть нечто совершенно иное, чем можно было бы ожидать от взглядов сэра Джона Лаббока. Идея сотворения мира словом и дыханием могущественного существа - благородная концепция, и она отчетливо проявляется в нескольких племенах: в других доказаны жертвоприношения и молитвы. Во всех мы наблюдаем зародыш той веры в *дуализм*, того антагонизма благосклонных и злонамеренных сверхчеловеческих сил, который присутствует в *величайших религиях* и является основой даже христианства. Что касается веры в другую жизнь, то никто в последнее время, как мне кажется, не отрицает ее наличия у австралийцев.

Рассматривая религию полинезийцев, Лаббок цитирует главным образом Маринера, Уильямса и сэра Джорджа Грея. Эти авторитеты не являются выдающимися в том, что касается их изложения того, что они обнаружили. Но их молчание по некоторым вопросам не дает нам оснований заключить, что в этих случаях имеются реальные пробелы. Другие путешественники прошли гораздо дальше, чем они, узнали то, что им было неизвестно, и передали эти знания нам. Моеренхаут был первым, я полагаю, кто опубликовал оригинальные документы о древнейших таитянских традициях. За ним последовали другие, и, благодаря благоприятным обстоятельствам, я смог воспользоваться результатами этих исследований. В работе, которую я опубликовал за восемь лет до работы Лаббока, я рассмотрел и обсудил основные документы, за которые мы обязаны капитану Лаво, генералу Рибур, миссионеру Ормонду, М. Госсену и другим. Все эти документы, полученные от вождей, принадлежащих к древнейшим родам и хорошо знающих традиции своих предков, имеют вид неоспоримой подлинности и бросают совершенно новый свет на раннюю историю религии, по крайней мере на Таити. Мне кажется, я достаточно четко определил, какими были эти религиозные верования, и неопровержимо доказал, что наряду с представлениями, проистекающими исключительно из суеверий, таитяне достигли представлений, поразительных по своей чистоте и возвышенности.

Прежде всего докажем, что на острове, где, по словам Уоллиса, ему не удалось обнаружить ни малейших следов религиозного культа, этот культ, напротив, был смешан с самыми тривиальными жизненными действиями. Оно даже приводило к меланхоличным последствиям. *Формализм* царил повсюду: доверяя своим религиозным обрядам, молитвам своих священников и снисхождению своих богов, таитянин считал себя вправе делать практически все. Он совмещал самую сильную и простую веру с нравами, отличающимися жестокостью и разнузданностью. Но разве не во всей Европе Средних веков, да и в настоящее время во многих провинциях, которые в других отношениях ничуть не отстают от эпохи, не наблюдаются явления подобного рода.

И все же таитяне верили в другую жизнь, в награды и наказания после смерти. Их рай, который они заманчиво описывали, был предназначен для вождей и тех, кто сделал достаточные подношения богам, то есть жрецам. Не это ли было и остается целью благочестивых пожертвований?

Души остальных, чья жизнь была регулярной, сразу же отправлялись в По, в неизвестность, своего рода *лимб*, где, похоже, не было ни боли, ни удовольствия вполне определенного характера. Но виновные души были приговорены к тому, чтобы определенное количество раз пройти через *скрежет плоти по каждой кости*. Искупив свои грехи, они тоже попадали в По. Таким образом, таитяне признают своего рода чистилище, но не ад. Следует также отметить, что наказание, которому подвергаются виновные, предполагает некую материальность души. Но разве не так же обстоит дело с теми муками, которые, по мнению почти всего христианского населения, уготованы грешнику, брошенному *в адское пламя*.

В пантеоне таитян мы находим иерархию, равную, но значительно превосходящую по численности иерархию греков и римлян. На самом нижнем пределе шкалы мы находим бесчисленных *Тии*, чьей обязанностью было наблюдать в каждом месте за мельчайшими действиями, малейшими движениями души, вплоть до *желаний дня и ночи*. Над последними возвышаются *Оромутуа*, которые представляли домашних богов, Ларесов и Манесов древних. *Низшие атуа*, обитающие на земле, населяющие реки, леса, долины и горы, вполне соответствуют фавнам, силванам, дриадам, ореадам и т. д. Более того, именно из числа божеств этого класса выбирают своих покровителей представители различных профессий. У *певцов, хореографов* и врачей было четыре, у моряков - двенадцать, у земледельцев - тринадцать. Богами первого ранга были *Атуа, как их правильно называть*. Их также было одинаково много. Но девять из них, созданные (*oriori*) непосредственно Таароа, еще до появления человека, составляли, правильно говоря, *божественную семью*.

И наконец, над всеми этими божествами возвышался Верховный Бог. Не может быть никаких сомнений в том, какое представление сложилось у таитян о нем. Предания, собранные в разное время разными людьми и из столь же разных источников, прекрасно согласуются в этом вопросе. Песня, полученная Моэрэнхаутом из уст одного из *гарепо*, начиналась так: "Он был; Таароа - его имя; он существовал в космосе; ни земли, ни неба, ни людей". В рукописи генерала Рибура он описывается как *тоиви*, не имевший родителей и существовавший с незапамятных времен. Священная песня, переведенная М. Гуссенем, начинается со следующей декларации: "Таароа, великий распорядитель, есть начало земли. Таароа - тоиви; у него нет ни отца, ни потомства".

Таитяне считали этого несотворенного бога почти чистым духом, и он, несомненно, был таковым в представлении более просвещенных островитян. Некоторые традиции представляют его с *телом*; но, как говорится в рукописи генерала Рибура, это тело *невидимо*, и, более того, это всего лишь "оболочка, которая часто обновляется, и которую Бог теряет, как птица свои перья". В песне Моренхаута он сам превращается во вселенную, но "великая и священная вселенная - лишь оболочка Таароа". В песне М. Госсена Таароа поднимает голову из своего покрова, который исчезает и становится землей. В великолепном диалоге, также переведенном М. Гуссенем, в котором Таароа взывает, так сказать, ко всем различным частям вселенной, которые, в свою очередь, отвечают ему, говорится следующее: "Душа Таароа осталась Богом". К сожалению, после завершения творения этот бог, похоже, вновь обрел состояние покоя и оставил управление этим миром низшим божествам.

Здесь мы снова видим, что в том, что касается первого зачатия, мы намного выше Зевса греков или Юпитера римлян. И все же кому придет в голову сравнивать таитянскую цивилизацию с цивилизацией или интеллектуальной продукцией греков? Это один из многих фактов, свидетельствующих о независимости явлений интеллекта и религиозного чувства.

Не только на Таити наблюдался этот возвышенный спиритуализм, хотя и скрытый под совершенно разными обличьями. Грубые изображения, *тоо*, установленные в *мораи*, почти все путешественники считали статуями атуа. На самом же деле это не более чем полые внутри *скинии*, предназначенные для приема различных предметов, пожертвований и т. д. Один священник Сандвичевых островов рассказывал Байрону, что в детстве ему случилось съесть что-то, что было положено в священные изображения. Удивленный и отчитанный своим отцом, он оправдывался, говоря, что путем различных экспериментов выяснил, что эти боги из дерева не видят и не слышат. Тогда старый жрец суровым тоном сказал ему: "Сын мой, дерево, правда, не видит и не слышит, но дух, который находится выше, видит и слышит все, и наказывает злые поступки".

Многие ли среди нас проводят такое четкое различие между *духом* и *деревом*?

Примечательной особенностью таитянской религии является то, что мы не находим в ней никаких следов манихейства. По сути, у них есть только *боги* и нет *дьяволов*. Правда, жрецы говорили от имени Атуа, а *колдуны*, которых на Таити, как и в других местах, ненавидели и боялись, обращались исключительно к Ти. Но последние ни в коем случае не считались враждебными атуа. Моеренхаут говорит нам, что их изображения можно было видеть в качестве стражей у входа в *мораи* и священные загоны.

Религиозные верования алгонкинов и краснокожих мингве хотя и не столь четко определены, как у таитян, но в некоторых аспектах весьма превосходны. Их *Великий Дух*, *Михабу* у алгонкинов и *Агрескоу* у ирокезов, является Отцом всех существующих вещей. Только ему воздается истинное поклонение при курении священного калюмета в направлении четырех точек горизонта и зенита. Создатель всего сущего, он не так бескорыстен в своей работе, как Таароа. Он сам или его посланники следят за детьми и направляют события в мире. Опять же, именно к нему, прежде всех остальных, краснокожий обращался со своими молитвами, когда просил, и благодарностями, когда добивался своего. Я мог бы привести множество примеров и цитат. Я ограничусь тем, что частично воспроизведу песню ленапов накануне их ухода на войну, как ее сохранил для нас Хеккевельдер. Это национальная песня, которая сама по себе опровергает многие странные утверждения, часто высказываемые в отношении населения, некогда занимавшего территорию Соединенных Штатов.

"О, бедный я, который вот-вот уйдет сражаться с врагом и не знает, вернусь ли я, чтобы насладиться объятиями моих детей и жены".

"О, бедное создание, которое не может распоряжаться своей жизнью, не имеет власти над собственным телом, но пытается выполнить свой долг ради счастья своей нации".

"О, ты, Великий Дух, сжался над моими детьми и женой, не дай им горевать из-за меня, даруй мне успех в моем предприятии, чтобы я мог убить врага и вернуть военные трофеи".

"Дай мне силы и мужества, чтобы сразиться с моим врагом, дай мне возможность вернуться и снова увидеть моих детей, увидеть мою жену и моих родственников, сжался надо мной и сохрани мне жизнь, и я принесу тебе жертву".

Правда, после Великого Духа краснокожие верят в огромное количество *Маниту*, один из которых, обитающий в центре земли, является своего рода демоном. Но эти существа, добрые или злые, хотя и оказывают влияние на судьбу человека, не имеют ничего божественного. Это не более чем разновидность джиннов, фей, людоедов и т. д., более или менее похожих на тех, кто упоминается в восточных сказках, и все они абсолютно зависимы

от Великого Духа. Только последний всемогущ, в то время как злой дух слаб и его власть ограничена.

Более того, вера в другую жизнь была универсальной среди этого населения. Их представления о потустороннем мире, переселении душ, множественности существований были достаточно туманны; но в нескольких легендах, собранных либо первыми путешественниками, либо в нынешнем веке Школкрафтом, мы находим, изложенные самым явным образом, доктрину воздаяния, обещанного добрым, и мучений, которые ожидают злых.

Алгонкины и мингвы заслуживают того, чтобы считаться монотеистами, как и любой другой народ, который мы можем упомянуть, гораздо больше, чем арабы до Магомета. Кроме того, нет причин думать, что эти духовные верования были обусловлены исключительным интеллектом отдельного человека, который играл роль пророка по примеру Магомета. Они имеют все признаки спонтанного проявления инстинктов самой расы. Этот факт тем более примечателен, что эти краснокожие, почти исключительно охотники, едва ли продвинулись дальше низших ступеней социальной шкалы.

Гвинейские негры, значительно превосходящие алгонкинов и мингвов с цивилизованной точки зрения, значительно уступают им в религии. Тем не менее, говорить только об их *фетишизме* было бы большой несправедливостью. На самом деле это всего лишь форма суеверия, более или менее тесно связанная с основой гораздо более благородных верований. Здесь, опять же, большее число наблюдателей остановилось на том, что сразу предстало перед глазами; однако, к счастью, нашлись и те, кто заглянул под эти первые проявления.

Многочисленные свидетельства, слишком единодушные, чтобы допускать сомнения, доказывают, что от мыса Верд до мыса Лопес жители верят в Верховного Бога, который создал все существующие вещи. Уроженцы Дагомеи считают, что этот Бог подчиняется более высокому существу, которое, как говорят эти негры, возможно, является Богом белых. В большинстве случаев, правда, считается, что это верховное божество управляет вселенной через своих служителей; но часто ему приписывается и прямое вмешательство. К нему обращаются с прошениями, благодарностями и молитвами, с формулами некоторых из которых мы уже знакомы. В той, которую д'Авезак получил из уст Оче Фекуэ, йебу просят Обба-эль-Орума (*Царя Небесного*) уберечь их от болезней и смерти. Они добавляют: "Орисса (*Бог*) дарует мне процветание и мудрость".

Мы видим, что почти у всех туземцев Гвинеи, помимо *доброго бога*, есть свой *злой дух*, тоже очень могущественный. Чтобы умиротворить его, приносятся жертвы. Негры часто думают, что видят или слышат его по ночам. Однако мы слишком хорошо знаем, что берега Гвинеи - не единственное место, где в воображении возникают подобные видения.

Далее следуют низшие боги, очень многочисленные и иногда выстроенные в иерархию. Именно их посылают в *фетиши*, чтобы они следили за человеком и защищали его. Фетиш, по свидетельству благочестивых жрецов и негров, - это не *сам бог*, а лишь *его обитель*.

Все коренные жители Гвинеи верят в другую жизнь, но имеют очень разные представления на этот счет. В целом они считают ее почти такой же, как нынешняя. Некоторые имеют путаное представление о метемпсихозе или считают, что они рождаются заново в детстве. Иссиноиды верят в бессмертие души, которая, покидая эту землю, рождается вновь в другом мире, расположенном в центре земного шара, и *наоборот*. Это почти *чередование жизни*,

как его представлял Ипполит Рено, выдающийся артиллерийский офицер и один из тех мыслителей, которые ощущали потребность в объяснении судьбы человека.

Идея возмездия четко выражена у многих гвинейских племен. По мнению многих, мудрые и умные становятся посланниками богов; нечестивые тонут, проходя через определенный поток, и умирают навсегда или становятся демонами. Другие считают, что души тех, кто вел дурную жизнь, попадают к злему духу, но могут быть выкуплены с помощью жертвоприношений, принесенных богам. Таким образом, мы видим, что негр имеет представление о *чистилище* и *искуплении*, а также об *аде*.

VII. Я думаю, что сказал достаточно, чтобы установить факт, не зависящий от всех гипотез и представляющийся мне очень важным. Это то, что мы часто находим идеи чрезвычайно возвышенной природы, и напоминающие необычным образом те, которые отличают *великие религии*, существующие в *малых*, хотя и затуманенные другими понятиями низшей природы. Опять же, мы должны почти везде, вероятно, везде, отличать *религию* от *суеверия*. Но прежде чем мы сможем в этом случае распознать золото среди окружающего мусора, необходимо время, серьезное изучение и ум, полностью свободный от предрассудков.

Я допускаю, что религия и суеверие часто как бы сливаются в вероучении некоторых рас, так что священник и колдун смешиваются в одном лице. Но так бывает не всегда; и даже в тех случаях, когда связь образует кажущуюся путаницу, мы, несомненно, должны стараться различать эти два элемента. Этой задачей слишком часто пренебрегают при работе с низшими расами. И здесь снова.

На каждом шагу я отмечаю пагубное влияние европейской гордыни. Самый неосторожный писатель, конечно, не стал бы связывать с христианством, как оно понимается в настоящее время во Франции, мрачные или смехотворные истории, собранные в сельских районах Виллемарке, Сувестром и другими. Он поместил бы их, со всеми сопутствующими практиками, в то, что можно назвать *народной мифологией*. Не должен ли и ученый человек проводить подобное различие, пытаясь составить верную оценку религии, как ее правильно называть, варварских или диких народов?

Тем, кто спрашивает, как фетишизм прижился в Гвинее бок о бок с концепцией Верховного Существа, создателя и правителя всего сущего, как северные народы смогли примирить шаманизм с верой в того Бога, о котором Чингисхан составил столь великое и возвышенное представление? Я снова спрашиваю, как самые странные суеверия стали приниматься в прежние времена всеми христианскими сектами? как случилось, что они до сих пор существуют среди нас? Правда, в наших просвещенных классах ни протестанты, ни католики не стали бы заниматься колдовством, примеров которого было так много всего два-три века назад и за которым так часто следовало осуждение и смертная казнь. Однако в наших отдаленных провинциальных районах вера в колдовство так же сильна, как и в Средние века. Газеты время от времени сообщают нам о действиях, доказывающих, что, будь они предоставлены сами себе, эти жители охотно сжигали бы несчастных жертв, подозреваемых в *предсказании судьбы*; чтобы защититься от *колдовства*, *сглаза* и т. д., эти же жители часто прибегали к практикам, сильно напоминающим те, которые были отмечены путешественниками как доказательство неполноценности некоторых рас. В действительности амулеты наших крестьян идентичны *григри* негров.

Во всех этих и многих других отношениях все арийские христиане верили в то, в чем мы с гордостью упрекаем негров и монголов. Все христианские общины санкционировали, а иногда и *освящали* эти абсурдные суеверия.

Антрополог, имеющий дело с наукой, а не с теологией, который должен искать чистый элемент в низших религиях, не должен, с другой стороны, колебаться, указывая на ту необычную примесь сплава в высших религиях, о которой я только что привел знакомый пример.

Из этой двойной формы исследования в сознании всех, я думаю, утвердился общий факт, на который я часто обращал внимание, факт, который можно сформулировать следующим образом: великие или малые религии в основном связаны между собой самым возвышенным и самым низким элементом, которым обладает каждая из них; они в основном разделены промежуточными формами и концепциями.

VIII. В ряде случаев был отмечен следующий факт: одна религия, сменяясь другой, оставляет на последней более или менее явные следы. Часто также божества первой, не исчезая полностью, подвергаются необычному процессу деградации и находят место только в области народных суеверий. Кому из наших читателей не придут на ум статьи М. Гейне, одновременно столь очаровательные и впечатляющие, о бедных богах греческого и римского Олимпа, превратившихся в легендарных персонажей? Эти представители классической мифологии в сердце народных верований ассоциируются с германскими и скандинавскими божествами, но разве у тех и других не было предшественников?

С четвертичного периода и до наших дней Европу населяли многие расы. Ни одна из них, несомненно, не исчезла полностью. Они были последовательно покорены и в большей или меньшей степени поглощены. Могут ли верования даже наших самых отдаленных предков быть полностью утрачены? Я думаю, что нет. Несомненно, какая-то часть была забыта, но очень вероятно, что и большая часть сохранилась, более или менее измененная в результате каждой новой иммиграции. Таким образом, мало-помалу формировалась та народная мифология, которая противостояла всем официальным доктринам и даже нашла себе место рядом с ними.

То, что произошло в нашем случае, не могло не произойти и в других местах. Будущие исследования, возможно, покажут, что именно это является причиной общего элемента религиозных верований народов, разделенных различными степенями цивилизации, а также географическим положением.

IX. М. Бурнуф заметил, что *науки о религии* пока не существует. Это правда, особенно с той точки зрения, на которую я только что обратил внимание. Поэтому любая общая классификация преждевременна. Прежде чем приступить к ней, давайте подождем, пока мы хотя бы в общих чертах не познакомимся не только с огромной массой доктрин, подкрепленных глубокой метафизикой, которые были приняты цивилизованными народами, но и с более простыми, бесхитростными верованиями, которые им предшествовали и некоторые из которых все еще существуют. Только тогда мы сможем проследить общую форму и подразделения нескольких проявлений религиозной способности, общей для всех человеческих существ. Тогда мы также сможем проследить развитие этой способности и отметить ее стадии, подобно эмбрионисту, который изучает различные фазы, пройденные одним и тем же существом, прежде чем оно достигнет своего состояния совершенства.

Как бы то ни было, состоящая в настоящее время только из отдельных фактов или из фактов, просто собранных в группы, наука о религиях уже приобрела заметное значение в антропологии. Она не оставляет сомнений в том, что является одним из основополагающих признаков человеческого рода; она предоставляет факты настолько независимого характера, что может служить для характеристики рас; она выявляет отношения; она дополняет свидетельства филологии, проливая свет на родство некоторых рас, подтверждая

существование древних связей между народами, которые долгое время считались совершенно отдельными. В этих различных аспектах она не должна игнорироваться теми, кто хочет рассматривать естественную историю человека в целом.

КОНЕЦ.

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА

Очевидные опечатки и пунктуационные ошибки были исправлены после тщательного сравнения с другими встречающимися в тексте и изучения внешних источников.

Некоторые дефисы в словах были беззвучно удалены, некоторые добавлены, когда в оригинале книги преобладало то или иное предпочтение.

За исключением изменений, отмеченных ниже, все опечатки в тексте, а также несоответствующие или архаичные употребления были сохранены.

Pg 16: 'Although the preceding' заменено на 'Although the preceding'.

Pg 57: 'protruberance of the' заменено на 'protuberance of the'.

Pg 67: 'Koebreuter showed' заменено на 'Koelreuter showed'.

Pg 85: 'Colombus commenced' заменено на 'Columbus commenced'.

Pg 111: 'recal the normal' заменено на 'recall the normal'.

Pg 121: 'Claperède has only' заменено на 'Claparède has only'.

Pg 133: 'in the skormoses' заменено на 'in the skovmoses'.

Pg 138: "эскимасы" заменено на "эскимосы".

Стр. 161: 'Frabricius' заменено на 'Fabricius'.

Pg 185: "Соломоновы острова" заменено на "Соломоновы острова".

Pg 194: "таитян" заменено на "таитян".

Pg 207: "что алгонкины" заменено на "что алгонкины".

Стр. 231: "карибской расы" заменено на "карибской расы".

Стр. 234: "семитской" заменено на "семитской".

Pg 268: "Giron de Buzareingue" заменено на "Girou de Buzareingue".

Стр. 291: "открытые Уитни" заменено на "открытые Уитни".

Pg 292: "sanatarium" заменено на "sanitarium".

Pg 297: 'S. Nilson, Retzius' заменено на "S. Nilsson, Retzius".

Pg 300: 'have, moreover, only' заменено на 'have, moreover, only'.

Стр. 325: 'The fosail shells' заменено на 'The fossil shells'.

Pg 364: 'the Kiavas, etc.' заменено на 'the Kiawas, etc.'.

Стр. 412: "маленький мозг, Хауссман" заменено на "маленький мозг, Хауссман".

Стр. 442: "и ⁽⁶⁾/₃₀₀" заменено на "и ⁽⁶⁾/₍₁₀₀₎".

Стр. 464: "Соломоновы острова" заменено на "Соломоновы острова".

Стр. 489: "певцы, хореографы" заменено на "певцы, хореографы".